

ФИЛОЛОГИЯ

И. В. Бутко

Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск

**Теоретические основания междисциплинарного взаимодействия
библиотековедения и библиографоведения как двух научных дисциплин**

**Theoretical basic of interdisciplinary interaction between librarianship
and bibliography**

УДК 02

Аннотация: В статье рассматривается проблема междисциплинарного взаимодействия библиотековедения и библиографоведения как двух научных дисциплин. Наличие единого объекта является теоретическим основанием для методологической коммуникации, как одной из его форм.

Summary: The article is about the possibility of interdisciplinary interaction between librarianship and bibliography. Having a common subject will be the theoretical basic of such interaction.

Ключевые слова: библиотековедение, библиографоведение, объект библиотековедения, объект библиографоведения, единый объект библиотековедения и библиографоведения, методологическая коммуникация библиотековедения и библиографоведения.

Key words: library science, librarianship, theory of bibliography, subject of librarianship, subject of bibliography, subject of library science.

Усиление взаимосвязи и взаимодействия наук является одной из главных тенденций развития современной науки. Наряду с дисциплинарными исследованиями на передний план все более выдвигаются междисциплинарные и проблемно-ориентированные формы исследовательской деятельности. Появляются комплексные исследовательские программы, в реализации которых принимают участие специалисты различных областей знания. Проведение подобного научного исследования требует компетентности в таких областях, которые не укладываются в рамки установленных специализацией границ. Длительный период узкой специализации привел к тому, что стало невозможным войти в исследовательское пространство другой дисциплины. Между тем, на определенном этапе зрелости научного знания становится все труднее делать новые открытия и прорывы в рамках монодисциплинарного подхода.

Рассматривая проблему междисциплинарного взаимодействия библиотековедения и библиографоведения, а именно одну из его форм – взаимообмен методами исследования, мы пришли к выводу, что для осуществления процесса методологической коммуникации библиографоведению и библиотековедению как смежным научным дисциплинам необходимо иметь общий объект исследования и аналогичные по структуре и составу методологии, что будет являться, соответственно теоретическим и методологическим основаниями их взаимодействия на методологическом уровне.

Объединение рассматриваемых научных дисциплин номенклатурой научных специальностей ВАК в единую научную специальность 05.25.03 «Библиотековедение, библиографоведение и книговедение» уже говорит о том, что эти науки развиваются на общих теоретических основаниях. То же отмечают М. Г. Вохрышева [1, 66] и О. П. Коршунов [2, 20]: объединение научных дисциплин в единую специальность, по их мнению, как раз и обусловлено наличием единого объекта исследования.

Известны немногочисленные точки зрения библиографоведов на то, что выступает в качестве общего объекта библиотековедения и библиографоведения. М. Г. Вохрышева такovým называет «источники информации во взаимодействии с использующим их человеком» [1, 66-67], О. П. Коршунов [2, 20] и А. В. Соколов [3, 4] – систему документальных коммуникаций. Но для построения полной картины приведенных определений не достаточно, кро-

ме того важным является и мнение библиотекведов. Поэтому для решения поставленной перед нами задачи потребовалось рассмотреть существующие определения объектов и предметов обеих научных дисциплин.

Поскольку нас интересует современное состояние вопроса, глубокий исторический анализ развития представлений на объекты и предметы библиографоведения и библиотековедения не проводился. Для изучения был взят период с середины XX века. В это время постепенно заканчивается преимущественно эмпирический этап развития для обеих наук, и обстановка для теоретических работ перестает быть «неблагоприятной» [5, 217] и для библиографической науки, и для библиотековедения [6]. Проводя исследование, мы также помнили о том, что если две и более наук могут иметь один объект, то предмет изучения каждая из них формирует самостоятельно [2, 20; 7, 228; 8; 3; 4, 330; 9, 489], то есть специфика науки определяется её предметом, поэтому не может быть двух и более наук, имеющих один и тот же предмет. В соответствии с этим, если формулировки объектов библиографоведения и библиотековедения могут быть сходными (при условии, что объект един для обеих наук), то предметы будут отличаться.

Библиографоведение как самостоятельная научная дисциплина сформировалась в основном во второй половине XX века [10; 2, 16; 1]. По словам А. И. Барсука и О. П. Коршунова, «разграничение библиографии и библиографоведения, осознание и утверждение библиографоведения в качестве научной дисциплины, имеющей своим объектом библиографическую общественную практику» [12, 5] явилось важнейшим итогом развития библиографии в 1960-х начале 1970-х гг. Библиографоведение «наряду с библиотековедением заняла соответствующее ей место в комплексе научных дисциплин информационно-книговедческого цикла» [12, 5].

Получив признание в 1970-е годы и, будучи отраженным в первом государственном терминологическом стандарте «Библиография. Термины и определения» [13], термин «библиографоведение» появился на несколько десятилетий ранее.

Предложен он был И. Г. Марковым для обозначения теории библиографии ещё в 1948 г. [14]. Заслугой И. Г. Маркова является не только предложение нового термина, но и попытка определения первого по хронологии объекта библиографоведения. Определяя теорию библиографии как «область знания о происхождении и развитии, о методах составления и способах использования указателей печатных произведений, целью которых является оказание содействия читателям путем информации, раскрытие содержания и оценки книги» [14, 112], объектом её он называл «библиографический указатель, формы и методы составления которых, она должна изучать» [14, 113]. Уже в его работе появляется мысль об опосредованном объекте библиографоведения, развитая далее у О. П. Коршунова, – системе «документ – потребитель». И. М. Марков писал о том, что «библиография имеет своим объектом книгу (но не книгу как таковую, а книгу для читателя)» [14, 113].

До признания термина «библиографоведение» и самого библиографоведения как самостоятельной научной дисциплины в специальной литературе говорили об объекте (предмете) библиографии: им признавались на разных этапах «книга», «библиографическое пособие», «печатные произведения».

Итак, объект (предмет) библиографоведения как самостоятельной научной дисциплины начинает определяться с середины 1970-х годов. Заслуга введения термина «библиографоведение» в научный оборот принадлежит О. П. Коршунову. В качестве объекта библиографоведения как научной дисциплины в монографии «Проблемы общей теории библиографии» (1975 г.) [15] О. П. Коршунов называет «общественную библиографическую практику, взятую в целом ... через непосредственный объект (библиографию). Библиографоведение опосредовано включает в круг своих интересов (в свой объект) систему «документ-потребитель» и все влияющие на нее... факторы общественного бытия» [15, 32]. В те годы, по словам самого ученого [2, 21], он еще не проводил существенных различий между понятиями «объект» и «предмет».

В эти же годы А. И. Барсуком предлагается определение объекта библиографоведения в аспекте книговедческой концепции: «библиографоведение – научная книговедческая дис-

циплина, изучающая историю, теорию, методику и проблемы организации библиографического дела, закономерности, структуру, свойства и качества библиографической информации. ...Библиографоведение изучает также первичный поток печатной продукции под углом зрения потребностей различных групп читателей в информации о ней» [16, 14]. Таким образом, в качестве объекта (предмета) называются одновременно библиографическое дело, библиографическая информация и поток печатной продукции во взаимосвязи с читателем. А. И. Барсук, также как и О. П. Коршунов, не выделяет отдельно предмета библиографоведения, но, по сути, перечисляя различные аспекты изучения объекта, он называет и возможное «предметное пространство» [10, 139] библиографии, которое может быть не ограничено определенными рамками.

Анализируя попытки определять предмет библиографоведения путем перечисления возможных аспектов его изучения, М. Г. Вохрышева предостерегает, что существует «опасность что-либо упустить существующее или не предвидеть тенденции будущего развития» [10, 139]. Трудновыполнимой может оказаться задача передать полное содержание предмета библиографоведения, поскольку «предмет исследования – категория историческая» [17, 74]. Во-первых, предмет исследования представляет собой особую познавательную конструкцию, которую образуют «объект изучения, исследовательская задача, система методологических средств и последовательность их применения» [17, 74]. При решении одной исследовательской задачи, выдвигается новая и, соответственно, новый предмет. Во-вторых, ученый смотрит на объект через призму существующего в настоящий момент знания – общенаучной картины мира. Понятие предмета выражает зависимость акта познания от существующей в данное время системы знания. Вследствие того, что «...эволюция любой научной дисциплины представляет собой процесс постепенного изменения всех компонентов ее предмета исследования, каждая наука, взятая в своем развитии, выступает как многопредметная, т. е. как непрестанно меняющая свой предмет, хотя ее самая общая задача может оставаться неизменной...» [17, 433].

Синкретизм в определении объекта и предмета в этот период наблюдается и в библиотековедении. В трудах библиотековедов до середины 1970-х годов встречаются определения либо объекта, либо предмета науки. Примерно до середины XX века доминировало представление о библиотеке, «её функционировании и устройстве» как объекте (или предмете) библиотековедения [18, 147; 19, 12], которое начало формироваться ещё в дореволюционный период развития науки. Уже в начале XX в. появился «прообраз» современного системного объекта библиотековедения: системы «книга, библиотекарь, читатель» Л. Б. Хавкиной [20, 26]. Приблизился к установлению основных элементов объекта библиотековедения и А. В. Кленов, который представлял его в виде «треугольника» с вершинами: книга, читатель и библиотека [6, 50]. В тот период при определении объекта во главу угла ставилась организационная составляющая: «вопросы, связанные с жизнью и деятельностью библиотек (как организации коллективного чтения)» (А. В. Кленов); «принципы построения работы советских библиотек и библиотечного дела в СССР, организацию их и метод работы» (Н. Я. Фридьева); «организацию и содержание работы библиотек» [Цит. по: 6, 49].

1960-1970-е годы отмечаются бытованием уже двух точек зрения. Согласно одной (О. С. Чубарьян, Л. М. Инькова, Н. И. Тюлина), предметом библиотечной науки являлось изучение общественного пользования книгами, его цели, принципы, содержание, организации формы; «закономерности библиотечного процесса» (О. С. Чубарьян) [21, 73]. В то же время сохранили свою позицию Ю. В. Григорьев и Н. Л. Фридьева, считающие предметом библиотековедения библиотеку. Вопрос о соотношении понятий «объект» и «предмет» пока оставался вне поля зрения ученых-библиотековедов.

В целом, по утверждению Э. Г. Юдина [17, 432], отсутствие различия между объектом и предметом на определенном этапе развития науки не создает серьезных препятствий на пути к достижению успеха исследования. Лишь на определенном уровне развития науки становится необходимым её методологический анализ, в частности различение объекта и предмета исследования.

В 1970-е годы библиотековеды приходят к осознанию необходимости разграничения понятий «объект» и «предмет». Происходит это в рамках дискуссии 1976-1979-х годов, инициированной статьей А. Я. Черняка [22]. Дискуссия об объекте библиотековедения через некоторое время вышла на постановку вопроса о соотношении объекта и предмета. Но отсутствие единства мнений по этому вопросу в общей методологии науки не позволило дать однозначные ответы на поставленные вопросы на конкретно-научном уровне.

Несмотря на то, что проблема осталась открытой, дискуссия имела большое значение для дальнейшего развития библиотековедения. В результате обсуждения, широкое распространение получила точка зрения на предмет как «часть (аспект) объекта» [23, 90], которая имеет распространение и в настоящее время.

Иное понимание вопроса о соотношении этих понятий было представлено в работах Ю. Н. Столярова. Он предлагал употреблять слово «объект» в смысле «объект действительности», а слово «предмет» – в значении «предмет науки» [24, 55-56]. Объект при этом не тождествен действительности, а выступает в качестве её части, находящейся во взаимодействии с ученым. Он выделяется при помощи исследовательских средств (фундаментальных понятий, при помощи которых он анализируется и методов изучения), и фиксируется в знаковой форме знания. Пройдя эту процедуру, объект становится предметом исследования. Поэтому в состав предмета науки как гносеологической конструкции включаются объект изучения, описанный в терминах исследовательской задачи (проблема), система методологических средств и последовательность их применения.

Как следствие дискуссии, в трудах ученых-библиотековедов появляется разграничение понятий «объект» и «предмет». Делаются первые попытки одновременного описания объекта и предмета библиотековедения. При этом предмет библиотековедения в большинстве случаев выделяется через понятие «закономерность»: закономерности библиотечного дела (Г. К. Кузьмин); закономерности, принципы формирования, развития, функционирования библиотечной системы (А. Н. Ванеев); законы, закономерности, функции, структура, методика и динамика библиотечной деятельности (К. И. Абрамов); закономерности развития библиотеками процессов общественного пользования книгами (Т. Ф. Каратыгина); закономерности процесса общественного пользования книгами (Д. Е. Шехурин); закономерности, принципы формирования, развития, функционирования библиотек (Н. С. Карташов).

Методологическую неточность такого рода попыток определения предмета отметила М. Г. Вохрышева, говоря о том, что при выделении в качестве предмета «изучение закономерностей...» происходит подмена предмета целью, т. к. предмет – это «нечто, что изучается с целью выявления закономерностей, и последние выступают уже в качестве результата исследовательского процесса» [10, 138].

1970-е – 1980-е годы в библиотековедении характеризуются не только попытками разграничения понятий «объект» и «предмет» науки. Освоение библиотековедами системного метода привело к появлению системных объектов. По словам А.Н. Ванеева, «если вначале дискуссии речь шла о множественном объекте библиотечной науки, то в её конце авторы говорили уже о системном объекте» [25, 33]. Понятие «системный объект» прочно утвердилось в библиотековедческой литературе и стало общепризнанным, хотя единства мнений о структуре системного объекта пока не было. В качестве вариантов предлагались либо различные «триады»: «книга – библиотека – читатель» (А. Н. Ванеев, А. Л. Гольдберг), «библиотека – читатель – документ» (Ю. А. Гриханов), «книга – библиотека – общество» (А. Н. Хропач) [23, 94]; либо «библиотека со всеми её элементами, связями и опосредованиями» [26]. К её сторонникам относят также Т. Ф. Каратыгину, Е. И. Ратникову, В. И. Терешина, В. Р. Фирсова и И. М. Фрумина [23, 93].

Для обозначения объекта библиотековедения в эти годы предлагались также «библиотечное дело» (К. И. Абрамов, Н. С. Карташов, Г. К. Кузьмин) и «библиотечная система» (Г. А. Жидков). По мнению И. В. Лукашова, эти понятия являются «частными» по отношению к термину «библиотека» и не противоречат более общему системному объекту – библиотеке [23].

Появление системного метода ощутило на себе и библиографоведение. Относительно библиографии его первым применил Ю. М. Тугов [10, 218], но многосторонне использовал и раскрыл его возможности О. П. Коршунов в монографии «Проблемы общей теории библиографии» (1975 г.), который в системном виде проанализировал формы существования и функционирования библиографической информации, а представление о системе «документ – потребитель» является ключевым для его концепции.

Общий фон развития науки, активное освоение и использование достижений философии и методологии науки, появление информатики, сыгравшей роль своего рода «катализатора», приводит к осознанию необходимости методологического анализа теоретических оснований каждой из наук. В результате появляются первые попытки разграничения понятий «объект» и «предмет» науки. Привлечение системного метода в арсенал методологических средств библиотековедения и библиографоведения приводит к появлению системных объектов. Таким образом, мы наблюдаем общие тенденции в развитии представлений на теоретические основания обеих наук, что еще раз доказывает то, что между ними происходит обмен фактологической, концептуальной и методологической информацией.

Некоторое отставание библиографоведения (не по времени, а по количеству точек зрения) можно объяснить молодостью библиографоведения как научной дисциплины, и её «камерностью», т.е. небольшим кругом ученых по сравнению с библиотековедением [10], занимающихся научным исследованием в области библиографии вообще и теорией библиографии в частности.

Но это будет компенсировано в последующий, так называемый «золотой период» [2, 18] отечественного теоретического библиографоведения. «Расцвет» [10, 184] теории библиографии приходится на 1970-е – сер. 1990-х годов. Создание системы высших учебных заведений, включающих библиотечные факультеты привело к росту числа ученых в области и библиотековедения, и библиографоведения.

С конца 1980-х гг. в библиографоведении и в библиотековедении одна за другой появляются концепции, каждая из которых рассматривала объект и предмет своей науки с разных точек зрения.

В этот период происходит активное освоение библиографоведением и библиотековедением идеалов и норм неклассической науки, которые допускают истинность нескольких отличающихся друг от друга конкретных теоретических описаний одной и той же реальности, так как в каждом из них может содержаться момент объективно-истинного знания [27, 318]. У исследователей возникает понимание того обстоятельства, что ответы на вопросы определяются не только устройством объекта, но и способом постановки вопросов, который во многом зависит от средств и методов познавательной деятельности. Каждая из вновь появляющихся концепций рассматривала один и тот же объект с разных методологических оснований.

Особенно ярко концептуальное разнообразие проявляется в библиографоведении, начиная с документографической концепции библиографии О. П. Коршунова и неокниговедческой концепции А. И. Барсука. После некоторого перерыва появились системно-деятельностная и культурологическая концепции М. Г. Вохрышевой, информографическая Н. А. Слядневой, когнитографическая (ноосферно-культурологическая) В. А. Фокеева, науковедческая Л. В. Астаховой, синергетическая Т. А. Новоженовой, семиотическая Г. Я. Узи-левского.

Оставим за рамками статьи вопрос о взаимодействии существующих концептуальных представлений. К тому же, большинство ученых признают, что нелинейность, как одна из черт развития современной науки, допускает наличие множества вариантов теории, единственным критерием при этом должна быть логическая обоснованность их выводов и аргументов [1, 56, 65; 2, 47-48].

Для нашей работы важным является то, что на современном этапе развития библиографоведения и библиотековедения характерным становится определение объектов и предметов науки в рамках определенной концепции. При этом в библиографоведении речь идет, прежде всего, об объекте (предмете) библиографии, т.е. «опосредованном» объекте библиографоведения, так называемом, объекте объекта. Что касается объекта именно библиографоведения,

то анализ существующих на современном этапе точек зрения на объект (предмет) науки, проведенный О. П. Коршуновым [2] позволяет сделать вывод о том, что большинство ученых склонны в качестве объекта (предмета) библиографоведения считать библиографию: «библиографоведение – научная дисциплина, изучающая теорию, историю, методологию, методику, организацию библиографии» [28, 3]; «библиографоведение – научная/учебная дисциплина, изучающая библиографию и обучающая ей» [29, 6]; «библиографоведение – наука, которая изучает библиографию» [6, 3]; «библиографоведение – наука о библиографии» [2, 24].

Появление различных концепций наблюдается и в библиотековедении: документоведческая (Ю. Н. Столяров), процессная (В. П. Леонов), информационная (В. В. Скворцов), «понимающая» (Л. Н. Гусева, Е. В. Смолина).

Вышесказанное позволяет нам сделать вывод о том, что, несмотря на общие черты, наблюдающиеся в развитии представлений о теоретических основаниях библиотековедения и библиографоведения, единообразия точек зрения на объект и предмет собственной науки нет ни в одной из рассматриваемых научных дисциплин, а попытки назвать общий объект единичны. Причиной этого, с одной стороны, может служить отсутствие единой методологической базы, то есть единых взглядов на проблему объекта и предмета в методологии науки.

В качестве иллюстрации приведем несколько примеров. В «Новой философской энциклопедии» дано определение В. А. Лекторского, согласно которому объект – это «то, на что направлена реальная или познавательная активность субъекта» [30, 136]. Объект при этом не является тождественным объективной реальности и всегда внеположен субъекту, т.е. определение объекта дается в противопоставлении его субъекту. В этом же источнике мы находим и определение «предмета», автором которого является Б. А. Старостин: «предмет – это категория, обозначающая некоторую целостность, выделенную из мира объектов в процессе человеческой деятельности и познания» [4, 329-330]. Говоря о проблеме соотношения этих двух категорий, Б. А. Старостин отмечает, что их противопоставление в общегносеологическом плане является относительным. Основным отличием предмета от объекта является то, что в предмет входят лишь главные и наиболее существенные с точки зрения данного исследования свойства и признаки. Это определение поддерживает самую распространенную в библиотековедении и библиографоведении точку зрения о том, что предмет – часть (аспект) объекта.

Источник «Современные философские проблемы естественных, технических и гуманитарных наук» приводит следующее определение: «под объектом понимается тот фрагмент реальности, объективной или мысленной, на изучение которой направлено научное познание» [9, 489]. Предметом же может стать только очень ограниченный в своих пределах объект. Поэтому, первой научной процедурой является трансформация объекта в предмет науки. Если в соответствии с этой точкой зрения объект существует независимо от теории как часть объективной реальности, то после его преобразования наличными теоретическими средствами соответствующей науки он превращается в её предмет. Таким образом, одной из целей научного познания является получение предмета познания из его объекта посредством адекватных научных идеализаций.

Л. А. Микешина говорит о том, что фрагмент реальности может стать объектом теоретического мышления только после того, как будет подвергнут предметно-орудийному воздействию. Это происходит путем накладывания на него сети научных понятий и специально созданной системы научных абстракций. В связи с этим, «возникает необходимость введения понятия «предмет науки», которое фиксирует главные, сущностные признаки объекта познания, выявленные в связи с условиями познания в ходе активной познавательной деятельности» [7, 43, 227].

Более подробное описание механизма превращения реальности или её фрагмента в объект научного исследования можно найти у Э. Г. Юдина [17]. Этот процесс тесно связан с выдвижением исследовательской задачи и научной проблемы. Совокупность объекта изучения, исследовательской задачи, системы методологических средств и последовательности их применения образуют «предмет» исследования. Исходя из этого, можно заключить, что предмет – это теоретическое воспроизведение объекта реальности.

Другой причиной отсутствия единства мнений может являться то, что большинство ученых определяют теоретические основания науки «изнутри», с позиций конкретной науки. По мнению А. В. Соколова [8, 3], для того, чтобы определить исходные понятия науки, необходимо выйти за её пределы и рассмотреть с метатеоретических позиций.

Метатеоретический анализ общетеоретических оснований библиотековедения и библиографоведения был проведен А. В. Соколовым в работе «Объекты и предметы библиотековедения, библиографоведения и информатики (метатеоретический анализ)». Под «основаниями науки» А. В. Соколов понимает «формулировки её объекта и предмета, принципы отграничения от других наук, исходные фундаментальные понятия, раскрывающие сущность данной науки и её специфические особенности» [3, 11]. Задачей метатеоретического анализа было определить, насколько подобны объекты, предметы и принципы отграничения библиотековедения, библиографоведения и информатики. Для оценки сходства содержательных структур был применен критерий изоморфизма.

Изоморфизм – это понятие, выражающее одинаковость строения структуры систем. Две системы могут называться изоморфными или находящимися в состоянии изоморфизма, если между их элементами, свойствами и отношениями существует или может быть установлено взаимоднозначное соответствие. Тогда каждая из систем называется изоморфным образом другой. Под понятие изоморфизма могут быть подведены широкие классы отношений: отношения между фотографией и оригиналом, переводом языкового текста на другой язык и подлинником, географической картой и соответствующей местностью и т. д. [31, 91].

Методологическое значение изоморфизма состоит в том, что, представляя собой отношения типа равенства, он может выступать средством обоснования правомерности переноса знаний, полученных при изучении одной изоморфной системы, на другую.

На основе системного подхода А. В. Соколовым был предложен вариант единого объекта рассматриваемых наук, в качестве которого выступила система социальных коммуникаций, состоящая из семи элементов. Уточнение объектов анализируемых наук позволило представить их в виде, удовлетворяющем требованию изоморфизма. Для определения предметов потребовалось выявить вначале принцип отграничения каждой из наук, т.е. «характерное явление, отличительную особенность, присущую объекту» [3, 26]. Для библиотековедения он представляет собой «общественное пользование произведениями печати», для библиографоведения – «наличие (отсутствие) библиографической информации». Таким образом, учитывая то, что «предмет теории заключается в выявлении закона изменения объекта в зависимости от движения принципа отграничения», предметом библиотековедения будет считаться только библиотечный аспект системы документальных коммуникаций, а библиографоведения – библиографический. В результате, на основе математического моделирования, А. В. Соколовым были определены объекты и предметы библиотековедения, библиографоведения и информатики.

Подводя итог, следует признать, что вопрос о едином объекте библиотековедения и библиографоведения в специальной литературе остается не до конца раскрытым. Мы же далее будем придерживаться точки зрения О. П. Коршунова и А. В. Соколова, приняв за данность то, что общим объектом рассматриваемых наук является система документальных коммуникаций. Основным посылом для последующего исследования методологических оснований междисциплинарного взаимодействия библиотековедения и библиографоведения будет известное в методологии науки утверждение о том, что метод исследования определяется объектом. Следуя ему, можно предположить, что имея изоморфный объект исследования, научные дисциплины будут иметь изоморфные методологии, то есть аналогичные структуры и состав, что подтвердит возможность методологической коммуникации. Верификация данного предположения является задачей последующего практического исследования.

Литература

1. Вохрышева М. Г. Методологические проблемы библиографии // Российское библиографоведение : итоги и перспективы : сб. науч. ст. / сост. и предисл. Т. Ф. Лиховид ; науч. ред. Т. Ф. Лиховид. М. : ФАИР-ПРЕСС, 2006. С. 52-79.

2. Коршунов О. П. Современное библиографоведение. Что это такое? // Российское библиографоведение : итоги и перспективы : сб. науч. ст. / сост. и предисл. Т. Ф. Лиховид ; науч. ред. Т. Ф. Лиховид. М. : ФАИР-ПРЕСС, 2006. С. 15-51.
3. Соколов А. В. Объекты и предметы библиотековедения, библиографоведения и информатики (метатеоретический анализ) // Связь библиотечно-библиографических дисциплин с информатикой : сб. науч. тр. / Ленингр. гос. ин-т культуры им. Н. К. Крупской. Л., 1982. С. 10-46.
4. Старостин Б. А. Предмет // Новая философская энциклопедия. М. : Мысль, 2001. Т.3. С. 329-330.
5. Теплов Д. Ю. Развитие взглядов на предмет библиографии в работах отечественных библиографов // Труды ЛГИК. Т. XIX. Л., 1968. С. 205-234.
6. Лукашов И. В. Эволюция статуса библиотековедения (30 – 50-е годы) // Там же. С. 46-71.
7. Микешина Л. А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования. М. : Прогресс-Традиция : МПСИ : Флинта, 2005. 464 с.
8. Соколов А. В. Объект и предмет библиотековедения: что, как? // Библиотековедение. 2005. №2. С.19-23.
9. Современные философские проблемы естественных, технических и социально-гуманитарных наук / под ред. В. В. Миронова. М. : Гардарики, 2006. 639 с.
10. Вохрышева М. Г. Теория библиографии : учеб. пособие. Самара : Изд-во СГАКИ, 2004. 388 с.
11. Соколов А. В. Вехи и альтернативы русской библиографии // Библиография. 2001. №6. С. 3-23.
12. Барсук А. И., Коршунов О. П. Советское библиографоведение: состояние, проблемы, перспективы. М. : Книга, 1977. 107 с.
13. ГОСТ 16448–70. Библиография. Термины и определения. М., 1971. 12 с.
14. Марков И. Г. О предмете и методе библиографии (опыт постановки вопроса) // Труды МГБИ. Вып. IV. М., 1948. С. 101-134.
15. Коршунов О. П. Проблемы общей теории библиографии : монография. М. : Книга, 1975. 191 с.
16. Барсук А. И. Библиографоведение в системе книговедческих дисциплин : методол. очерк. М. : Книга, 1975. 206 с.
17. Юдин Э. Г. Методология науки. Системность. Деятельность. М. : Эдиториал УРСС, 1997. 444 с.
18. Ванеев А. Н. Взгляды российских (советских) ученых на библиотековедение как науку // Российское библиотековедение: XXI век: опыт моногр. исследования / сост. Ю. П. Мелентьева. М. : ФАИР-ПРЕСС, ПАШКОВ ДОМ, 2003. С. 143-158.
19. Лукашов И. В. Российское библиотековедение на рубеже XIX – XX веков: становление взглядов на его структуру // Там же. С. 9-25.
20. Лукашов И. В. Советский этап развития библиотечной науки (20 – 30-е годы): формирование статуса библиотековедения // Там же. С. 25-45.
21. Лукашов И. В. Изучение статуса библиотековедения (60-е – первая половина 70-х годов) // Российское библиотековедение: XX век. Направления развития, проблемы и итоги. Опыт монографического исследования / Рос. гос. б-ка; сост. Ю. П. Мелентьева; науч. ред. Л. М. Инькова. М. : ФАИР-ПРЕСС, Пашков дом, 2003. С. 72-87.
22. Черняк А. Я. Об объекте библиотековедения // Библиотекарь. 1976. №1. С. 63-66.
23. Лукашов И. В. Развитие взглядов на статус библиотековедения (середина 70-х – начало 90-х годов) // Там же. С. 88-128.
24. Узловые проблемы библиотечной науки // Совет. библиотековедение. 1983. №3. С. 51-64.
25. Ванеев А. Н. Об объекте библиотековедения и методической работе // Библиотечное дело. Теория. Методика. Практика. / СПбГУКИ. СПб. : Профессия, 2004. С. 51-53.
26. Столяров Ю. Н. Библиотека : структурно-функциональный подход. М. : Книга, 1981. 255 с.
27. Степин В. С. Философия науки. Общие проблемы. М. : Гардарики, 2006. 384 с.
28. ГОСТ 7.0-99 (ИСО 5127-1-83) Информационно-библиотечная деятельность, библиография. Термины и определения. Взамен ГОСТ 7.0-84, ГОСТ 7.26-80; Введ. 01.07.2000. Минск: Изд-во стандартов, 1999. 23 с.
29. Моргенштерн И. Г. Библиография : терминолог. словарь. Челябинск, 2002. 27 с.
30. Лекторский В. А. Объект // Новая философская энциклопедия. М. : Мысль, 2001. Т.3. С. 136.
31. Гастев Ю. А. Изоморфизм и гомоморфизм // Новая философская энциклопедия / науч. ред. В. С. Степин, А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин, А. П. Огурцов. М. : Мысль, 2001. Т.2. С. 91.

Л. П. Водясова

ГОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт
имени М. Е. Евсевьева», г. Саранск

**Перифрастическая лексика как средство создания связности текста
в мордовских языках¹**

**Circumlocution as a means of creating a cohesive text
in mordovian languages**

УДК 811.511.152

Аннотация. Перифраз (перифраза) относится к имплицитному типу смыслового повторения элементов текста. Это один дублирующих повторов, соотносящийся с конкретной единицей текста как определяющее с определением. Лексическая близость определенных членов смежных предложений служит показателем их структурной соотнесенности и заменяется перифразами. Структурные отношения в предложениях такие же, как и в предложениях с лексическим повтором: «подлежащее – подлежащее», «подлежащее – дополнение», «дополнение – подлежащее» и т. д.

Summary. Circumlocution refers to the implicit type semantic repetition of text elements. This is a duplicate retries, which are associated with a specific unit of text as that of definition. Lexical proximity of certain members of the related proposals is an indication of their structural relevance and is replaced by circumlocution. Structural relations in a sentence are the same as in the proposals with lexical repetition: «subject – subject to», «subject – addition», «addition – subject» and so on.

Ключевые слова: связность текста, повторение элементов текста, перифраза, имплицитный тип смыслового повторения.

Keywords: text cohesion, repeating text element, circumlocution, implicit type semantic repetition.

В лингвистике текста до настоящего времени не теряет своей актуальности проблема изучения языковых единиц с точки зрения их грамматической организованности. Практически весь текст, его параметры и элементы упорядочиваются таким образом, чтобы создать максимально гибкую и информационно богатую структуру, последовательно реализующуюся в акте коммуникации в соответствии с установкой автора. Смысловая и формальная стороны организации текста по этой причине не хаотичны, не случайны. Они созданы в соответствии с определенными закономерностями.

В создании связности текста большую роль играют разнообразные скрепы – средства межфразовой связи (МФС). «Межфразовая связь, – указывает Л. М. Лосева, – это связь между предложениями, ССЦ, абзацами, главами и другими частями текста, организующая его смысловое и структурное единство» [1, 9]. Ее наличие приводит к смысловой зависимости предложения от предшествующего или последующего контекста.

Средства МФС по своему составу не однородны. Они подразделяются на лексические и грамматические. Связь компонентов текста с их помощью происходит эксплицитно или имплицитно.

Большую роль в создании связности текста, в его завершенности и монотемности играют лексические скрепы, т.е. разнообразные самостоятельные лексические единицы. С их помощью достигается идентичность сообщаемого, движение события, сосредоточение внимания на определённом моменте, информация о некоторых новых элементах в акте рече-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ и Правительства Республики Мордовия («Лексические и грамматические средства создания связности текста в мордовских языках»), проект № 11-14-13006а/В

творчества. К числу таких функциональных средств МФС относят лексический повтор, синонимическую замену, перифрастические выражения, употребление слов одной тематической группы, использование слов с временным, пространственным, оценочным и т. д. значением. Иными словами, существуют разнообразные способы соединения самостоятельных предложений. Но структурная сущность этой связи остается неизменной: элементы текста объединяются в одно целое посредством структурной соотнесенности членов смежных предложений.

Цель нашего исследования: проанализировать текстосвязующую роль перифрастической лексики в мордовских (мокшанском, эрзянском) языках.

Как известно, перифраза (или перифраз, парафраза / парафраз) (от греч. *periphrasis* «окольная речь») представляет собой описательный оборот для замены какого-либо общепринятого наименования. В словаре литературоведческих терминов квалифицируется как «один из тропов, в котором название предмета, человека, явления заменяется указанием на его признаки, как правило, наиболее характерные, усиливающие изобразительность речи» [2, 267].

Прежде всего, отметим, что перифрастическая лексика отличается полифункциональностью, в связи с чем неоднократно привлекала внимание отечественных и зарубежных лингвистов (с сожалением, правда, приходится констатировать, что не российских финно-угроведов). В последние годы она анализировалась с различных точек зрения: а) в аспекте интерпретации семантических характеристик (Л. К. Жулинская, В. И. Заботкина, А. М. Кацев, Н. Г. Комлев, Л. П. Крысин, В. П. Москвин, А. Б. Новиков, Ю. С. Степанов, Е. И. Шейгал и др.); б) с позиции стилистического средства языка (Л. В. Грехнева, В. П. Григорьев, А. С. Елизаров, А. Н. Кожин, Е. П. Сеничкина, Л. Н. Синельникова, М. Р. Цараева и др.); в) в прагматическом аспекте (Т. С. Бушуева, Т. И. Бытева, Н. А. Есменская, В. С. Соловьёва и др.) и т. д. Абсолютно права Л. В. Грехнева, когда утверждает, что перифраза, переживая «взлеты и падения», «существует как неотъемлемый элемент художественной, разговорной, публицистической речи. При этом она всегда остается современной, чутко откликаясь на речевые потребности и вкусы общества» [3]. По отношению к слову перифраза вторична, так как всегда именуется объектами, уже поименованными; по отношению к объекту и к субъекту номинации она описательна; по характеру номинации может быть образной и логической.

Как было уже указано выше, перифрастические выражения играют большую роль в создании связности текста и относятся к имплицитному типу смыслового повторения.

В тексте одно и то же явление, лицо, признак и целая мысль в процессе развития сюжета, образа могут быть названы несколько раз по-разному, с помощью дублирующих повторов, которые, как отмечает В. С. Соловьёва, «соотносятся с конкретной единицей текста как определяющее с определением» [4, 63]. Как известно, это явление носит название кореференции. Лексическая близость определенных членов смежных предложений и служит показателем их структурной соотнесенности. В отличие от лексического повтора в этом случае часть структуры, предназначенная для повторения в последующем компоненте текста, заменяется или синонимами, или перифразами. Структурные же отношения в предложениях такие же, как и в предложениях с лексическим повтором. Мы встречаемся с теми же соотношениями, которые являются общими для всех разновидностей цепной (последовательной) связи: «подлежащее – подлежащее», «подлежащее – дополнение», «дополнение – подлежащее», «дополнение – дополнение» и т. п.

Перифрастические выражения, указывает В. С. Соловьёва, выполняют «роль усиления экспрессии», являются «средством конденсирования модальности (подчёркивают, актуализируют точку зрения говорящего), активизируют внимание читателя, конкретизируют художественный образ и выражают позицию автора по отношению к этому образу, т. е. усиленная и эмоционально-экспрессивная роль» таких рядов «сочетается с оценочно-характеризующей и прагматической» [4, 67].

По своим значениям группы перифраз близки со многими синонимическими рядами. Некоторые ученые полагают, что это чуть ли не тождественные явления. Подобной точки зрения придерживается, например, Ю. С. Степанов. Он, в частности, подчёркивает: «По-

сколькx наиболее обычный тип синонимии – синонимия по смыслу, <...> то в широком смысле любая группа синонимов – это одновременно и группа перифраз <...>» [5, 201].

Мы же считаем, что не все перифразы могут быть синонимичными, хотя в контексте они достаточно близки друг другу. Следует помнить, что эти слова расходятся в своих значениях, сохраняя лишь общность определяемого имени и способность выражать оценочное значение или позицию пишущего, его точку зрения. Ю. С. Степанов указывает: «Под перифразой понимаются такие отношения между двумя единицами, когда сохраняется тождество денотата – обозначаемого предмета или ситуации, но меняется смысл, или сигнификат» [5, 201]. Синонимы же сохраняют признаки перифраз, но в отличие от них всегда объединены общим значением.

Перифразы так же, как и синонимы, не только дают своеобразную характеристику лица или предмета, но одновременно с этим выполняют синтаксическую функцию: они объединяют смежные предложения в смысловое целое. При этом в языковом сознании автора в процессе создания перифразы происходит перекодирование смысла с прямого способа его выражения на иносказательный, соответственно в языковом сознании читателя при восприятии перифразы происходит перекодирование этого же смысла с иносказательного способа его выражения на прямой.

Перифразы могут быть как контактными, так и дистантными. В их качестве используются как отдельные слова, так и целые словосочетания. В функции распространителей в последних обычно выступают качественные или относительные имена прилагательные, причастия, местоимения (чаще всего, указательные и притяжательные) и т. д. Распространители, кроме обособленных приложений, всегда располагаются в препозиции, что объясняется порядком слов в мордовских языках, где определение традиционно предшествует определяемому слову.

В мордовских (мокшанском, эрзянском) языках при перефразировании в большинстве случаев в роли одного из соотносящихся членов (чаще всего, первого) выступает собственное имя существительное. Эти модели образуются на основе прономинализации (от лат. *pro-nominatio* «переименование») – стилистического приема, состоящего в замене собственного имени нарицательным или нарицательного – собственным.

Рассмотрим наиболее характерные структурные виды цепной (последовательной) связи посредством перифрастической лексики в мордовских (мокшанском, эрзянском) языках. Ведущее место среди них занимают те, которые связаны с повторением подлежащего или дополнения, что объясняется, по всей видимости, большой ролью в мордовском синтаксисе субъектно-объектных отношений:

1) «подлежащее – подлежащее»: мокш. Валентина Степановна сьака шиня сась урок котоце классу, коса тонафнесь Анна Васильевнаны стирец. Шабась щаф ёфси стама шамса <... > [6, 130] «Валентина Степановна в этот же день пошла на урок в шестой класс, где училась дочь Анны Васильевны. Ребенок был одет точно в такую же одежду <... >»; эрз. Каладо ридвансо озадо кунсолось эйсэнзэ [Сашань] Трофимгак. Атясь мельспаросоль [7, 23] «Сидя на сломанном тарантасе, слушал ее [Сашу] и Трофим. Старик радовался».

В первом примере (на мокшанском языке) подлежащему, выраженному нарицательным именем существительным в форме номинатива притяжательного склонения, соответствует подлежащее второго предложения, выраженное нарицательным именем существительным в форме номинатива указательного склонения. Во втором примере (на эрзянском языке) подлежащему первого предложения, выраженному именем собственным, соответствует подлежащее второго предложения, выраженное нарицательным именем существительным в форме номинатива указательного склонения.

Важной особенностью рассматриваемого структурного типа является положение подлежащих на стыке компонентов – в конце предшествующего и в начале последующего. Именно при таком порядке слов подлежащее первого компонента выступает в качестве предиката («нового»), который в следующем предложении играет роль субъекта («нового»). При

другом порядке слов (подлежащее в начале компонентов текста) связь становится параллельной;

2) «подлежащее – дополнение»: мокш. А вов и сонцьке азоровась Рая <...> Авать эрххтезе паралич <...> [8, 14] «А вот и сама хозяйка Рая <...> Женщину разбил паралич <...>»; эрз. Фёдор Андреевич пильге сур лангсо ютась икельць кудонтень, косо чувтонь келей таркасо удось покшкезэ, Мишутка. Цёрконтень мольсь кавксоце ие <...> [9, 21] «Фёдор Андреевич на носочках прошёл в переднюю избу, где на широкой деревянной кровати спал его старшенький, Мишутка. Мальчику шёл восьмой год <...>».

В первом примере выраженному собственным именем подлежащему, завершающему первый компонент единства, соответствует дополнение второго предложения, выраженное нарицательным именем существительным в форме генитива указательного склонения, во втором – подлежащему, распространенному обособленным приложением, соответствует дополнение второго предложения, выраженное нарицательным существительным в форме датива указательного склонения;

3) «дополнение – подлежащее»: мокш. Омбокса ни Краюхин максозень вожиятнень Васянянди, сонць тусь ялга. Шабась сяшкава кенярдсь <...> [8, 11] «Во второй раз Краюхин отдал вожжи Васе, сам пошел пешком. Ребенок так обрадовался <...>»; эрз. Сон [Гарузов] панжинзе сельмензэ ды неIZE велькссэнзэ комазь Татьяна Михайловнень. Авась ульнесь исень жо ашо платиясонть, ды Гарузовнень васень шкастонть марявсь: сон таго ашти госпитальсэ <...> [10, 395] «Он [Гарузов] открыл глаза и увидел склонившуюся над ним Татьяну Михайловну. Женщина была во вчерашнем же белом платье, и Гарузову в первое время показалось: он снова лежит в госпитале <...>».

В обоих случаях дополнению первого предложения, выраженному собственным именем, соответствует подлежащее второго предложения, выраженное нарицательным существительным в форме номинатива указательного склонения;

4) «дополнение – дополнение»: мокш. <...> тевоньконь вятемс сави примамс устав. Тя кагодса эряви сембе ширде няфтемс, кода кармайтхь пялькстома тячиень шить ушедомста фкя-фкянь мархта заводса руководителхне и производстваса покости работникне [11, 27] <...> для ведения дел придется принять устав. В этой бумаге надо со всех сторон показать, как будут соревноваться с сегодняшнего дня между собой руководители завода и занятые на производстве работники»; эрз. Мейле мольсь [Таня] кроватень ваксс, кепедизе празь вельтявксонть, копачизе удыця церынензэ, чевтестэ палызе. Лешаненьгак эзь учово тетязо <...> [7, 28] «Потом подошла [Таня] к кровати, подняла упавшее одеяло, укрыла спящего сына, мягко поцеловала. Леше тоже не удалось дожидаться отца <...>».

В первом примере заимствованное имя существительное в форме номинатива основного склонения заменяется именем существительным в форме инессива указательного склонения, который распространен указательным местоимением, во втором – нарицательное имя существительное в форме генитива указательного склонения заменяется собственным именем в форме датива основного склонения.

Как известно, при оформлении цепной (последовательной) связи посредством лексического повтора связь «дополнение – дополнение» является самой распространенной. При перифразировании она малоупотребительна. Здесь самым используемым видом становится связь «подлежащее – дополнение».

Очень часто перифрастическая связь, помимо своей основной функции соединения предложений, служит и целям создания образной речи. Образные перифразы основаны на метафоре или метонимии. По степени номинативной адекватности они относятся к числу так называемых «неточных» перифраз, фиксирующих несущественные признаки объектов. Автором в этом случае не только описывается объект номинации, но и выражается его эмоционально-оценочное отношение к нему, при этом оценочным становится уже само обращение к перифрастическому выражению. Используя перифразу, говорящий (пишущий) особым образом выделяет номинируемый объект и, соответственно, оценивает его: Зярдс соборонь баягатне чатьмоньгадсть, моразевсь монастырень хорось. Раужосо оршазь сядо атят ды атинеть

<...> сьрѣгдѣсть «Верую» [9, 13] «Когда замолчали колокола собора, запел монастырский хор. Одетые в черное сто стариков и старичков <...> крикнули "Верую"». Связь между компонентами «подлежащее – подлежащее»; Эрзятнень ютксо <...> седе пек бажить билиронь сиянь дирьгемтненень. Сиянь ярмаконтень покш питере а эряви, сон кекшеви зепскак [12, 150] «Среди эрзян <...> большинство стремится к болгарским серебряным дирхемам. Серебряной монете большого короба не надо, ее и в карман спрячешь». Объединение этих компонентов осуществляется соотношением «дополнение – дополнение». Стилистическое назначение перифрастической связи в этом примере – разнообразие речи. Это одна из важнейших функций подобного вида связи.

Перифразы, являясь вторым, образным наименованием того, что уже имеет номинацию, служат сигналами синсемантии предложений, правда, сигналами особого рода. Они сами требуют опоры на предшествующий контекст для раскрытия своего прямого значения. Предложение с перифразой синсемантично, но несколько с ослабленной синсемантичностью, так как оно, если изолировано из контекста, характеризуется некоторой неопределённостью смысла. Признак же неопределённости следует считать одним из признаков синсемантии.

Как показали наблюдения над произведениями мордовских (мокшанских / эрзянских) авторов, перифрастическая лексика достаточно часто используется для объединения компонентов текста. Это очень удобный вид связи, так как каждый последующий член соотносительного ряда выполняет двойную функцию: он не только соединяет отдельные предложения в целое, но и дает возможность избежать тавтологии, служит опорой для введения новой информации. В каждом таком повторе единица текста получает новые оттенки денотативного или коннотативного значений.

Литература

1. Лосева Л. М. Как строится текст. М.: Просвещение, 1980. 98 с.
2. Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Тимофеев Л. И., Тураев С. В. М.: Просвещение, 1974. 509 с.
3. Грехнева Л. В. Функции перифрастической номинации // Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртене и современная лингвистика : межд. науч. конф. (Казань, 11–13 дек. 2001 г.): труды и материалы: в 2 т. / под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Г.А. Николаева. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. Т. 1. С.160-162.
4. Соловьёва В. С. Синонимический повтор и его функции в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин» // Русский язык в школе. 1991. № 1. С. 63-68.
5. Степанов Ю. С. Имена, предикаты, предложения (семасиологическая грамматика). Изд. 3, стереот. М.: Изд-во Едиториал URSS, 2004. 360 с.
6. Мокша: литературно-художественный и общественно-политический журнал. 2007. № 4. 144 с. Мордов.-мокша яз.
7. Разгуляева Т. Певердезь човалят: евтнемат, новеллат, миниатюрат, ледстнемат, прозасо баснят. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2008. 80 с. Мордов.-эрзя яз.
8. Мокша: литературно-художественный и общественно-политический журнал. 1995. № 10–11. 144 с. Мордов.-мокша яз.
9. Доронин А. М. Баягань сулейть: роман. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1996. 480 с. Мордов.-эрзя яз.
10. Абрамов К. Г. Качамонь пачк: роман. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1964. 556 с. Мордов.-эрзя яз.
11. Мокша: литературно-художественный и общественно-политический журнал. 2010. № 9. 144 с. Мордов.-мокша яз.
12. Абрамов К. Г. Пургаз: роман-эвтамо. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1988. 480 с. Мордов.-эрзя яз.

И. В. Круц

Сургутский государственный педагогический университет, г. Сургут

Набоков как исследователь и следователь

Nabokov as the researcher and the inspector

УДК 82.09

Аннотация: Данная статья представляет собой часть исследования, целью которого является определение истоков творчества выдающегося русско-американского прозаика XX века В. В. Набокова. Так как вопрос определения места творчества Набокова в истории русской литературы XX века является одним из самых актуальных в набоковедении, необходимо уделить особое внимание взаимодействию творчества В. В. с творчеством писателей-классиков XIX–XX вв. В связи с тем, что для писателей-эмигрантов имя А. П. Чехова имело особое значение, нам представляется важным выяснить, чем обусловлена личная и творческая привязанность Набокова именно к этому классику.

Summary: This article represents the research part which purpose is definition of sources of creativity of the outstanding Russian-American prose writer of 20 centuries of V.V. Nabokov. As the question of definition of a place of creativity of Nabokov in the history of the Russian literature of the XX-th century is one of the most actual in Nabokov studies, it is necessary to give particular attention to interaction of creativity of Century B with creativity of writers-classics XIX–XX century of century Because for writers-emigrants A. P. Chekhov's name had special value, it is obviously important to us to find out than Nabokov's personal and creative attachment to this classic is caused.

Ключевые слова: русское зарубежье, литературная критика, индивидуальный поиск, художественное творчество анализ, традиция, пошлость.

Keywords: Russian abroad, the literary criticism, individual search, art creativity the analysis, tradition, platitude.

Критика русского зарубежья

Без литературно-критического наследия эмиграции невозможно составить полную картину литературного процесса XX века. Ведь именно литературная критика и журналистика создавали определенную среду для существования русской культуры за рубежом, так как критика всегда была неотделима от философии, истории, религии и всех форм искусства.

Критика русского зарубежья обладала своими, довольно специфическими особенностями, которые отличали ее от литературно-критического процесса в советской России. Ограниченность читательского контингента и средств для публикаций, редкая возможность издания критических работ или даже больших журнальных статей повлекли за собой жанровые изменения: в критике «первой волны» эмиграции преобладают малые формы – проблемные и полемические статьи, литературные портреты, юбилейные заметки, эссе, обзоры. В силу особенности социокультурной ситуации, в которой развивалась эмигрантская критика, она носила синтетический характер, то есть критика и литературоведение были менее разграничены, чем в дореволюционной России и СССР. По определению, критика – это актуальная реакция на текст. Но в эмиграции было написано огромное количество работ, посвященных творчеству Пушкина, Толстого, Достоевского, Чехова, их влиянию на развитие русской культуры, в целом, и русской литературы, в частности. Это было связано с тем, что заповедью для литературной и общественной деятельности литераторов «первой волны» эмиграции стали слова З. Гиппиус: «Мы не в изгнании, мы – в послании». Целью «послания» стало сохранение русской культуры, продолжение и развитие традиций классической русской литературы и литературы Серебряного века.

Синтезировались профессиональная, философская (религиозно-философская) и художественная (писательская) критика, публицистика и мемуаристика, следовательно, во многих статьях, личностно-автобиографическое начало выражено довольно ярко.

Набоков как исследователь

*«Вслед за правом создавать,
право критиковать – самый ценный из тех даров,
которые могут предложить нам свобода мысли и речи».*

В. В. Набоков

Современному читателю В. В. Набоков известен как крупнейший русско-американский писатель XX в., блистательный романист, виртуозный художник слова.

Но кроме множества стихов, романов и циклов рассказов на русском и английском языках, В. Набоков писал и статьи, эссе, заметки, отзывы, лекции по истории литературы для своих студентов, давал интервью для известных журналов и участвовал в телешоу.

Писательская критика интересна тем, что она представляет собой взгляд на чужое творчество, сквозь призму собственного литературно-художественного опыта, эстетических исканий и аксиологических установок. Таким образом, анализ эссе, заметок, эпистолярных признаний, разного рода суждений о литературном процессе, отраженных в лекциях и выступлениях, дает четкое представление о литературно-критической позиции автора.

И если «литературная критика – пристрастное, интуитивно-интеллектуальное просвещение словесно-художественных текстов, выявление их наследственного историко-культурного кода, зримых и невидимых невооруженным глазом тончайших нитей, которыми данный текст прочно привязан к давнему эстетическому и этическому опыту» [1, 9], то любому читателю будет интересна интерпретация того или иного художественного произведения человеком, который сам является писателем, а значит и создателем неповторимого мира и характеров.

И прежде, чем ответить на вопрос, каким был В. Набоков как исследователь (критик), необходимо разобраться в том, с какой позиции он подходил к разбору «чужого слова» и что являлось исходными критериями для такого разбора.

Взгляд В. Набокова на процесс создания художественного произведения и его восприятие читателем изложен в статье «Искусство литературы и здравый смысл» [2, 465]. Автор противопоставляет иррациональность и здравый смысл. Ключевая идея в том, что «здравый смысл в принципе аморален» [2, 466], так как он губит идеи и образы, созданные воображением. А сила и значение воображения состоят в способности увидеть качества привычных вещей в совершенно неожиданном для здравого смысла свете. Увидеть в том свете, в котором позволяют это сделать нормы иррационального, удивительного. Суть иррациональных норм, по Набокову, состоит в «превосходстве детали над обобщением, в превосходстве части, которая живет целого» [2, 468] в способности удивляться мелочам – заглядывать в «закоулки души».

Здесь необходимо отметить, что говоря о творчестве Набокова, нельзя забывать о том, какое значение автор придавал потусторонности и трансцендентности.

Непосредственное ощущение тайны, окружающей человека, вера в предсказания, пророческие сны, существование сверхреальности – все это лежит в основе символистской картины мира, что естественным образом было унаследовано Набоковым от культуры Серебряного века.

В «Предисловии» к посмертному изданию его русских стихов (1979) Вера Набокова подчеркнет, что «потусторонностью пропитано все, что он писал <...> это давало ему его невозмутимую жизнерадостность и ясность даже при самых тяжелых переживаниях» [3]. Тем не менее, сам В. В. никогда не говорил о том, что такое потусторонность в его понимании. Мы можем рассуждать об этом лишь на основе его уклончивых ответов на подобного рода вопросы в интервью, а также статей, где автор подчеркивает значение потусторонности, и

опираться на мнения ведущих набоковедов, например, на монографию В. Е. Александрова «Набоков и потусторонность», и, конечно, на произведения самого Набокова, где раскрывается смысл и значение трансцендентного для его художественного мира.

В иррациональности (потусторонности) Владимир Владимирович видит источник художественного творчества. Своих любимых героев Набоков наделяет способностью к интуитивному прозрению и ощущению вневременности, а так же даром пророческих сновидений. Например, в автобиографическом романе «Дар» подчеркнута связь главного героя – писателя – с потусторонним миром: «Это был разговор с тысячью собеседников, из которых лишь один был настоящий, и этого настоящего надо было ловить и не упускать из слуха» [4, 51], «он <...> был уверен, что воплощение замысла уже существует в некоем другом мире, из которого он [Годунов-Чердынцев] его переводил в этот» [4, 154]. Эта мысль одна из ключевых в статье «Искусство литературы и здравый смысл». О процессе создания художественного произведения Набоков пишет: «Страницы еще пусты, но странным образом ясно, что все слова уже написаны невидимыми чернилами и только молят о зримости» [4, 479].

По словам Набокова, в мире писателя нет места здравому смыслу, потому что именно вера в иррациональное и особое внимание к деталям дает простор и свободу творчеству: «Писатель-творец - творец в том особом смысле, который я пытаюсь передать, - непременно чувствует то, что, отвергая мир очевидности, вставая на сторону иррационального, нелогичного, необъяснимого и фундаментально хорошего, он делает что-то черновым образом подобное тому, как в более широком и подобающем масштабе мог бы действовать дух, когда приходит его время. [2, 473] <...> Настоящий писатель <...> готовыми ценностями не располагает: он должен сам их создавать. Писательское искусство – вещь совершенно никчемная, если оно не предполагает умения видеть мир прежде всего как кладовую вымысла» [2, 474].

По Набокову, задача настоящего писателя состоит в индивидуальном поиске. Умение отойти от общепринятых жанрово-тематических канонов, творческая смелость, яркие, оригинальные, необычные открытия – вот что, по его мнению, отличает истинного художника.

В. Набоков придерживался особой точки зрения, по поводу всевозможных обобщений, так называемых «общих идей». Писатель не уставал повторять, что подобные идеи губительны для воображения и для индивидуального эстетического поиска, следовательно, для творчества. В интервью 1961 г. Набоков откровенно заявляет: «Ненавижу общие идеи. Посему ни разу в жизни не подписал ни одного манифеста и не был членом ни единого клуба» [2, 97]. А в эссе «On generalities» Набоков называет обобщения «демоном», любителем таких слов как «идея», «теченье», «влияние», «период», «эпоха».

Как видим из вышесказанного, неприязнь к «общим идеям» и доверие к иррациональности и потусторонности есть выражение индивидуально-авторского видения процесса творчества: «Так или иначе процесс этот все равно можно свести к самой естественной форме творческого трепета – к внезапному живому образу, молниеносно выстроенному из разнородных деталей, которые открылись все сразу в звездном взрыве ума» [2, 478]. Идеальным читателем здесь становится тот, который сможет увидеть художественное произведение так, как оно «явилось автору в минуту замысла», как если бы книга могла читаться так же, как охватывается взглядом картина.

То есть, Набокову-критику интересна индивидуально-авторская концепция создания того или иного художественного произведения, он не уделяет внимания тому, в какую эпоху был создан текст, носителем какого типа культурного сознания был его автор. Главное для Набокова – это частные открытия и личностно-выработанные ценности. Он видит текст как Вселенную, в которой сосуществуют реальный и сверхреальный миры. И с чем большим доверием автор художественного произведения относится к потустороннему миру и его трансцендентному познанию, тем с большим уважением и любовью Набоков пишет об этом авторе.

Набоков как исследователь

*«Именно его книги я взял бы с собой
на другую планету...»*

В. Набоков «Юбилейные заметки»

В 1948 году В. Набоков получил место доцента отделения славистики в Корнеллском университете, где им были прочитаны лекционные курсы «Мастера европейской прозы» и «Русская литература в переводах». А в 1981 году эти материалы были собраны и впервые опубликованы в книге «Лекции по русской литературе». В лекции о Чехове Набоков анализирует рассказы «Дама с собачкой», «В овраге» и пьесу «Чайка».

Формально лекции представляют собой пересказ чеховских текстов. Комментарии лектора немногочисленны и кратки, поэтому их следует рассматривать в контексте литературно-критической концепции Набокова.

Как нами уже было замечено, В. В. не заостряет внимания не эпохе, в которую был создан текст, он не ищет политической назидательности или обобщающей морали. Самое главное для критика – раскрыть для читателей (слушателей) индивидуально-авторское видение мира того писателя, чей текст Набоков анализирует.

Самым показательным в этом смысле является анализ Набокова рассказа «Дама с собачкой». Говоря о композиции, лектор выделяет в рассказе 4 части и обозначает кульминацию развития действия, сопровождая это пересказом ключевых моментов, цитатами из текста и своими комментариями.

Говоря о первой части рассказа, Набоков делает акцент на способности Чехова видеть мир сквозь призму мельчайших деталей: «сразу замечаешь магию деталей» [5, 359], «проблеск чеховской системы передавать обстановку наиболее выразительными деталями природы» [5, 361]. Это объясняется тем, что развернутые описания и навязчивые подчеркивания были чужды и поэтике самого Набокова. Он считал, что у искусства по определению не может быть поучительной цели. Цель искусства в создании новой реальности, не подражающей жизни, а новой, индивидуальной. Эта реальность складывается из «незначительных деталей», штрихов, которые автор подмечает словно невзначай.

Далее лектор переходит ко второй части рассказа, где приводит большую цитату из текста, оставляя ее без комментариев. Но в контексте его картины мира нам понятно, почему Набоков приводит именно этот отрывок: «В Ореанде сидели на скамье, недалеко от церкви, смотрели вниз на море и молчали. Ялта была едва видна сквозь утренний туман, на вершинах гор неподвижно стояли белые облака. Листва не шевелилась на деревьях, кричали цикады и однообразный, глухой шум моря, доносившийся снизу, говорил о покое, о вечном сне, какой ожидает нас. Так шумело внизу, когда еще тут не было ни Ялты, ни Ореанды, теперь шумит и будет шуметь так же равнодушно и глухо, когда нас не будет. И в этом постоянстве, в полном равнодушии к жизни и смерти каждого из нас кроется, быть может, залог нашего вечного спасения, непрерывного движения жизни на земле, непрерывного совершенства. Сидя рядом с молодой женщиной, которая на рассвете казалась такой красивой, успокоенный и очарованный в виду этой сказочной обстановки – моря, гор, облаков, широкого неба, Гуров думал о том, как, в сущности, если вдуматься, все прекрасно на этом свете, все, кроме того, что мы сами мыслим и делаем, когда забываем о высших целях бытия, о своем человеческом достоинстве. Подошел какой-то человек – должно быть, сторож, – посмотрел на них и ушел. И эта подробность показалась такой таинственной и тоже красивой. Видно было, как пришел пароход из Феодосии, освещенный утренней зарей, уже без огней» [5, 362].

Эта цитата принципиально важна для Набокова, так как здесь в реалистическом рассказе вдруг идет речь о «покое, о вечном сне, <...> о высших целях бытия», что свидетельствует о существовании второй реальности, которую Чехов не называет, но лишь обозначает. Это и выводит Чехова за рамки реализма.

Третья часть рассказа маркирована лектором как кульминационная. И Набоков вновь обращается к важности деталей и намеков в чеховском тексте: «Неожиданные маленькие по-

вороты и легкость касаний – вот что поднимает Чехова над всеми русскими прозаиками до уровня Гоголя и Толстого» [5, 365]. Тут лектор упоминает и о критиках Чехова, которых возмущало отсутствие назидательности и поучительности в его текстах, обвиняя Чехова в «банальном и бесполезном писательстве», но, по мнению Набокова, подмечая незначительные детали обстановки, окружающей героев, Чехов «поступает как настоящий художник <...> – это самое важное в подлинной литературе» [5, 365].

Четвертая часть рассказа передана в лекции максимально подробно, с развернутыми цитатами. Это связано с тем, что «последняя главка передает атмосферу тайных свиданий в Москве». По Набокову, тайна – это спутник потустороннего. Поэтому «тайные свидания», «жизнь, протекавшая тайно», «все... происходило тайно от других», «каждое личное существование держится на тайне», все это особенно дорого лектору, и именно по этой причине Набоков называет рассказ «Дама с собачкой» одним из самых великих в мировой литературе.

Набоков как следователь

Известно, что Чехова волновала проблема обличения пошлости и мещанства на протяжении всей его жизни: «Никто не понимал так ясно и тонко, как Антон Чехов, трагизм мелочей жизни. Его врагом была пошлость; он всю жизнь боролся с ней, её он осмеивал, умея найти прелесть пошлости даже там, где с первого взгляда, казалось, всё устроено очень хорошо, удобно, даже – с блеском», – говорил Максим Горький.

Вслед за Чеховым, В. Набоков в статье «Пошляки и пошлость» напишет: «Мещанин – это взрослый человек с практичным умом, корыстными, общепринятыми интересами и низменными идеалами своего времени и своей среды <...>. В прежние времена Гоголь, Толстой, Чехов в своих поисках простоты и истины великолепно изобличали пошлость, так же как показное глубокомыслие. Но пошляки есть всюду, в любой стране...» [6, 424].

В «Лекциях по русской литературе» В. Набоков подробно анализирует систему персонажей в рассказе А. Чехова «Дама с собачкой».

Критик делает вывод о том, что все герои рассказа описаны как пошлые. У Гурова – это его отношение к женщинам: сначала его влечение к Анне Сергеевне, «отдыхающей на модном морском курорте основано на пошлых историях» [5, 360]. Жена Гурова – «суровая женщина <...>, которую муж <...> в глубине души считает узкой недалекой и бестактной» [5, 359]. Анна Сергеевна после любовной сцены «похожа на унылую грешницу с распущенными волосами, висящими по сторонам лица» [5, 362]. Своего мужа она называла «лакеем». Чиновники, приятели Гурова, по мнению Набокова, похожи на «дикарей, которых интересуют только карты и обжорство» [5, 364].

Следовательно, в мире Чехова пошлым считается стадное чувство, а также бездумное и безмерное потребление удовольствия. И только личностновыработанная ценность может одухотворить человека. В рассказе «Дама с собачкой» такой ценностью является любовь. Только полюбив по-настоящему, герой начинает переоценивать свою жизнь, которая, по словам Набокова, была пуста, скучна и бессмысленна.

По Чехову, пошлость является результатом пагубного влияния среды (вспомним рассказ-биографию «Ионыч»). И только обретя истинное счастье в настоящем чувстве, человек может от нее избавиться.

Обратим внимание также на то, что в рассказе открытый финал.

Теперь обратимся к рассказу В. Набокова «Хват» (опубл. в 1930 г.).

Хват – бойкий, ловкий молодой человек, мошенник, лихач, прохиндей и т. д. В первых трех абзацах рассказа происходит подмена местоимения «он» на «мы»: «наш чемодан», «у нас темное лицо», «в отделении третьего класса мы одни» и т. д.

Константин – главный герой – с самого начала преподносится автором как человек вульгарный и бездушный. Пошлость его (как и Гурова) в первую очередь проявлена в отношении к женщине. Измена является для героя привычным действием, когда он уезжает в другой город: «За прошлую поездку изменено было Катеньке трижды» [7, 375].

В пятом абзаце текста пространство перрона показано глазами героя – это множество неживых предметов: «Шлагбаум, пакгаузы, большая станция» (7, 376). Набоков использует прием метонимии: «Сосиски кричали дискантом, пиво – баритоном» [7, 376]. Он смотрит на живых людей, но видит вещи: «Сейчас сквозь нее (девушку) проступит все, что за ней, – мусорный ящик, реклама, скамья» [7, 376] (по Набокову, реклама – источник пошлости).

Глядя на героиню, Константин отмечает «развратные губы», «первоклассные ноги», «сквозь желатин пальто – прекрасное обнаженное тело» [7, 377], «Грудь, как два поросеночка, узкие бедра» [7, 379].

Ниже следует часть, где в одном абзаце соседствует описание того, как героиня рассматривала дамские зеркальца «в виде цветка, бабочки, сердца» [7, 379], а затем «пиво она выпила залпом, как солдат, и стерла пену с <...> губ тыльной стороной руки» [7, 379].

Во второй части рассказа героиня воспринимается Константином как «прелестная, <...> нервная, гибкая, интересная» [7, 380]. Но выйдя из поезда, он становится словно одержимый: «Скоро ли?» [7, 380], «ради Бога, скорее» [7, 381], «умоляю только поторопиться» [7, 381], «Лихорадка. Забудем все на свете. Скорей. Отпирайте» [7, 381].

Известие о предсмертном состоянии отца его спутницы ничуть не смутило и не остановило Костю.

«Все произошло очень неудачно, неудобно и преждевременно» [7, 382].

После этого Зонья Бергман воспринимается героем совсем иначе: «Расточительство. <...> Нахальство. <...> она, некрасиво двигаясь, накрывает на стол» [7, 382], «старая выдра» [7, 383].

Забыв рассказать ей об отце, он успокаивает себя мыслью о том, что «избавил ее от тяжелых минут у смертного одра» [7, 383].

В двух последних абзацах вновь используется местоимение «мы»: «нам как-то не по себе» [7, 383], «нам хочется есть» [7, 383], «через несколько лет мы умрем» [7, 383]. Это свидетельствует о том, что хватов миллионы. «Обыватель – явление всемирное».

В отличие от Чехова, где пошлость зарождается внутри человека, идет из его души, зависит от его отношения к миру, в мире Набокова нет разграничений – все становится пошлым: и герой и среда.

«Пошлость – это не только явная, неприкрытая бездарность, но главным образом ложная, поддельная значительность, поддельная красота, поддельный ум, поддельная привлекательность. <...> Все подлинное, честное, прекрасное не может быть пошлым».

Литература

1. Прозоров В. В. История русской литературной критики: Учеб. для вузов.. М.: Высшая школа, 2002. 463 с.
2. Мельников Н. Г. Набоков о Набокове и прочем: Интервью, рецензии, эссе. М.: Независимая газета, 2002. 704 с.
3. Набокова В. Е. Предисловие [Электронный ресурс] // Владимир Владимирович Набоков [сайт]. Примечания к стихам из разных сборников. URL: <http://nabokov.niv.ru/nabokov/stihi/primechaniya.htm>
4. Набоков В. В. Дар // Собр. соч. в 4-х т., М., 1990. Т. 3. 480 с.
5. Набоков В. В. Лекции по русской литературе. С-Пб.: АЗБУКА-КЛАССИКА. 2010. 448 с.
6. Набоков В. В. Пошляки и пошлость // Лекции по русской литературе. С-Пб.: АЗБУКА-КЛАССИКА, 2010. 448 с.
7. Набоков В. В. Дар // Собр. соч. в 4-х т., М., 1990. Т. 2. 446 с.

А. А. Кудряшова

Московский государственный гуманитарный университет им. М. А. Шолохова, г. Москва

**Мотив богообщения как структурно-семантический элемент
в автобиографической прозе С. Т. Аксакова**

**The motive of interaction with god as structural-semantic element
in authorbiographical prose of S. T. Aksakov**

УДК 82

Аннотация. Автобиографическая проза С. Т. Аксакова наследует древнегреческую и римскую традицию (М. Бахтин). Педагогическая составляющая раскрывается через аксиологический (ценностный) критерий оценки произведения. Так мотив Богообщения, понимаемый в рамках христианства как путь от нестроения к миру, устроению и гармонии становится структурно-семантическим элементом в художественном методе Аксакова. Семейно-родовая галерея образов представлена художественной формой портрета и пейзажа. Мужская линия семейства Багровых получает мифопоэтическую окраску и неразрывно связана с природой через параллель творческого начала в Божественном и человеческом. Образ матери выступает контрастом мужскому, женское начало представлено зыбкостью, где прием обращения к Богу становится устойчивым сюжетным элементом.

Summary. Aksakov's authorbiographical prose inherits ancient Greek and Roman traditions (M. Bakhtin). The pedagogical component is revealed through the axiological (based on appreciation of human values) criterium of evaluation of the work of literature. Thus the motive of Interaction with God which in Christianity is understood as the way from chaos to peace, world organization and harmony, becomes the structural-semantic element of the Aksakov's creative method. The family gallery of images is represented by the artistic form of a portrait and landscape. The male line of Bagrov's family receives mythological and poetic features and is closely connected with nature through the parallel of creative foundation in the God-like and the Human. The image of the Mother contrasts the male image, the female basis is represented by unsteadiness, while the form of application to the God becomes a solid element of the plot.

Ключевые слова: автобиографическая проза, педагогическая составляющая, аксиологическая оценка, индивидуальный стиль, портрет, пейзаж, мотив Богообщения.

Key words: Authorbiographical prose, the pedagogical component, axiological (based on appreciation of human values) criterium, a portrait, a landscape, motive of Interaction With God.

Происхождение жанра автобиографической прозы связано с таким явлением культурной жизни Древней Греции, как энкомион – идеальный образ человека определенного положения – полководца, царя, политического деятеля. Именно таким идеальным началом, по мнению М. Бахтина, определяется дидактическая составляющая древнегреческих биографий и автобиографий, которая в основе традиции приобретала специфический нормативно-педагогический характер. Традиция римской империи, наоборот, акцентировала семейную составляющую в описании жизни деятеля. Таким образом, автобиографический метод Аксакова в «Семейной хронике» и «Детские годы Багрова-внука, служащие продолжение «семейной хроники», наследует обе линии. С другой стороны, современный исследователь указывает на лирическое начало в автобиографических текстах, которая раскрывает внутренние переживания автора и предполагает глубокий уровень рефлексии [1].

Так индивидуальный стиль автобиографической прозы С. Т. Аксакова включает в себя синтез лирического и эпического [2]. Синтез словесного и живописного реализуется в образах значимых людей и событий, переживаемых и воплощаемых через портретные и пейзажные элементы [3]. Реальные факты биографии художника творческим усилием возводятся «в

степень поэтического бытия как бытия *sui generis*» (от. лат. редкий, редкостный, уникальный) [4, 75].

Искусство в целом наследует аксиологический критерий в оценке произведения: «дело ведь не в эстетических особенностях стиля, не в жанрах или видах искусств, а в расположении духа художника, на что он ориентирован и кому служит» – пишет современный исследователь В. Кутковой. Далее он приводит слова Епископа Аморийского Феодора: «Итак, эти святые и досточтимые иконы и живописные картины и изображения, делаемые на дереве, равно как и мозаические, написаны на наше наставление, в образец нам и для пробуждения в нас ревности к подвигам святых» [5].

Бытийность повествования в автобиографической прозе Аксакова выявляет ключевую составляющую текста – мотив Богообщения, раскрывающий аксиологическую трактовку и то «авторское дыхание», о котором писал Г. Шпет в «Эстетических фрагментах». Такой структурно-семантический компонент и определяет педагогическую составляющую, которая проявляется в главном качестве христианства как мира и устройства, гармонии. Мотив Богообщения продолжает традиции идеала соборности в русской религиозной философии. Все-семейная, и шире – народная, устремленность к Богу, получает в каждой личности свое неповторимое воплощение.

Обратимся к семейно-родовой галерее, которая стилистически оформляется в трактовке явления как живого и индивидуального образа и реализуется художественной формой портрета. По мнению Н. М. Тарабукина, портретированию может быть подвергнута и природа, и даже вещь, но только человек как индивидуальность представляет собой подлинный материал для портрета [6, 164]. Современный исследователь подчеркивает специфику портрета: «Хороший портретист не изображает душу, но показывает жизнь души. Жизнь души <...> выразима в образе как визуальном, так и словесном. Обнаружить ее, раскрыть ее устремленность к Богу и есть настоящая задача для художника» [5].

Мотив Богообщения реализуется через устойчивые приемы и образы. Авторская характеристика образа Багрова-старшего ассоциативно связана с образом ветхозаветного бога: «Свирепый огонь лился из его глаз», «долго бушевал дедушка на просторе», выявляя также и мифопоэтическую окрашенность [7]. Лирический портрет деда на фоне восходящего солнца продолжает эту линию: он «на верхней ступени крыльца <...> сел встречать солнышко по всегдашнему своему обычаю. Перед восходом солнца бывает весело на сердце у человека как-то бессознательно, а дедушке <...> весело было глядеть на свой господский двор, всеми нужными по хозяйству строениями тогда уже достаточно снабженный» [8, 35]. Трактовка образа раскрывается позой и расположением героя, устремленностью его взгляда, источником света и тем эмоциональным наполнением, которые органично создают бытовой портрет человека-труженика. Особое соположение природного и человеческого, солнце как символ жизни и источник света на картине и неразрывная связь с образом деда рожают глубокий психологизм и позволяют проводить параллель с живописными полотнами Тропинина. Восходящее солнце в соединении с радостью деда символически раскрывает сакральный смысл Богообщения. Так лирический портрет, как изобразительное художественное средство, создает образ рачительного хозяина своего дома, своей земли, и закольцовывает эпическое начало повествования: «тесно стало моему дедушке...», – с дальнейшим развертыванием сюжета о переселении деда в Уфимскую губернию, со всеми трудностями освоения новой земли и обустройства нового хозяйства.

Описание природы является одним из приемов создания образа деда Степана Михайловича. По мнению, Н. М. Тарабукина, «искусство, и в частности искусство пейзажа, призвано раскрывать в художественном образе содержание природы, ее религиозный смысл как откровение божественного духа». Пейзаж в такой трактовке становится изобразительным истолкованием природы, которая есть «книга Божия», «второе откровение» [9]. Особый пафос довольного хозяина передается портретом деда на фоне поля с поспевающим урожаем ржи: «В поле Степан Михайлович был всем доволен. Он осмотрел отцветающую рожь, которая, в человека вышиною, стояла как стена; дул легкий ветерок, и сине-лиловые волны ходили по

ней, то светлее, то темнее отражаясь на солнце. Любо было хозяину смотреть на такое поле». Источником света на картине также является солнце, через игру света, любование цветом в пейзаже прослеживается импрессионистическое начало, с другой стороны, глубина переживания имеет параллель с русской школой живописи.

Другая стилистическая форма в мотиве Богообщения найдена в фабульном эпизоде упования деда на появление на свет долгожданного наследника. Описывая переживания деда на собственное рождение, автор окрашивает повествование лирическим юмором. Лирическое и юмористическое реализуется в столкновении двух реальностей в образе деда: внешней и внутренней. Внутреннее смятение, в котором надежда и сомнения «опять родит дочь», внешне никак не выражается. Несмотря на уверения немца Клоуса, что «между 15 и 22 сентября, родится сын», обеспокоенный дед хотя и сказал вслух: «врет немец!» – но втайне ему поверил. Услышав рассказ о помощи Святого Преподобного Сергия Радонежского в рождении мальчика, Степан Михайлович опять внешне никак не реагирует на услышанный рассказ: «промолчал», однако «на первой же почте собственноручно написал к своему сыну и невестке, чтобы они отслужили молебен Сергию, Радонежскому чудотворцу, и дали обет, если родится у них сын, назвать его Сергием» [8, 186]. Кратко констатируется факт семейной хроники: «Приказание исполнили в точности» [8, 187]. Двадцатого сентября 1791 г. в г. Уфе Софья Николаевна родила сына, которого назвали в честь Преподобного Сергеем, память Святого Сергия Радонежского совершается 25 сентября по старому стилю. Финальный эпизод «Семейной Хроники» связан с получением долгожданного известия, «первым движением Степана Михайловича было перекреститься», потом он запишет в родословной новое имя Сергей.

Мотив Богообщения семантически объединяет мужскую линию деда-сына-внука в структуре автобиографических текстов. Сын Алексей Степанович после смерти отца продолжает его традицию, воплощаясь в образе рачительного хозяина. Картина неурожая в Парашино: «ходишь день-деньской по десятине, да собираешь по колосу», – с болью переживается Алексеем Степановичем, однако упование на волю Божию оценивается авторской точкой зрения взрослого повествователя, в котором звучит не только сыновнее уважение, но и все аксаковское мироощущение присущее роду и всему народу в целом: «Невесело работать Алексей Степаныч. Не глядел бы на такое поле <...> Отец возразил: «Как быть, воля Божья...», и суровый жнец ласково отвечал: «Вестимо так, батюшка!» «Впоследствии понял я высокий смысл этих простых слов, которые успокаивают всякое волнение, умирят всякий человеческий ропот и под благодатною силою которых до сих пор живет православная Русь. Ясно и тихо становится на душе человека, с верою сказавшего и с верою услышавшего их» [8, 326]. Такое изменение ракурса взгляда от семьи к народу выявляет эпичность автобиографической прозы Аксакова.

Семантическое сближение деда и внука реализуется в эпизоде чтения Псалтыря, которое как яркий художественный образ создает картину таинства смерти. Отметим, что впервые в прозе Аксакова тайна рождения и смерти становятся значимыми событиями в повествовании. Картина создается ребенком-повествователем. Вначале разворачивается эпически широкое полотно, повествующее о смерти деда. Взгляд художника передает пространство дома: «беготня и беспрестанное хлопанье дверей», далее пространство расширяется до двора и улицы, которые были полны народа, «не только сошлись свои крестьяне и крестьянки, от старого и до малого, но и окольные деревни собрались проститься с моим дедушкой». Широта картины подчеркивает важность события и значимость личности деда не только для семьи, но и для народа – «был всеми уважаем и любим» [8, 308]. Обостренная сенсорика ребенка в следующей картине сужает пространство сцены похорон до звукообразов: «глухой шум и топот множества ног в зале, с которым вместе двигался плач и вой» и визуального выхода во внешнее пространство через образ-символ окна. Ребенок стоит на стуле и смотрит в окошко, внешняя картина передает чувственное внутреннее состояние Сережи: «я плакал от глубины души, исполненной искреннего чувства любви и умиления к моему дедушке» [8, 309]. Далее картина еще более камерно сужается в пустоту дедушкиной комнаты, где нахо-

дятся два чтеца, а «все вещи куда-то вынесли, стояла только в углу его скамеечка и кровать с веревочным переплетом» [8, 312]. Так пустота пространства в картине передает ощущение ухода от жизни. «В углу стоял высокий столик, накрытый белой салфеткой, с большим образом, перед которым теплилась желтая восковая свечка» [8, 312]. Через контраст света-тени картина повествует о бытийном, о жизни-смерти. Свеча, образ, белая салфетка и лицо ребенка, читающего Псалтырь, выступают контрастом темноте и пустоте комнаты. При всем изменении ракурса художника от широты эпического до интимности лирического семантика эпизода не теряет своей значимости и наполнена торжественностью и глубиной психологизма. «Заставив меня наперед помолиться Богу, Мысеич подставил мне низенькую дедушкину скамеечку, и я, стоя, принялся читать. Какое-то волнение стесняло мою грудь <...>; но я скоро оправился и почувствовал неизъяснимое удовольствие». Что наполняет радостью сердце ребенка? Православная традиция чтения Псалтыря по усопшим приобретает особое звучание в горячей, искренней, детской молитве. Не формальное исполнение долга, а именно искренняя вера в Бога, общение с Богом через молитву является тем необходимым действием, той действенной помощью, которая помогает живым и мертвым, и деду, и внуку. Характерная деталь дедушкина скамеечка раскрывает особый символический смысл, с одной стороны, подчеркивается связь деда и внука, с другой стороны, скамеечка как возвышение ребенка, доверие к нему и возможность участия в большом совместном деле, помогает Сереже преодолеть одиночество и страх смерти. Обратим внимание, как Аксаков передает динамику чувственного через семантику глаголов: «помолился перед образом, посмотрел на дедушкину кровать, <...> вспомнил все прошедшее и грустно вышел (курсив наш – А.К.) из комнаты» [8, 312]. На девятый день чтение Псалтыря повторилось «читал еще с большим внутренним удовольствием, чем в первый раз». Особая значимость эпизода в авторской оценке, выраженной точкой зрения Евсеича: «Вот это хорошо вышло! В Неклюдове служили по дедушке панихиду на его могилке, а ты, соколик, читал по нем Псалтырь в его горнице», и я чувствовал необыкновенное удовольствие, смешанное с какой-то даже гордостью» [8, 313].

Мужская линия образов Багровых, нарочито подчеркнутая через единение с природой, пейзажным началом, контрастирует с женской линией, наиболее ярко проявляясь в образе матери.

Впервые она появляется в третьем отрывке «Семейной Хроники», которая носит название «Женитьба молодого Багрова» семантически указывая на главное повествовательное событие. Постепенно разворачивая эпическое полотно, связанное с выбором Алексея Степановича, автор акцентирует внимание читателя на ключевом событии в жизни будущей жены, которое неразрывно связано с мотивом Богообщения. Сонечка остается в двенадцать лет без матери. Повествователь создает универсальную картину взаимоотношений мачехи-падчерицы, однако конфликт драматизируется «неуступчивостью нрава» и дерзостью сироты, который приводит к желанию девочки покончить с нестерпимостью такой жизни. Портрет девочки в каморке на чердаке перед образом Смоленской Матери Божией, «которым благословила ее умирающая мать», передает отчаянную ситуацию фабульного эпизода. Образ иконы Смоленской Матери Божией выполняет в развертывании сюжетной линии героини ключевую роль, семантически воплощая надежду родной матери, уходящей в мир иной, на защиту своей дочери, и соединяет человеческое упование на Божественную помощь в едином Образе Богородицы – Радуйся, Царице горних и дольних. Слова акафиста (от греч. неседальное пение) Пресвятой Богородице в честь иконы Ея Смоленския (Кондак 1) при всей своей универсальности передают ситуацию героини: «Ты же всемилостивая наша Заступнице, от всяких нас бед и скорбных обстояний свободдай и к царствию горнему путеводствуй, да зовем Ти: Радуйся, Богородице Одигитрие, христиан упование» [10, 236]. Слова Кондака ярко демонстрируют путь от нестроения к миру и упование на путь, Одигитрие – в переводе с греч. Путеводительнице. Мотив надежды повторяется в Акафисте: «Радуйся, сирот призрение [Икос 6], «Радуйся, благосердая Попечительнице сирот. Радуйся, тихое прибежище обураваемых страстьми, радуйся, надежное пристанище смущаемых искушениями» [Икос 10]. Описание усиливает ряд натуралистических деталей в портрете: темнота и теснота жалкой

каморки, грязный пол и ничком лежащая девочка. «Она упала перед иконой и, проливая ручьи горьких слез, приникла лицом к грязному полу. Страдания лишили ее чувств на несколько минут, и она как будто забылась». Контрастом темному в картине выступает свеча, которая теплится, «хотя была потушена ею накануне» [8, 76]. Так источник света свеча и освящаемый образ иконы воплощают мотив Чудесного Присутствия, в Акафисте Богородица именуется также: «да тебе вопием сице: Радуйся, свеще неугасимая» [Икос 4, 239]. Именно так чувствует девочка чудо всемогущества Божьего, после которого она ободрилась, почувствовала неизвестные ей до тех пор спокойствие и силу и твердо решила страдать, терпеть и жить». Мотив Богообщения назидательно ненавязчиво передается в изменение образа Сонечки от «беспомощной сироты» через чудесное Вмешательство и Заступничество Матери Божией, указывающей путь преодоления в «непроницаемой броне терпения». Овладев такой добродетелью, Сонечка «все переносила спокойно, никакие ругательства, никакие унижительные наказания не вырывали слез, не доводили ее до дурноты, до обморока, как это прежде бывало» [8, 76].

Продолжает свое развитие мотив в постоянном обращении героини к помощи Божией в жизненных ситуациях. Вера Софьи Николаевны носит глубокий искренний характер сокровенной горячей слезной молитвы, (которую наследует и ее сын), и наиболее ярко прослеживается в драматических переживаниях героини с принятием решения о замужестве с молодым Багровым. Контраст характеров жениха и невесты вызывает смятение в душе героини. Камерная картина одинокой девушки живо характеризует психологический момент тяжелых сомнений выбора, внешняя темнота сумерек сгущается и отражается во внутреннем состоянии героини: «Давно наступили сумерки, она все еще сидела одна в гостиной; наконец, невыразимое смятение тоски, страшное сознание, что ум ничего придумать и решить не может, что для него становится все час от часа темнее, обратили ее к молитве». Подсказка автора в единственном выходе из создавшейся ситуации, которая продолжает развитие мотива спасения в образе Смоленской Матери Божией. Именно она живописно воплощается как источник света, указующий путь в темноте житейского. «Она побежала в свою комнату молиться и просить света разума свыше, бросилась на колени перед образом Смоленской Божьей Матери, некогда чудным знаменем озарившей и указавшей ей путь жизни» (8, 96). Через горячую и слезную молитву «она почувствовала какое-то облегчение, какую-то силу, способность к решимости <...> На другой день поутру (утро вечера мудренее) <...> проснулась без всякого волнения <...> и спокойно осталась при своем намерении: поговорить сначала с женихом и потом уже решить дело окончательно» [8, 96].

Нестроения со стороны родственников жениха драматизируют сюжетную коллизию. Имя Софья (от греч. Премудрость Божия) символически раскрывает определяющую черту в образе матери – ясность ума, однако негативное качество также смягчается и компенсируется надеждой на милость Божию: «Бог поможет мне, Смоленская Божия мать будет мне заступницей и подаст мне силы обуздать мой вспыльчивый нрав...» [8, 113]. Это и становится последним аргументом в сомнениях невесты перед венчанием.

Следующий фабульный эпизод портретирует вариант соборного обращения к Богу в семейном молебне Матери Божией Иверской. Потеря первого ребенка едва не стоила жизни Софье Николаевне: сначала опасение за помешательство ума, затем «истощение сил телесных». Также ненавязчиво назидательно показывается путь выхода: через принятие таинств исповеди и причастия и молебна перед образом иконы Матери Божией Иверской, которая именуется «Радуйся благая Вратарнице, двери райские верным отверзающая» [10]. Желание «помолиться и приложиться к этой иконе» дают уверенность болящей, что «конечно, мать Божия ее бы помиловала». Картина воссоздает молебен в доме перед иконой и передает особое соборное единение семьи, как малой церкви, в единой молитве «о спасении и здравии больной». Слова молитвы «Призри благосердием, всепетая Богородице, на мое лютое телесе озлобление» объединяет пространство картины, повествуя через телесное и эмоциональное (особые позы изображаемых, слезная молитва) о духовной устремленности: все присутствующие упали на колени, все плакали, Алексей Степанович «навзрыд», больная «умиленны-

ми слезами». Мотив от нестроения к спасению четко прослеживается в семантике глаголов: больная плакала <...> приложилась к <...> иконе и почувствовала такое облегчение, что могла выпить воды, а потом стала принимать лекарство и пищу» [8, 175].

Мотив Богообщения является стилистической составляющей художественного метода Аксакова. Он организует художественное пространство текста и окрашивает образы семейного рода Аксаковых тем духовным «устроением», о котором говорил святитель Дмитрий Ростовский. Если природа в пейзажах инициирует мужское начало в повествовании, то женское представлено зыбкостью, экзальтацией, где прием обращения к Богу становится устойчивым сюжетным элементом. Образ Божественного соединяет природное и человеческое через параллель творческого начала. Бог как Создатель и Творец, человек как рачительный хозяин, получающий радость от создания трудов своих. Красота природы и красота создания через способность это видеть и чувствовать становится доминантой в раскрытии мужского образа семейно-родовой традиции Аксакова.

Аксаковский автобиографический стиль открывает ту сущность реализма, о которой говорил отец Павел Флоренский, предостерегая смешивать понятия реализма и натурализма. Реализм не серая буквальность действительности, а ее художественная достоверность (т.е. достоверность – достойная верность или то, что достойно веры, чтобы в него поверить) [11]. Именно такое воплощение получает мотив Богообщения в автобиографической прозе Аксакова.

Литература

1. Минералова И. Г. Детская литература. М.: Владос, 2002. 175 с.
2. Минералов Ю. И. Теория художественной словесности. М.: Владос, 1999. 357 с.
3. Минералова И. Г. Русская литература Серебряного века. Поэтика символизма. М.: Литературный институт им. М. Горького, 1999. 226 с.
4. Винокур Г. О. Биография и культура. изд. 2. М., 2007. с. 96
5. Кутковой В. Культовое, религиозное и светское в изобразительном искусстве // Православие.Ru: Интернет-журнал. 16.10.2008 г. URL: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/4527.htm> (дата обращения: 05.04.2011)
6. Тарабукин Н. М. Портрет, как проблема стиля. Искусство портрета. Сборник статей под. ред. А. Г. Габричевского. М.: Государственная Академия Художественных Наук, 1928. 192 с.
7. Угрюмов В. Е. Стиль прозы С. Т. Аксакова: автореф. дисс. канд. филол. наук. Москва, 2010. 22 с.
8. Аксаков С. Т. Семейная Хроника. Детские годы Багрова-внука, служащие продолжением «Семейной хроники». М.: Жизнь и мысль, 2004. 480 с.
9. Тарабукин Н. М. Смысл иконы. М.: Издательство Православного Братства Святителя Филарета Московского, 2001. 224 с.
10. Акафистник. М.: Издание Сретенского монастыря, 2002. 765 с.
11. Флоренский П. Иконостас. Избранные труды по искусству. М.: Русская книга, 1993. 373 с.

Ф. М. Лельхова

Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, г. Ханты-Мансийск

Глаголы физиологического состояния в хантыйском языке (на материале сынского диалекта)

Verbs of a physiological condition in hanty language

УДК81'36 = 511.142

Аннотация: В данной статье рассматриваются лексико-семантические группы глаголов физиологического состояния в сынском диалекте хантыйского языка. Наиболее распространенными по семантике являются глаголы, передающие следующие физиологические состояния: «болезни, усталости, выздоровления, холода», которые имеют различную сочетаемость, образуют фразеологические единицы.

The summary: In given article lexico-semantic groups of verbs of a physiological condition in synja and shuryshkary dialects hanty language are considered. The most widespread on semantics are the verbs transferring following physiological conditions: «births, lives, death, illnesses» which have various compatibility, form phraseological units.

Ключевые слова: Хантыйский язык, глагол, семантика, лексико-семантическая классификация, глаголы физиологического состояния, сочетаемость.

Key words: hantylanguage, a verb, semantics, lexico-semantic classification, verbs of a physiological condition, compatibility.

ЛСГ – это совокупность слов, относящихся к одной и той же части речи, объединенных внутриязыковыми связями на основе взаимообусловленных и взаимосвязанных элементов значения [1, 152].

Глаголы физиологического состояния имеют значение: быть, находиться, пребывать в каком-либо физиологическом состоянии (болезни, выздоровления, сна, усталости, состояния вынашивания ребенка и т. д.), приходить в такое состояние, выходить из него, приводить человека или животное в какое-либо физиологическое состояние (о живом существе, человеке или животном).

Существуют различные классификации глаголов по семантике. Самая известная из классификаций глаголов – традиционное разграничение глаголов действия и состояния. К глаголам состояния относятся глаголы физиологического состояния, психологического состояния, глаголы эмоционального состояния (настроения), глаголы функционального состояния.

В толковом словаре русских глаголов [2, 458-556] глаголы физиологического состояния выделены в группе: бытие, состояние, качество, которые противопоставляются глаголам действия и деятельности и глаголам отношений. В нем выделены шесть подполей: «Бытие», «Качественное состояние», «Социальное состояние, бытие», «Эмоциональное состояние», «Физиологическое состояние» и «Функциональное состояние».

К числу работ, посвященных описанию отдельных лексико-семантических групп хантыйских глаголов, относятся исследования Соловар В. Н. [3]; Каксина А. Д. [4, 147-150], [5, 216-221]; Каксина А. Д., Чертыковой М. Д. [6, 47-50]; Чертыковой М. Д. [7, 162-164].

В работе рассматриваются глаголы, выявленные в сынском и шурышкарском диалектах хантыйского языка.

Рассмотрим лексико-семантические группы глаголов физиологического состояния:

1. **Глаголы с общим значением 'находиться (прийти) в состоянии болезни':** Состояние болезни у хантов Шурышкарского района обозначается термином «кашанг турам, муш турам» 'в состоянии болезни находиться (букв.: больная жизнь)'.

По мнению В. Кулемзина [8,154] для обозначения болезни, болезненного состояния употребляются сакрализованные термины. Термином кáши ‘боль, болезнь’ обозначают болезненные ощущения несакрального характера.

К этой группе относятся следующие глаголы: кáшэ́тты, кáшаң ус, кáшаңа удты ‘болеть’, кáши ‘болеть, жаловаться на болезнь; побаливать’, мушэ́тты ‘болеть’, кáшийн йóхэ́тты, кáша йиты, муша йиты, мушиңа йиты, мушмэ́ты, мушмэ́тты ‘заболеть, заболеть’, мушэ́н йи́лапты ‘заболеть (внезапно)’, кáшэ́тты ‘разбаливаться, расхвариваться’, щáх ма́нты ‘упасть в обморок’, э́л+посс.суф.+каврэм ‘температурить (букв.: тело+посс.суфф. + горячее), лихорадить’, хо́щты муш (Макарова А. П.) ‘состояние озноба, лихорадки, гриппа’, хоньща йиты, хоньщия йиты, хоньщи кáшана йиты (Миляхова Ю. Г.) ‘температурить’, хоньщия́ты (Спирякова Л. Т) ‘температурить (букв.: жарким, горячим стать), лихорадить’, охэ́тты ‘рвать (находиться или приходиться в болезненное состояние, характеризующееся произвольным извержением содержимого желудка через рот)’, худьльэ́ты ‘кашлять’, худьльэ́йэлты ‘покашливать’, ва́ңкэрмэ́ты ‘скрутить, загнуться (от болезни, сильной боли)’, вевды йиты ‘ослабеть, ощущать слабость’, шашды́ питты, шашды́ йиты ‘не чувствовать (боли, органа тела)’, сорты ‘отсыхать, отсохнуть (потерять чувствительность: о конечностях тела живого существа: прийти в состояние неспособности правильно функционировать в результате болезни, уменьшившись в размерах и потеряв полнокровность и жизненную силу)’.

В лексике хантыйского языка не так много слов, обозначающих состояние болезни в результате воздействия холода, низкой температуры, переохлаждения, что говорит о том, что простудными заболеваниями люди болели не часто, и простудные заболевания были не характерны для северного человека. Выражение э́л хур потты ‘простывать, простужаться’ обозначает болезненное состояние в результате переохлаждения, что значит: холод внутрь зашел.

Исконно хантыйская лексема хо́щты ‘болеть’ (синоним слова мушитты ‘болеть, хворать’) в современном хантыйском языке не является распространенным. Это табуированное слово, взятое из табу. В культуре ханты слова, обозначающие болезни мушы́сэң ‘слова болезней’ считались табуированными, их не использовали на ритуальных мероприятиях, чтобы не навлечь злых духов, злых сил, не навлекать бед, горестей на человека, на семью, род. От слова хо́щты образованы слова хоньщэ́пты (синоним слова: ш. унмуш, каз. өн мош ‘опасная, долгая болезнь (букв.: большая болезнь)’ с помощью деривационного аффикса –э́псы, хо́щты хот ‘больница’, образованное способом словосложения. Приведем примеры: каз. Хо́щдум ‘Болею’; Больница я́сэң катра й́нтом вос, хо́щты хот лупла́. Раньше не было слова больница, говорили хо́щты хот – больница’ (Молданов Т. А.); ш. Хо́щты кáшана усэ́м (Миляхова Ю. Г.) ‘Болела’; Хо́щты кáши ‘грипповать’ (Ямру А. П.). Лексемы ‘грипп’, ‘грипповать’ в исконной лексике хантыйского языка не встречаются, эти слова являются заимствованными, например: грипэ́н мушитты ‘грипповать’, грип мушэ́н йи́лапсайэ́м ‘Заболела гриппом’.

Например: У́дтан са́хат щи́ңэ́нца, имо́лды ишэ́н иймед мушэ́н йóхэ́тда ‘Так жили, однажды жена заболела’; Са́мэд кáшэ́тлэдды ‘Говорит, что сердце болит’; О́хем кáшэ́тэд ‘Голова побаливает’; Хóнэм кáши ‘Живот болит’; Хóв мушитсом ‘Долго болел’; Хо́щты кáшаңа удлэ́м ‘Гриппую’ (Ямру А. П.); Йошэд сорэ́с мушмэ́тмад йóпийэ́н, йошэд щашды́ питэ́с, а́л йовлэ́сэд ‘Рука отсохла после болезни, не чувствует ничего, болтается’; Йошэд вевды́ йис, шашды́ питэ́с ‘Рука отсохла, ничего не чувствует’; Муш э́дты ва́ңкэрмэ́с ‘От болезни загнулся’; Ампэ́м охэ́тмад ‘Собаку вырвало’.

К глаголам, выражающим состояние болезни, можно отнести глаголы с общим значением ‘прийти в состояние психической ненормальности’: па со́ха йиты ‘стать сумасшед-

шим'; пэлтэм сѡха йиты 'стать ненормальным (букв.: поменять образ)'; пэлтэм сѡхэн удты 'жить ненормальным'; ѡх атма йиты 'сойти с ума, лишиться рассудка, помешаться (букв.: голове плохой стать)'; ѡтшама йиты 'глупым (дурным) стать'. Например: ѡтшама хѡщ ат йис 'Чуть не помешался (от радости, от горя)'.

В психологии существует психоаналитический термин «пограничное состояние (пограничный синдром, пограничный уровень)» – относительно слабый уровень выраженности психического расстройства, не доходящий до уровня выраженной патологии. Человек в пограничном состоянии (в отличие от человека в состоянии психоза) способен понимать реальность: опираться на здравый смысл, опыт, учитывать мнение других людей и проводить границу между объективным и субъективным. Подобные состояния в хантыйском языке передаются следующими идиоматическими выражениями: кѡт йохэн кут 'букв.: между двумя людьми', кѡт йох кѡтэн сѡхэн 'букв.: между двумя людьми', кѡт йохэн кут удты 'находиться (быть) в состоянии неадекватности'.

Например: Щи хѡйатѡв кѡт йохэн кѡт уд 'Этот человек находится в состоянии неадекватности (не совсем нормальном, здоровом состоянии)'.

2. Глаголы с общим значением 'выздоровливать': йѡма йиты, йѡма питты 'выздоровливать', 'вылечиться', 'заживать', йѡмѡптты 'выздороветь', йѡматыйѡдты 'выздоровливать', йѡмѡтлѡты 'лечить', йѡмѡтты 'лечить', 'вылечить', йѡмалтты 'залечивать', йѡмѡптыйѡдты 'лечиться', лѡтщитты (заим.) 'лечить', йѡммѡтты 'вылечивать', дылѡна йиты, дыл этты 'выжить, выживать (после тяжелой болезни, ранения, несмотря на угрожающие жизни обстоятельства)', кенашѡк йиты 'полегчать'.

Например: лѡккарн йѡммѡдса 'Врачи вылечили'; нѡлмѡд йѡма йиты питѡс 'Рана заживать начала'; Ин мир иса лѡккархотн лѡтщитдайт 'Сейчас людей все в больницах лечат'.

3. Глаголы с общим значением 'нахождение в состоянии сна, полусна': маѡлмѡты 'дремать, задремать', ил маѡлмѡты 'клонить ко сну, вздремнуть', маѡнты 'дремать', машитты 'подремать', ил тѡвѡмѡты 'сморить, вздремнуть', 'забываться (приходить в состояние дремоты, сна на короткое время)', олма йиты 'захотеть спать, клонить ко сну', 'уснуть', олма питты 'клонить ко сну', олмапитѡпты 'уснуть', олѡм йѡхѡтты 'сморить (букв.: сон пришел)', вѡйѡлтыйѡдты 'засыпать, усыплять', вѡйѡпты, ил вѡйѡпты 'уснуть, заснуть', вѡйѡлтѡты 'усыплять', вѡйѡлтты 'усыпить', ѡлтыйѡдты 'укладывать', ѡлтѡты 'уложить спать', ѡлты 'лежать, спать', ил ѡлты 'лечь спать', ѡлѡпты 'лечь, прилечь', ѡлѡты 'ложиться', хурѡман ѡлты 'спать не крепким сном', хѡв ѡлты 'выспаться, высыпаться', шимѡл ѡлты 'недосыпать', пѡѡкѡдты 'убаюкивать', пѡѡкѡты 'убаюкивать', ѡѡѡѡты 'качать, убаюкивать', ѡѡѡѡты (дет.) 'убаюкать', (каз. ѡйѡлты 'покачать, убаюкивать', ѡйиты 'покачаться').

Например: Еша вѡйѡмтѡда, маѡлмѡда. Йи сѡмѡдѡн ѡлѡл, йи сѡмѡдѡн нѡхды хурыйѡл, хѡва ад вѡйѡпда (Фольклор) 'Чуть засыпает, дремлет. Одним глазом спит, другим глазом вверх поглядывает, надолго чтоб не заснул'; Щикем ил маѡлмѡсайѡм 'Так спать захотелось, вздремнул'; Олмѡм йѡхтѡс 'Меня в сон потянуло (букв.: сон пришел)'; Йѡхи йѡхѡтмал кѡмѡн, вѡйѡмтѡда па щи вѡйѡмда. Щиты па хурѡтан кѡтѡн имѡлтыйѡн щацилдыйѡл 'Когда пришел домой, уснул. Пока спал (некрепко), через какое-то время, слышно (говорят)'; Ил щи вѡйѡпда 'Вот-вот уснет'; Ил вѡйѡмтѡм йупийѡн, йайѡл йѡхѡтѡл 'После того как я уснул, дядя приехал'; ѡхлал, сѡмдал муѡкѡлмѡдѡт, ил ѡлдѡт 'Укрылись с головой, спать легли лап'; ѡхлѡн сѡмдѡн йѡвѡрмѡстѡн ил ѡлсѡтѡн 'Головы глаза завернули, спать легли'; Ил тѡвѡмѡсайѡм 'Сморило=меня'; Шѡнк рѡвѡн,

рўв кўтэн олдэм йōхтэс 'Очень жарко, в жару сморило=меня'; Апщийэн йэша пōкэлты, войэпла мосэң 'Сестренку прибаюкай, уснет, может'; Наврем ʒаʒэлыты лавэрт ус (Спирякова Л. Т.) 'Убаюкать малыша было непросто'.

4. **Глаголы со значением 'бодрствования, пробуждения'**: олдэм ант йиты 'находиться в состоянии бодрствования (букв.: сон не идет)', йама олты 'выспаться', кўрэтты, нōх кўрэтты 'будить, пробудить, пробуждать', нōх килты, нōх вэрлэты 'пробудиться', нōх вэрэпты 'проснуться', нōх вэрэмэты (мгнов.) 'проснуться', нōх рākэнты 'просыпаться', сайкатыйэлты 'просыпаться (не один раз)', сайкэптыйэлты 'просыпаться', сайкэптты 'проснуться', нōх сайкэптты 'прийти в себя', олдэм рākэнты 'полуночничать (букв.: сон выпал), находиться в состоянии бодрствования поздней ночью, занимаясь чем-л.', сэм этты 'очнуться'.

Например: Олдэм ант йила 'Находиться в состоянии бодрствования (букв. сон не идет к нему)'; Олдэм рākнэс, щижэн йонтэсты питлэм 'Сон пропал, значит шить буду'; Кўш хōты нōх кўрэтлэдды нōх ат килдэл 'Как только не будила, никак не встает'; Хōйэн нōх килтысайэм 'Кто меня разбудил'; Семдал этэмэн кўтпэд ўшата йōхи левэм 'Когда очнулся, до половины съеден'; Нōх ал сайкэдса 'Привели в себя=его'.

5. **Глаголы с общим значением 'испытывать холод, прийти (находиться) в состояние физического дискомфорта от холода'**: потты 'озябнуть, зябнуть, дрогнуть, мерзнуть, замерзнуть, застыть (человек, река, лед)', ищкийэн потты 'зябнуть, мерзнуть', потопты (пасс., мгновен. д.) 'замерзнуть, остыть', йўха потты 'сильно замерзнуть (букв.: в дерево замерзнуть)', еңка потты 'сильно замерзнуть (букв.: холодным, как лед, как льдинка стать)', еңка потэпты (мгнов.) 'обледенеть, застывать', потемэты 'застыть', певты 'зябнуть, иззябнуть, мерзнуть, замерзнуть', певемэты (пасс. момент. д.) 'зябнуть', певэпты 'замерзнуть', еңка певты 'обледенеть (букв.: в лед замерзнуть)', тārэты, торэты 'иззябнуть, дрогнуть, дрожать (от холода) (о человеке)', щākэрлэты 'окоченеть, коченеть'.

Например: Ёш тājдам потдайэт 'Кончики пальцев мерзнут'; Амп ант потла 'Собака не мерзнет'; Ищкийэн пэвсайэм 'Замерз на морозе (букв.: морозом)'; Йа, щиж мōрта ищкийэн потсайэм торэлэм 'Так замерз, дрожу (от холода)'; Амп ант тārыйэл 'Собака не дрогнет от холода'; Щиж арат пэвсайэм, щākэрлэсэм 'Так замерз, окоченел'.

6. **Глаголы с общим значением 'прийти в состояние усталости', а также 'прийти в состояние крайнего упадка сил под влиянием неблагоприятных для живого существа, мучающих его факторов'**: мэтты (о человеке, животных) 'устать, уставать, утомиться', вэвтама йиты 'изнемогать, изнуваться (букв.: стать плохим)', вева йиты 'устать, изнемогать, изнывать, обессилеть, изнуриться, истомиться', вэвды йиты 'устать, обессилеть', вэвды питты 'обессилеть', кусды питты 'устать', вōлды йиты 'очень устать', вōлды туйэмты 'совсем устать', туймилэты, туймийэлты 'уставать', туйэпты 'устать', вэвдыйа йиты 'обессилеть', щомдыйа йиты 'обессилеть', щомды питты 'устать'; шāңка йиты 'утомиться, изнемогать', шāңкты 'изнывать', кэрэты 'обессилеть (от истощения), исхудать, изнемогать, вымотаться', ваща талэстыя 'истощиться (прийти в состояние полной потери сил от голодания, болезни и подобных неблагоприятных для живого существа факторов)', урма йиты, урэмты 'истощиться', шукатты 'мучить, измучить', шукашты 'исстрадаться', шука верты 'измучить', пākты 'терпеть, вытерпеть', нусрэмалты 'терпеть (боль) (находясь в состоянии физиологического дискомфорта из-за наличия чего-л. нежелательного, неприятного, спокойно и безропотно переносить такое состояние)'. Слова и выражения, определяющие состояние усталости, передаются в хантыйском языке также образно, фразеологическими выражениями, устойчивыми сочетаниями, например: Хātэд хўват ешашты, тыэл-тōхэл йāңхман мэтты 'набегаться'

(прийти в состояние усталости, утомления от беготни); Вӱдды йош-кур сӱхды питты 'обессилеть (букв.: без рук-ног стать)', Кӱрэд йурды йи сйошэд йурды йис 'обессилеть (букв.: нога без сил стала, рука без сил стала)', нӱхи питты 'похудеть, исхудать (букв.: мясо спало)', эд питты 'похудеть, исхудать (букв.: тело спало)', тал кӱр лӱв хӱщӱс 'исхудал (букв.: одни косточки остались (один скелет остался))'.

Например: Хатэд рувэн шӱнка йисэм 'На жаре утомилась'; Рӱв эдты шӱнксэт 'От жары изнывали'; Тови пӱда вӱдэт кӱрэдэт 'К весне олени становятся худыми'; Вӱдды щомды питтӱс 'Совсем устал'; Маша хӱтэд хӱват ешащман мӱтӱс, адӱн ил ӱдӱс 'Маша набегалась за день и легла рано'.

7. Глаголы с общим значением 'прийти в состояние жизни после смерти': (нӱх) дылдӱдӱты, дылдӱайты 'ожить, оживать', (нӱх) дылдӱдӱты 'ожить', нӱх дылдӱдӱты 'оживить', дылдӱтты 'оживлять', дылдӱдӱты, дылдӱдӱты 'оживить', дылдӱтты 'ожить', нӱх опсатты 'ожить (букв.: сесть из положения, лежа)', дылдӱтты 'оживлять' (привести кого-л. в бодрое состояние, восстановив физические и душевные силы), йӱдпӱдӱты 'ожить (о природных явлениях)', йӱдпӱтӱты ожить. Глаголы йӱдпӱдӱты, йӱдпӱтӱты сочетаются с неодушевленными существительными.

К данной группе слов мы относим также лексические единицы, связанные в мировоззрении народа ханты с обрядом воскресения (душа умершего воскресает в ком-либо), например: лӱксӱты 'реинкарнировать', лӱксӱм 'воскресший', лӱксӱм икӱд 'мужчина, душа которого воскресла в мальчике', лӱксӱм ими 'женщина, душа которой воскресла в девочке'.

Например: Пӱхдӱдал йастӱдӱн: 'Апщӱмӱн дылдӱдӱтлӱн ки нӱн хӱлдӱн'. Сыновья ее говорят: 'Брата оживишь если, ты умрешь'; Апщӱмӱн ки ӱт дылдӱдӱдӱн мин улты щир ӱт тӱйдӱмӱн 'Если брата не оживишь, мы не сможем жить'; Дылдӱн тӱрӱнӱн, дылдӱн варӱсӱн туда, дылдӱн тӱрӱнӱн, дылдӱн варӱсӱн нӱсӱтла, нӱх опсатӱд 'Живую траву, живые ветки несут, живой травой, живыми ветками натирают, ожил (букв. сел)'; Ай хӱдӱт йӱм йиңкӱн нӱх дылдӱдӱсӱт 'Молодые рыбки в хорошей воде ожили'; Йи ими роман щӱх мӱнӱс, пӱртӱнӱн мӱса, дылдӱдӱ этӱс 'Женщина неожиданно упала в обморок, лекарство дали ей, пришла в себя (букв.: дыхание появилось)'; Дӱн пӱда питты пӱрайӱн шувӱт похӱндӱт, лыптӱт этдӱт. Унтӱв па щи йӱдпӱдӱмал, унтӱв тащиңа ювмал. Ехӱтлӱн па утӱн щикӱм йӱм па 'Когда время идет к лету, почки набухают, листья появляются. Лес снова ожил, лес богатым стал. Придешь, и в лесу так хорошо'; ӱволдӱн куртӱн йох йӱха лӱксӱдӱт 'Все жители деревни Оволингорт возрождаются друг в друге'.

8. Глаголы со значением 'прийти в физиологическое состояние особи женского пола, вынашивающей ребенка': Данную группу составляют следующие глаголы и сочетания: паширӱнулты, суц. + щирӱн+ улты 'быть беременной (кем-то), беременеть, забеременеть, выносить, вынашивать', давӱртан улты 'быть беременной', (нӱвремӱн, пӱхӱн, эвийӱн) йӱхӱтты 'родить', тӱйты 'родить', нӱвремӱңа йиты 'родить (букв.: становиться с ребенком)', нӱвремӱңа йитывер ӱд ул 'должна родить, рожать', сӱма питты 'родиться, рождаться', сӱма пайӱтты 'родиться', тӱйты 'родиться', омӱсты 'отелиться (о парнокопытных)', пӱнты 'окотиться, ощениться', 'снести (о птицах)'.

Лексика, относящаяся к состоянию беременности, родам, смерти при родах, имеет в хантыйской культуре сакральное значение, ее не употребляют открыто, для этого используют описательную лексику, например, о небеременной женщине говорят: Кеңтат улты нӱ 'Женщина, живущая налегке (т. е. не беременна)'. Подразумеваемая состояние беременности,

используют выражения: давэртан уд 'Она в большой тяжести находится'. Ма Мишаем ишэн нык хэцилдэсэм 'Я из-за Миши оставалась в поселке (так как была беременной, не поехала с оленеводами на Урал)'; па ширнулты (букв.: по-другому жить). О разрешении родов говорят: Тўмтака йис 'Родила (букв.: здоровой стала)'; Йошэл нōх пōном нэ 'Руки вверх положившая женщина'; Имея ввиду смерть при родах, используют в речи следующие выражения, например: Тыхэл сурэн пāрэм нэ 'В гнезде (при родах) погибшая женщина'; нāврэм ишэн пāрэм нэ 'При родах погибшая женщина'. Послелогои сурэн 'при', ишэн 'при', 'из-за' имеют сакральное значение при употреблении их с лексикой, относящейся к состоянию беременности, к смерти при родах.

Например: Пōхлэнкийэн йўхэтса 'Сыночка родила'; Нōви турэм йōхтэм от 'Пришедший в светлую жизнь, новорожденный'; Лўв ин мэнк ики элты пōхлэнки тāйэд 'Она родила от мэнки сына'; Па нын и аңки тāйэм пōхнэн и аци тāйэм пōхнэн – йэшашдэтэн 'Вы, рожденные от одной матери, родившиеся от одного отца, боретесь, меряетесь силами, воюете'; Второй августа ма па тыймем (Макарова А. П.) 'Второго августа я, оказывается, родилась'; Шци тови лўв Мишайэл ширэн ус 'В ту весну она была беременна Мишей'; Шци нэнэв нāврэм ишэн пāрэс 'Эта женщина умерла при родах'; Нэ вўдэм хāншаң сўйув омэсмад 'Важенка родила пестрого олененка'; Мисэм опсэс 'Корова отелилась'; Шцишкўрэк худом пōшэх пōнэс 'Птица снесла троих птенцов'; Оры ай амп пōнэс 'Собака родила щенят'.

9. Глаголы с общим значением 'находиться в состоянии голода': лэдды уддийлты, лэдды удьэты 'наголодаться', āнт лэты, лэдды омэсты 'быть голодным (из-за отсутствия продуктов, денег), поголодать', лэдды удты 'голодать', сām вохты 'проголодаться', сām вōдыйэдты 'перестать есть хотеть'. Например: Сāмем шикем вохда 'Так есть хочется'; Сāмем ал вōдыйэд '(Поем) и перестану есть хотеть'.

10. Глаголы с общим значением 'прийти в состояние опьянения': (привести кого-либо в состояние опьянения или подобное опьянению, напоив чем-либо, дав проглотить что-либо жидкое, обычно вредное или лишнее, что приводит к неприятным последствиям, вплоть до отравления йишэлтэты 'опоить', сайкэптэты 'отрезвлять, отрезвить', сайкоптты 'отрезвиться', кўтщэма йиты 'опьянеть' (прийти в состояние опьянения – состояние, при котором теряется способность сознания контролировать поступки, действия, мысли), йиньщты хўщты 'спаивать, спойть'. Например: Кўтщэм āнтом, сайкэмтэс 'Не пьян, уже отрезвился'.

11. Глаголы с общим значением 'прийти в состояние неспособности к движению под влиянием неожиданных или неблагоприятных условий', а также 'прийти в состояние замешательства, смятения, страха': кārлэты 'цепенеть, оцепенеть, замирать, замереть', шай мāнты 'оцепенеть, замирать', сām мāнты хōрпи 'страшно так, что сердце уйдет', пакэнты 'испугаться'.

Например: Пакэнты рўвладэн йох кārлэдэт 'От испуга люди замирают'; Лўв нэш нохэр йўх идпийэн шци карлэмал 'Он под кедром замер, оказывается (так как друг положил 5 медведей)'; Шци мōрта пакнэс, сāmэд мāнэс 'Так испугался, сердце зашло'.

12. Глаголы с общим значением 'неспособность сохранять и воспроизводить какую-л. информацию, впечатления': йōремийэдты пāкты 'забывать, забыть', йōрэмэты 'забыть'.

Например: Йасэндам хōлт йōрэмэты питсэддам 'Слова стала забывать'; Ма шци верэд хўвэн йōрэмэсэм 'Я этот его поступок давно забыла'; Ма посдам йōрэмэсдам 'Я варезки забыла'.

Глаголы физиологического состояния имеют различную сочетаемость.

1) сочетаются с именами в основном падеже. Объект выражается именем существительным (лапэт кем кáшитты 'неделю проболеть', йошэд сорэс 'рука отсохла', прилагательным, сочетанием прилагательного с существительным (дэлды хэдты 'от голода (букв.: голодным) умереть', местоимением (щилта па хэддэт 'от этого умирают' (щит этот +суффикс наречия -лта));

2) с именами в местно-творительном падеже: мушэн йильапты 'заболеть (внезапно)', йиңкэн нөх дылдэтты 'в воде ожить', мушэн йөхэтда 'заболеть', мушн рыйты 'погибнуть от болезни (букв.: болезнью погибнуть)';

3) с послеложными конструкциями: тови пэда кэриты 'к весне отощать', хэтэд рүвэ ншайка йиты 'на солнце утомиться', пакнэм рүвэдэн 'от испуга'.

Среди ГФС выделяются парные глаголы: луңха-калта йиты 'стать древним, умереть'. В глагольной лексике мы находим и повторы, имеющие определенные стилистические функции: луңха йиты, калта йиты 'превратиться во что-либо'.

Многие ГФС употребляются с правербам, которые не только вносят дополнительные оттенки в значение слова, но и изменяют семантику глагола: ил маңэдмэты 'спать захотеть, вздремнуть', ил войэпты 'уснуть, заснуть', ил дөлтэты 'уложить спать', ил тувэмэты 'смотреть', ил өлты 'лежать, спать', ил өлэпты 'лечь', нөх күрэтты 'будить, пробудить, пробуждать', нөх килты 'встать (проснуться)', нөх вэрлэты 'пробудиться', нөх вэрэмэты (мгнов.) 'проснуться', нөх рэкэнты 'просыпаться', нөх сайкэпты 'проснуться, выйти из состояния сна', нөх а́д сайкэдса 'Привели в себя=его'.

Данная группа глаголов активно образует фразеологические сочетания, например: Öхдал, сэмдал муңкәлмэдэт, ил өлдэт 'Укрылись с головой, спать легли'; Öхдэн сэмдэн йөвөрмэстэн ил өлсэтэн 'Головы глаза завернули, спать легли'; сэм этты 'очнуться', дыл этты 'выжить', шай мәнты 'оцепенеть', сәм мәнты хөрпи 'сердцу зайти', сәм вохты 'проголодаться', йош кур сөхды питы 'обессилеть', йүха потты 'сильно замерзнуть (букв.: в дерево замерзнуть)'.
 Таким образом, глаголы физиологического состояния хантыйского языка составляют богатый лексический пласт, данные слова полисемантичны, сочетаются с разными конструкциями.

Литература

13. Вендина Т. И. Введение в языкознание: Учеб. пособие для педагогических вузов. М. : Высш. шк., 2003. 228 с.
14. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. М. : АСТ-ПРЕСС, 1999. 704 с.
15. Соловар В. Н. Теоретические вопросы лексикологии и синтаксиса хантыйского языка: избранные труды. Ханты-Мансийск: ООО «Типография печатное дело», 2010. 128 с.
16. Каксин А. Д. О глаголах потребления пищи в хантыйском языке // Исследование языков народов РФ в свете новых лингвистических парадигм: теория и практика: Сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции (15 июля 2007 г., г. Стерлитамак). Уфа: Гилем, 2008. С. 147-150.
17. Каксин А. Д. Сочетаемость глаголов говорения в хантыйском языке // Материалы научно-практической конференции с международным участием «Сородичи, я не таю прекрасное от ваших взоров...» (Ханты-Мансийск, 23 января 2007 года) / ЮГУ. Ханты-Мансийск, 2009. С. 216-221.
18. Каксин А. Д., Чертыкова М. Д. О лексико-семантической группе глаголов эмоции (на примере хакасского и хантыйского языков) // Урал-Алтай: через века в будущее. Материалы Всероссийской научной конференции (г. Уфа, 1-5 июля 2005 года). Уфа, 2005. С. 47-50.

19. Чертыкова М. Д. Когнитивная оценка классификации глаголов говорения в хантыйском языке // Языки и культура финно-угорских народов в условиях глобализации. Ханты-Мансийск, 1999. С. 162-164.
20. Мифология хантов / В. М. Кулемзин [и др.]; науч. ред. В. В. Напольских. Томск: изд-во Томского ун-та, 2000. 310 с.

Г. Л. Нахрачева

*БУ «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок»,
г. Ханты-Мансийск*

**Семантика глаголов физического воздействия на объект со значением
нанесения удара в хантыйском языке
(на материале шурышкарского диалекта)**

**Semantics of verbs of the physikal coercion upon an object with value of drawing
of blow in khanty language (on the material of shuryshkar dialect)**

УДК 811.511.1+81'37

Аннотация. Глаголы данной группы в некоторых своих значениях могут быть отнесены и к группе разрушения, что логично с точки зрения их семантики, т. к. разрушение может быть следствием нанесения удара.

Рассматриваемые производные от глагола «ударить» характеризуются наличием четко выраженных связей между значениями. В производных глаголах со значением «удара» обнаруживаются такие признаки, как результативность, повторяемость, многократность, однократность, характер объекта, но значения этих глаголов трансформируются, во-первых, благодаря семантике превербов, вносящих новые семантические компоненты, а во-вторых, влиянием контекста, уточняющего характер субъекта, объекта и инструмента.

Annotation. Verbs of the given group in some values can be carried and to destruction group that is logical from the point of view of their semantics since destruction can be a consequence of drawing of blow.

Considered derivative of a verb to «strike» are characterized by presence of accurately expressed communications between values. In derivative verbs with value of «blow» such signs as productivity, repeatability, recurrence, momentariness, character of object, but value of these verbs are transformed, first, thanks to semantics preverbs, bringing new semantic components, and secondly, influence of the context specifying character of the subject, object and the tool are found out.

Ключевые слова: лексико-семантическая группа, лексико-семантический вариант, многократность, результативность, глаголы со значением «нанесение удара», инструмент действия.

Keywords: lexico-semantic group, a lexico-semantic variant, recurrence, productivity, verbs with value «blow drawing», instrument of action.

Особую группу образуют глаголы, объединенные значением «нанесение удара». Глаголы «удара» предполагают одушевленный субъект, наносящий удар; человека, животное или вещь, испытывающие удар, а также орудие (инструмент) для нанесения удара.

Типовая семантика данной группы – «наносить удары, бить, ударять чем-либо, кого-, что-либо, по чему-либо, обо что-либо».

Базовые глаголы, относящиеся к этой ЛСГ: *reska-* ‘ударить – произвести удар по кому-либо, заносая руку, палку или какое-либо другое орудие и опуская его с размаху на кого-либо, что-либо’, *xätsə-* ‘ударять (ударить) кого-либо, что-либо’, *löskə-* ‘шлёпать – ударить (ударять) с шумом ладонью или чем-либо мягким, гибким’, *seŋk-* ‘бить, стучать’, *xälit-* ‘раскалывать’, *sewəŋ-* ‘рубить (дрова, мясо, рыбу), косить (сено)’, *tüwemə-* ‘вести удар, рассекать’, *ŷŋkəŋ-* ‘бодать – бить кого-, что-либо рогами (обычно о крупном рогатом скоте)’, *šŷŋx-* ‘пинать, лягать – ударять (ударить) кого-либо, что-либо, толкая, пихая ногой (ногами) (обычно о копытных животных), *mijji-* ‘1) давать; 2) ударить’, *kütəŋ-* ‘врезать – ударить сильно с размаху.

Субъектом действий, обозначаемых основными ЛСВ глаголов физического действия, преимущественно является человек и его части тела. В тех случаях, когда выполнение действия не требует применения инструмента, в качестве субъекта может выступать животное: *xor misn ũŋkərsajm* 'Бык меня забодал'; *löw šunxańśəł* 'Лошадь лягается'.

Субъект производит какие-либо повторяющиеся действия (например, заносит руку, палку, другое орудие и опускает на кого-, что-либо), воздействует тем самым на объект и обнаруживает свою силу. Воздействие субъекта часто является для объекта негативным, в результате неодушевленный объект разрушается, приходит в негодность, а одушевленный объект испытывает физические и/или моральные страдания.

По данным картотеки, собранной нами, зафиксировано 30 глаголов со значением нанесения удара, некоторые глаголы имеют ЛСВ. Значения данных глаголов относятся к разным лексико-семантическим подгруппам: 8 лексико-семантических вариантов (далее – ЛСВ) входят в подгруппу разделения объекта, 1 ЛСВ – в подгруппу лишения жизни, 1 ЛСВ – в группу звучания, 10 ЛСВ – в подгруппу нанесения удара.

Для некоторых глаголов со значением нанесения удара типичны признаки повторяемости и многократности действий, которые присутствуют почти во всех его значениях, например: *seŋk-* '1) бить, заколотить, 2) стучать, 3) хлопать, аплодировать': *nawrəmət šeŋk takan jöšlət seŋksət* 'Дети очень сильно хлопали в ладоши (аплодировали)' [1, № 8, 2005]; *in kew aŋklət il seŋklajt* 'Сейчас каменные столбы забивают вниз' [1, № 8, 2006]; *mitjoxlał kašəŋ xəł seŋkləti* 'Слуг своих каждый день бьет'; *xöt löŋəł söxlət ełti tũntiin laklajt pa ełti söxəln seŋklait* 'Крышу дома поверх досок берестой покрывают и затем опять заколачивают досками' [1, № 18, 2003]; *mũŋ kušəew śi xorpi atəm, mũŋew seŋkman, šunkiman tajlałi: seŋkman-uwman nox kirlajuw, šunkiman-puxałman xoś esałajuw* 'Наш хозяин такой плохой: нас бьет, тыкает, бьет-кричит, когда запрягает, тыкает-толкает, когда распрягает'.

Глагол *mijłi-* переводится как '1) надавать; 2) ударить' – побить кого-либо, многократно нанося удары, словно дав, предоставив кому-либо что-либо в большом количестве [3, 184], например: *kāmətsa pus mijłisa* 'Несколько раз ударили'.

В глаголе *sewer-* 'рубить, косить' со значением 'нанести удар' ('разделять что-либо на части') содержится признак периодичности действия, проявляющийся в характере объекта, воздействовать на объект, обнаруживая свою силу, с целью изменения, деформации объекта, например: *pəxem törn sewerəł* 'Мальчик косит сено'; *mā sörəm jux sewerləm* 'Я сухие дрова рублю'; *łəpət öxpi meŋk iki öxləł ätəł sewersəjət* 'Семиголового Менка головы отрубили' [2, 1322]; *türma xojti noxər juxwurat il sewerləjət* 'До неба достающие кедровые гривы срубают'; *potəm xul nõxərsa, potəm nõxi sewersa* 'Мёрзлое рыбу строгали, мёрзлое мясо рубили' [1, №15, 2009]; *tüt jux sewerti šášes* 'Слышно было как он рубил дрова' [1, №19, 2009]; *pasan teł sewersa nar noxiin, put mōłsa* 'Стол полон нарубленным сырым мясом, котел поставили варить' [1, №27, 2009].

Глагол *seŋk-* в следующем значении может относиться и к глаголам звучания, то есть передает значение «стучать», производить звук с какой-то целью – ударяя, производить звуки, многократно стучать по одному и тому же месту (дверь, окно), коротким отрывистым звуком, выражая этим просьбу впустить кого-либо куда-либо, например: *atəln, ma xəłti xulsem, išneł seŋkəm śi šášes* 'Ночью, я же слышала, (кто-то) в его окно стучал' (букв.: Слышно было в окно=его стучали).

Признак активности субъекта и направленность его усилий на повреждение объекта представлен в значениях глагола с семой «нанесения удара», в том числе и в ЛСВ, обозначаемых ситуацией «бить противника», например: *seŋkańś-* 'сражаться, биться, драться, отбиваться' – противодействовать кому-либо, в кулачном бою, защищаясь, *kütərmə-* 'сражаться, драться, бороться' – биться с противником, например: *seŋkańśti pał kew wura mänsəŋəŋ*

‘Сражаться пошли на высокую каменную гору’ [1, № 8, 2006]; *meŋk iki piŋaŋ kütərməti manləm* ‘С Менком иду сражаться’; *xüw ešašaŋən, xüw keratŋisŋən, xüw kütərməsŋən* ‘Долго придирались друг к другу, долго валялись, долго боролись’.

Результативный характер действия, воспринимаемого слухом, обнаруживается в ряде ЛСВ звучания: *seŋk-* ‘стучать’ – ударяя, производить звуки, многократно по одному и тому же месту (в дверь, окно) коротким, отрывистым звуком, выражая этим просьбу впустить кого-либо куда-либо: *atəln, ma xəti xulsem, išneŋ seŋkəm ši šasəs* ‘Ночью, я же слышала, (кто-то) в окно стучал’.

Деривацию значений глагола *il xətsə-* ‘сбить’ также определяет результативный компонент: ‘в результате удара сдвинуть, переместить объект’, например: *lūw lijəm sumət aŋkəl kūrŋ il xətsəsli* ‘Он гнилой березовый пень ногой сбил’.

Синонимический ряд глаголов нанесения удара, в семантической структуре которых имеется дифференциальная сема ‘однократность действия’. Смысл этих глаголов предполагает один быстрый удар, например:

Глагол *reska-* означает ‘ударять кого-либо, что-либо чем-либо с силой, обычно неожиданно’ (разг.-сниж.). Этот глагол подразумевает приложение большой физической силы, как правило, в большинстве случаев под воздействием эмоций, выражающих недовольство, злость, раздражение в ходе ссоры, например: *pirās iki nōxr jūx jūxšūpn reskəŋi, nōxrət lij saxatŋ il rakənlət* ‘Старик поленом ударил по кедру, шишки сами собой вниз падали’; *āpsieŋ lōŋemamaŋ, un jajəl xətsəsli, un aŋxeŋ reskəsli, kütəp jajəl xətsəsli, kütəp aŋxeŋ reskəsli* ‘Братишка забежал, старшего брата ударил, среднего брата ударил, старшую сноху ударил, младшую сноху ударил’ (фольк.) [1, №3, 2007]; *naŋk jūxa reskəsli* ‘Об лиственницу ударил’ (фольк.) [1, №15, 2009].

Глагол *xətsə-* ‘ударять (ударить) кого-либо чем-либо’ - занося руку, палку или какое-либо другое орудие и опуская его на кого-либо, что-либо, нанося удары, например: *šalta mənəm jūxn xətsəsli* ‘Потом меня палкой ударил’; *jōxi loŋti xūjn wet jūm jūx šōjtn wet puš āt xətsəŋa* ‘Человека, который зайдет в дом, пусть черемуховыми шестами пять раз ударят’ [1, № 11, 2006]; *pirās iki nōxr jūx jūxšūpn xətsəsli, nōxrət lij saxatŋ il rakənlət* ‘Старик поленом ударил по кедру, шишки сами собой вниз падали’; *kūjpəl xətsəŋi* ‘Он в бубен забил’.

Глагол *löskə-* подразумевает удар плоским предметом, например, раскрытой ладонью. Этот глагол переводится ‘шлёпать, дать пощечину’ – ударить (ударять) с шумом раскрытой ладонью или чем-либо мягким, гибким, например: *weš pūŋəhn löskəsli* ‘Ударил меня по щеке’.

Глагол *kütə-* переводится как ‘врезать’ (разгов.) – ударить сильно с размаху, например: *ox pat ekti kütərsaŋi* ‘Ударил его по голове’.

Рассмотренные выше производные от глагола «ударить» характеризуются наличием четко выраженных связей между значениями. Например, значение глагола *il xətsə-* ‘сбить’ представляет перемещение объекта в результате удара, значение глаголов *seŋk-*, *reska-*, *xətsə-*, *löskə-*, *kütə-* – физическое воздействие на объект с нанесением ему вреда вплоть до разрушения, *xəlit-*, *sewə-* – нарушение целостности объекта.

Объект понятийной ситуации, связанной с осуществлением конкретного физического воздействия, может быть определен как пассивная субстанция, на которую направлено воздействие и которая в результате него претерпевает определенные качественные изменения. В качестве объектов, на которые направлены данные действия, могут выступать:

1) неодушевленные предметы (различные вещи и предметы окружающей действительности), физическое воздействие на которые, соизмеримо с возможностями человека, т.е. обычно объект является относительно небольшим по размеру, способным в результате длительного негативного воздействия на него прийти в негодность, сломаться, испортиться и так далее, например: *in kew aŋklat il seŋklajt* ‘Сейчас каменные столбы забивают вниз’ [1, № 8,

2006]; xõt lõŋəł sõxlət ełti tũntiin lakłajt pa ełti sõxəln seŋkłait ‘Крышу дома поверх досок берестой покрывают и затем опять заколачивают досками’ [1, № 18, 2003]; pãnne tiramał raħał moxełəŋ tirałłtija, moxeł tirama tewalla pa mörta seŋkła ‘Желудок налима можно печенью наполнить, печень в желудок положить и немного побить’ [1, № 10, 2007];

2) одушевленные существа – люди и животные (в сочетаниях с глаголом seŋk- ‘бить’), физическое воздействие приносит им физические и моральные страдания, например: popsaŋ, tũmäŋ jaŋəŋ jaŋtəmen pätiin seŋksajəŋ ‘Может быть, из-за твоих умных слов тебя побили’ [1, № 11, 2006]; mitjõxłał kaŋəŋ xətl seŋkłali ‘Слуг своих каждый день бьет’; pirəš imi jũx šũp ałəmtəs, ikeł seŋkti pitsəłłi ‘Старушка полено взяла, мужа бить стала’; ma nõx weremimem, manem wenš ełti seŋkłali ‘Я очнулась, меня бьет по щекам’ [1, № 23, 2009]; mũŋ kuśaew śi xorpi atəm, mũnew seŋkman, šuŋkiman tajəłłi: seŋkman-uwman noħ kirłajəw, šuŋkiman-puxałman xoś esałajəw ‘Наш хозяин такой плохой: нас бьет, тыкает, бьет-кричит, когда запрягает, тыкает-толкает, когда распрягает’; meŋk ikeł seŋkti-wełti śi pitsəłłi ‘Менка стал бить-убивать’.

Кроме того, в хантыйском языке есть глаголы с включенным актантом инструменталиса. Под инструментом в настоящем исследовании понимаются как специально созданные человеком орудия труда, так и (в случае отсутствия последних) части тела субъекта, с помощью которых он совершает непосредственное воздействие на объект: в качестве орудий используются конечности человека (и нижние, и верхние), животных (рога, копыта), палки и другие инструменты. Указание в тексте на инструмент воздействия имеет факультативный характер. Если информация об инструменте содержится в глаголе, указание на инструмент в тексте приводит к семантическому дублированию, поэтому инструментальная валентность у таких глаголов обычно оказывается нереализованной [4, 67]. Это близкие к рассматриваемой группе глаголы с идентифицирующими значениями ‘трогать, толкать (рукой); лягать (копытами, задними конечностями парнокопытных животных)’, пинать (ударить ногой), бодать (ударить лбом, рогами), шлепать (ударить ладонью). Так, например, при глаголах šũŋx- ‘пинать, лягать, брыкать’ – ударять (ударить) кого-либо, что-либо, толкая, пихая ногой (ногами) (обычно о копытных животных, реже человек), šũŋxańś- ‘пинаться, лягаться’ – бить, ударять кого-либо, что-либо ногой, ногами, копытами и т. п. (обычно о копытных животных), ũŋkəŋ- ‘бодать’ – бить кого-, что-либо лбом, рогами (обычно о рогатом скоте), lõskə- ‘шлепать’ – ударить (ударять) с шумом раскрытой ладонью или чем-либо мягким, гибким; в их основных ЛСВ нет указания на инструмент, с помощью которого осуществляется действие, оно содержится в самом глаголе, например: miśł tiel-toxel šuŋxəł ‘Корова её туда-сюда ногами брыкает’; lõw šuŋxańśəł ‘Лошадь лягается’; lõwn šũŋxsejəm ‘Лошадь пнула меня’ [2, 255]; mũŋ kuśaew śi xorpi atəm, mũnew seŋkman, šuŋkiman tajəłłi: seŋkman-uwman noħ kirłajuw, šuŋkiman-puxałman xoś esałajəw ‘Наш хозяин такой плохой: нас бьет, пинает, бьет-кричит, когда запрягает, тыкает-толкает, когда распрягает’; nãwrem peŋk lekkaŋ xośa at łəŋxałła manti, kunšaśman-šũŋxańśman joxi eŋsał ‘Ребёнок к зубному врачу не хочет идти, царапаясь-пинаясь, упирается’; mišem šũŋxańśeł ‘Корова=моя лягается’; xor mišn ũŋkərsajm ‘Бык меня забодал’; weš pũŋəln lõskəšłi ‘Шлепнул меня по щеке’.

С другой стороны, в тех случаях, когда действие может выполняться с помощью различных орудий, указание в тексте на инструмент служит для уточнения характера осуществления действия: глагол tũwemə- ‘вести удар, рассекать’ подразумевает прицельный удар, например: jajəm karti lũp nãrəməs, lõlmäm jõšłał ełti kamatsa pũš tũweməšłi ‘Брат=мой железное весло схватил, по ворованным рукам=его несколько раз ударил’; in śaxa sapałłuw łajeməŋ šupi sewerłajt xəłiewa! ‘Нас всех обезглавят (букв.: потом наши головы (букв. шеи=наши) напополам разрубят!)’; łuw kešiin pötkəssa ‘Его ножом ударили’.

В тексте инструмент действия обычно обозначается существительным в местно-творительном падеже без предлога.

Нанесение удара (ударов) живому существу сопровождается причинением боли, нанесением увечий. Удары по своей силе и характеру могут быть при этих глаголах достаточно сильным (xătsə-, seŋk-, reska-), а также лёгкими (löskə- 'шлёпать').

Таким образом, в производных глаголах со значением «удара» обнаруживаются такие признаки, как результативность, повторяемость, многократность, однократность, характер объекта, но значения этих глаголов трансформируются, во-первых, благодаря семантике превербов, вносящих новые семантические компоненты, а во-вторых, влиянием контекста, уточняющего характер субъекта, объекта и инструмента.

Глаголы данной группы в некоторых своих значениях могут быть отнесены и к группе разрушения, что логично с точки зрения их семантики, т. к. разрушение может быть следствием нанесения удара.

Литература

1. Газета «Луңх авт». Вып. № 1-30 Изд-во «Красный Север». Салехард. 2001-2009.
2. W. Steinitz. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprachen Lieferung 1-15. Akademie-Verlag. Berlin, 1960-1993.
3. Бабенко Л. Г. Толковый словарь русских глаголов: идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы. М.: АСТ-ПРЕСС, 1999. 704 с.
4. Скребцова Т. Г. Семантика глаголов физического действия в русском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. СПб., 1996. 223 с.

В. В. Семенова

Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск

Поэзия русских символистов как художественная культура

Russian Symbolist poetry as an art culture

УДК 82 -1 ; 20

Аннотация: Статья обращена к поэзии русских символистов, как явлению модернистской культуры. Раскрыто своеобразие картины мира, характерной для лирических текстов Д. Мережковского, В. Брюсова, З. Гиппиус, К. Бальмонта, Ф. Сологуба, А. Белого, А. Блока, рассмотрены основополагающие модернистские оппозиции: реальность – сверхреальность, время – вечность, конечное – бесконечное. Особое внимание уделено пониманию символистами мифа как культурного пространства и своеобразию проявления неомифологизма как одной из определяющих черт модернистского сознания. В статье рассмотрены особенности воплощения образа лирического героя в символистской поэзии.

Summary: The article is devoted to the Russian Symbolist poetry as a phenomenon of modernist culture. It reveals the originality of the world picture, which is typical for the lyrical texts of D. Merezhkovsky, V. Bryusov, Z. Gippius, K. Bal'mont, F. Sologub, A. Bely and A. Blok. The fundamental modernistic oppositions such as reality and surreality, time and eternity, finite and infinite are reviewed. Particular attention is paid to the peculiarities of lyrical character personification in Symbolist poetry.

Ключевые слова: модернизм, авангардизм, декаданс, картина мира, пространство, время, реальность, сверхреальность, двоемирие, символ, философия искусства, мифологизм, неомифологизм, мифотворчество.

Key words: modernism, avant-garde, decadence, picture of the world, space, time, reality, surreality, symbol, philosophy of art, mythological, neomythological

Не придерживаясь абсолютно четкой периодизации истории русской литературы в XX веке, мы условно выделяем в ней три периода: 1). 1890-1920-е годы, 2). 1930-1950-е годы, 3). После 1950 года.

В этой статье речь пойдет о первом периоде, закончившемся приблизительно в 1929 году, когда переломилась история русской культуры, когда было окончательно прервано и насильственно направлено в другое русло её развитие. Начался этот процесс в октябре 1917-го, это рубеж, который разделил культуру всего периода на два отличающихся друг от друга этапа.

Итак, 90-е годы XIX века – время, когда в литературе наряду с реалистическим искусством начинает функционировать новый вид искусства – модернизм².

Термин «модернизм» [1] (от франц. *moderne* – новейший) несет в себе некую расплывчатость, неопределенность, как и другие, часто употребляемые в качестве его эквивалентов: «авангардизм» (от франц. – *avant-garde* – передовой отряд) или «декаданс» (от франц. *dekadance* – упадок, разложение). Все они в той или иной степени применимы для определения данного явления, но при этом каждый в отдельности не отражает полноты и многообразия подразумеваемого явления, иногда пользуются также термином «неоромантизм», и в этом тоже есть своя логика, но об этом чуть ниже.

² В силу идеологических догм, долгие годы все, связанное с модернизмом, выдавалось в советском литературоведении за чуждое, реакционное и непонятное народу: «культура разлагающего буржуазного общества», «культура упадка, далекая от интересов народа и ему непонятная» и т. д. и т. п. – такими характеристиками пестрят исследования 30-80-х годов, в которых упоминается модернизм. В этих исследованиях не столько анализировалось конкретное художественное явление, сколько на него наклеивались бранные идеологические ярлыки. Для обозначения данной культуры мы будем пользоваться преимущественно термином «модернизм».

Возникновение модернизма существенно меняет структуру искусства, структуру культуры. Мы будем исходить из того, что обозначаемое термином «модернизм» художественное явление объединяет новые течения в искусстве, порывающие с реалистическими традициями, представляющие иную, отличную от реализма картину мира.

В основе модернистских представлений о пространстве и времени лежит идея «двоемирия». В произведениях модернистской культуры реальный мир сопрягается со сверхреальным, история сопрягается с метафизикой, время с вечностью. Как и в романтизме, в модернистской картине мира стабильными являются оппозиции: реальность – сверхреальность, время – вечность. Однако эта картина мира не тождественна романтической, как и другим дореалистическим, основанным на подобном же рода пространственно-временной двусферности.

Принципиальное отличие заключается в том, что все предыдущие двусферные типы культуры имели единое, «коллективное» понимание того, что такое сверхреальность. Представление о ней было воплощено в идее высшего разума, в божественном начале. Это было некое общее осознание того, что «есть и Божий суд». Модернизм, будучи эгоцентрической культурой, предполагает большую свободу, большую индивидуальность в понимании сверхреальности. В модернистском искусстве не только каждое направление, течение или школа, но и каждая творческая индивидуальность создает свое представление о сверхреальном, моделирует свою картину сверхреального неземного бытия, времени и пространства.

Одна из принципиальных особенностей модернистского восприятия и воспроизведения мира заключается в том, что каждое явление, каждый элемент и компонент его понимается и в качестве результата исторического движения (как это понимается в реализме), и в то же само время в качестве явления сверхисторического, метафизического. Такое сопряжение лежит в основе основополагающих модернистских оппозиций: реальность – сверхреальность, время – вечность, конечное – бесконечное. Другое дело, что картина мира модернизма не тождественна таким же двусферным картинам мира, известным в культуре до него. Принципиальное отличие заключено в том, что в модернизме принято характерно различное, многообразное понимание сверхреальности. Двусферные домодернистские культуры, начиная от античности (при всей их вариативности), имели единое, общеколлективное понимание сверхреальности, связанное с идеей высшего разума, высшей истины, связанное с идеей богов и бога. А в модернизме свою модель, свое представление о сверхреальности имеют не только символизм, акмеизм, футуризм и т. д., но каждый художник.

Так символисты, начиная с Поля Верлена (1844-1896), Артюра Рембо (1854-1891), Стефана Малларме (1842-1898) исходили из того, что представление о сверхреальности дает только символ, как ее знак. Поэт Жан Мориас в «Манифесте символизма» (1886) обосновал необходимость нового течения в искусстве тем, что прямое изображение реальности, быта только скользит по поверхности, не давая постичь «тайны-жизни», ибо это доступно только с помощью символа-намёка: «тайна-жизнь» познается не исследованием, а интуицией через эмоции благодаря подсознанию. Реальность как таковая ценности не имеет: она представляет собой только своеобразную систему знаков, свидетельствующих о существовании сверхреальности. Поэтому ей символисты неизменно ставят знак «минус».

Символисты считали главным в искусстве символ как условный знак реальности, который «неисчерпаем и беспределен» в своем значении.

Они считали, что верно понятый, правильно разгаданный символ может быть основой жизни, бытия человека. Для Шарля Бодлера (1821-1867) сама природа как пространство – это храм, наполненный символами в виде обрывков «смутных фраз». Задача художника заключается в том, чтобы найти «глубокий, темный смысл» в переключках и слиянии звука, запаха, формы, цвета, которые есть в природе:

Природа некий храм, где от живых колонн
Обрывки смутных фраз исходят временами.
Как в чаще символов мы бродим в этом храме,
И взглядом родственным глядит на смертных он.

Подобно голосам на дальнем расстоянии,
Когда их стройный хор един, как тень и свет,
Перекликаются как звук, запах, форма, цвет,
Глубокий, темный смысл обретшие в слиянье... [1]
(Пер. В. Левики)

Символизм создал свою философию искусства, выработал свои эстетические принципы. Они строились на том, что окружающая «видимая» действительность мнима и иллюзорна, хотя внешне видна, а подлинная сущность явлений и всего мира в целом скрыта, но она подлинная, настоящая. Поэтому символистами либо отвергается ценность реального мира, либо декларируется, подчеркивается его незнание, нежелание знать:

Я действительности нашей не вижу,
Я не знаю нашего века,
Родину я ненавижу, –
Я люблю идеал человека.
И в пространстве звенящие строки
Уплывают в даль и к прошлому;
Эти строки от жизни далеки,
Этих грез не поверю другому.
Но, когда настанут мгновенья,
Придут существа иные.
И для них мои откровенья
Прозвучат как песни родные. [2]
«Я действительности нашей не вижу...», 1896

В признании Валерия Яковлевича Брюсова (1873–1924) о том, что он «действительности нашей» не видит и не знает «нашего века» – принципиальная установка символистов, не признающих ценности реального мира, поэтому их строки «уплывают в даль и к прошлому», поэтому они «от жизни далеки». Не зная «нашего века» и не видя «действительности нашей», символисты находят утешение в другом, в небесном, т. е. сверхреальном:

А я всегда, неизменно,
Молюсь неземной красоте;
Я чужд тревогам вселенной,
Отдавшись холодной мечте.
Отдавшись мечте – неизменно
Я молюсь неземной красоте. [3]

В. Брюсов. «Как царство белого снега...», 1896

Земная жизнь, реальность воспринимается символистами лишь как «сон», «тень» некоего прекрасного мира. Реальности неизменно противопоставляется мир мечты, фантазии, «неземная красота». Отсюда стремление к «неземной красоте» и неверие «добродетели земной», отсюда вера не в земное, а «голубую, недосыгаемую твердь», как это происходит в стихотворении Дмитрия Сергеевича Мережковского (1866–1941) «Голубое небо»:

Я людям чужд, и мало верю
Я добродетели земной:
Иною мерой жизнь я мерю,
Иной, бесцельной красотой.
Я верю только в голубую
Недосыгаемую твердь.
Всегда единую, простую
Непонятную как смерть.
О, небо, дай мне быть прекрасным,
К земле сходящим с высоты,
И лучезарным, и бесстрастным,
И всеобъемлющим, как ты. [4]

Здесь – и собственная «особость» («я людям чужд»), и неверие в «земную добродетель», и «бесцельная красота» как мера жизни, измерение всего значимого и сущего. «Бесцельная красота», представления о «прекрасном», «лучезарном» нередко сочетаются у Мережковского с понимаем поэта как провозвестника новой красоты и таинственного, «неведомого».

Противопоставляя мир реальности и мечты, символисты отдавали предпочтение последнему. На грани этих миров, связывая их между собой, находится искусство. Главным связующим звеном между мирами в искусстве является символ. Он дает возможность преодолеть границу между реальностью от сверхреальностью. Одним из девизов своего творчества символисты считали латинское выражение: «a realibus ad realiora», то есть от действительного низшего плана и низшей онтологической сущности к реальности реальной или: от реального к реальному. К примеру, в стихотворении «Швея» (1901) Зинаиды Николаевны Гиппиус (1869–1945) роль такого символа играет «жарко-алый шелк»:

Уж третий день ни с кем не говорю...
 А мысли – жадные и злые.
 Болит спина. Куда ни посмотрю –
 Повсюду пятна голубые.
 Церковный колокол гудел. Умолк.
 Я все наедине с собою.
 Скрипит и гнется жарко-алый шелк
 Под неумелую иглою.
 На всех явлениях лежит печать.
 Одно с другим как будто слито.
 Приняв одно – стараюсь угадать
 За ни другое, – то, что скрыто.
 И этот шелк мне кажется Огнем.
 И вот уж не Огнем – а Кровью.
 А кровь – лишь знак того, что мы зовем
 На бледном языке – Любовью.
 Любовь – лишь звук... Но в этот поздний час
 Того, что дальше, – не открою.
 Нет, не огонь, не кровь... а лишь атлас
 Скрипит под робкою иглою. [5]

Первые три строфы этого стихотворения воспроизводят пространство и время реального мира: «третий день» (время), «пятна голубые, жарко-алый шелк», «игла» (пространство). Присутствуют детали, передающие реальность ощущений человека в этом пространстве и в этом времени («мысли – жадные и злые», «болит спина», «куда ни посмотрю – повсюду пятна голубые», «неумелая игла»), есть даже изображение реально движущегося времени в реальном пространстве («церковный колокол гудел. Умолк»). Но уже в третьей строфе возникает ощущение, ожидание чего-то необычного, выходящего за рамки данной реальности:

На всех явлениях лежит печать.
 Одно с другим как будто слито.
 Приняв одно – стараюсь угадать
 За ним другое, – то, что скрыто.

Длительное («уж третий день»), напряженное до боли («болит спина, куда не посмотрю – повсюду пятна голубые») вглядывание в «жарко-алый шелк» и работа с ним, которая даже не очень ладится («неумелая игла»), открывают целый мир, который скрыт за этим шелком, и который может быть открыт не всеми. Игра, переливы жарко-алого атласа открывают иной мир, в котором есть свой Огонь, своя Кровь, своя Любовь (все три слова – с главной буквы!), есть даже свой звук. Однако таинственный мир открывается лишь на какое-то мгновение, и за Огнем, Кровью, Любовью, Звуком кроется что-то еще («что дальше, – не открою»), может быть, еще более значительное и таинственное, но художественный мир

стихотворения снова возвращен в первоначальное состояние, к реальному времени и пространству: «... лишь атлас Скрипит под робкою иглою».

Утверждать, что символисты полностью отрицают реальность, было бы неверно: для них реальность может служить средством постижения сверхреальности, средством проникновения в ее сущность, как это видно на примере стихотворения З. Гиппиус «Швея», когда роль такого средства выполняет «жарко-алый шелк». В русле такого понимания реальности звучит и мысль Федора Сологуба (Федор Кузьмич Тетерников, 1863-1927) о том, что «для высокого искусства образ предметного мира – только окно в бесконечность». А так как художественный образ – основной элемент мышления в искусстве, то последнее понимается в качестве связующего звена между реальностью и сверхреальностью.

Для того чтобы «высокое искусство» выполняло свою связующую функцию, оно должно быть областью «таинственных намеков», «знаков», смутных ожиданий. Оно постоянно должно стремиться запечатлеть нечто непостоянное, мимолетное, изменчивое, наполненное знаками, символами, образами иных миров:

Я не знаю мудрости, годной для других,
Только мимолетности я влагаю в стих.
В каждой мимолетности вижу миры,
Полные изменчивой радужной игры.
Не кляните, мудрые. Что вам до меня?
Я ведь только облачко, полное огня.
Я ведь только облачко. Видите: Плыву.
И зову мечтателей... Вас я не зову! [6]
«Я не знаю мудрости, годной для других...», 1902

В этом стихотворении Константина Дмитриевича Бальмонта (1867–1942) – своеобразная программа символистской поэтики: и индивидуальность «мудрости», которая годна не для всех, и необходимость «влагать» в свой стих «мимолетности», которые для поэта-символиста наполнены целыми мирами, меняющимися и красочными («радужной игры»). Словно бы развивая тезис об индивидуальном характере символистской «мудрости», Андрей Белый (Борис Николаевич Бугаев, 1880–1934), размышляя о месте символизма в философии культуры, писал: «Всякое познание есть фейерверк слов, которыми я наполняю пустоту, меня окружающую; <...> Никто никого не убедит. Никто никому ничего не докажет; всякий спор есть борьба слов, есть магия; я говорю только для того, чтобы заговорить; фехтование словами, имеющее вид диспута, есть заполнение пустоты чем бы то ни было <...>» [7].

Так поэзия становится окном в мир мечты и фантазии, таинственного и неявного. Эту тягу ко всему таинственному и неведомому символисты считали своей отличительной чертой, выделяющей их среди современников:

И, с надеждою в сердцах,
Умирая, мы тоскуем
О несозданных мирах.
Мы неведомое чуем. [8]
Д. Мережковский. «Дети ночи», 1896

Обращение к мифу у модернистов может носить и традиционно мифологический характер. К примеру, у Владислава Фелициановича Ходасевича (1886–1939) есть стихотворение «Путем зерна», давшее название сборнику 1920 года. В нем он обращается к мифологеме «путь зерна» для того, что раскрыть свое отношение к событиям октября 1917 года (стихотворение написано 23 декабря этого года).

Чаще всего писатель-модернист не столько цитирует миф, воспроизводит систему мифологем и персонажей, сколько сообщает этому мифу новое содержание. Получается не цитирование, а трансформация мифа, в результате которой существенно изменяется его традиционное содержание, становясь, порой прямо противоположным тому, которое было заложено в мифе изначально. Иными словами, в модернистском искусстве миф становится явлением рефлексивным, индивидуально-интеллектуальным.

Например, у Константина Бальмонта есть стихотворение «Нить Ариадны» (1894). Каждый грамотный читатель, хорошо помня известный миф о дочери критского царя Миноса Ариадне, которая помогла афинскому герою Тесею выйти из лабиринта Минотавра, снабдив его клубком ниток, конец которого был закреплен при входе, вправе ожидать поэтического переложения этого классического сюжета мировой литературы. Однако уже в самом начале стихотворения читаем:

Меж прошлым и будущим нить
Я тку неустанной проворной рукою:
Хочу для грядущих столетий покорно и честно служить
Борьбой, и трудом, и тоскою, –
Тоскою о том, чего нет,
Что дремлет пока, как цветок подводою,
О том, что когда-то проснется чрез многие тысячи лет,
Чтоб вспыхнуть падучей звездой. [9]

«Позвольте, – вправе спросить знающий древнегреческий миф читатель, – при чем тут «Я тку», ведь речь-то идет о «нити Ариадны»? И при чем здесь «нить Ариадны» как связь с грядущими столетиями, да еще и «борьбой, и трудом, и тоскою»? Роль этой нити в мифе совершенно иная». Однако такой упрек произведению модернисткой (в данном случае символистской) литературы несправедлив и неприемлем. В стихотворении Бальмонта «нить Ариадны» – это не попытка пересказать, переложить хорошо известный миф, а лишь повод для разговора о своем понимании роли поэта в современном мире, о своем, символистском, понимании сущности поэзии.

Поэт Валерий Брюсов в 1902 году создает стихотворение с точно таким же названием, как и у Бальмонта, в котором встречаем еще одну авторскую версию, еще одну интерпретацию мифологемы «нить Ариадны»:

... и долго я бежал по нити
И ждал: пахнет весна и свет.
Но воздух был все ядовитей,
И гуще тьма... Вдруг нити – нет.
...Завесой сумерки упали.
В бездонном мраке нет дорог [10].

Перед нами – миф, созданный уже Валерием Брюсовым, который только обратился к мифологеме «нить Ариадны» как к отправной точке для выражения собственных воззрений на «тьму» и «мрак» современного мира. Пытаясь объяснить сущность эпохи и человека в этой эпохе, Дмитрий Мережковский также обращается к мифу, наполняя его при этом новым содержанием, внося в него те смысловые компоненты, которые конкретно взятому мифу не характерны. Так происходит в стихотворении «Парки» (1892), начало которого вполне соответствует содержанию древнегреческих мифов о Парках, дочерях Зевса и Фемиды, богинях судьбы. Однако, развивая тему применительно к своей эпохе и своему поколению, Мережковский «находит» в образе древних богинь греческой мифологии то, чего в этом образе никогда до него не было, но то, что волнует его лирического героя сегодня:

<...> Мы же лгать обречены:
Роковым узлом от века
В слабом сердце человека
Правда с ложью сплетены.
Лишь уста открою – лгу,
Я рассечь узлов не смею,
А распутать не умею,
Покориться не могу.
Лгу, чтоб верить, чтобы жить,
И во лжи моей тоскую.

Пусть же петлю роковую,
Жизни спутанную нить,
Цепи рабства и любви,
Все, пред чем я полон страхом,
Рассекут единым взмахом,
Парка, ножницы твои! [11]

Богини судьбы, которые прядут нить человеческой жизни и в нужный, известный только им момент, перерезают эту нить, у Мережковского получают дополнительное содержание («правда с ложью»), они становятся даже «спасительницами» ото лжи: так проявляется неомифологическое начало поэтического сознания Дмитрия Мережковского.

Так проявляется в модернизме неомифологизм сознания художника, в котором миф, по сути дела, это уже не миф, а мифообраз, возникающий не как средство воспроизведения хорошо известного, традиционного содержания, а для создания своего собственного, отражающего индивидуальную систему воззрений на мир и на человека, а также актуальное для современной художнику эпохи. Миф, таким образом, понимается модернистами как культурное пространство для строительства своего индивидуального мира. Символисты вообще считали, что правильно понятый, разгаданный, правильно созданный миф может стать основой и быта и бытия человека.

Такое понимание мифа является одним из отражений того, что культура модернизма – это исключительно эгоцентрическая культура. Это культура личности, осознающей свою исключительность в окружающем пространстве и текущем времени, в мире, где ее не удовлетворяет современное общественное устройство, с его социальными контрастами, угнетением, войнами. Не удовлетворяют и сложившиеся формы искусства. На такой бунт способна исключительная творческая личность, которая только одна может возвыситься над абсурдностью и несправедливостью реального мира. В 1893 году поэт Валерий Брюсов записал в дневнике: «Найти путеводную звезду в тумане. И я вижу ее: это декадентство. Да! Что ни говорить, ложно ли оно, смешно ли, но оно идет вперед, развивается и будущее будет принадлежать ему, особенно когда оно найдет достойного вождя. А этим вождем буду Я! Да, Я!» [12].

Не менее «скромно» назвал начинающий поэт и свою первую книгу – «Шедевры» (1895), в которой стремился продемонстрировать новые возможности декадентской лирики. Зинаида Гиппиус признавалась:

Но люблю я себя, как Бога, –
Любовь мою душу спасет. [13]

или:

Я не могу покоряться Богу,
Если я Бога люблю. [14]

Такие утверждения неоднократно встречаются в лирике З. Гиппиус. Постоянно подчеркивает исключительность своего лирического «я» К. Бальмонт. К примеру, стали хрестоматийными его строки:

Я – изысканность русской медлительной речи,
Предо мною другие поэты – предтечи,
Я впервые открыл в этой речи уклоны,
Перепевные, гневные, нежные звоны <...> [15].

Подобного возвышения собственного «я», возвышения надо всем и любыми способами искусство до модернистов не знало: «Ибо всё и во всем – Я, и только Я, и нет ничего, и не было, и не будет... И нет вне меня бытия», [16] – заявлял, например, в предисловии к сборнику «Пламенный круг» Федор Сологуб, а в стихотворении 1896 года писатель идет еще дальше:

Я – бог таинственного мира,
Весь мир в одних моих мечтах.
Не сотворю себе кумира
Ни на земле, ни в небесах.

Моей божественной природы
Я не открою никому.
Тружусь, как раб, а для свободы
Зову ночь, покой и тьму [17].

Однако эгоцентризм не был для модернистов самоцелью. «Бог таинственного мира», как заявляет Ф. Сологуб, – это бог того времени-пространства, которое он создает сам как художник, как демиург.

Модернисты видят в художнике не только автора художественного текста, творца образов, но и демиурга, способного создавать свои миры, пересоздавать окружающий мир. Свое искусство они (особенно символисты) понимали как разновидность религии, как теургию, магию, с помощью которой можно изменить контуры окружающего пространства и ход текущего времени, подчинить их себе посредством собственной художественной мысли. Александр Блок был убежден в том, что «символизм есть воспоминание поэзии о её первоначальных целях и задачах».

Федор Сологуб неоднократно обращается к образу созданной им звезды Маир, убежденный в том, что этот образ, если его правильно, а главное вдохновенно воплотить, обязательно материализуется:

Звезда Маир сияет надо мною,
Звезда Маир,
И озарен прекрасною звездю
Далекий мир <...> [18]
«Звезда Маир», 1898

«Далекий мир» возникает у Сологуба как надежда на спасение, как оппозиция тому реальному миру, в котором живет поэт.

В очерке «Проблемы культуры» из книги «Символизм» (1909) Андрей Белый обосновывает свое убеждение, по которому «последняя цель искусства – пересоздание жизни; недосказанным лозунгом этого утверждения является лозунг: искусство – не только искусство; в искусстве скрыта произвольно религиозная сущность».

Последняя цель культуры – пересоздание человечества; в этой последней цели встречается культура с последними целями искусства и морали; культура превращает теоретические проблемы в проблемы практические; она заставляет рассматривать продукты человеческого прогресса как ценности; самую жизнь превращает она в материал, из которого творчество куёт ценность» [19].

«Пересоздание человечества» для модернистов – это сотворение нового человека и начинается оно с себя. Поэтому одной из центральных проблем модернистской литературы является проблема личности, индивидуального сознания как в окружающем мире, в реальности, так и в сверхреальности, как с точки зрения социума, так и с точки зрения вечности. Художники модернисты испытывают стойкое недоверие к реалистическому пониманию и воспроизведению окружающего мира и человека в нем, считая реалистов заложниками текущей действительности, не способными возвыситься над элементарным наблюдением за этой действительностью, тогда как сами они – мыслители, способные возвыситься до сферы идеального: «<...> Реалисты всегда являются простыми наблюдателями, символисты – всегда мыслители».

Реалисты схвачены, как прибоем, конкретной жизнью, за которой они не видят ничего, – символисты, отрешенные от реальной действительности, видят в ней только свою мечту, они смотрят на жизнь – из окна. Потому что каждый символист, хотя бы самый маленький, старше каждого реалиста, хотя бы самого большого. Один еще в рабстве у матери, другой ушел в сферу идеальности» [20].

Индивидуальный процесс мышления ушедшего «в сферу идеальности» творческого сознания, заметим, сознания, как правило, разочаровавшегося в рационалистических способах решения проблемы, позволяет найти новые, нетрадиционные пути, приемы упорядоченного объяснения действительности и понимания сущности человеческой личности, ее места

как в социуме, так и в вечности. Эти пути и приемы в модернизме мало связаны с научным знанием, с рационалистической философией, скорее к личности модернисты подходят с позиций мифотворческого метода. В нем они ищут возможности исследования сознания отдельно взятого индивидуума.

Показательным примером такого мифотворчества может служить первая книга Александра Блока – «Стихи о Прекрасной Даме», вобравшая в себя написанное поэтом в 1901–1902 гг. (вышла в 1905 г.). В ней стихи понимаются как миф, со своей атмосферой тайны, чудесного и сверхъестественного. Сама Прекрасная Дама – это плод мифотворческого сознания поэта. Однако, понятно, что ведущий мотив этой книги – мотив романтически-рыцарского поклонения мистической Даме выходит за пределы только мистического представления о ней. Поэту введома любовь-страсть, абсолютно земная и естественная, он способен ощутить не только сверхъестественное начало, но и физически притягательное, реально осязаемое ее совершенство:

Я понял смысл твоих стремлений–
Тебе я заслоняю путь.
Огонь нездешних вождлений
Вздывает девственную грудь.
Моей ли жалкой, слабой речи
Бороться с пламенем твоим
На рубеже безвестной встречи
С началом близким и чужим! <...> [21].

Интимное, личное постоянно сопрягается с мировым, вселенским. Чувство любви в «Стихах о Прекрасной Даме» переливается в мечтания о преображении мира Красотой, о грядущем (в соответствии с философской утопией В. С. Соловьева) схождения Вечной женственности на Землю. Такое соединение возможно через отношение к Прекрасной Даме. Высокая любовь лирического героя – это любовь-преклонение, но это и надежда на будущее счастье:

Все бытие и сущее согласно
В великой, непрестанной тишине.
Смотри туда участно, безучастно, –
Мне все равно – вселенная во мне.
Я чувствую, и верую, и знаю,
Сочувствием провидца не прельстишь.
Я сам в себе с избытком заключаю
Все те огни, какими ты горишь <...> [22].

Гимны Прекрасной Даме определили эмоциональный тон всей книги. Для рассказа о своей любви поэт избирает мотив Встречи лирического героя и Дамы. Эта Встреча должна преобразить мир лирического героя. Меняются его настроения: он то разочаровывается, то ревнует, то страстно жаждет земной любви, то даже боится знаменательной Встречи.

Предчувствую Тебя. Года проходят мимо –
Всё в облике одном предчувствую Тебя.
Весь горизонт в огне – и ясен нестерпимо,
И молча жду, – тоскуя и любя.
Весь горизонт в огне, и близко появленье,
Но страшно мне: изменишь облик Ты <...> [23].

Это, во многом программное стихотворение, вобрало в себя и пламенную веру в неизменность Дамы («Всё в облике одном предчувствую Тебя»), и страх перед тем, что Дама может изменить свой лик («Но страшно мне: изменишь облик Ты»).

В книге «Стихи о Прекрасной Даме» преображения мира и лирического героя не происходит. Поэт оказался влюбленным в далекую от жизни мечту, он ждет земного воплощения идеала, сомневается в возможности такого воплощения и все-таки остается верным светлым надеждам на будущую полноту любви и счастья, на грядущее обновление мира.

Мысли о Прекрасной Даме не покидают поэта даже тогда, когда в его сознании постепенно разрушается поэтический миф о мистической красоте. Вечной Женственности, спасающей мир, тогда, когда этот мир предстает перед ним как смена хаотических впечатлений, смысл которых сложен и непостижим. Меняется мироощущение поэта. Если Мир Прекрасной Дамы он понимал как нечто вечное и нетленное, по сравнению с которым меняются лишь дела «мирские», «земные», то теперь он стремится к осознанию движения и разрушения, созидания. Поэт развивает новый для него поэтический символ – «стихию», основной показатель которой – неизменная способность к бесконечной изменчивости.

Мир «стихии», в отличие от мира Прекрасной Дамы, неотделим от земного, поэтому в лирике поэта большое место начинают занимать стихи о городе, о природе. Меняется характер лирического переживания: рыцарское, небесное поклонение Даме становится земной страстью к женщине, к «незнакомке», встреченной в мире большого и уродливого города. В стихотворении «Незнакомка» (1906) поэт взволнованно вглядывается в прекрасную посетительницу загородного ресторана, пытаясь узнать, угадать ее тайну. Есть в этом стихотворении трепетное чувство тайны, есть неутолимая потребность разгадать эту тайну, но есть горькая ирония по поводу того, где же истина. Есть реальный, «пыльный», «пьяный» и «тлетворный» мир, которого проблема тайны просто не волнует.

Для литературы модернизма характерно понимание детства как одного из безвозвратно утраченного (Пруст) или искалеченного психической болезнью («Шум и ярость» Фолкнера), условиями жизни и системой воспитания:

Среди шатания в умах и общей смуты,
 Чтобы внимание подростков
 И наложить на пагубные мысли путы,
 Понадобилась им классическая речь.
 Грамматики народов мертвых изучая,
 Недаром тратили вечерние часы
 И детство резвое, и юность удалая
 В прилежном изученье стройной их красы.
 Хирели груди их, согнутые над книгой,
 Слабели зоркие, пытливые глаза,
 Слабели мускулы, как будто под веригой,
 И гнулся хрупкий стан, как тонкая лоза.
 И вышли скромные, смиренные людишки,
 Конечно, уж они не будут бунтовать;
 Им только бы читать печатные коврижки
 Да вкусный пирожок казенный смаковать [24].

И это еще одна деталь, которая свидетельствует о том, что реальный мир для культуры модернизма – это мир без будущего.

Литература

1. Бодлер Ш. Соответствия // Европейская поэзия XIX в. Серия вторая. Т. 85. М. : Худож лит., 1977. С. 697.
2. Брюсов В. Я. Я действительности нашей не вижу... // Собр. соч. в 7 т. М. : Худож. лит. 1973-1975. Т. 1. М., 1973. С. 100.
3. Брюсов В. Я. Как царство белого снега... Там же. С. 99.
4. Мережковский Д. С. Голубое небо // Д. С. Мережковский. Собр. соч. в 4 т. М. : Правда, 1990. Т. 4. С. 523.
5. Гиппиус З. Швея // З. Н. Гиппиус Стихотворения. Проза. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. С. 83-84.
6. Бальмонт К. Я не знаю мудрости... // К. Д. Бальмонт Собр. соч. в 2 т. М. : Можайск-Терра, 1994. Т. 1. С. 578-579.
7. Белый А. Символизм и философия культуры // Символизм как миропонимание. М. : Республика, 1994. С. 137.
8. Мережковский Д. С. Дети ночи // Д. С. Мережковский. Собр. соч. в 4 т. М. : 1990. Т. 4. С. 522.

9. Бальмонт К. Д. Нить Ариадны // К. Д. Бальмонт Собр. соч. в 2 т.. М. : Можайск-Терра, 1994. Т. 1. С. 13.
10. Брюсов В. Я. Нить Ариадны // Собр. соч. в 7 т. М. : Худож. лит. 1973-1975. Т. 1. М., 1973. С. 275-276.
11. Мережковский Д. С. Парки // Д. С. Мережковский. Собр. соч. в 4 т. М., 1990. Т. 4. С. 530-531.
12. Брюсов В. Дневники. (1891-1910). М., 1927. (запись от 4 марта 1893 г.). С. 12.
13. Гиппиус З. Посвящение // З. Н. Гиппиус Стихотворения. Проза. Екатеринбург : У-Фактория, 2005. С. 21.
14. Гиппиус З. Свобода. Там же. С. 123.
15. Бальмонт К. «Я – изысканность русской медлительной речи...» // Русская поэзия конца XIX – начала XX века. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1979. С. 209.
16. Сологуб Ф. Пламенный круг. М., 1908. С. 4.
17. Сологуб Ф. «Я – бог таинственного мира...» // Русская поэзия конца XIX – начала XX века. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1979. С. 252.
18. Сологуб Ф. Звезда Маир. Там же. С. 253.
19. Белый А. Проблемы культуры // Символизм как миропонимание. М. : Республика, 1994. С. 23.
20. Бальмонт К. Элементарные слова о символистской поэзии // Поэтические течения в русской литературе конца XIX – начала XX века: Литературные манифесты и художественная практика: Хрестоматия. – М. : Высш. шк., 1988. С. 54-55.
21. Блок А. «Я понял смысл твоих стремлений...» // А. А. Блок Собр. соч. в 6 т. М. : 1971. Т. 1. С. 86-87.
22. Блок А. «Все бытие и сущее согласно...». Там же. С. 90-91.
23. Блок А. «Предчувствую Тебя. Года проходят мимо...» Там же. С. 93.
24. Сологуб Ф. Восьмидесятники // Мысль, вооруженная рифмами: Поэтическая антология по истории русского стиха. – Л. : Изд-во Лен. ун-та. 1984. С. 228-229.

В. Н. Соловар

БУ «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок», г. Ханты-Мансийск

Лексико-семантическая группа глаголов поведения и формируемые ими модели ЭПП в хантыйском языке (на материале казымского диалекта)**Verbs of action semantics and formed by them elementary simple sentences in khanty language**

УДК 81'373=511.142; 81'367.6=511.142

Аннотация: В статье рассматриваются модели элементарных простых предложений (ЭПП) хантыйского языка, представляемых глаголами поведения. Модель простого предложения понимается как двусторонняя единица языка, имеющая план выражения и план содержания. Планом содержания ЭПП является пропозиция – типовая обобщенная семантика предложения. Все пропозиции данной структурной схемы состоят из характерного субъекта и приписываемого ему процессуального признака.

Summary: The article deals with the models of the elementary simple sentences (ESS), which are represented by the verbs of action. The model of simple sentence is understood as the two-sided language unit, which has a plan of expression and a plan of content. The plan of content of the ESS is a proposition – typical integrated semantics of the sentence. All the propositions of this structural scheme consist of the typical subject and attributable to it procession feature.

Ключевые слова: хантыйский язык, семантика, предикат, лексико-семантическая группа, глаголы поведения.

Key words: Khanty language, semantics, predicate, lexical-semantic group, verbs of movement.

Статья посвящена семантической классификации глаголов поведения, моделированию простого предложения как единицы языка, описанию семантики моделей ЭПП на материале казымского диалекта. Мы опираемся на работы М. И. Черемисиной и ее учеников [1], в которых описываются критерии выделения основной единицы синтаксиса – элементарного простого предложения (ЭПП). В его состав вводится предикат и его обязательные распространители. С этих позиций модель простого предложения понимается как двусторонняя единица языка, имеющая план выражения и план содержания. Планом содержания ЭПП является пропозиция – типовая обобщенная семантика предложения. План выражения ЭПП мы представляем структурной схемой, которая с помощью символов отображает возможный способ морфологического выражения каждого компонента модели.

$$N_{\text{Nom}}^{\text{Ag}} N_{\text{Nom}}^{\text{Adr}} \text{рєла } V_{\text{f obj.}}$$

Модель с типовым значением **поведения и эмотивного отношения** в позиции предиката допускает глаголы: *ješašti* ‘действовать активно’, *ōrkašti* ‘гордиться, заноситься’, *pcjkšəti* ‘молиться, умолять’, *aŋleməti* ‘гримасничать’, *ňāsleməti* ‘гримасничать’, *ňāxti* ‘смеяться’, *tūlāsti* ‘производить магические действия, желая плохое’, например: *l'awətti pitsəm, in aj iket ma рєлата aŋleməl* ‘Начала его ругать, этот мальчик стал гримасничать’ (букв.: на меня); *Tqrəm ašel рєла lūw pcjkšijəl* ‘Он богу молится’ (букв.: к богу); *Pōxen ma рєлата ŋāxəl* ‘Сын=твой надо мной смеется’; *Si nejen ma рєлата ōrkašl* ‘Та женщина передо мной гордится’ (букв.: ко мне, в мой адрес).

Глагол *ōrkašti* передает не столько эмоцию гордости чем-то, сколько поведенческую реакцию типа «заноситься», проявляющуюся в сознательном демонстративном выражении превосходства:

lūw aрsel рєла ŋāsleməl ‘Он гримасничает в адрес брата’ (строит рожи брату, выражая свою эмоцию).

Итак, описываемая модель ЭПП по своей структуре и семантике очень близка к модели действия/деятельности, но здесь имеется позиция адресата, которая заполняется именами с послелогом *рела*. Позицию предиката здесь занимают ЛСГ глаголов поведения. Все глаголы в этой модели употребляются в **субъектном** спряжении.

Структурный вариант $N^{Exp}_{NOM} \{N_{DAT} V_{f subj}\}^{Stat}$

одноактантной модели формируют глаголы поведения, которые структурно представлены именем и вспомогательным глаголом:

kül=a pitti ‘подраться’, *wür=a w’rti* ‘упрямиться (букв.: к крови делать), *wqna mänti* ‘вести себя неприлично’ (букв.: к большому идти), например: *Pöxen würa werəł* ‘Сын=твой упрямится’; *Täxa, weren wqna si mänəs* ‘Ну, ты ведешь себя неприлично’ (букв.: дело=твое к большому идет); *Jajtn pa jöxtm iken wür=a wrtłıjtın* ‘Брат и приехавший мужчина упрямятся’ (букв.: к крови толкают).

К глаголам поведения мы относим также глаголы речи, которые выражают эмоциональное поведение человека. Они представлены несколькими ЛСГ глаголов:

а) глаголы, указывающие на ложность сведений: *lepəltijəłti* ‘лгать, обманывать’, *epətti* ‘говорить чрезмерно неправду’; *halmiti* ‘говорить неправду’ (от сущ. *haləm* ‘язык’), *rcxpiti* ‘врать, лукавить’, например:

Pöxen lepəltijəłti wer təjəł ‘Твой сын имеет привычку (букв. дело) врать’; *Pa si epətlən* ‘Опять ты говоришь неправду’; *Möj lewasa halmilən, jelem pa änt təjlən* ‘Что ты говоришь неправду, не стыдно тебе’; *Si xqjem, ma wantəmən, rcxpijəł* ‘Этот мужчина, как я погляжу, врет, лукавит’.

б) глаголы, указывающие на то, что содержанием речи являются сведения, порочащие кого-либо: *hawresti* ‘злословить, сплетничать (букв.: пениться)’, *həqmantti* ‘злословить, говорить плохо’, *həqməti* ‘сплетничать’ (букв.: произносить), *pölsəməti* ‘сплетничать’ (от сущ. *pułəc* ‘сплетня’), например: *Öpen isa si pölsəməł* ‘Сестра=твоя все время сплетничает’; *Pitarən wəłti nejen həqməł* ‘Твоя соседка сплетничает’; *Petqšen hawresəł* ‘Федосья сплетничает’; *Nelan həqmantti wer təjlət* ‘Женщины имеют привычку злословить (букв.: злословить дело имеют)’; *Näj pa si pötər werləp* ‘Ты опять сплетничаешь’.

в) глаголы, указывающие на то, что содержанием речи является нескромная похвальба: *ləqhesti* ‘хвастать достатком’, *iškašti* ‘хвалиться’, *iškəltijəłti* ‘хвастаться’, *örkašti* ‘хвастаться’, например: *Wqn jajemni iki šəjk ləqesəł* ‘Наш старший брат очень хвастает достатком’; *Jajən iškašł* ‘Твой брат хвалится’; *Apšen örkašł* ‘Твой младший брат хвастается’; *Si imen jiləp jernas ləqmətməł, iškəltijəłman si jəhəł* ‘Эта женщина новое платье надела=оказывается, хвастая ходит’.

Глаголы, описывающие эмоциональное состояние субъекта речи

К глаголам эмоционального состояния, в котором пребывает субъект речи в процессе говорения, относятся следующие: *həlpeməti* ‘шутить’, *heweməti* ‘заорать’, *rcxiti* ‘взорваться; говорить резко, отрывисто’ (букв.: лопаться), *nemtəsiyəłti* ‘дразниться’, *werəntijəłti* ‘дразниться’, *šariti* ‘ворчать (длительно, надоедливо, как ноющая боль)’, *märhəltijəłti* ‘бурчать злясь’ (букв.: греметь), *l’awətti* ‘ругаться’, *šörxəptəti* ‘выражать недовольство’, *xeriti* ‘говорить резко, раздраженно; рычать’, *ləłati* ‘лепетать, говорить с видимым вниманием’ (букв.: растаять), *müləsti* ‘слать проклятия’, *rcjksəti* ‘молиться’, например: *Nawremət pa si nemtəsiyəłlət* ‘Дети опять дразнятся’; *In nejen həl peməł* ‘Эта женщина шутит’; *Ahket wankütəł šariyəł* ‘Мама=моя часто ворчит’; *In nejen xüw l’awtəs* ‘Эта женщина долго ругалась’; *Ahket märhəltijəł* ‘Моя=мама бурчит’; *Ikel jöxi šqšəs, isa lik, əł rcxəł* ‘Муж домой зашагал, очень злой, так и рывкает’; *In nejen ləlaməł* ‘Эта женщина говорит ласково, с видимым вниманием’ (видимо, чувствует, что виновата); *Lüw əł xerijəł* ‘Он просто рычит (говорит резко, раздраженно)’; *Nawreməł pa si šörxəptəł* ‘Ребенок=ее опять выражает недовольство, верещит’.

Позицию предиката в предложениях со значением речевой деятельности может занимать семантически неделимое словосочетание, в состав которого входит абстрактное имя существительное (например, *pötər* ‘разговор’, *pöls* ‘сплетня’, *jasəh* ‘слово’ и под.) и глагол в

субъектном спряжении – либо глагол *werti* ‘делать’, либо один из глаголов перемещения. Предложения в этом случае строятся по структурной схеме $N^{Ag}_{НОМ} \{N_{НОМ} V_f \text{ subj}\}$.

В наших материалах встретилось несколько подобных сочетаний:

1) с глаголом *werti* ‘делать’: *põtär werti* ‘сплетничать (букв.: разговор, рассказ делать)’, *õšxül werti* ‘шутить’ (букв.: шутку делать), *wõša werti* ‘здороваться’ (букв.: здоровье делать), *pa jām wqlām werti* ‘попрощаться’ (букв.: еще хороших снов сделать); *Nāñ mõja põtär werlān* ‘Ты зачем сплетничаешь’ (букв.: разговор делаешь); *Jajән хõti õšxõl weräl* ‘Брат=твой шутит’ (букв.: шутку делает); *In jõxtilām iki pqmašipa weräs* ‘Этот приехавший мужчина поблагодарил’ (букв.: спасибо сделал);

Модель $N^{Ag} N^{Ob} V_f \text{ subj}$

Типовое значение «поведение» формируется сочетанием предиката с абстрактными объектами, часто имеющими негативную семантику: *rcpәx* ‘вид, притворство’, *šõxlәñ* ‘плохой поступок, происшествие’, *wõra* ‘каприз’; *wõras* ‘плохое предзнаменование’, *wqn wer* ‘плохое (букв.: большое) дело’, *wqn clәñ* ‘проступок’, *kәrek* ‘порча, грех’, *nür* ‘вина’, *õntas* ‘помощь’, *šal* ‘жалость’, *tõras* ‘неудобство’.

Предикат данной модели употребляется в субъектном спряжении. Это описательные предикаты, т. е. глагол вместе с объектом является описательным предикатом со значением «вести себя определенным образом». Позиция второго компонента – это не актанта, а часть семантического предиката. Например: *In õten pa ši mõlti šõxlәñ weräs* ‘Этот опять что-то плохое совершил’; *Pesli paj mõj nür weräs* ‘Какую вину сделала осока’; *Wqn wer ši weräs* ‘Он совершил проступок (букв.: большое дело сделал)’; *In clәñ kiñsa wqn clәñ nāñ ši wersән* ‘Ты совершил большой проступок’.

В позиции объекта в последних двух примерах имя имеет связанное (обязательное) определение – это семантически неделимое словосочетание. Приведем еще примеры: *Nāñ tõras werlәn* ‘Ты надоедаешь, мешаешь’; *Šiti lin lal’ werәntsәñәn* ‘Так они воевали (букв.: войну делали)’; *Nāñ šal’ al wera* ‘Ты не унижайся’ (букв.: жалость не делай); *Lüw wõras weräl* ‘Он предсказывает плохое’ (букв.: плохое предсказание делает); *Nawremәl wõra weräl* ‘Ребенок капризничает’ (букв.: ребенок каприз делает); *Ši lõwat jām weratn* ‘Сделайте (вы) такой величины хорошее’ (выражение просьбы); *Lüw wõsa weräs* ‘Он поздоровался’ (букв.: здоровье сделал); *Ewen wqli weräl* ‘Дочь=твоя стесняется’ (букв.: знакомое делает).

В модели поведения при объекте, выраженном именем *õntas* ‘помощь’, *tõras* ‘неудобство/противодействие’ возможна позиция третьего актанта – N_{DAT} , обозначающего, для кого / против кого действие совершается: $N_{НОМ} N_{DAT} N_{НОМ} V_f \text{ subj}$: *Lüw nāñәn õntas/tõras weräl* ‘Она тебе помогает (букв.: помощь / неудобство делает)’.

Модель $N^{Ag} N^{Ob} V_f \text{ subj}$

Типовое значение «поведение» формируется сочетанием предиката с абстрактными объектами, часто имеющими негативную семантику: *rcpәx* ‘вид, притворство’, *šõxlәñ* ‘плохой поступок, происшествие’, *wõra* ‘каприз’; *wõras* ‘плохое предзнаменование’, *wqn wer* ‘плохое (букв.: большое) дело’, *wqn clәñ* ‘проступок’, *kәrek* ‘порча, грех’, *nür* ‘вина’, *õntas* ‘помощь’, *šal* ‘жалость’, *tõras* ‘неудобство’.

Предикат данной модели употребляется в субъектном спряжении. Это описательные предикаты, т. е. глагол вместе с объектом является описательным предикатом со значением «вести себя определенным образом». Позиция второго компонента – это не актанта, а часть семантического предиката. Например: *In õten pa ši mõlti šõxlәñ weräs* ‘Этот опять что-то плохое совершил’; *Pesli paj mõj nür weräs* ‘Какую вину сделала осока’; *Wqn wer ši weräs* ‘Он совершил проступок (букв.: большое дело сделал)’; *In clәñ kiñsa wqn clәñ nāñ ši wersән* ‘Ты совершил большой проступок’.

В позиции объекта в последних двух примерах имя имеет связанное (обязательное) определение – это семантически неделимое словосочетание. Приведем еще примеры: *Nāñ tõras werlәn* ‘Ты надоедаешь, мешаешь’; *Šiti lin lal’ werәntsәñәn* ‘Так они воевали (букв.: войну делали)’; *Nāñ šal’ al wera* ‘Ты не унижайся’ (букв.: жалость не делай); *Lüw wõras weräl* ‘Он

предсказывает плохое' (букв.: плохое предсказание делает); *Nawreməl wūra werəl* 'Ребенок капризничает' (букв.: ребенок каприз делает); *Śi lōwat jām weratn* 'Сделайте (вы) такой величины хорошее' (выражение просьбы); *Lūw wūsa werəs* 'Он поздоровался' (букв.: здравие сделал); *Ewen wqli werəl* 'Дочь=твоя стесняется' (букв.: знакомое делает).

В модели поведения при объекте, выраженном именем *ōntas* 'помощь', *tōras* 'неудобство/противодействие' возможна позиция третьего актанта – N_{DAT} , обозначающего, для кого / против кого действие совершается: $N_{NOM}N_{DAT}N_{NOM}V_{f subj}$: *Lūw nājen ōntas/tōras werəl* 'Она тебе помогает (букв.: помощь / неудобство делает)'

Семантический вариант «поведение субъекта». Сюда входят глаголы следующих подгрупп:

1) глаголы отрицательного, неестественного поведения: *werəsijəlti* 'вести себя неестественно, кривляться' (букв.: делаться), *šcxreməti* 'кривляться', *lqχesti* 'хвастать достатком', *nawšəməti* 'шутить не к месту, невпопад', *χūsiti* 'привлекать к себе внимание, завлекать (не одобряется)'; *iškašti* 'хвастать', *jāpleməti* 'дурачиться' (букв.: чучелиться) и др., например:

In nejen śi χūsijəł 'Та женщина привлекает к себе внимание'; *In ōtət šcxreməti śi pitsət* 'Те стали кривляться'; *Mar'jajen ōχamtijəlti wer tājəł* 'Марья имеет привычку важничать (букв.: головиться)';

2) глаголы положительного поведения: *pākti* 'терпеть', *jōχi lawləsti* 'сдерживаться', *χqriti* 'бояться, осторожничать', например: *Ma śit pākłəm* 'Я ведь вытерплю'; *Nān jōχi lawləsa* 'Ты сдерживайся'; *Nān χqriman wqła* 'Ты будь осторожным (букв.: осторожничая будь)'

Следует отметить, что положительное поведение, видимо, являлось нормой этикета, поэтому в языке больше глаголов, которые отражают плохое поведение человека, заслуживающее порицания.

Литература

1. Черемисина М. И. О теоретических вопросах модельного описания предложений // Предложение в языках Сибири. Новосибирск, 1989. С. 3–18; Она же. О системности в сфере моделей предложения // Теоретические проблемы синтаксиса и лексикологии языков разных систем. Новосибирск, 2004. С.406-419.
2. Черемисина М. И., Скрибник Е. К. О системе моделей элементарных простых предложений в языках Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 1996. № 4. С. 46-57.

И. С. Шевченко

Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск

Категория пространства в художественном мире М. А. Шолохова

The category of space in the art world of M. A. Sholokhov

УДК 82.09

Аннотация: Понятие пространственно-временного континуума существенно значимо для анализа художественного текста, так как время и пространство являются ведущими принципами организации художественного произведения. В статье на конкретном тексте рассматривается одна из этих категорий, категория пространства.

Summary: The notion of the space-time continuum is significant for criticism as time and space are key principles of the structure of a work of art. In this article all existing concepts of the space category are studied and analyzed on the material of M. A. Sholokhov's novel «And Quiet Flows the Don».

Ключевые слова: пространство (горизонтальное и вертикальное), пространственная модель, геософия, поэтический космос, мифологема.

Key words: space, time, spatial model, poetry space, myth.

В письмах автора «Тихого Дона» выдающийся шолоховед Л. Колодный опубликован очень важный исторический материал: воспоминания Е. Левицкой и ее переписка с М. Шолоховым. По этим письмам можно проследить, как, в каких тяжелейших условиях создавался «Тихий Дон», какие преграды пришлось преодолеть автору, чтобы его роман увидел свет. Неоценимую роль в этом сыграла Е. Левицкая. В одной из своих записей Е. Левицкая вспоминала о своем первом впечатлении о прочитанном «Тихом Доне» (цит. по книге Л. Колодного): «...Я вернулась домой, сделала свои обычные дела и часов в 10 вечера развернула рукопись... оторваться от рукописи я уже не могла. Впечатление было ошеломляющее. Все было неожиданно, необыкновенно. Описание природы, яркие картины Дона, азарт рыбной ловли, первые встречи Григория и Аксиньи, зарождение их любви и близости... Удивительный образный язык, меткие характеристики людей, как живые вставали их образы со страниц этой неожиданной рукописи. До глубокой ночи я не могла оторваться от чтения – пока не закончила всю рукопись...».

Вышесказанные слова невозможно переоценить. «Поэтический космос» «Тихого Дона», его исторический и «народно-мифологический слой» (А. Минакова, М. Крижановская) принесли М. Шолохову славу классика не только русской, но и мировой литературы, сделали всеобщим достоянием. Наследие, включающее в себя изучение «Тихого Дона», объемно, многогранно, исчисляется сотнями заметок, статей, монографий, книг. Однако это не позволяет сказать о том, что «Тихий Дон» «разложен по полочкам», многие аспекты по-прежнему остаются не понятыми, не раскрытыми. Все дело в том, что, по словам профессора Ю. А. Дворяшина, «ранее не известный факт его (М. Шолохова) биографии, или как будто мимоходом оброненное писателем признание давали возможность по-новому посмотреть на героев его произведений, на весь его художественный мир» [1, 3]. Возможно, именно поэтому до сих пор одним из недостаточно изученных аспектов является категория пространства романа-эпопеи «Тихий Дон».

Категория пространства «Тихого Дона» – тема достаточно сложная, объемная, но в то же время очень значимая и необходимая для понимания сути авторского замысла. Ведущая роль пространства в структуре, жанровой специфике эпопеи, системе образов, типологии конфликтов очевидна. Ученые пытаются найти разные подходы в решении пространственного вопроса: одни предлагают рассматривать пространство в тесной связи с движением сюжета; другие говорят о космосе Шолохова, обнаруживая мифологическую основу пространства

«Тихого Дона»; третьи изучают пространство с позиций «геософии»³. Однако, на наш взгляд, этого недостаточно. Нужно расширять и углублять изучение данной проблемы. Так, например, мало изучены ключевые топосы романа – дом, двор, хутор; недостаточно обращается внимание на характерологическую функцию пространства, его наполняемость и др.

Особое место в списке шолоховедческих работ занимает статья Н. М. Муравьевой. Исследовательница занимается изучением художественного времени и пространства «Донских рассказов». Она выделяет те особенности шолоховского отношения к пространству и времени, которые затем найдут свое полное обоснование и логическое завершение в «Тихом Доне». «Человек у Шолохова, – пишет Н. Муравьева, – включен во время и вечность и принадлежит одновременно трем мирам: космическому, историческому и экзистенциальному... Подобная картина мира требует и особых пространственно-временных отношений...» [2, 67]. Эта особенность, по Н. Муравьевой, заключается в том, что «человек должен жить в совпадающих мирах» [2, 67], не противоречащих друг другу. Автор утверждает, что каждая из трех картин мира имеет свою пространственно-временную структуру. Космическому, или природному времени соответствует бескрайнее пространство степи, открытое в космос – человек в этом мире землепашец, хлебороб, он дитя природы. Пространство хутора и станицы подчинено времени историческому – человек живет по законам социального мироустройства. Такое пространство Н. Муравьева называет «ограниченным». Экзистенциальное время, или личностное, протекает в «точечном» пространстве дома – человек во власти внутренних противоречий, цель его жизни заключается в их преодолении. Автор статьи включает в шолоховское мироздание еще так называемое «пограничное» пространство дороги – «пространство, где проявляет себя как социальное, так и личностное» [2, 68]. Отправляясь на войну (историческое время), герои Шолохова в дороге размышляют о смысле жизни, разгадывают душевные тайны (личностное время). Однако, как отмечает Н. Муравьева, так должно быть в идеале, а у Шолохова этого нет. История вносит свои коррективы в размеренное течение жизни: война отрывает человека от дома, от земли, заставляя надолго забыть о своем истинном предназначении. Следовательно, «совпадения миров не происходит..., и в этом причина трагизма шолоховского героя» [2, 67].

Одним из первых, кто в той или иной степени затронул проблему пространства «Тихого Дона», был литературовед Н. Н. Маслин. В статье, посвященной М. А. Шолохову, ученый не рассматривает отдельные топосы «Тихого Дона», не дает прямой оценки пространственной организации романа вообще. Возможно, автор статьи не задается специальной целью исследования пространства, но, анализируя композицию, структуру повествования, Н. Маслин ненамеренно дает и характеристику пространству. При рассмотрении повествовательных процессов явственно проступает анализ пространственной структуры произведения. Исследователь отмечает, что главной особенностью повествовательной модели «Тихого Дона» является ее постоянное движение – расширение и сужение: «В...повествовании последовательно расширяется круг освещаемых характеров и круг социальных отношений...Семейно-бытовые конфликты постепенно все теснее связываются в сюжете с определяющими их историческими конфликтами, идейная и психологическая жизнь героев – с бурями классовых битв» [3, 187]. Рассматривая каждую часть романа, Н. Маслин показывает, как в ходе развития действия меняется повествовательная модель, и, как, соответственно, меняется пространственная структура этой модели. Так, первая часть открывается пространством родного казачьего быта. Во второй части пространство расширяется до пределов мельницы, где впервые происходит классовое столкновение казака и мужика. В третьей части в связи с империалистической войной пространство расширяется до границ России и – шире – Европы. В последующих частях с выдвиганием на первый план гражданской войны мы наблюдаем сужение пространства сначала до Верхнедонской области, затем до хутора Татарского, и, наконец, до двора Мелеховых. Главной заслугой Н. Маслина, на наш взгляд,

³ «Геософия», или «сакральная география» – национальная обусловленность культурного пространства пространством географическим. Такое определение дала Н. Ю. Желтова. Она, соответственно, является сторонником именно такого подхода в изучении пространства «Тихого Дона».

является разработанный им при анализе повествовательной модели «Тихого Дона» принцип круга. Несомненно, этот принцип применим и к пространственной организации произведения: глубоко символично то, что начинается и заканчивается роман описанием двора Мелеховых.

Статья Н. Н. Маслина была опубликована в 1971 году. А в 1976 году появляется статья Л. Н. Дарьяловой, обращенная уже непосредственно к пространственно-временной структуре «Тихого Дона». Исследовательница делает акцент на философско-эстетической основе времени и пространства романа и отмечает, что «концепция времени, философия истории у Шолохова сопрягается с временной структурой эпопеи, ее пространственным миром, и одно без другого немислимо» [4, 82]. Философия Шолохова, по мнению ученого, заключена в идее торжества жизни над смертью, «ценности жизни во всех ее проявлениях», и ведущую роль в этом играет время. Что касается пространства, то Л. Н. Дарьялова говорит об его абсолютной зависимости от времени. В качестве доказательства она высказывает мысль о расширении пространства, а это расширение происходит не только и не столько «за счет «перебросов» места действия, потому что герои очень подвижны, но, главным образом, в результате сопряжения с масштабами истории» [4, 86]. Меняется время – меняется и пространство, а все потому, «что вечно движение жизни». Кроме того, автор статьи при анализе пространства так же использует уже известный нам принцип круга. Показателем служит соотношение начала и конца романа: «Начало эпопеи – своеобразная точка пространства, «Мелеховский двор...». Взгляд повествователя очерчивает видимый круг, на север, на восток, юг и запад от база Мелеховых. Конец – тот же двор, та же точка пространства, но необычайно расширившаяся до образа вселенной» [4, 87].

Более обстоятельную характеристику пространству «Тихого Дона» дает другая исследовательница Кононова С. А. Ее работа в основном носит лингвистический характер. Однако некоторые наблюдения автора важны для нашего исследования. Кононова, рассматривая специфику шолоховского понимания пространства, отмечает: «Пространство в шолоховском тексте векторно направлено вверх к облакам, солнцу и недостижимым звездам – и вниз, к земле, а также в глубь земли, где совершается процесс сотворения жизни; пространство раскрыто во все стороны света и простирается до дальней нитки горизонта, до синюющих в дымке сторожевых курганов, оно заполнено воздушной средой, обволакивающей рельефы местности» [5, 66]. Иными словами, перед нами горизонтально-вертикальное устройство пространства «Тихого Дона». Основу горизонтального пространства составляют степь и река, которые придают ему характер бесконечности. Горизонтальное пространство служит точкой опоры пространства вертикального и противопоставлено ему по принципу «жизненное/нежизненное» пространство. Обе модели имеют четкие границы, оппозиционны друг другу. Но, по мнению Кононовой, благодаря способности небесных предметов отражаться в земных и наоборот, эти границы стираются: «Когда земные предметы находят свое отражение на небе, а небесные уподобляются земным, возникает эффект сферичности пространства. Отраженный пейзаж снимает границу между небом и землей, и сферичность пространства отражает безграничность степного космоса» [5, 72].

Первым и одним из важных «мировых ориентиров» горизонтального пространства Кононова называет двор Мелеховых: «В самом начале эпопеи... мир романа распахнут на четыре стороны света и указывается центр романа – Мелеховский двор... Писатель моделирует пространство: хутор Татарский, высокий берег Дона, Гетманский шлях, меловая хребтина горы и неоглядная степь» [5, 67]. С «распахнутостью» Мелеховского двора автор работы связывает такие важнейшие свойства горизонтального пространства, как «свобода, раздолье, простор».

Вообще, говоря о пространстве «Тихого Дона» в целом, исследователи отмечают принципиальную значимость картины Мелеховского двора в самом начале романа: «Мелеховский двор – на самом краю хутора. Воротца со скотиньего база ведут на север к Дону... На восток, за красноталом гуменных плетней, – Гетманский шлях... С юга – меловая хребтина горы. На запад – улица, пронизывающая площадь, бегущая к займищу» (Тих. Дон, 1, I). Уже с первых

строк Шолохов конструирует своеобразную модель мира, центром которого является дом, двор. Мелеховский двор оказывается вписанным в пространство хутора, в пространство истории; он организует жизнь семьи Мелеховых, символизирует стабильность, почитание традиций. Все в этом мире гармонично, подчинено законам жизни, быта, законам природы.

Пространство Мелеховского двора имеет свою особенность. Она заключается в том, что с одной стороны, пространство двора закрыто со всех сторон от «чужого» внешнего мира (Дон, степь, хребтина горы, улица), с другой стороны – оно, благодаря тем же Дону, степи, улице, абсолютно открыто внешнему миру. Эта особенность была отмечена шолоховедом, профессором Ю. А. Дворяшиным. По мнению ученого, открытость/закрытость пространства в данном эпизоде обозначают «соотношение различных элементов художественного пространства» [6, 35] (а точнее их границ) и влияют на их характер. В качестве отличительных свойств пространственной модели начального эпизода Ю. Дворяшин выделяет «приподнятость», «распахнутость» и «всесторонность». А это в свою очередь позволяет говорить о том, что пространство Мелеховского двора «выражает характер художественного пространства эпопеи» [6, 36] и являет собой «образ Вселенной как целостной космической системы» [6, 36].

Несколько иную трактовку начальному эпизоду дает Н. Кисель. Автор видит всю пространственную модель эпопеи и, в частности, двора Мелеховых в форме библейского креста: «Эпическое повествование открывает пространственная картина мироустройства, как в Книге Бытия, структура ее очерчена крестообразно, устремлена к единству, но не замкнута, открыта бесконечности, дали и выси» [7, 158]. Далее Н. Кисель рассуждает, что благодаря своей «распахнутости», пространство Мелеховского двора подвижно, текуче, но в то же время характеризуется «изначальным постоянством мира малой родины, близкой человеку и согревающей его» [7, 158].

Некоторые размышления по поводу центрального места действия «Тихого Дона» мы можем найти в учебном пособии А. М. Минаковой и М. А. Крижановской. Ученые не ставят своей целью всестороннее рассмотрение пространственной структуры Мелеховского двора. Признавая исключительную важность первых строк романа, тем не менее, они упоминают о них как бы вскользь. Исследовательницы, продолжая мысль Л. Дарьяловой, сопоставляют начало и конец романа и выделяют ключевые для этих эпизодов символы – дом (хутор) и мир (Вселенная): «Дом и мир – ключевые символы эпопеи, а между ними, ими соединенные – бытие народа и человека, жизнь и смерть, война и мир, старый «тип жизни» и революция...» [8, 5]. Таким образом, перед нами, по мысли ученых, «действительно “вселенский хронотоп”».

На наш взгляд, необходимо отметить еще один немаловажный момент: пространство двора – это отправная точка. Именно со двора, родного дома начинается поиск Григорием своей правды, и именно в родной дом возвращается после долгих скитаний сам Григорий и другие члены его семьи (равно как и все герои романа). Иными словами, Мелеховский двор это не просто место, где живет Григорий, но оно определяет его характер, влияет на судьбу. Мелеховский двор – это призма, сквозь которую автор смотрит на окружающий мир, вскрывает вечные вопросы бытия; это эпицентр исторического столкновения двух миров и судьба одного человека в этом столкновении. Схожее мнение о такой интерпретации роли пространства двора Мелеховых высказал шолоховед В. В. Кожин: «Двор сдвигается на «край», и в этом судьба главного героя – особенная, «избранная» – избранная и в смысле побед, и в смысле поражений. И эти воротца, ведущие на север в беспредельное пространство России, причем такое сугубо «местное», чисто «провинциальное» явление, как приют для скота, прямо сопряжено с открывающимся путем на север, откуда грядет решение судеб. Словом, в «образе» Мелеховского двора проступает образ самого героя – его вольность и устремленность за пределы отлаженного быта, его ощущение неограниченности бытия» [9, 68].

Помимо работ, посвященных анализу некоторых свойств и функций пространства «Тихого Дона» как целостной системы и исследованию одного из ключевых структурных звеньев пространственной модели – двора Мелеховых, можно выделить в общем контексте шоло-

поведения труды, связанные с изучением отдельных компонентов пространства (Дон, степь, дорога).

В 1985 году в сборнике «Поэтический мир Чехова» была опубликована статья В. М. Трофимова, обращенная к вопросу о содержании образа степи в «Тихом Доне» и одноименной повести А. Чехова. Автор поставил перед собой цель доказать преемственность традиций «Степи» в эпопее М. Шолохова, причем его волнует философско-этическая сторона этих традиций. Поэтому, в данной работе нет характеристики образа степи как пространственной структуры и не анализируется миромоделирующая функция пространства степи. Для В. Трофимова важно раскрыть внутреннее содержание «пейзажно-философских» картин степи в «Тихом Доне». Суть состоит в том, что степь, природа по-пушкински «равнодушна» к законам человеческого общежития, к «историческим испытаниям эпохи» и беспощадна к «мелко-хищническим поползновениям людей» по отношению к ней. В результате, автор приходит к следующему выводу: «Чтобы быть доброжелательным и счастливым, общественный человек как бы должен стать природой-человеком», не предавать «забвению высшие нравственные ценности, абсолютные на все времена, для всех поколений и наций» [10, 124]. В этом, по мнению В. Трофимова, заключена главная идея М. Шолохова – «идея универсума, психологического единства всего органического мира» [10, 120].

Большинство исследователей предлагают рассматривать образ степи как мифологему, «мировую природную стихию», «мировую координату». А. М. Минакова и М. А. Крижановская отмечают, что «мифологема Матери сырой земли в эпике М. Шолохова воплощена художественно как свободная природа (степь), как мировая природная стихия, символ, топоним родной земли. Степь как кодовый знак вольной природы, свободной природы пронизывает повествование, выполняет структурообразующие функции в эпопее Шолохова» [8, 10]. Такое понимание образа степи восходит к космогоническому мифу, согласно которому земля – это животворящее начало, прародительница, кормилица, но и одновременно могила. Поэтому, считают ученые, образ земли амбивалентен.

Мифологема земли составляет фундамент шолоховского мироздания и играет «демиургическую» роль в пространственно-временной организации. По мнению А. Минаковой и М. Крижановской, пространство «Тихого Дона» имеет прежде всего линейную структуру – это горизонталь, а время – это круг, «символизирующий круговорот природы, времен года, стихий». Таким образом, шолоховеды выстраивают следующую пространственно-временную структуру романа – соотношение линии и круга. Это соотношение является основой степного космоса эпопеи. Космос как миропорядок разрушается вторжением хаоса, воплощением которого выступает история – «прорывается круг природного бытия», «ломается» горизонталь.

Как мифологему образ степи рассматривает и Кононова С. А. Автор говорит о том, что «степь сопряжена в казачьем представлении с установлением миропорядка... степь – это пространство традиционности и вековых устоев казачьей жизни... именно степь воплощает собой мифологический образ Матери-сырой земли, и это определяет ее особое почитание» [5, 118]. Степь распахнута по горизонтали, вписана в круговорот жизни и смерти, в смену человеческих поколений, в круговорот природных явлений. Поэтому основным принципом пространственно-временной организации «Тихого Дона» Кононова С. А., так же, как и А. Минакова и М. Крижановская, считает «соединение горизонтали и круга».

Равной по величине мифологеме земли в романе является мифологема реки. Не случайно Дон вынесен в заглавие, «а также возникает в эпиграфах к роману» (Т. Акиншина).

Исследователи, анализируя мифологему реки, пришли к выводу, что Дон наряду со степью играет главную роль в организации пространственно-временного континуума космоса Шолохова. Пространство реки, равно как и пространство земли, амбивалентно (А. Минакова и М. Крижановская) – оно одновременно «колыбель и могила», «порождающее женское лоно» и «плодотворяющее мужское семя, заставляющее землю рожать». Пространство Дона вплетено в пространство степи, более того, Дон как бы «рассекает» степь, «проходит через ее центр», на реке, как и в степи «совершаются все события» (А. Минакова и

М. Крижановская). Река Дон в романе это не столько точка на географической карте, «не столько место действия..., а своеобразный центр, к которому стягивается философская и эстетическая система и структура эпопеи» (А. Минакова и М. Крижановская).

Кононова С. А. выделяет также несколько значений мифологемы Дона в эпопее М. Шолохова. По ее справедливому замечанию, Дон – это «разграничитель топографического пространства Руси и Донщины, символизирующий переходное состояние между жизнью и смертью и разбиение народа во время гражданской войны на два непримиримых лагеря... Дон является своего рода календарем жизни донского казачества... Дон символизирует жизненный путь казачества» [5, 118].

Т. В. Акиньшина отмечает, что Дон в художественном пространстве эпопеи выступает как ось. То есть, Дон (как и степь) это горизонталь, соединенная с кругом. Дон тесно связан с круговоротом времен года, «отличается динамикой своего проявления, обусловленной природно-временным циклом» [11, 134]. Мифологический слой пространства Дона, по мнению Т. Акиньшиной, раскрывается уже в эпиграфах к роману. Так, в первом эпиграфе Дон в союзе со степью предстает как «единый топос Донщины», как «сакральное пространство», во втором – Дон – предвестник тревожных событий, надвигающейся беды и т. д. Более того, автор статьи выделяет еще одну важную функцию мифологемы Дона – включенность в судьбу героев, тесная связь с их характерами. «При этом, – пишет Т. Акиньшина, – семантика данного символа обогащается за счет индивидуально-авторских значений, непосредственно связанных с раскрытием различных жизненных коллизий в судьбах персонажей романа» [11, 134]. Так, ученый считает, что Дон способствует раскрытию натуры Натальи, Аксиньи; «образ Дона неизменно включен автором в сюжетную линию любви Григория и Аксиньи» [11, 135] и др.

Говоря о горизонтальном пространстве романа-эпопеи, нельзя не отметить еще одну значимую мифологему – мифологему дороги. В шолоховедении не так много научных работ, посвященных образу дороги в «Тихом Доне». Зачастую исследователи ограничиваются лишь упоминанием, краткой характеристикой функций дороги, ее структурообразующей роли. Так, например, А. Минакова и М. Крижановская отмечают, что в «хронотопе дороги» наряду со степью и рекой «воплощен пространственно-временной континуум» романа Шолохова. Кононова С. А., в свою очередь, уделяет внимание только мотиву степной дороги, указывая на то, что «дорога в степи позволяет говорить о внутренней направленности степного пространства» [5, 51]. Также автор обозначает главную дорогу Донщины – Гетманский шлях и грунтовые дороги-летники.

Наибольшую ценность для нас представляет работа Н. Кисель. Автор очень подробно, детально рассматривает мифологему дороги в пространственной структуре романа, определяет все ее основные функции, свойства, мотивы. Дорога, считает Н. Кисель, «один из главных образов мироустройства в романе... сквозные мотивы дороги пронизывают художественную ткань: дорога открыта истории..., она представляет существенные связи самой жизни, ее течение и направление, повороты и изломы...» [7, 153]. Чтобы подтвердить свою мысль, Н. Кисель сначала производит количественный подсчет употреблений слова «дорога» и отмечает их рост от первого тома к четвертому – с 96 до 130. Такая динамика, по мнению автора, обусловлена «более частым обращением автора к судьбоносным образам народной жизни». Главной чертой образа дороги, по мнению Н. Кисель, является центробежность. Причем она так же по ходу развития действия усиливается – в связи с историческими событиями дорога «сопровождает казаков повсюду, являясь знаком-символом испытаний, перемен, дорога втягивается в движение истории, становится образом жизни...» [7, 161]. Далее Н. Кисель проводит анализ мифологемы дороги каждой книги романа и показывает, как меняется характер этой мифологемы, ее структурообразующая роль; какими новыми смыслами она наполняется. Так, дорога в первой книге – это «своеобразная нить пространства, сплетающая жизненный узор событий, дней» [7, 178]. Дорога вписана в пространство родного дома, земли, реки и неразрывно с ними связана. По наблюдению Н. Кисель, дорога в первой книге выступает в нескольких ипостасях: «дорога-летник», «дорога-зимнуха», «дорога в лет-

ние лагеря», «дорога-поезд за невестой» и др. В сюжете второй книги заявляет о себе пространство города, «как место действия и выбора Истории». В этом пространстве главную роль играет дорога войны как дорога смерти, дорога истории, разлучившая казаков с родной Донщиной. С образом дороги здесь связаны переломные вехи истории: «война (дорога смерти)», «корниловский заговор и революционные события в Петрограде и на Дону (железная дорога)», «ледяной поход Добровольческой армии», «подтелковская экспедиция и начатки гражданской войны» – «все это судьбоносные дороги истории». Третья книга – Верхнедонское восстание, пространство родных мест, степная дорога: «Дороги по степным задонским краям, вслед кровавым событиям гражданской войны – гонит по ним людей злая воля социальной борьбы» [7, 51]. Мотив степной дороги воплощен в образах «дороги-возмездия» и «дороги в отступ», которые сливаются в одну дорогу смерти. Центральная мысль четвертой книги – жизнь окончательно теряет привычное русло и вновь «дорога становится ведущим образом пространственной картины мира» [7, 62]. Все предыдущие мотивы дороги «собираются в единый кульминационный образ дороги в отступ». Кроме этого, Н. Кисель выделяет здесь и образ «дороги-смертной муки», по которой «бредут пленные красноармейцы» и образ «дороги к родному пепелищу – разрушенному родному дому и подворью». В четвертой книге получают окончательное завершение и жизненные дороги-пути героев. Чаще всего они ведут к смерти, или же возвращают к истокам жизни, но, как в случае с Григорием, «не оправдают его надежд возле земли жить».

В итоге, в ходе анализа Н. Кисель приходит к выводу, что мифологема дороги в «Тихом Доне» многозначна:

1. «Дорога – образ пространственной модели, воссоздает иллюзию пространственного течения жизни».
2. «Дорога – хронотоп, сливается с историческим движением жизни, с сюжетобразующими событиями».
3. «Дорога – жизненный путь – судьба, ключевая метафора духовного самоопределения народа и личности в истории, поисков правды жизни и обретения своей судьбы» [7, 165].

В перечне работ, посвященных отдельным компонентам пространственной картины мира «Тихого Дона», следует выделить статью Т. Д. Четвериковой. Исследовательница, рассматривая категории воды и земли в романе, также подчеркивает их мифологическую основу (степь-матушка и Дон-батюшка). Однако, автор, рассуждая в духе коллективного бессознательного Карла Юнга, предлагает называть категории земли и воды не мифологемами, а архетипами. По мнению Т. Четвериковой, архетипы, «органически вплетаясь в художественную ткань, высвечивают глубинные, генетические связи идиостиля писателя с архетипическими пластами русского и – шире – общеславянского языкового сознания» [12, 100]. Автор статьи наряду с традиционными архетипами (земля – мать, месяц – краюшка хлеба) выделяет в романе архетипы казачьей культуры (Дон – отец, месяц – молодой казак).

Особняком стоит работа еще одной исследовательницы, занимающейся изучением пространственных компонентов романа – статья Н. В. Слиты. Соглашаясь с тем, что «вода и земля – это первоисточки человеческой жизни» [13, 42], и что через них Шолохов «выходит на вечные законы жизни и смерти, законы человеческого бытия» [13, 43], Н. Слита, тем не менее, не определяет данные категории ни как мифологемы, ни как архетипы. Данная работа носит структурирующий характер, автор выстраивает иерархию смыслов категорий «земля» и «вода». По мнению Н. Слиты, эти категории включают в себя по шесть смыслов. Категория «земли»: «географический регион»; «земля своя и чужая»; «матушка-кормилица»; «Великая Мать, Богородица, дающая жизнь»; «память о родном доме»; «место для захоронения». Категория «воды»: «река Дон (батюшка)»; «дождь»; «истоки жизни»; «течение жизни»; «омоление героев – возвращение к исходной чистоте»; «живая» и «мертвая» вода».

В начале 2000-х годов в шолоховедении появляется качественно новый подход к проблеме пространственной картины мира эпопеи «Тихий Дон». Он предполагает изучение культурного пространства романа, а точнее национальную обусловленность культурного пространства пространством географическим. Автором данного подхода является

Н. Желтова. Для его обозначения она вводит понятие «геософии» или «сакрального пространства». Объектом своего исследования Н. Желтова называет «геософию» русского пространства в романе «Тихий Дон». Такой выбор ученый объясняет тем, что роман Шолохова «составляет отдельный, качественно новый этап в осмыслении феномена русской души, в осознании незыблемых констант национального бытия... художник фактически впервые в русской литературе изобразил личность из народа, равную масштабу эпохи, национальной истории, философии бытия, эстетике жизни, духовной культуре...» [14, 54]. Прежде чем дать характеристику топосу «русского пространства» «Тихого Дона», Н. Желтова проводит скрупулезный анализ наследия русских и западных философов и славистов, которые так или иначе поднимали вопрос о русском пространстве и русском национальном характере. Опираясь на труды Н. Бердяева, Г. Гачева, А. Панченко, А. Блока, М. Горького, И. Ильина, Ж. Нивы, А. Вежбицкой, Е. Колтоновской и многих других, исследовательница пришла к выводу, что «пространственно-географический фактор является естественным национальным историко-культурным ядром, определившим не только устойчивые черты бытовой, внешней стороны жизни русского народа, но и обусловившим особенности его бытия, духовной организации, формирование характера» [14, 51].

По мнению Н. Желтовой, важно определиться с границами понятия «русское пространство», так как оно достаточно обширно. В качестве таких основных его границ ученый выделяет следующие «культурные концепты» – «мать сыра земля, поле, простор, вера, воля, дорога, тоска, правда, душа...». Именно на этих концептах и акцентирует свое внимание Н. Желтова. Так, например, рассматривая концепты «простор» и «даль», исследовательница приходит к заключению, что они «теснейшим образом связаны с концептосферой русского пространства, являются его неотъемлемой частью... входят в общий комплекс понятий, раскрывающих национальную философию пространства, связанную с его беспредельностью и бесконечностью» [14, 59]. Григорий Мелехов – «человек простора», «бескрайней степи». Он не задавлен пространством и не властвует над ним, но находится с ним в гармонии. Пространство родного дома, родной земли для Григория это сакральное пространство, все, что за пределами воспринимается как чужое. Отсюда постоянная тяга героя к дому. Образ дали, как отмечает Н. Желтова, появляется почти в конце романа и связан в первую очередь с «пробуждением от тяжелой болезни» Аксиньи. В ее сознании даль – это «брошенная родина», призыв «родной дали вернуться домой». Образ дали связывает в конце романа сюжетные линии Григория и Аксиньи, символизирует стремление не только в родной дом, но и к друг другу.

В подобном ключе Н. Желтова анализирует и другие концепты: «воля и свобода», «поиск правды», «феномен русской удали», «волчиное сердце» Григория», «стихия народной песни»⁴.

Подводя итоги, следует сказать о том, что, в современном шолоховедении прочно закрепились две модели пространства «Тихого Дона». Первая – мифологическая, в ее основе лежат представления об универсальных элементах пространства (земля, река, небо, дорога) как о мифологемах, или архетипах. Они образуют горизонтальную и вертикальную мировые координаты пространства эпопеи. Вторая модель – национальная, или историко-культурная, включающая в себя изучение влияния географического фактора на особенности быта и бытия народа. Также шолоховеды определили структуру пространства романа (горизонталь и вертикаль, уходящие в бесконечность, соединение горизонтали и круга) и его основные свойства (распахнутость, разомкнутость, всесторонность, подвижность, защищенность, сакральность).

Таким образом, тема пространства «Тихого Дона» на сегодняшний день действительно актуальна, интерес к ней растет. Наша работа по изучению образа русского пространства в романе М. А. Шолохова это еще один вклад в шолоховедение по детальному изучению данной проблемы.

⁴ Более подробно с этим материалом можно ознакомиться в книге Желтовой Н. Ю. Проза первой половины XX века: поэтика русского национального характера. Тамбов, 2004. С.251-290.

Литература

1. Дворяшин Ю. А. М. Шолохов: грани судьбы и творчества. М. : Синергия, 2005. 224 с.
2. Муравьева Н. М. Художественное время и пространство «Донских рассказов» М. А. Шолохова // Шолоховские чтения. М., 2004. Вып. 4. С. 67-71.
3. Маслин Н. Н. М. А. Шолохов // История русской советской литературы : в 4-х т. М., 1971. Т.4. С. 177-216.
4. Дарьялова Л. Н. Философско-эстетическая концепция художественного времени и пространства в эпопее Шолохова «Тихий Дон» // Жанр и композиция литературного произведения. Калининград, 1976. Вып.3. С. 81-88.
5. Кононова С. А. Донская степь как художественное пространство в языке М. А. Шолохова: дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 165 с.
6. Дворяшин Ю. А. М. А. Шолохов и русская проза 20-30-х годов о судьбе крестьянства. Новосибирск, 1991.
7. Кисель Н. Образ дороги в пространственной картине мира «Тихого Дона» // Дон, 1999. Вып. 3-4. С. 151-191; Вып. 5-6. С. 49-76.
8. Минакова А. М, Крижановская М. А. «Степной космос» М. А. Шолохова : учеб. пособие для студентов филол. фак. по спецкурсу «русская литература и мифология». Армавир, 1992.
9. Кожинов В. В. «Тихий Дон» М. А. Шолохова // Шолоховский вестник. – Сургут, 2007. Вып. 2. С. 68-69.
10. Трофимов В. М. Философско-этическое содержание образа «степи» в одноименной повести А. П. Чехова и эпопее «Тихий Дон» М. А. Шолохова // Поэтический мир Чехова. Волгоград, 1985. С. 116-124.
11. Акиньшина Т. В. Топос реки в художественном пространстве романа М. А. Шолохова «Тихий Дон» // Вестник Елецкого государственного университета. Елец, 2004. Вып. 14. С. 132-142.
12. Четверикова Т. Д. Образы земли, воды и огня в художественном мире М. А. Шолохова // Вопросы филологии. Вып. 3. М., 2006. С. 96-100.
13. Слита Н. В. Категория «земли» и «воды» в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» // М. А. Шолохов в общественном сознании XX века: сб. науч. ст. и матер. Сургут, 2001. С. 42-46.
14. Желтова Н. Ю. «Геософия» русского пространства: простор и даль в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» // Проблемы национального самосознания в русской литературе XX века : сб. науч. труд. Тверь, 2005.

**ПЕДАГОГИКА,
ПСИХОЛОГИЯ**

Т.Г. Визель, Т.С. Колесникова, Ю.А. Елисеева

ФГУ МНИИ психиатрии Росздрава, г. Москва

Об одном из вариантов сенсорной афазии

About one of the variants of sensory aphasia

УДК 616.83

Аннотация. Статья посвящена одному из наиболее тяжелых нарушений речи у взрослых – афазии. Описан один из ее вариантов – сенсорная афазия, имеющая нестандартные клинические проявления. Приводятся результаты нейропсихологической диагностики больного, примеры допускаемых больным искажений в письменной речи. Обсуждаются причины развития данного синдрома афазии.

Summary. The article is devoted to one of the most serious speech disturbances of adults – aphasia. It is described one of its variants there – sensory aphasia, which has nonstandard clinical implications. There have been given some results of neuropsychological diagnostics of a patient and examples of his mistakes in written speech. The reasons for development of the given syndrome of aphasia are discussed in the work.

Ключевые слова: сенсорная афазия, диагностика, нарушения, ошибки, компенсация.

Key words: sensory aphasia, diagnostics, disturbances, mistakes, compensation.

Сенсорная афазия впервые описана К. Wernice (Вернике) в 1874 году. Впоследствии синдром сенсорной афазии подробно изучен А. Р. Лурией (1969) в рамках нейропсихологической концепции афазий [1]. А. Р. Лурия исследовал больных с поражением задней трети первой височной извилины левого полушария и нашел, что «основной дефект, возникающий как следствие поражения вторичных отделов слуховой коры, состоит в нарушении сложных форм слухового анализа и синтеза, и прежде всего, в нарушении фонематического слуха».

Наряду с этим, А. Р. Лурия указывает, что основным симптомом поражения верхневисочной области левого полушария является акустическая агнозия. Таким образом, по данному автору, расстройства и языкового, и гностического уровней речевой функции являются при сенсорной афазии ведущими, лежащими в основе синдрома. В результате у больных наблюдаются трудности понимания обращенной речи, смысл слов «отчуждается» от обозначающих их предметов. Устная речь становится сбивчивой, лишенной вещественных слов и заполненной большим числом парафазий. Звуковые оболочки слов теряют стабильность, звучание слова (по определению Э. С. Бейн, 1964) «ускользает» от больного, появляются логорея и wortsalat [2]. Темп речи возрастает, информативность высказывания резко падает. Больные не могут подвергнуть контролю качество своей речи, потому что не улавливают в ней искажений, появившихся в результате заболевания.

Вместе с тем, многие больные непроизвольно сохраняют присущую им речевую манеру, характеризующую их преморбидный языковой портрет. Это создает определенное стилистическое своеобразие их высказываний (Т. Г. Визель, 1989) [3]. Письменная речь больных также расстраивается, и в ней обычно находят отражение особенности устной речи и причины ее нарушений. А. Р. Лурия пишет: «Для письма требуется полная сохранность четкого фонематического слуха. При нарушении фонематического слуха мы наблюдаем распад звуковой структуры слов <...>, который лежит в основе письма». Таким образом, сенсорная афазия обычно представляет собой сложный симптомокомплекс расстройств, при котором специфическим образом нарушены все стороны импрессивной и экспрессивной речи».

Однако наша клиническая практика показывает, что встречаются больные с сенсорной афазией, у которых имеются определенные несовпадения клинической картины с той, которую описал А. Р. Лурия. Некоторые из таких синдромов, названные атипичными, описаны Т. Г. Визель (2002) [4]. В настоящей публикации мы представляем интересную, на наш

взгляд, и относительно редко встречающуюся диссоциацию в структуре речевого дефекта у больного с сенсорной афазией. Она состоит в том, что у больного при обследовании было практически сохранено понимание обращенной речи.

Собственная устная речь, включая повторение слов и бессмысленных речевых единиц, была нарушена, но негрубо, нарушения, характерные для сенсорной афазии, наблюдались редко. Вместе с тем, письмо этого больного было грубо пострадавшим. С особенной отчетливостью выступал распад звуковой структуры слов, в результате чего больной допускал многочисленные ошибки: списывал с ошибками, самостоятельное письмо или письмо под диктовку оказывалось практически невозможным, и больной записывал случайный, неадекватный набор букв, допускал ошибки типа замены оппозиционных фонем, перестановки звуков, не мог вычленивать отдельные фонемы. Картина распада его письменной речи полностью совпадала с той, которая характерна для сенсорной афазии (А. Р. Лурия, 1969; Э. С. Бейн, 1964 и др.) [1, 2]. Именно нарушения письма позволили речевое расстройство у данного больного квалифицировать как сенсорную афазию.

Далее приведено клиническое наблюдение, демонстрирующее механизмы заболевания и структуру речевого дефекта больного, а также особенности способов компенсации нарушенных речевых функций.

Больной Сив-к Е.Н. (36 лет) 1973 г.р., и/б № 1112. Поступил в Центр 23.07.10 года для прохождения курса нейрореабилитации.

Anamnesis vitae: Больной имеет средне-специальное образование. Знает два языка итальянский (свободно) и китайский, работает в строительной компании, архитектором-дизайнером. Группы инвалидности нет, больной является временно нетрудоспособным, имеет больничный лист.

Anamnesis morbid: 06.03.10 года плохо себя почувствовал на улице после работы, потерял сознание, упал – ударился головой, очнулся уже в нейрохирургическом отделении ГКБ № 1, была проведена первичная обработка ран головы. От дальнейшей госпитализации отказался. Самостоятельно 07.03.10 года вернулся на работу, где к середине дня почувствовал себя плохо: усилилась головная боль, головокружение, беспокоила боль в области раны, самостоятельно вызвал СМП, был госпитализирован снова в нейрохирургическое отделение ГКБ № 1. В отделении состояние ухудшилось – уровень сознания снизился до комы. Был выписан 21.04.10 года с диагнозом: открытая черепно-мозговая травма. Ушиб головного мозга средней тяжести. Перелом костей носа без смещения. Эмпиема в левой лобно-височно-теменной области. Абсцессы теменной доли левого полушария.

Данные инструментальных исследований: КТ головного мозга с контрастированием (31.03.10 г.): эмпиема в левой лобно-височно-теменной области 8 см³, отек-ишемия левой лобной доли 14 см³. Абсцессы теменной доли левого полушария. Ретробульбарная гематома + инфильтративные изменения с нагноением в передне-верхних отделах левой орбиты, что полностью подтверждают статус больного.

Ds: Посттравматическая энцефалопатия. Левосторонняя пирамидная недостаточность. ИБС. Артериальная гипертензия. Сенсорная афазия.

Результаты нейропсихологического обследования при поступлении: пациент ориентирован в месте, во времени, собственной личности; контакт возможен, но вступает неохотно. Критика снижена, несколько тревожен, адекватного поведения. Отмечаются грубые нарушения нейродинамических процессов психической деятельности, проявляющиеся в повышенной истощаемости, колебаниях произвольного внимания, трудностях включения в задание и переключения с одного вида деятельности на другой, инертности, инактивности, флуктуации возможностей.

Импрессивная речь: первичных нарушений фонематического восприятия не выявлено. Больной выполняет простые устные инструкции, сложные (многочленные) не всегда. Объем слухоречевой памяти сужен (3-4 элемента), отмечается слабость слухоречевых следов. На истощении отмечаются парагнозии, явления отчуждения смысла слова. Первичные расстройства понимания обращенной речи отсутствуют. Иногда отмечается «псевдоотчуждение смысла слова», обусловленное трудностями нейродинамического характера, трудностями включения в задание.

Экспрессивная речь: спонтанная речь представлена достаточно развёрнутыми по синтаксической структуре фразами, которые нередко носят, однако, стереотипный характер (использо-

вание речевых штампов). Аграмматизмы единичны. Словарь представлен разнообразной лексикой, имеются отдельные литеральные и вербальные парафазии, персеверации. Несколько увеличен латентный период актуализации малочастотных слов. При серийном предъявлении названий предметов и частей тела иногда возникает отчуждение смысла слова. Отмечаются трудности называния, преимущественно предметов. Повторение фраз зависит от сложности фразы, требуется неоднократное предъявление, например, сыворотка из-под простокваши – сыворот из простоке; крыша дома, стоящего на опушке леса, покрыта мхом – крышка леса ... крышка леса ... крышка дома покрыта мхом и др.

Аграмматизмы в собственной речи редки, имеются лишь паузы, свидетельствующие об определенных трудностях формулирования мысли и изменения просодической (темповоритмической) стороны высказывания, которое снижено по уровню разборчивости, слова произносятся убыстренно и «свернуто».

Автоматизированная речь доступна, перечисление дней недели, порядковый счёт сопровождается подкрепительным жестом (загибанием пальцев). Дезавтоматизированная речь нарушена: при обратном перечислении дней недели отмечаются персеверации. Качество пересказа зависит от длины и сложности рассказа, отмечаются трудности удержания сюжетной линии (табл. 1).

Таблица 1

Текст	Больной
<p>ХОЗЯЙКА И МЫШИ У хозяйки в погребе мыши съели сало. Тогда хозяйка впустила в погреб кошку, а кошка съела и сало, и сливки и рыбу.</p>	<p>У хозяйки образовались мыши. Хозяйка пустила кота, а кот съел сливки, мышей.</p>

Праксис: во всех видах динамического праксиса – упрощение программы, персеверации.

Письмо грубо нарушено (рис. 1, 2). Даже при списывании отмечаются грамматические ошибки, замены по акустической близости, замены предложных окончаний. Письмо под диктовку – замены по акустической близости и общности зрительного образа, глубинные персеверации / БА-ФА; ЛА-ПА; ВА-ФА. Больной так записывает продиктованные слова велосипед, ромашка, подоконник:

Рис. 1. Письмо под диктовку

Инструкция: *Напишите вопрос!*

Кто де лётя

Вопрос: Что вы написали?

Больной: Кто это.

Инструкция: *Напишите фразу.*

Лев!

Вопрос: Что вы написали?

Больной: Лев.

Рис. 2. Спонтанное письмо

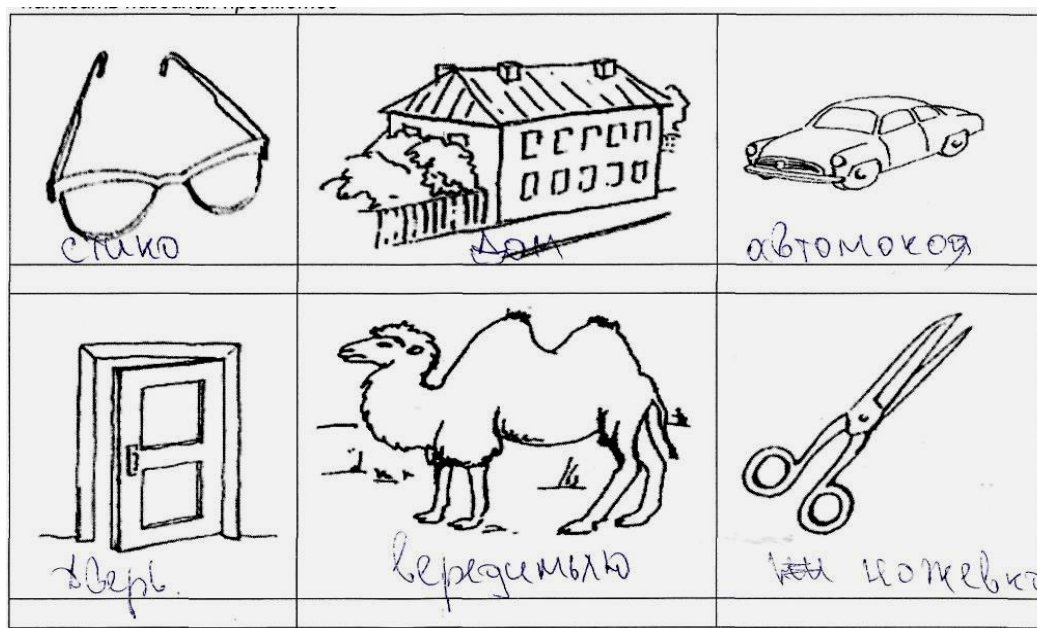

Рис. 3. Подписи к картинкам

Как видно из рис. 3, на сделанных больным подписях присутствуют многочисленные вербальные и литеральные парафазии, пропуски и перестановки букв, антиципации. Чтение с грубыми искажениями, понимание смысла текста неполное, зависит от объёма и сложности текста. Чтение угадывающее, больной пропускает слова, заменяет слова близкими по смыслу словами. Счёт: первичных нарушений не выявлено. Наблюдаются трудности включения в этот вид деятельности. Ошибки обусловлены флуктуациями возможностей.

Предметный зрительный гнозис не нарушен (рис. 4). Зрительный гнозис при изображении геометрических фигур грубо расстроен (рис. 5).

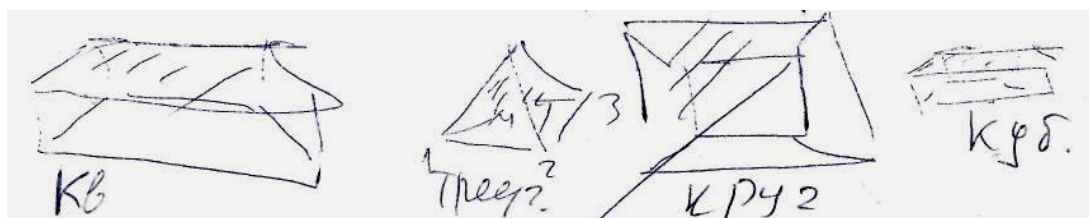

Рис. 4. Дорисовывание геометрических фигур

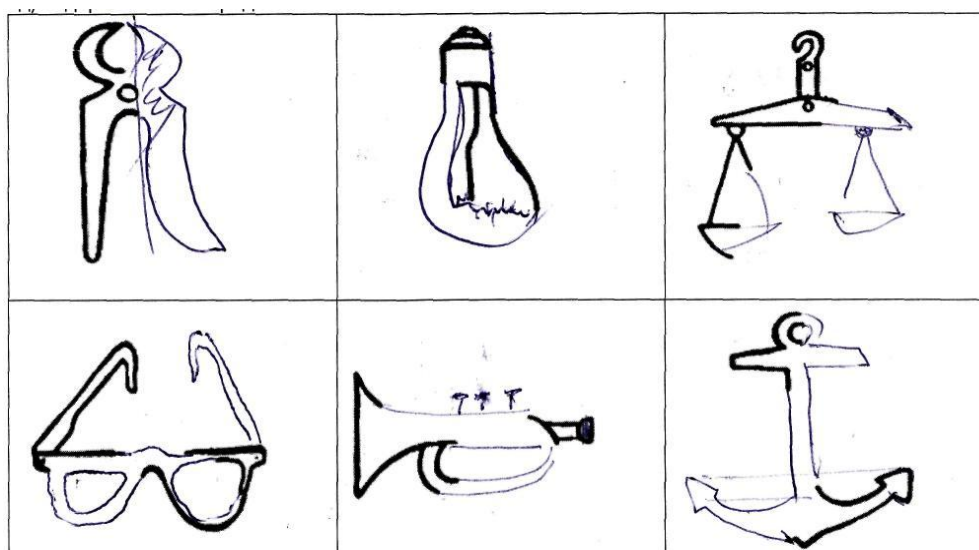

Рис. 5. Дорисовывание предметов

Память: объём слухо-речевой памяти сужен до 2-3 элементов.

Интеллектуальные процессы: решение арифметических задач невозможно из-за трудностей понимания условий задачи. Интерпретация пословиц и поговорок затруднена (вместо интерпретации смысла больной говорит, что «это пословица»).

Таким образом, описанная картина афазии у больного характеризуется наличием в структуре дефекта диссоциации между состоянием устной и письменной речи.

Суммируем кратко еще раз основные особенности устной и письменной речи больного. Устная речь развернута, используемая разговорная лексика достаточна по объему. В то же время на письме имеются грубейшие искажения звуко-буквенного состава слова с многочисленными антиципациями, контаминациями, недописываниями слов и вставными элементами. В приведенных на рисунке 3 образцах письма больного прослеживаются интересные искажения по типу соединения (контаминации) фрагментов двух слов, относящихся к ассоциативному кусту, всплывающему при попытке написания заданного слова.

Возможно, такая нестандартная картина соотношения нарушений в устной и письменной речи объясняется индивидуальными особенностями мозговой организации речевой функции больного. Можно предположить, что у данного больного функционально высоко активно интактное правое полушарие, что и сыграло решающую роль в спонтанной компенсации дефекта устной речи. Такой механизм регресса нарушений принято связывать с наличием левшества или амбидекстрии (Т. А. Доброхотова, Н. Н. Брагина, 1977; Э. С. Симерницкая, 1978; А. В. Семенович, 1991; М. К. Бурлакова, 1997 и др.) [5, 6, 7, 8, 9].

Подтверждением этой версии являются, как мы думаем, и особенности устной речи больного, а именно ее свернутость, характерная для функционирования «правого мозга» вообще (симультантные тенденции). Грубость же расстройств письменной речи вытекает из того факта, что оно труднее других функций компенсируется за счет правого полушария, так как письмо требует линейных, сукцессивных, то есть специфически левополушарных, действий. Компенсация письма за счет опоры на оптический канал также оказалась не актуальной, поскольку у пациента имеется оптическая агнозия на рисованные знаки, отчетливо распознаваемая на рисунке 5.

Что касается несовпадения результатов топического диагноза КТ-исследования и нейропсихологического обследования, то оно объясняется: а) достаточно частыми для клиники локальных поражений мозга явлениями патологического влияния пораженной зоны, в данном случае, теменной, на пограничную височную; б) результатами спонтанных компенсаторных процессов, меняющих картину функционирования различных зон мозга.

Представляется, что выявленные диссоциации в симптомокомплексе расстройств больного имеют теоретический и практический интерес и ещё раз показывают необходимость индивидуального подхода к каждому случаю речевого расстройства. Кроме этого, они позволяют расширить представление о разнообразии клинических проявлений картины афазий, в частности, ее сенсорной формы.

Литература

1. Лурия А. Р. Высшие корковые функции человека. М.: МГУ, 1969. 504 с.
2. Бейн Э. С. Афазия и пути ее преодоления. М.: Медгиз, 1964. 220 с.
3. Визель Т. Г. Особенности языковой личности больного с афазией и проблема межполушарной асимметрии мозга. «Язык и личность». М.: Наука, 1989.
4. Визель Т. Г. Атипичные афазии: автореф. дисс... докт. психол. наук. М., 2002.
5. Доброхотова Т. А., Брагина Н. Н. Функциональная асимметрия и психопатология очаговых поражений мозга. М.: Медицина, 1977.
6. Симерницкая Э. Г. Доминантность полушарий. Нейропсихологические исследования / под ред. А. Р. Лурии. Вып. 107. М.: МГУ, 1978. 95 с.
7. Семенович А. В. Межполушарная организация психических процессов у левшей. М.: МГУ, 1991. 95 с.
8. Бурлакова М. К. Речь и афазия. М.: Медицина, 1997. 279 с.
9. Ахутина Т. В. Нейролингвистический анализ динамической афазии. М.: МГУ, 1975. 143 с.

А. К. Железнова

Комплексный центр социального обслуживания «Зеленоградский», г. Москва

**Роль ближайшего окружения в развитии детей
из социально незащищенных семей**

**Role of close environment in the process of upbringing children
from socially unprotected families**

УДК 159.922.7

Аннотация. Статья посвящена сравнительному изучению социально незащищенных и обычных семей с детьми как социальной среды развития ребенка на материале детских представлений о ближайшем окружении. В статье проведен анализ количества (абсолютного и относительно общего числа связей) и возрастной динамики родственных, дружеских, и прочих связей обозначенных ребенком как позитивные, негативные или амбивалентные.

Summary. The article is devoting comparative study social unprotected and ordinary family as a child development source. The article is making use of child performances about social surroundings. Was mode the analysis of quantity and age movement of positive, negative, ambivalent related, friendly and other communications.

Ключевые слова: развитие ребенка, семья как источник развития, социально незащищенная семья, социальные связи ребенка в его представлениях.

Key words: child development, family as development source, social unprotected family, child social communications in child performances.

В отечественной психологии, разрабатывающей идею Л. С. Выготского о социальной обусловленности развития специфически человеческих психических функций и свойств, развитие рассматривается как присвоение ребенком знаний и опыта, накопленных человечеством, и носителем этого опыта на первых этапах развития ребенка выступает, прежде всего, семья, близкие взрослые. В процессе общественного развития функции образования и воспитания все больше передаются семье, которая превращается в самостоятельную экономическую единицу, а ее связи с обществом становятся все более опосредствованными. Тем самым система отношений «дети в обществе» вуалируется, закрывается системой отношений «ребенок – семья», а в ней – «ребенок – отдельный взрослый» [1].

В семейной системе, при безусловной активности всех ее членов, ведущая, доминирующая роль принадлежит взрослым. Посредством общения взрослые, прежде всего родители, оказывают влияние на ребенка. Взрослый вводит ребенка в мир созданных людьми предметов. Взрослый ставит перед ребенком познавательные задачи, задачи овладения какими-либо действиями, от него ребенок получает одобрение, оценку, действия ребенка подкрепляются или не подкрепляются. Взрослый же воспринимается ребенком как субъект, как личность, как представитель общества.

Общение ребенка со взрослым влияет на его собственную сферу общения, на овладение речью, на развитие самосознания и формирование привязанностей, и в дальнейшем на формирование отношений со сверстниками. Л. С. Выготский уточняет: «Ни в одном из известных типов развития никогда дело не происходило так, чтобы в момент, когда складывается начальная форма, уже имела место высшая, идеальная, появляющаяся в конце развития, и чтобы она непосредственно взаимодействовала с первыми шагами, которые делает ребенок по пути развития этой начальной, или первичной, формы. В этом заключается величайшее своеобразие детского развития в отличие от других типов развития, среди которых мы никогда такого положения вещей не можем обнаружить, и не находим... Это, следовательно, означает, что среда выступает в развитии ребенка, его личности, специфических человеческих

свойств, как источник этих процессов. Среда играет здесь, таким образом, «роль не обстановки, а источника развития» [2].

Семья на ранних, наиболее важных для дальнейшего развития этапах жизни является единственной, а позднее одной из наиболее важных социальных групп, в которые включен ребенок. Семейные отношения, как правило, выступают в роли наиболее значимых, важных для ребенка. Именно жизнедеятельность семьи (семейные коммуникации, система ролей, механизмы семейной интеграции и т. п.) определяет характер дальнейшего развития взаимодействия с ребенком [3]. Б. Г. Ананьев, исследуя возрастную периодизацию жизненного цикла человека, отмечал, что дошкольное детство характеризуется, кроме прочего, постепенным упрочением семейных и других социальных отношений в ближайшей среде [4].

Дефицит общения со взрослыми на ранних этапах развития ребенка отрицательно сказывается не только на умственном развитии ребенка, но и на развитии его личности в целом. Недостаток внимания со стороны взрослых, непонимание или игнорирование потребностей ребенка может стать источником возникающих между ребенком и взрослыми конфликтов, а при определенных условиях может привести к невротизации, психическим и психосоматическим заболеваниям, глубоким личностным нарушениям [5, 6, 7]. Таким образом, семья для ребенка – необходимый источник развития, и она же может стать источником осложнений развития. Следовательно, возникает задача анализа культурной и социальной среды развития ребенка с точки зрения того, насколько она может выполнять роль источника развития и задачи определения направления развития, которое этот источник задает.

Исходя из вышеизложенного, задачей настоящего исследования явилось изучение особенностей восприятия культурной и социальной среды развития детей из социально незащищенных семей.

Основная цель исследования – изучить особенности детских представлений об отношениях с ближайшим окружением у детей из социально незащищенных семей.

Материал и методы исследования. Основную группу составили дети из многодетных, опекунских, неполных семей, семей матерей-одиночек, семей с инвалидами-родителями, семей малообеспеченных или утративших кормильца, отнесенные к «социально незащищенным» категориям и получающие государственную поддержку. Все дети основной группы посещали развивающие занятия, организованные отделением социальной помощи семье и детям (ОСПСиД) КЦСО «Зеленоградский» Зеленоградского АО (Москва). Контрольную группу составили дети из обычных семей, не посещавшие отделения социальной помощи.

Исследование проводилось с учетом следующих возрастных особенностей:

- 1) средние дошкольники – дети 4-5 лет;
- 2) старшие дошкольники – дети 6-7 лет;
- 3) младшие школьники – дети 8-11 лет.

Таблица 1. Численность обследованных детей с учетом возраста

Возраст	Основная группа	Контрольная группа
4-5 лет	18	12
6-7 лет	20	12
8-11 лет	17	22
4-11 лет	55	46

В исследовании использована «Карта социальных связей ребенка» (КССР). Эта методика имеет многочисленные варианты и в настоящее время широко используется в области социальной работы с семьей, являясь составным элементом исследования социальных контактов.

Идея использованного в настоящей работе варианта взята из голландской методики социальной работы «Помощь в собственном окружении» (Ван Я. Сюстерен, К. Деккерс, 1992). Исследование по данной методике проводится в два этапа, которые следуют непосредственно друг за другом. На первом этапе ребенку предлагается лист с изображением 16 горизон-

тально расположенных овалов. В центральный овал вписано слово «Я». Указывая на центральный овал, экспериментатор говорит ребенку: «Здесь находишься ты, а где будет мама?». Ребенок указывает на один из овалов, а экспериментатор вписывает в него слово «мама» и задает следующий вопрос: «Кто еще у тебя есть?» Ребенок называет. «Куда мы его (её) поместим?» Ребенок показывает, экспериментатор записывает, и так далее, пока не будет названо все ближайшее окружение. Если ребенок называет только родственников, экспериментатор задает вопросы: «А друзья у тебя есть? Может быть, у тебя есть друзья во дворе или на даче?» Иногда ребенок называет близких людей, которые уже ушли из жизни, нередко называет животных, живущих в доме, или животных, с которыми ему довелось общаться. Эти связи тоже фиксируются, с пометкой «особые». В результате может быть заполнено не 16 овалов, а меньше или больше (дополнительные овалы изображаются в том месте, на которое указывает ребенок).

На втором этапе экспериментатор обозначает первую связь: «Вот ты, а вот мама. Мама хорошо к тебе относится? А ты к ней? Если хорошо, мы поставим «+», если плохо – «-», если по-разному, когда хорошо, когда плохо, ставим «+/-». Мы можем ставить не один плюс или минус, а больше: два, три, ...десять». За этим действием следует оценка всех обозначенных связей. Связи, обозначенные ребенком знаком «плюс», называются позитивными, знаком «минус» – негативными, знаком «плюс/минус» – амбивалентными.

В исследовании, которое проводилось, согласно методике, в два этапа, нами была дана оценка «родственных», «дружеских», «особых» и «прочих» социальных связей у детей из социально незащищенных семей. Следует отметить, что почти все «особые» связи были оценены детьми как позитивные, и в зависимости от характера отнесены либо к «родственным», либо к «дружеским» связям.

Результаты и обсуждение. Показатели основных типов социальных связей, полученные в результате проведенного исследования, представлены в таблице 2.

Таблица 2. Основные типы социальных связей у детей из социально незащищенных семей

Характер связи	Возраст	Тип связи				
		родственные	дружеские	прочие	особые	всего
Позитивные	4-5 лет	6,8	4,5	0,8	-	12,7
	6-7 лет	7,7	5,9	0,2	-	14,2
	8-11 лет	8,2	8,3	2,4	-	18,9
Негативные	4-5 лет	0,7	0,7	0,1	-	1,3
	6-7 лет	0,3	0,9	0,1	-	1,2
	8-11 лет	0,4	0,5	0,1	-	1,1
Амбивалентные	4-5 лет	1,8	0,7	0,1	-	2,9
	6-7 лет	7,2	0,3	0,0	-	1,6
	8-11 лет	1,2	1,4	0,4	-	2,6
Всего	4-5 лет	9,4	6,0	1,1	2,2	17,3
	6-7 лет	9,4	7,2	0,3	0,5	17,6
	8-11 лет	9,4	10,2	3,0	0,6	22,9

Анализ типов социальных связей, полученных в возрастной группе 4-5 лет, показал, что в основной группе общая численность связей, оцененных как негативные и амбивалентные, оказалась выше, по сравнению с контрольной группой, в то же время численность связей, получивших позитивную оценку, оказалась ниже, по сравнению с контрольной группой.

При оценке «родственных» связей наблюдалась уже отмеченная тенденция, когда численность связей, оцененных как негативные и амбивалентные, была выше в основной группе, по сравнению с группой контроля. Достоверные различия были получены по критерию амбивалентных связей ($p < 0,040$). Численность «родственных» связей ребенка, получивших позитивную оценку, в основной группе была ниже, чем в группе контроля.

Анализ «дружеских» связей в возрастной группе 4-5 лет показал, что численность позитивных связей в основной и контрольной группе практически не различается. В то же вре-

мя связей, получивших негативную оценку, в основной группе оказалось больше, по сравнению с контрольной группой, тогда как амбивалентных связей в основной группе отмечено меньше, по сравнению с группой контроля (табл. 3).

Таблица 3. Основные типы социальных связей в группах детей 4-5 лет (%)

Характер связи	Группа	Тип связи				
		родственные	дружеские	прочие	особые	всего
Позитивные	I	39,9	25,9	4,6	-	73,9
	II	47,5	27,9	4,4	-	86,5
Негативные	I	4,0	3,5	0,3	-	6,9
	II	1,9	0,5	0,0	-	2,4
Амбивалентные	I	10,8 [^]	4,5	0,7	-	17,6
	II	4,0	6,2	0,0	-	9,5
Всего	I	55,1	34,2	6,0	14,8	100,0
	II	53,1	35,1	4,4	4,7	100,0

Примечание. Условные обозначения: I – основная группа; II – контрольная группа
Различия в основной и контрольной группах достоверны, при [^] - $p < 0,1$

Как видно из таблицы 3, оценка «прочих» связей мало отличается у детей 4-5 лет, воспитывающихся в разных социальных условиях. Так, дети основной группы негативную и амбивалентную оценку «прочим» связям давали крайне редко, тогда как дети контрольной группы «прочие» связи отмечали только как позитивные. Выявленные различия между группами не имели статистического подтверждения, в связи с чем они могут рассматриваться только в качестве тенденций.

Анализ данных, полученных в группе старших дошкольников (6-7 лет), показал, что общая численность позитивных связей, по сравнению с возрастной группой 4-5 лет, повышается. Однако различия в показателях у старших дошкольников (6-7 лет) между основной группой и группой контроля по данному критерию недостоверны. В то же время численность негативных связей в основной группе старших дошкольников (6-7 лет) больше, по сравнению с контрольной группой. В свою очередь, амбивалентных связей у детей основной группы 6-7 лет больше, по сравнению с группой контроля (табл. 4).

Дети основной группы старших дошкольников (6-7 лет), по сравнению с младшими детьми (4-5 лет), отмечают больше позитивных «родственных» связей и меньше негативных и амбивалентных «родственных» связей, сравнившись, таким образом, с детьми контрольной группы. Анализ «дружеских» связей, в свою очередь, показал, что в основной группе общая численность «дружеских» связей и позитивных «дружеских» связей меньше, чем в контрольной группе. Численность амбивалентных «дружеских» связей в основной группе также меньше, по сравнению с группой контроля. В то же время численность негативных «дружеских» связей в основной группе детей 6-7 лет больше, чем в контрольной группе.

Таблица 4. Основные типы социальных связей в группах детей 6-7 лет (%)

Характер связи	Группа	Тип связи				
		родственные	дружеские	прочие	особые	всего
Позитивные	I	45,9	29,9	1,4	-	79,5
	II	45,8	35,5	2,9	-	84,5
Негативные	I	1,5	4,6	0,5	-	6,4
	II	0,4	2,3	0,0	-	2,7
Амбивалентные	I	7,2	2,0	0,0	-	9,6
	II	7,1	3,1	0,0	-	11,2
Всего	I	55,3	37,1	2,0	3,0	100,0
	II	55,0	41,2	2,9	1,7	100,0

Примечание. Условные обозначения: I – основная группа; II – контрольная группа

Интересен тот факт, что в основной группе детей 6-7 лет растет численность «дружеских» связей, как позитивных, так и негативных, тогда как численность амбивалентных связей снижается, по сравнению с младшими детьми (4-5 лет) основной группы. Кроме того, у старших дошкольников, по сравнению с младшими дошкольниками, численность «прочих» связей и связей «особых» значительно снижается, то есть близкий круг становится более определенным, дети реже при опросе включают в него воспитателей и животных.

Анализ данных, полученных в группе младших школьников (8-11 лет) показал, что общая численность негативных и амбивалентных связей в основной группе превышает таковую в контрольной группе. В то же время численность позитивных связей в основной группе в целом несколько ниже, по сравнению с контрольной группой. При анализе отдельных типов социальных связей в группе младших школьников (8-11 лет) установлено, что в основной группе численность «родственных» негативных и амбивалентных связей выше, по сравнению с группой контроля. В то же время численность «дружеских» амбивалентных связей в основной группе младших школьников (8-11 лет) достоверно выше, по сравнению с контрольной группой ($p < 0,01$).

Анализ показал также, что численность «прочих» связей (позитивных в подавляющем большинстве) в основной группе также достоверно выше, по сравнению с контрольной группой ($p < 0,05$). В то же время, процент «особых» связей в основной группе оказался меньше, по сравнению с контрольной группой, что отмечается на уровне значимых тенденций (табл. 5).

Таблица 5. Основные типы социальных связей в группах детей 8-11 лет (%)

Характер связи	Группа	Тип связи				всего
		родствен- ные	дружеские	прочие	особые	
Позитивные	I	45,8	34,9	9,5*	-	84,6
	II	43,3	36,4	3,5	-	89,2
Негативные	I	1,3	1,2	0,3	-	3,1
	II	0,5	1,2	0,3	-	2,0
Амбивалентные	I	5,5	5,8**	1,1	-	11,7
	II	3,6	1,1	0,7	-	5,5
Всего	I	52,0	41,9	11,4^	2,0	0,5
	II	53,1	39,7	4,5	6,7^	2,9^

Примечание. Условные обозначения: I – основная группа; II – контрольная группа
Различия в основной и контрольной группах достоверны, при * - $p < 0,05$; ** - $p < 0,01$;
^ - $p < 0,1$

Сравнительный анализ двух возрастных категорий детей (старших дошкольников и младших школьников) показал, что в основной группе младших школьников общая численность связей увеличивается, за счет увеличения численности «дружеских» связей. Это соотношение сдвигается также в сторону уменьшения численности «родственных» связей. Следует добавить, что в группе младших школьников численность позитивных и амбивалентных связей выше, тогда как численность негативных ниже, по сравнению с группой старших дошкольников.

Сравнительный анализ отдельных типов социальных связей с учетом возраста детей показал также, что «дружеских» позитивных и амбивалентных связей у школьников больше, а «дружеских» негативных – меньше, чем у старших дошкольников. Общая численность «прочих» связей и позитивных «прочих» связей значимо выше у школьников, по сравнению с дошкольниками ($p < 0,01$). Численность «прочих» связей по характеру негативных и амбивалентных в обеих группах очень невелика, в пределах одного процента. Численность «особых» связей резко сокращается ещё у старших дошкольников, по сравнению с младшими дошкольниками, снижаясь до двух процентов у школьников.

Сопоставление данных, полученных у детей разного возраста из обычных семей, показало, что у младших школьников, по сравнению со старшими дошкольниками, растет как

общая численность связей, так и численность позитивных связей. Численность негативных связей снижается. Кроме того, снижается общая численность амбивалентных связей, за счет снижения «родственных» и «дружеских» амбивалентных связей. Следует отметить, что с возрастом у детей увеличивается численность «особых» связей.

Таким образом, проведенное исследование показало, что общая численность социальных контактов у детей с возрастом увеличивается. Младшие дошкольники и младшие школьники из обычных, социально защищенных семей, по общему количеству социальных связей опережают своих сверстников из социально незащищенных семей. Младшие школьники из социально защищенных семей имеют также большее количество позитивных социальных связей, по сравнению с группой сверстников из социально незащищенных семей. В целом, численность позитивных социальных связей устойчиво выше у детей из обычных семей, независимо от возраста. Кроме этого у детей из обычных семей амбивалентных (напряженных, конфликтных) и негативных связей мало уже в младшей группе, а с возрастом численность таких связей только снижается.

Дети из обычных семей при переходе к старшему дошкольному возрасту интенсивно осваивают внешние (дружеские) контакты, при этом они выстраивают в основном позитивные «дружеские связи». В то же время дети из семей социально незащищенных переходят к существенному расширению дружеских контактов позднее, в младшем школьном возрасте. При построении «дружеских» контактов у детей из социально незащищенных семей часто отмечается амбивалентная связь. Таким образом, «дружеские» связи у детей из социально незащищенных семей часто сохраняют напряженный, конфликтный характер.

Для родственных отношений у всех детей кризисным является возраст 6-7 лет (старшие дошкольники), где увеличивается численность амбивалентных связей, тогда как численность позитивных связей остается прежней. В то же время, независимо от социального статуса, дети удовлетворяют свою потребность в социальных контактах, прежде всего, в определенном кругу, к которому относится семья, окружение семьи, учреждения образования. При этом дети из социально защищенных семей более удовлетворены контактами во внутрисемейном кругу, по сравнению с детьми из социально незащищенных семей. Они раньше и гармоничнее строят свои отношения и во внешнем круге («дружеские» и «прочие»), и прежде всего, дружеские отношения со сверстниками.

В то же время дети из социально незащищенных семей переживают этап консолидации с семьей в старшем дошкольном возрасте. Только при переходе к школьному возрасту они начинают интенсивно осваивать отношения внешнего круга, перенося на них напряженность внутрисемейных отношений, с одной стороны, и пытаюсь компенсировать недостаток близких отношений неразборчивым расширением контактов – с другой.

Расширение сети контактов у ребенка из социально незащищенной семьи является следствием желания «усилить» себя, в связи с чем младший подросток с невысокой самооценкой может вносить в карту социальных связей поверхностные контакты со случайными знакомыми. Неудовлетворенность близкими отношениями актуализирует также «прочие» связи со значимыми для ребенка взрослыми людьми: педагогами, тренерами, соседями.

В младшем дошкольном возрасте у детей из социально незащищенных семей отмечается также увеличение «особых» связей. В частности, к ним относятся контакты с животными, как с живущими в семьях, так и теми, с кем так или иначе доводилось общаться. Это собаки, кошки, хомяки, крысы, лошади и др. Иногда дети включают в свою карту связи с родственниками, уже ушедшими из жизни. Следует отметить, что у детей из социально защищенных семей в группе младших дошкольников «особых» связей намного меньше. «Особые» контакты для малышей из социально незащищенных семей, таким образом, представляют ресурс теплых отношений, которых в семье может не доставать. У старших дошкольников численность таких связей резко сокращается.

Новая волна «особых» связей у младших школьников из социально защищенных семей объясняется включением в их круг символических фигур для защиты или подражания (любимая игрушка или «кумир» - любимый футболист или артист). В группе детей из социально

незащищенных семей подобная подростковая потребность в идентификации еще не выявляется.

В целом, проведенное исследование детских представлений о ближайшем окружении выявило, что у детей из обычных семей, по сравнению с детьми из социально незащищенных семей, социальные контакты менее напряженные и конфликтные. Дети из обычных семей раньше и с меньшим напряжением, чем дети из социально незащищенных семей, формируют внешние по отношению к семье дружеские связи со сверстниками.

Установлено также, что у детей из социально незащищенных семей отмечается защитно-компенсаторное социальное поведение. В младшем дошкольном возрасте – это особая значимость контактов с животными; в младшем школьном возрасте – компенсаторный характер имеет интенсивный рост дружеских и «прочих» социальных контактов. Таким образом, семьи «социально незащищенных» категорий, будучи семьями с малым социальным ресурсом, не всегда являются полноценным источником развития для своих детей.

Литература

1. Ананьев Б. Г. Избранные психологические труды. в 2-х Т.– М. : Педагогика, 1980.– Т. 1.– 232 с.; Т. 2. – 288 с. Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / Под ред. А. В. Брушлинского.
2. Выготский Л. С. Лекции по психологии. – СПб. :Союз, 1997. –144 с.
3. Захаров А. И. Как предупредить отклонения в поведении ребенка – М. : Просвещение, 1986. – 129 с.
4. Зинченко В. П., Моргунов Е. Б. Человек развивающийся. Очерки российской психологии. М.: Три-вола, 1994. – 304 с.
5. Сухомлинский В. А. Сердце отдаю детям.– Киев : Радянська школа, 1973. – 288 с.
6. Эйдемиллер Э. Г., Юстицкий В. В. Психология и психотерапия семьи. – СПб. : Питер, 1999. – 656 с.
7. Эйдемиллер Э. Г., Юстицкий В. В. Семейная психотерапия. Л. : Медицина, 1990. – 192 с.
8. Эльконин Д. Б. Избранные психологические труды – М. : Педагогика, 1989. – 560 с.

В. А. Лобова

БУ «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок», г. Ханты-Мансийск

**Психологическая адаптация рабочих межрегиональной вахты
в контексте сохранения здоровья**

**Psychological adaptation of interregional shift workers
in the context of health**

УДК 331. У433

Аннотация. Изучена эффективность психологической адаптации у рабочих межрегиональной вахты на Севере, в зависимости от радиуса перевозки. Найдены корреляции между стрессом и переживаниями в отношении семьи, более тесные на завершающем этапе вахтовой смены. Существуют корреляции между стрессом/депрессией и «недоверчивым-скептическим типом взаимоотношений». Коммуникативные проблемы характерны для рабочих с «ответственно-великодушным» стилем взаимоотношений.

Summary. The article studies the effectiveness of psychological adaptation among interregional shift workers in the North according to the distance of their transportation. We have found out some correlations between stress and family connected feelings, which are more close to the end of shift work. There are correlations between stress/depression and distrustful-skeptical type of interrelations. Communicative problems characterize workers with responsible-generous way of interrelations.

Ключевые слова: психологическая адаптация, здоровье, стресс, межрегиональная вахта, коммуникативная сфера, психофизиологические реакции.

Key words: psychological adaption, health, stress, interregional shift team, communicative sphere, psycho-physiological reactions.

Известно, что исход в болезнь может быть обусловлен разрывом аффилированных связей с обществом, когда чрезмерная социальная стимуляция вызвана потерей интеграции личности. В исследованиях, проведенных нами ранее, было установлено, что у лиц с сердечно-сосудистыми заболеваниями (ССЗ), проживающих на северных территориях, с их особенными климатическими и социальными условиями, значимую роль играют не только бытовые нагрузки, но и стрессы в общении [1]. Кроме того, у северян нами была выявлена связь эмоциональных нарушений с семейными и коммуникативными стрессами. Данный факт подтверждают исследования зарубежных ученых о том, что вследствие социальных изменений, нарушающих сложившийся шаблон совместного варьирования (резонирования) социальных и биологических переменных, формируется изоляция и неконгруэнтность личностных коммуникаций, что становится фактором повышения чувствительности к неблагоприятным воздействиям [2, 3, 4].

В связи со значимостью проблемы были изучены зоны актуальных конфликтов в коммуникативной сфере рабочих, как постоянно проживающих в северных регионах, так и работающих в режиме вахты работа/отдых 30/30 дней. Всего в исследовании приняли участие 351 человек. Использован модифицированный тест Сонди, опросник интерперсональных отношений Лири, шкала депрессии Цунга, шкала стресса Ридера, теппинг-тест Ильина, шкала ситуативной и личностной тревожности (ШСЛТ) Спилбергера-Ханина, тест дифференцированной самооценки функционального состояния («самочувствие», «активность», «настроение») (САН), корректурные таблицы Шульце [5, 6, 7, 8, 9, 10].

Нами были выявлены свойства личности, связанные с коммуникативными трудностями, стили общения, степень контактности, коммуникативной совместимости, а также общий уровень социального интеллекта и коммуникативно-личностного потенциала.

Общение – одна из важнейших сфер деятельности человека. Успешность общения во многом предопределяет его социально-психологическую адаптацию, через общение с другими он добивается важнейших личностных целей, реализует свой жизненный замысел, противостоит неблагоприятным влияниям среды, формирует представление о себе и своих ценностях. Вместе с тем несформированность коммуникативной сферы ведет к социальной дезадаптации, затрудняет достижение поставленных жизненных целей, нарушает эмоциональную жизнь, порождают чувство одиночества, ощущение своей неполноценности. В связи с этим особое значение приобретает изучение интерперсональных качеств личности, стилевых и содержательных свойств коммуникативной деятельности, уровня и глубины межличностных контактов, их адаптационного или дезадаптирующего влияния.

Исследования показали, что наибольший удельный вес среди обследованных мигрантов имеют коммуникативные нарушения с высокими показателями по VIII октанту опросника интерперсональных отношений (35,0% мужчин и 65,0% женщин). Данный тип межличностных взаимоотношений – «ответственно-великодушный» – характеризуется склонностью к идеализации отношений, эмоциональной вовлеченностью и экзальтацией. Этот стиль коммуникаций сочетается с такими личностными особенностями, как мягкосердечность, снисходительное отношение к окружающим, стремление утешить каждого, забота о других в ущерб себе, чрезмерная доброта.

Зона актуальных конфликтов у этой части обследованных связана с проблемой подавленной или вытесненной враждебности, вызывающей повышенную напряженность, вегетативный дисбаланс, склонность к психосоматическим переживаниям как результат блокированности поведенческих реакций. Организация нервных процессов у лиц с подобными трудностями в общении характеризуется эмоциональной лабильностью, что увеличивает уязвимость личности для соматических, в том числе ССЗ, и может расцениваться как один из неблагоприятных факторов, которые ведут к неизбежному истощению адаптационных резервов.

Более половины мужчин и женщин показывают повышение баллов по VII октанту (соответственно 40,0% и 60,0%). Тип межличностного взаимодействия – «сотрудничающий-конвенциальный». Зона актуальных конфликтов в коммуникативной сфере для лиц, имеющих повышение по VII октанту, обусловлена выраженным «конформизмом». Решающее значение в контактах для них имеет мнение окружающих, социальное одобрение, признание референтной группой, боязнь чужого мнения, внушаемость, избыточная потребность в понимании и сочувствии. Этой категории лиц свойственны вегетативная нестабильность, склонность к конверсионным симптомам с соматизацией конфликта и вытеснением из сознания истинных причин эмоционального дискомфорта. Они имеют высокую степень контактности, однако легко поддаются влиянию других, готовы довериться каждому, благорасположены ко всем без разбора, всем симпатизируют, стремятся снискать расположение каждого, со всеми соглашаются, всегда со всеми дружелюбны, всех любят.

Гендерные различия получены по V октанту – «покорно-застенчивый» тип межличностных отношений – который оказался более характерен для женщин, чем для мужчин ($p < 0,05$). Коммуникативные трудности, обусловленные этим стилем общения, связаны с выраженностью таких качеств поведения, как безынициативность, уступчивость в сочетании с комплексом вины и неполноценности, ущербная самооценка и робость, а также социальная неприспособленность. Психофизиологической базой данного типа реагирования является слабый тип высшей нервной деятельности (ВНД), а свойства нервной системы характеризуются сложным сочетанием инертности с динамичностью в отношении процессов торможения. Стиль общения, выявляемый V октантом, соответствует пассивно-созерцательному типу личности, с ананкастными (тревожно-мнительными) чертами. Степень контактности низкая и соответствует интровертированной личности гипотимного круга с ограниченным коммуникативно-личностным потенциалом.

Исследованы особенности коммуникативной совместимости у межрегиональных вахтовиков, работающих в режиме вахты работа/отдых 30/30 дней. Более половины лиц, работающих вахтовым методом, имеют нарушения межличностных отношений (57,0% случаев).

Коммуникативная совместимость свойственна только половине обследованной выборки (43,0% случаев). Зоны актуальных конфликтов, свидетельствующие о коммуникативных проблемах, у рабочих северной вахты располагаются в пределах I, VII и VIII октантов опросника Лири. Повышение баллов по VIII октанту у вахтовиков с социально-поведенческим паттерном "ответственно-великодушного" стиля является показателем эмоционально-лабильной личности с чертами демонстративности, со смешанным типом реагирования, в котором преобладают характеристики стеничности и имеется предрасположенность к психосоматическому варианту дезадаптации.

Высокие баллы по VII октанту свидетельствуют об избыточности данного стиля, который проявляется у рабочих вахтовых бригад чрезмерно компромиссным поведением, несдержанностью в излияниях своего дружелюбия, стремлением подчеркнуть свою причастность к интересам большинства. Черты деспотизма и нетерпимости характеризуют стиль взаимоотношений у каждого пятого работника межрегиональной вахты, что также влечет к снижению общего уровня коммуникативной совместимости в бригаде (высокие показатели по I октанту, тип «властный-лидирующий») (табл. 1).

Таблица 1. Коммуникативные нарушения у межрегиональных вахтовиков

Кол-во (%)	Стиль межличностных отношений (октанты)							
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
	21,5	2,7	6,8	0	8,2	4,6	26,1	30,1

Примечание: I – «властный-лидирующий», II – «независимый-доминирующий», III – «прямолинейный-агрессивный», IV – «недоверчивый-скептический», V – «покорно-застенчивый», VI – «зависимый-послушный», VII – «сотрудничающий-конвенциальный», VIII – «ответственно-великодушный»

Проанализированы также данные, полученные по методу портретных выборов (невербальный проективный Сонди-тест) и характеризующие ведущие индивидуально-личностные тенденции обследуемых и степень коммуникативной совместимости. Использование метода портретных выборов позволило создать целостное представление о личности вахтового работника и понять сложные механизмы развития некоторых форм переживания и поведения, истоки которых лежат в глубинах бессознательного.

Все показатели рабочих межрегиональной вахты не выходят за пределы «коридора нормы», но тем не менее хотелось бы заострить внимание на некоторых тенденциях. Максимальными в профиле оказались баллы по трём факторам: h+, d-, m+, что говорит о неустойчивом смешанном типе ВНД. В большинстве своём это активные, энергичные люди, которым свойственны легко меняющееся настроение, импульсивность, выраженная зависимость от воздействия окружающей среды. Преобладает мотивация избегания неуспеха. Большинство из них стремится к сопричастности групповым интересам, при этом просматривается бесконфликтная тяга к независимости, стремление уйти от конфронтации при жёстком противостоянии сильных личностей в мир идеальных отношений, что может впоследствии вести к образованию невротических симптомов. Полученные данные в определенной степени проясняют и углубляют представления о социально-психологических механизмах трансформации коммуникативных и личностных особенностей у лиц, работающих в режиме вахтового труда.

Кроме этого, получены различия по значениям коммуникативной совместимости у межрегиональных рабочих северных бригад в разные периоды вахтовой смены, которые оказались ниже на начальных этапах вахты. Корреляционный анализ подтвердил более тесную обусловленность стресса конфликтами и шероховатостями в общении между бригадными рабочими именно в первые дни совместной работы ($r=0,7$), по сравнению с концом заезда ($r=0,6$).

В исследовании установлено, что аффекты у вахтовых рабочих формируются при властно-лидирующем и недоверчиво-скептическом типами коммуникаций. Так, получена прямая связь между стрессом/депрессией и «властным-лидирующим», а также «недоверчивым-скептическим» стилем межличностного поведения. В частности, сложные человеческие от-

ношения преобладают у стеничных агрессивных мужчин нетерпимых к критике, с доминантной структурой характера и «властным-лидирующим» типом коммуникаций. Установлена прямая связь между конфликтным поведением в бригаде и авторитарностью этих лиц ($r=0,2$; $p=0,003$).

В то же время, больше всех в бригадах испытывают коммуникативные трудности мужчины с «недоверчивым-скептическим» типом коммуникаций. Получены прямые корреляции между стрессом и этим типом коммуникативных взаимоотношений ($r=0,2$; $p=0,013$). Кроме этого, установлена связь между депрессией и «недоверчиво-скептическим» типом межличностных отношений ($r=0,3$; $p=0,02$). Для данного типа взаимоотношений с окружающими характерна выраженная склонность к критицизму, замкнутость, скрытность, скептичность, разочарование в людях, недовольство другими и подозрение. Свой негативизм лица с таким типом отношений в основном проявляют в вербальной агрессии.

В целом, в вахтовых бригадах зафиксированы внутригрупповые изменения, характеризующиеся напряженностью, уменьшением комфортности в общении и снижением общительности. Для того, чтобы избежать или нивелировать эти проблемы, необходимо правильное формирование вахтовых бригад на основе рационального психологического отбора с учетом психологической совместимости сотрудников. Кроме этого, необходима коррекция коммуникативных и эмоциональных трудностей через групповые и индивидуальные формы (уголки релаксации, комнаты психологической разгрузки), особенно на начальных этапах вахтовой смены. С этой целью необходимы меры, направленные на увеличение численности штатных психологов, исключительно для решения коммуникативных проблем в рабочих сменах бригад и в вахтовых жилищных комплексах предприятий (ВЖК).

Своеобразие климатических условий Севера и интенсивность физических нагрузок, присущих вахтовому труду, предъявляет повышенные требования к деятельности всех функциональных систем организма [11]. По имеющимся данным, факторами, вызывающими длительный стресс, являются низкие температуры, отрыв от семьи, полярная ночь, социальная нестабильность, трудные бытовые условия. В неблагоприятных климатических условиях, в условиях групповой изоляции, информационной недостаточности, утомления и астенизации у вахтовиков происходит рост психоэмоционального напряжения, что приводит к конфликтам и проблемам межличностных отношений в коллективе.

Процесс приспособления человека к обитанию в северных регионах страны чрезвычайно сложен [12, 13, 14]. Однако он еще более усложняется, когда комплекс экстремальных факторов воздействует не постоянно, а прерывисто, как это имеет место при экспедиционной вахте. За короткий период вахты полноценная адаптация не успевает сформироваться, поскольку вахтовый труд отличается чрезвычайной интенсивностью физических и психических нагрузок. В связи с вышеизложенным была проанализирована эффективность психофизиологической адаптации вахтовиков на Севере, в зависимости от радиуса перевозки, для разработки последующих мер по профилактике нервно-психических нагрузок.

Изучено функциональное состояние вахтовиков по тесту дифференцированной самооценки самочувствия, активности, настроения (САН), дана оценка подвижности и уравновешенности нервных процессов по психомоторным показателям теппинг-теста. Проанализированы показатели переключаемости внимания как одного из необходимых условий эффективной деятельности рабочих. Было установлено, что более эффективно адаптация к условиям Севера протекает у вахтовиков, прибывших из Средней Полосы, по сравнению с южанами. Кроме того, показано, что психофизиологическая адаптация в процессе вахты осуществляется за счет перехода отдельных психических функций на энергосберегающий режим, что способствует сбережению ресурсов организма в экстремальных условиях жизнедеятельности.

С переключаемостью внимания функционально связаны два разнонаправленных процесса: включение и отвлечение внимания. Переключаемость внимания связана, помимо прочего, со специальными свойствами нервной системы человека, такими, как лабильность, возбудимость и торможение. Соответствующие свойства нервной системы непосредственно определяют качества внимания, особенно произвольного, и поэтому их следует рассматри-

вать в основном как природно-обусловленные. Переключаемость внимания, если она происходит на произвольной основе, свидетельствует о его неустойчивости, но такую неустойчивость не всегда есть основание рассматривать как отрицательное качество. Она нередко способствует временному отдыху организма, анализатора, сохранению и восстановлению работоспособности нервной системы и организма в целом.

Установлено, что высокий и средний уровень функции внимания характеризует на начало вахты только каждого третьего работника межрегиональных бригад. Подавляющее большинство вахтовиков, приехавших на Север, на начальный период вахты обнаруживает низкий уровень переключаемости внимания. При обследовании у рабочих отмечается невысокий темп чтения корректурной таблицы, большое количество ошибок при выполнении пробы. К концу вахтового заезда функция внимания у работников стабилизируется, о чем свидетельствует факт достоверного увеличения (в 2,3 раза) численности работников с удовлетворительными показателями функции внимания ($p < 0,001$) (рис. 1).

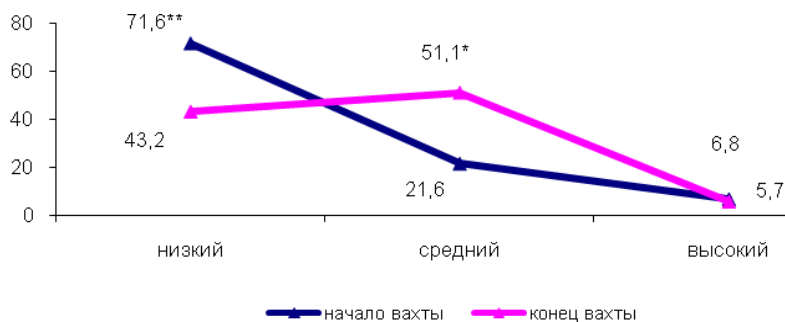

Рис. 1. Распределение вахтовиков по показателям переключаемости внимания (%); **- $p < 0,001$; *- $p < 0,01$

Показатели функции внимания у рабочих межрегиональной вахты были проанализированы в зависимости от радиуса перевозки (из Средней Полосы и с Юга России). Удовлетворительные показатели внимания в начале вахтовой смены чаще регистрировались у лиц, перемещающихся с Юга России, по сравнению со Средней Полосой. Вместе с тем в обеих выборках работников к концу вахтового заезда отчетливо прослеживалась тенденция к стабилизации функции внимания, с более выраженной тенденцией в группе лиц, перемещающихся из Средней Полосы России. Так, численность вахтовиков-южан с удовлетворительными показателями внимания к концу вахтовой смены, по сравнению с ее началом, увеличилась в 1,7 раза, однако без достоверных различий.

В то же время у рабочих, прибывших из Средней Полосы, к концу вахтовой смены отмечено достоверное увеличение численности лиц (в 2,2 раза) с удовлетворительными показателями внимания, по сравнению с началом вахтовой смены ($p < 0,001$). Сравнение показателей переключаемости внимания на начало и конец вахты у лиц, в зависимости от радиуса перевозки, показало, что эффективнее функция внимания стабилизируется у лиц из Средней Полосы (рис. 2).

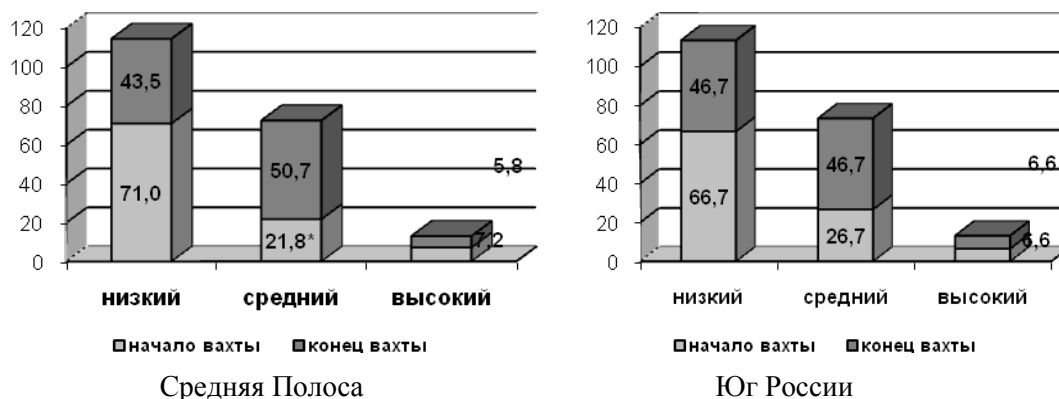

Рис. 2. Динамика по показателям внимания у рабочих в процессе вахтового труда (%); *- $p < 0,001$

У рабочих межрегиональной вахты изучены также показатели работоспособности нервных клеток на начало и конец вахтового заезда. Используются показатели определения динамики максимального темпа движений рук (теппинг-тест). В процессе вахтового заезда у всех межрегиональных рабочих выявлена негативная динамика ухудшения функциональных возможностей нервных клеток (по выполнению теппинг-теста) с двумя достоверно выраженными тенденциями: с одной стороны, нарастающей истощаемостью функций нервных клеток, с другой – нарастающей лабильностью и неустойчивостью этих функций. В подавляющем большинстве случаев у рабочих межрегиональных бригад в начале вахтовой смены фиксируется низкая работоспособность нервных клеток, что проявляется плохой продуктивностью в работе, низким уровнем самоконтроля и неравномерностью темпа деятельности.

К концу вахтовой смены у рабочих межрегиональных бригад наблюдается истощение нервной системы, что проявляется увеличением численности лиц (в 3 раза) с низким уровнем работоспособности нервных клеток ($p < 0,01$). В то же время нарастает численность лабильных лиц с неустойчивой работоспособностью нервных клеток, когда при выполнении функциональных проб отмечается первоначальное снижение темпа с последующим кратковременным его возрастанием до исходного уровня ($p < 0,001$) (рис. 3).

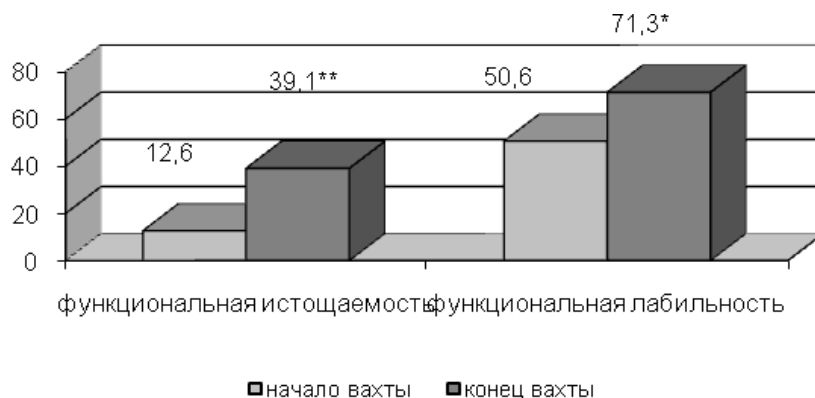

Рис. 3. Динамика функциональных показателей у рабочих в процессе вахтового труда (%); * - $p < 0,01$; ** - $p < 0,001$

Исследования, в целом, показали, что начало вахты характеризуется неравномерным распределением лиц по функциональным показателям состояния нервных клеток, с достоверным преимуществом лиц, имеющих снижение функциональных возможностей, по сравнению с лицами, имеющими нормативные показатели ($p < 0,001$).

Исследования показали также, что у рабочих, прибывших с Юга России, негативные изменения функционального состояния проявляются отчетливее, чем у рабочих, вахтующихся на Север из Средней Полосы России. У них установлено достоверное ухудшение всех показателей теста САН ($p < 0,05$). Нарушения психического функционирования отмечено по признакам выносливости и здоровья (шкала самочувствия), скорости, темпа и подвижности функций (шкала активности) и эмоционального состояния (шкала настроения). У рабочих межрегиональной вахты, прибывших из Средней Полосы России, достоверно ухудшаются только показатели самочувствия ($p < 0,001$).

Анализ общей стрессированности работников межрегиональных бригад показал, что в начале вахты рабочие проявляют более выраженную негативную личностную реакцию на изменение привычных условий жизни. В этот период отмечена тесная связь между стрессом и личностным фактором (сильная корреляция между стрессом и показателем общей нервности $r = 0,7$). К концу вахтового заезда реакции сглаживаются, и уже не так остро вахтовые работники переживают сложные условия своего труда в экстремальных условиях Севера (средняя корреляция между стрессом и показателем общей нервности – $r = 0,6$) (табл. 2).

Таблица 2. Выраженность корреляционной связи между стрессом и социальными факторами (r)

Социальные факторы	Начало вахты	Конец вахты
Личность	сильная	средняя
Труд	умеренная	умеренная
Эмоции	сильная	сильная
Быт	сильная	средняя
Общение	сильная	средняя
Жизненное истощение	средняя	средняя
Семья	умеренная	средняя

Большие проблемы у вахтовиков вызывают на начальном периоде работы и бытовые условия. Величина корреляции указывает на более выраженную связь между стрессом и бытовыми неурядицами в начале вахтовой смены (сильная корреляционная связь), по сравнению с ее завершением (средняя корреляционная связь). Также более остро вахтовики реагируют на межличностные отношения в бригаде на начальном периоде работы, по сравнению с завершающим этапом. Обусловленность стресса конфликтами и шероховатостями в общении между бригадными рабочими более тесная именно в первые дни совместной работы ($r=0,7$ – сильная корреляция), по сравнению с концом заезда ($r=0,6$ – средняя корреляция).

Таким образом, проблемы быта и общения для вахтовиков эмоционально более значимы на начало вахтового заезда. В то же время к концу заезда у вахтовиков усиливаются переживания, связанные с гармонизацией семейных отношений. Связь между стрессом и переживаниями в отношении супружеских отношений у вахтовиков на завершающем периоде рабочей смены является более тесной, по сравнению с начальным периодом (соответственно $r=0,6$ и $r=0,4$).

Анализ показал, что стресс изначально выше в группе лиц с максимальными показателями работы экспедиционно-вахтовым методом, по сравнению с группой лиц, недавно работающих в этом режиме труда. Кроме того, выявлены неоднотипные тенденции в группах лиц с разным стажем. У межрегиональных вахтовиков, работающих менее пяти лет в указанном трудовом режиме, выявлена тенденция увеличения стресса к концу вахтового заезда ($p<0,1$). У лиц, работающих вахтовым методом в течение пяти и более лет, стресс на начальном и на завершающем этапе вахтовой смены остается на одном уровне (рис. 4).

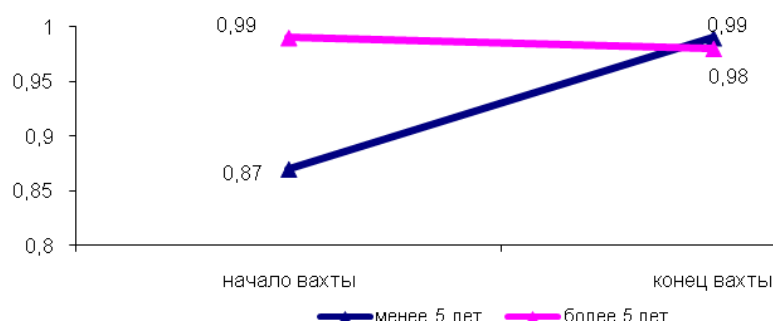

Рис. 4. Уровень стресса у рабочих в зависимости от вахтового стажа (усл. ед.)

Как видно из рисунка 4, изначально невысокий стресс у межрегиональных вахтовиков с малым стажем на конец вахты превышает критические значения; в то же время изначально высокий стресс у межрегиональных вахтовиков с большим стажем остается угрожающим. Таким образом, установлено, что на общую стрессированность рабочих из межрегиональных бригад, помимо других факторов, существенным образом влияет стаж работы вахтовым методом.

Парадоксальная картина наблюдается в отношении тревоги. Реактивная и личностная тревога у межрегиональных вахтовиков достоверно ниже в конце вахтовой смены. Снижение уровня тревоги можно объяснить улучшением профессиональной адаптации и общей вработаемостью рабочих к концу вахтовой смены (корреляции между трудовыми стрессами и тревогой – на начало вахты есть, на конец вахты отсутствуют). Кроме того, найдены изменения корреляций между тревогой и бытом (на начало – умеренные, на конец – слабые), что говорит о более терпимом отношении к быту под конец смены.

При конструировании психологического портрета «межрегионального вахтовика» найдены связи между социальными характеристиками и глубинными механизмами базальных влечений. На Север вахтовиков «влекнут» такие жизненные потребности, как удовлетворение тщеславия, авантюризм, неосознаваемая жажда славы и популярности (корреляции притязаний с эксгибиционизмом). Уровень притязаний обусловлен потребностью в любви и признанием значимости (корреляции притязаний с депрессией). Основной вектор жизненной позиции и целеполагания у «среднего вахтовика» базируется на таких качествах, как самоограничение, преданность и самопожертвование (корреляции притязаний с мазохизмом).

Функциональные аспекты утомления значительно усугубляют эмоциональный фон у всех межрегиональных работников, о чем свидетельствуют изменения корреляций. Отмечено усиление связи депрессии с показателями активности и настроения (слабая корреляция на начальном периоде, умеренная – при завершении вахтовой смены). Появляются корреляции между утомлением и тревогой. Кроме того, на завершающем этапе вахты у рабочих депрессия максимально сопряжена с реактивной тревогой, хотя на начало вахты связь не установлена. Усиливается сопряженность между подавленным настроением и общей психологической устойчивостью рабочих к концу вахтового заезда (тесная корреляция депрессии и личностной тревоги).

В целом анализ показал, что адаптация к условиям Севера у лиц, прибывших из Средней Полосы России, происходит эффективнее, по сравнению с южанами, о чем свидетельствуют показатели сквозных психических функций. Подтверждением является тот факт, что доля вахтовиков с устойчивым вниманием, прибывших из умеренных зон, к концу вахты выросла в два раза, по сравнению с ее началом, а у южан – в полтора раза. Кроме того, численность лиц с нервным истощением у южан к концу вахтовой смены увеличилась в восемь раз, в то время как у межрегиональных вахтовиков из Средней Полосы – в три раза, в обоих случаях достоверно.

Примечателен также факт, что у вахтовиков с меньшим радиусом перевозки при завершении вахтовой смены достоверно страдают только показатели самочувствия. У южан установлено достоверное ухудшение всех показателей функционального состояния, таких как самочувствие, активность и настроение. Данный факт не исключает необходимости в целенаправленной организационной работе по эффективному управлению процессом адаптации межрегиональных работников на производстве с использованием специализированных психологических служб. В то же время, энергосберегающий режим психики («спящее» состояние отдельных психических функций) на начальном этапе вахты можно расценивать в качестве адаптивного механизма, направленного на восстановление работоспособности нервной системы и организма в новых условиях.

Литература

1. Буганов А. А., Лобова В. А. Человек на Севере: психологические аспекты здоровья. Тюмень: Сити-пресс, 2008. 256 с.
2. Antonovsky A. Health, Stress and Coping. San Francisco : Jossey-Bass, 1979. –130 с.
3. Dodge D., Martin W. Social Stress and Chronic Illness. Notre Dame; London, 1970. – 311 с.
4. Алдашева А. А. Особенности личности при адаптации в малых изолированных коллективах: автореф. дисс... канд. психол. наук. Бишкек, 1995. С. 37.
5. Собчик Л. Н. Метод портретных выборов. Адаптированный тест 8-ми влечений Сонди. – СПб: Речь, 2003. 128 с.
6. Собчик Л. Н. Введение в психологию индивидуальности. М. : ИПП-ИСП, 2000. 512 с.

7. Zung W.W.K., Durham N.S. A self-rating depression scale // ArchGenPsychiat. 1965. Vol. 12. P. 63-70.
8. Балашова Т. И. Методика дифференциальной диагностики депрессивных состояний Цунга // Практикум по экспериментальной и прикладной психологии: Учеб. пособ. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1997. 312 с.
9. Spielberger C.D. Anxiety current trends in theory and research. New York : Academical Press, 1972. P. 56-72.
10. Теддер Ю. Р., Гудков А. Б., Дегтева Г. Н. и др. Актуальные вопросы физиологии и психологии вахтового труда в Заполярье. Архангельск, 1996. С. 72–103.
11. Кузьмин А. А. Управление производственными стрессами на предприятиях нефтяной и газовой промышленности. М., 2005. 161 с.
12. Насанович Н. Н. Психосоциальное исследование вахтовых специалистов, работающих на газодобывающих предприятиях Крайнего Севера (в связи с задачами создания стандарта рекреационных учреждений): автореф. дисс. ... канд. мед. наук. М., 2004. 29 с.
13. Собакин А. К. Работоспособность вахтового персонала газовых промыслов в экстремальных экологических условиях Севера : автореф. дисс...канд. биол. наук. Новосибирск, 2004. 29 с.

О. П. Пурцхванидзе

Федеральный медицинский биофизический центр имени А.И. Бурназяна, г. Москва

Диагностика состояния высших психических функций у больных с афазией в острой стадии заболевания

Diagnostics of the state of higher psychic functions among patients with aphasia in the acute stage of disease

УДК 616. 83

Аннотация. В статье обсуждаются актуальные вопросы особенностей психологического и когнитивного статуса больных, перенесших мозговую инсульт. Предлагается модифицированная система диагностики этих больных в острой постинсультной стадии. Нарушения речевой и других высших психических функций (ВПФ) рассматриваются как непосредственно связанные с состоянием более элементарных функций (уровнем сознания, эмоционального реагирования на ситуацию, праксисом еды, одевания и др.). Делается вывод, что для успешной нейрореабилитации данного контингента больных необходимо нейропсихологическое обследование их непосредственно после заболевания, ориентирующее в оптимальных видах помощи им.

Summary. In the article it is discussed urgent issues on peculiarities of psychological and cognitive state of patients had cerebral stroke. There is offered a modified system of diagnostics of the patients in the acute post-stroke stage. Disturbance of speech and other higher psychic functions are considered in direct connection with the state of more elementary functions (mentality, emotional response to situation, praxis of food and dressing, etc.). The author concludes that for successful neurorehabilitation the considered contingent of patients need neuropsychological examination straight after illness which is oriented to optimal help for them.

Ключевые слова: Инсульт, острая стадия, нейропсихологическая диагностика, речь, высшие психические функции, праксис и апраксия, гнозис и агнозия.

Key words: stroke, acute stage, neuropsychological diagnostics, speech, higher psychic functions, praxis and apraxia, gnosis and agnosia.

Наиболее частыми последствиями инсульта, требующими проведения активных реабилитационных мероприятий, являются двигательные нарушения и связанные с ними нарушения функции ходьбы и самообслуживания; когнитивные расстройства (загруженность сознания, снижение памяти, внимания, замедленность протекания психических процессов, в тяжелых случаях – снижение интеллекта); ослабление эмоционально-волевых процессов (депрессия, тревожность, спонтанность). Не менее значимыми в плане диагностики и реабилитации являются расстройства нейропсихологического спектра: различных видов гнозиса, праксиса, речевые расстройства, в частности, афазия, а также связанные с ней нарушения письма и чтения. К концу острого периода инсульта афазия, по данным А. С. Кадыкова (2003), наблюдается у 35,9% больных; по данным В. М. Шкловского (2006) – более чем у 50% больных [1, 2].

Следует отметить, что нейропсихологическая диагностика является одним из важнейших разделов постинсультной диагностики в целом. Существует множество ее разработок, активно используемых в клинической практике, среди которых наиболее распространенной является система, разработанная А. Р. Лурией (1962), а также ее различные модификации (В. М. Шкловский, Т. Г. Визель, 2005 и др.) [3]. Несмотря на высочайшую методологическую и содержательную ценность указанных методов, представляется уместным констатировать, что специфика обследования больных в острой стадии заболевания не раскрыта в них в полной мере.

Так, остается не вполне уточненным алгоритм интерпретации данных, получаемых при обследовании больных, в частности, не определена их иерархическая значимость. В связи с

вышеизложенным, дальнейшие разработки в этом направлении являются крайне актуальными, что и послужило основанием для проведения специального исследования, целью которого явилось уточнение способов обследования и анализа состояния речевой и других ВПФ в ранней постинсультной стадии заболевания.

Настоящее исследование осуществлялось на базе неврологического отделения ФМБЦ им. А. И. Бурназяна (Москва). В нем приняло участие 76 больных (42 мужчин и 28 женщин) с нарушениями речевой и других ВПФ в ранней постинсультной стадии, проходивших лечение в период с 2009 по 2011 гг. Больные госпитализировались по скорой помощи, сразу после начала заболевания. Возраст больных колебался от 24 до 72 лет.

Экспериментальная группа отбиралась из общего числа больных, проходивших лечение в отделении, при условии выхода их из состояния комы. Использовалась методика нейропсихологического обследования, дополненная с учетом специфики протекания острой стадии заболевания. Основанием для этих дополнений явились следующие предположения:

1. Изучению ВПФ в острой постинсультной стадии должно предшествовать наблюдение за состоянием наиболее важных показателей постморбидного статуса больных, определяющих психологический статус. В число указанных функций должны входить: уровень сознания, состояние эмоционально-волевых функций, а также функций еды и одевания, определяющих социализацию больных. В связи с этим в систему обследования были включены специальные тесты, составившие I блок методики, в который вошли такие пробы, как «ориентация в окружающем», «эмоциональные реакции», «степень осознанности факта занятий и выносливость», «праксис еды» и «акты одевания».

2. В обследование собственно речевых навыков должны включаться тесты по выявлению состояния не только различных сторон речевой деятельности, но и базисных неречевых (гностико-праксических) функций, составляющих с речевыми единую цепь. Это обусловлено тем, что способность понимать слова можно расценивать как способность, базирующуюся на умении распознавать неречевые шумы, способность произносить слова – как способность, базирующуюся на праксических действиях. Данные тесты составили II блок предлагаемой методики.

Этот блок состоял из 2-х основных подразделов:

А. Тесты на восприятие слов, содержащие следующую цепочку звеньев:

- неречевой слуховой гнозис, включая звукоподражания;
- речевой слуховой гнозис;
- фонематический слух;
- показ предметов и частей тела по их названиям.

Б. Тесты на воспроизведение слов:

- кинестетический пальцевый праксис;
- кинетический пальцевый праксис;
- оральный праксис;
- артикуляционный праксис – произнесение слов.

Как видим, в один тот же блок методики были введены тесты по узнаванию неречевых шумов, аморфных по форме и содержанию речевых стимулов; а также кистевые, пальцевые и оральные пробы. Собственно речевая слуховая способность, восприятие собственно речевых единиц (звуков речи, слов, фраз) оценивалась в связи с результатами обследования соответствующих неречевых способностей. Такая тактика обеспечивала возможность включения в систему диагностического исследования максимального числа базисных функций, которые в психическом онтогенезе составляют основу формирования обследуемой функции. Данный подход позволил осуществить корреляцию между состоянием гностико-праксических и состоянием речевых функций.

При разработке методики использовался тестовый и иллюстративный материал, содержащийся в блиц-схеме диагностического обследования Т. Г. Визель (2005) и альбоме В. М. Шкловского и Т. Г. Визель (1995) [3, 4]. К каждой пробе методики нами был приложен подробный комментарий, где описана цель выполнения пробы, основная патологическая

симптоматика, диагностическое значение пробы, приоритетные методы формирования и коррекции функции. По результатам выполнения каждой пробы указывается область поражения или патологического функционирования в мозге, фиксирующегося на момент обследования.

Количественная оценка результатов выполнения больными проб проводилась по четырехбалльной шкале (табл. 1).

Таблица 1. Количественная оценка состояния высших психических функций

Степень нарушения	Баллы
Норма (выполнил все задания)	0
Легкая (выполнил задания более, чем на 50%)	1
Средняя (выполнил задания на 25%)	2
Грубая (не выполнил задания)	3

Результаты исследования и их обсуждение

Психологический статус больных оценивался по результатам обследования группы с использованием тестов, составляющих I блок методики. Тест, обозначенный как «ориентация в окружающем», состоял в наблюдении за больным во время прихода к нему родственников, специалистов, во время занятий с ним.

С использованием данного теста оценивалось состояние сознания больного, ориентация в окружающем, эмоциональное реагирование, степень истощаемости. Нарушение ориентации в окружающем в острой постинсультной стадии было отмечено у 35% наблюдаемых больных. Результаты выполнения теста «ориентации в окружающем» представлены в таблице 2.

Таблица 2. Показатели состояния ориентации в окружающем

Выявленные нарушения	Количество больных	Средний балл
Не узнают родственников	21	3
Не узнают логопеда	31	3
Не узнают врача	22	3
Не понимают назначения предметов (чашка, ложка и т.п.)	26	2
Не понимают действий персонала по уходу и выполнению лечебных процедур	32	2

Следующий тест («эмоциональные реакции») состоял в наблюдении за мимикой больного в ответ на приход специалиста, на интонацию и смысл обращений к нему, а также на то, проявляет ли он эмоциональные знаки осознания болезни. Результаты выполнения теста «эмоциональные реакции» представлены в таблице 3.

Таблица 3. Показатели эмоционального состояния больных

Выявленные нарушения	Количество больных	Средний балл
Эмоциональные реакции отсутствуют	36	3
Эмоциональные реакции неадекватны негативизм, агрессия, «застывшие гримасы»	45	3
Эмоциональные реакции адекватны, но утрированы	14	2
Эмоциональные реакции сглажены (нивелированы)	10	1

Тест проводился на 2-3 день после поступления больного в стационар. Результаты проведенного исследования показали, что эмоциональные реакции у больных были грубо нарушены (отсутствовали) значительно реже, чем ориентация в окружающем. Часть больных, находясь в состоянии загруженности сознания, проявляла эмоциональное отношение при попытках контакта с ними, однако не всегда адекватно по содержанию и по степени выразительности. Следующий тест, включенный в I блок методики, («степень осознанности факта занятий и выносливость») включал фиксацию того, как больной воспринимает цель прихода логопеда, смысл задания, каково время его продуктивного внимания. Этот тест проводился через неделю после заболевания, по выходе большей части больных из состояния загруженности сознания. Было выявлено, что при способности осознавать свое состояние и достаточной ориентации в окружающем, больные не всегда понимали, для чего с ними проводились занятия, не выказывали мотивационных тенденций к ним (табл. 4).

Таблица 4. Показатели осознанности занятий и степени выносливости

Выявленные нарушения	Кол-во больных	Средний балл
Не понимают цель прихода логопеда	26	3
Понимают цель прихода логопеда, но не выказывает желания контактировать с ним	15	2
Вступают в осознанный контакт, но выказывают знаки протеста при предъявлении заданий	21	2
Соглашаются заниматься, но быстро истощается	35	1

Анализ результатов проведенных тестов показал, что больных с неполным нарушением осознания ситуации оказалось больше, чем больных с полным нарушением осознания ситуации. Сохранность этой функции обнаружилась у 34 больных из 76, подавляющее большинство из которых получило оценку в 2 балла, что означает среднюю степень выраженности дефекта. Кроме того, обнаружилось, что имеется определенная зависимость между способностью ориентироваться в ситуации, пространстве и степенью осознанности ситуации. Больные, получившие 3 балла по степени осознанности поведения, были несостоятельными и в других функциях. Наиболее устойчивыми у больных, даже при неполноте осознания ситуации, оказались показатели, полученные по шкале эмоционального реагирования.

Таким образом, диагностическая ценность тестов, включенных I блок методики, заключалась в том, что была выявлена степень нарушения обследуемых функций, свидетельствующая о загруженности больного в результате дишизных тормозных влияний на площади мозга, выходящие за пределы очага поражения, и в первую очередь, на лобные доли.

Следующий этап исследования с использованием тестов, также включенных в I блок методики, заключался в обследовании у больных сохранности социально значимых функций. Он проводился с группой больных, способных воспринимать и выполнять предъявляемые задания, у которых отсутствовала грубая загруженность сознания. Обследование включало выполнение больными двух тестов. Тест «праксис еды» состоял в наблюдении за больным во время приема пищи. Обследовались больные без правостороннего гемипареза. Исключались также больные с нарушением глотания. Диагностическое значение теста состояло в выявлении апраксии еды, свидетельствующей о грубом нарушении неречевого праксиса с возможной правосторонней заинтересованностью (больные с правосторонним гемипарезом в этом отношении считались непоказательными).

Всего больных с апраксией еды выявлено 14 человек (без гемипарезов и нарушений глотания). Добавим, что 25 больных с грубым правосторонним гемипарезом ели левой рукой, хоть и неловко; 2 больных не могли найти позу руки, в результате чего ложка не удерживалась.

живалась; 3 больных пылись есть ложкой, но неловко; лишь 1 больной отказался от еды с помощью ложки и 10 больных справлялись с едой.

В целом, при использовании теста были выявлены следующие нарушения: больной проявлял неспособность есть с помощью ложки; осуществлялись попытки еды с помощью ложки, но неловкие; больной не мог найти позу, с помощью которой можно было держать ложку; больной отказывался есть ложкой.

Тест «акты одевания» состоял в наблюдении за тем, как одевался больной. Этот тест был призван выявить, сохранились ли у больного навыки оперирования предметами одежды. Диагностическое значение теста заключалось в том, что неспособность выполнить действия, связанные с процессом одевания, свидетельствовали о наличии апраксии одевания, которую принято связывать с поражением правого полушария или же подкорковых координаций.

Тест «акты одевания» использовался применительно к 11 больным с отсутствием грубых параличей или парезов конечностей. Выявлено, что полная апраксия одевания была у 3 больных; неловкость одевания – у 4 больных; неспособность одеться – у 3 больных и отказ от одевания у 1 больного. В целом, в результате обследования были обнаружены следующие нарушения: больной пытался одеваться, но делал это неловко; больной не находил способа одевания; больной отказывался одеваться.

Речевые навыки больных изучались с использованием тестов, составляющих II блок использованной методики. Проводилось исследование восприятия слов, а также показателей, составляющих неречевой слуховой гнозис (или базисную неречевую предпосылку). Цель такой диагностики состояла в выявлении способности или неспособности больного к распознаванию неречевых шумов. Данная функция считается закрепленной за правым полушарием головного мозга. Следовательно, неспособность больного выполнить этот тест могла свидетельствовать о правостороннем поражении мозга. Однако нами учитывалось и то, что эта функция могла реципрочно нарушаться и в острой стадии левополушарного инсульта, что впоследствии повлияло на разработку программы восстановительного обучения.

Диагностика включала использование четырех тестов. При использовании теста «восприятие природных шумов» больному предъявлялись их звуковые образцы в магнитофонной записи (гром, ветер, буря, дождь, град и т. д.), в произвольном порядке. Больной должен был определить, какой природный шум прозвучал при каждом предъявлении.

При исследовании с использованием теста «восприятие предметных шумов» на стол выкладывались игрушки и реальные предметы (молоток, дрель, пила, пылесос и т. д.). Затем были предъявлены в произвольном порядке образцы их звучания и были заданы вопросы: «Вы узнали, что это?» Больной должен был показать соответствующий предмет.

При проведении теста «восприятие музыки» больным предъявлялись знакомые мелодии разных жанров (полька, марш, вальс, колыбельная и т. д.), а также песни в магнитофонной записи, например, «В лесу родилась елочка». Вопросы, заданные больным, звучали следующим образом: «Вы узнали эту мелодию? Про кого или про что она?»

При проведении теста «различение звукоподражаний» больному предъявлялись на слух различные стимулы (в диктофонной записи). Одни были построены на основе дифференциальных признаков звуков речи: шелест листьев, вой ветра, шум волн, шипение, свист, жужжание, мычание, рычание. Другой вариант включал предъявление звукоподражательных слов: «бум-бум», «тук-тук», «мяу», «ав-ав», «му-му», «ко-ко-ко», «ку-ка-ре-ку», «га-га-га», «жжж...», «ррр...», «шшш...», «ззз...». Далее следовала просьба показать предмет из числа изображенных на картинке, посредством которого могли издаваться эти звуки. Неспособность больного к дифференцированному восприятию звукоподражательных слов свидетельствовала о грубом нарушении функции речевого слухового гнозиса, что, как правило, бывает обусловлено очагом поражения в левой височной доле мозга.

Анализ показал, что у подавляющего числа больных, а именно: у 45 из 60 обследованных лиц, оказалось затруднено восприятие природных и предметных шумов. Различение звукоподражаний больных затрудняло в меньшей степени. Еще менее нарушенным у больных оказалось восприятие музыки, однако следует учитывать относительность поставленных

оценок, так как истинное положение вещей в отношении музыкальной функции оценить трудно, поскольку, как правило, неизвестно преморбидное владение ею. В таблице 5 приведены данные по состоянию у больных неречевого слухового гнозиса.

Таблица 5. Показатели состояния неречевого слухового гнозиса

Функции	Группы больных		
	0-1 балла	2 балла	3 балла
Восприятие природных шумов	12	38	10
Восприятие предметных шумов	12	33	13
Восприятие музыки	34	18	8
Восприятие звукоподражаний	13	27	20

Обследование у больных состояния речевой функции включало, в первую очередь, исследование речевого слухового гнозиса (импрессивную речь). Первый тест предполагал показ предметов по их названиям. Больному предъявлялись различные предметы, как реальные, находящиеся вокруг, так и изображенные на картинках, в том числе стилизованные. Некоторые из изображений были выполнены таким образом, что провоцировали к смешению с другими предметами (шляпа-сковорода, батон-расческа и пр.). Каждому больному было дано задание показать предмет по названию, воспринятому на слух. Неспособность соотнести слово с реальным и хорошо знакомым предметом свидетельствовала о наличии принципиально важного в контексте настоящего исследования отчуждения смысла слова, что преимущественно связано с поражением височной доли левого полушария, однако может иметь место и при поражении правого.

Следующий тест состоял в показе частей тела по их названиям. Больному называли ту или иную часть тела и просили показать ее. Неспособность показать часть тела свидетельствовала о наличии: а) отчуждения смысла слова на часть тела (поражение левой височной доли); б) аутогнозиса (потере представления о схеме тела), и соответственно, о поражении теменной доли слева. Отчуждение смысла слова у больных было более выражено в отношении предметных номинаций, нежели названия частей тела (табл. 6).

Таблица 6. Показатели состояния речевого слухового гнозиса

Функции	Группы больных		
	0-1 балла	2 балла	3 балла
Показ единичных предметов	8	26	16
Показ частей тела по их названиям	12	25	13

Следующий тест применялся для исследования сохранности фонематического слуха. Больному предъявлялись слова с оппозиционными фонемами и следовала просьба показать соответствующие предметы на картинках или же объяснить смысл этих слов. Использовались следующие пары слов с оппозиционными фонемами: бочка-почка; дочка-точка; ряд-ряд; день-тень; жар-шар; угол-уголь; мыла-мила. Нарушение фонематического слуха у больных являлось одним из наиболее значимых свидетельств поражения височной доли левого полушария.

Тест «слухоречевая память» состоял в предъявлении больному для повторения звукового ряда из 2-х, 3-х, 4-х, 5-и звуков: «а», «и», «у», «э», «о» и словесного ряда из разного количества слов: «нос», «кот», «лес», «пар», «стол». Дефект слухоречевой памяти свидетельствовал о поражении средне-височных областей левого полушария мозга.

Согласно полученным данным, практически все больные, в том числе и с моторной афазией, были не в состоянии правильно выполнить предметные обобщения по обозначающему слову; у них были нарушены фонематический слух и слухоречевая память. Это явилось свидетельством отрицательного влияния имеющихся нарушений на понятийное мышление. С топической точки зрения, налицо была заинтересованность в патологическом про-

цессе левой височной доли, что проявлялось практически у всех больных, независимо от формы афазии, однако большую степень выраженности указанные нарушения имели при сенсорной афазии.

При дальнейшем анализе у обследованных больных были выявлены корреляции между нарушениями неречевого и речевого слухового гнозиса. У больных с сенсорной и сенсомоторной афазией, не способных различать неречевые шумы, импрессивная речь была расстроена гораздо грубее, чем у тех, которые неречевые шумы дифференцировали. Показатели, обозначающие грубую степень нарушения обеих функций, представлены в таблице 7.

Таблица 7

Функции	Группы больных		
	0-1 балла	2 балла	3 балла
Восприятие неречевых шумов	12	38	10
Восприятие слова (показ предметов и частей тела по их названиям)	9	39	14

В целом, анализ показал, что затруднения в опознании неречевых и речевых шумов имели место у сходного числа больных. При этом, чем менее была выражена неречевая слуховая агнозия, тем в меньшей степени она влияла на способность восприятия слова на слух. Такая корреляция расстройств неречевого и речевого слухового гнозиса представляется не случайной. Ее можно объяснить тем, что именно природные и предметные шумы являются, согласно данным лингвистики, первоисточником формирования фонетико-фонематической системы языка в антропо- и онтогенезе. Этот результат представляется важным в теоретическом и практическом отношении.

Согласно нашим представлениям, базисными для фонологической системы языка являются не только неречевые стимулы акустической модальности, но и двигательные акты, лежащие изначально в основе речевых (артикуляционных) движений (Т. Г. Визель, 2002) [6]. При исследовании зависимости речевой способности (импрессивной и экспрессивной) от состояния неречевых и речевых движений ставился вопрос о том, имеется ли корреляция между состоянием практических расстройств в орально-артикуляционной сфере и показателями неречевых движений?

Обследование неречевых и речевых движений включало несколько тестов. Первый из них представлял собой воспроизведение единичных кистевых и пальцевых поз (кинестетический праксис). Каждому больному было дано задание повторить ряд поз: поднести кисть к подбородку; к уху с монологической и контралатеральной стороны; ко лбу; воспроизвести позу «козы»; привести кисть в положение вверх, вниз, повернуть вправо, влево и пр. Неспособность выполнить действия могло являться свидетельством наличия у больного кинестетической апраксии (апраксии позы) и, соответственно, о поражении постцентральных зон головного мозга.

Следующий тест предполагал воспроизведение серий кистевых и пальцевых поз: кулак-ладонь-ребро; кулак-кольцо-ладонь и пр. Неспособность выполнить действия свидетельствовала о наличии у больного кинестетической апраксии и, соответственно, о поражении прецентральных (премоторных) зон левого полушария.

В рамках данной серии тестов было проведено исследование с использованием пробы на «символический кистевой и пальцевый праксис». Сначала больного просили показать жестами ряд символических действий, а именно: как хмурят брови, улыбаются, здороваются, прощаются, едят, пьют, рубят дрова, водят машину, посылают воздушных поцелуй. Затем следовало указание произвести ряд описательных действий, а именно: какой формы яблоко, арбуз, мяч, огурец, палочка; как показать, что человек высокий, низкий, худой и прочее. Данный тест состоял в выявлении способности использовать жесты и мимику для коммуникации с окружающими. Неспособность воспроизводить заданные позы могло свидетельствовать о поражении постцентральных (нижнетеменных) зон левого полушария головного мозга.

В результате проведенного исследования было выявлено, что у больных с сенсорной афазией практически не оказалось первичных нарушений кинестетического и кинетического праксиса, в то время как нарушения в неречевой слуховой сфере у них имели значительную степень выраженности. Данный факт свидетельствует, на наш взгляд, о большей значимости для речи слуховых дифференцировок, чем практической (двигательной) способности. Слух и речь, таким образом, более интимно связаны, чем речь и движение, хотя, безусловно, и эта связь имеет важное значение.

Интересный результат был получен нами при изучении зависимости между состоянием понимания речи, говорением и способностью больных к улавливанию и воспроизведению слога-ритмической структуры слова.

Задание на этом этапе заключалось в том, что слово произносили по слогам, ритмизировано и больного просили повторить его так же или маркировать слоговой ритм с помощью артикуляционно неформированных вокализаций. Тест был включен в исследование по той причине, что артикуляционные переключения необходимы для произнесения слова, они базируются на слога-ритмической структуре слова и, следовательно, состояние эфферентного артикуляционного праксиса в значительной мере определяется состоянием этой способности (Т. Г. Визель, 2009) [8]. Возможная патологическая симптоматика могла быть выражена следующими признаками: делением на слоги по случайному принципу; делением на однотипные слоги по формальному, а не ритмическому принципу; вставкой гласных в местах стечения согласных, благодаря чему могли возникать псевдослоги.

Неспособность выполнения речедвигательных проб являлась свидетельством наличия у больного эфферентной или афферентной артикуляционной апраксии и, соответственно, о поражении постцентральной или премоторной зоны левого полушария мозга.

Это могло означать, что у больных в острой постинсультной стадии произошло возвращение к закономерностям овладения фонологической системой языка в речевом онтогенезе, когда восприятие речи строится на базе неречевого. По данным литературы, способность различать речевые сигналы и понимать речь является знаком созревания левого (доминантного по речи) полушария мозга, а также того, что благополучно осуществляются процессы левополушарной латерализации (передачи необходимой для речи информации из ведущего в раннем возрасте правого полушария – левому) (М. Kiensbourne, 1985). По-видимому, в остром постинсультном периоде происходит компенсаторное оживление этих онтогенетически ранних полушарных взаимодействий. Случаев атипичных афазий, описанных Т. Г. Визель (2002), и что особенно важно, Н. М. Лапиной (2007), поскольку ее работа посвящена острому периоду развития афазий, нами не обнаружено [6, 7].

В целом, по результатам констатирующего эксперимента можно сделать следующие выводы:

1. Нарушения речевой и других ВПФ выступают у больных в острой постинсультной стадии на фоне загруженности сознания или других более легких нарушений процессов нейродинамики: осознания ситуации, ориентации в окружающем, расстройств эмоционально-волевой сферы и повышенной истощаемости.

2. Согласно полученным данным, наиболее тесно связаны между собой неречевой и речевой слуховой гнозис: наличие неречевой слуховой агнозии препятствует пониманию речи.

3. Наличие выраженных неречевых апракто-агностических расстройств у больных в острой постинсультной стадии позволяет сделать предположение, что они оказывают влияние на языковые функции больных, прежде всего, в рамках фонологической системы языка. Такой вывод трудно сделать по состоянию постморбидного статуса у больных в резидуальной стадии заболевания, когда картину «зашумляют» закономерные для того или иного варианта последствий перенесенного инсульта компенсаторные перестройки.

4. Присутствие субдоминантных нарушений при доминантных очагах связано, возможно, с реципрокным компенсаторным «ответом» контрлатерального очагу поражения полушария.

5. Обнаруживается зависимость степени грубости нарушений вербального компонента языковой системы, т.е. способности к использованию средств языка (фонологических, лексических и грамматических) от грубости нарушений невербального компонента этой языковой системы, и, следовательно, возвращение к закономерности, имеющей место в речевом онтогенезе. При этом мануальная (кистевая, пальцевая) апраксия играла меньшую отрицательную роль, чем оральная и артикуляционная.

6. Нарушения понимания речи оказались наиболее значимыми при сенсорной и сенсомоторной афазии, однако они являлись препятствием для коммуникации больных с окружающими и при других формах афазии.

Заключение

В остром периоде заболевания активны механизмы спонтанной компенсации, определяющие перестроечные изменения в картине дефекта. Они возникают на основе произвольного включения в реализацию функции оставшихся в резерве речевых и неречевых средств. Сходная точка зрения выдвинута Л. С. Цветковой, посвященной «новому в афазии» (2005, 2008) [9].

Задача восстановительно-коррекционного обучения – учесть эти тенденции и в остром периоде заболевания усилить те потенциальные возможности, которые относятся к наиболее произвольным видам восприятия и действий. Исходя из этого, нами были составлены программы, в которых ведущая роль принадлежала сенсорным (тактильным, зрительным и особенно слуховым) методам стимуляции больных. Разработанные приемы работы дали значительный положительный эффект. Содержание этого раздела исследования с описанием содержания и результатов работы с больными планируется нами как отдельная публикация.

Литература

1. Кадыков А. С. Реабилитация после инсульта. М.: Миклош, 2003.
2. Шкловский В. М., Фукалов Ю. А., Парцалис Е. М. и др. Организация специализированной помощи больным с очаговыми поражениями мозга в результате инсульта, черепно-мозговой травмы и других заболеваний центральной нервной системы (методическое письмо) / В. М. Шкловский [и др.]. М., 2006.
3. Шкловский В. М., Визель Т. Г. Карта нейропсихологического обследования больных с нарушениями высших психических функций: Иллюстрированный альбом. М., 1995. 61 с.
4. Визель Т. Г. Нейропсихологическое блиц-обследование. М., 2005. 24 с.
5. Kinsbourne M. The development of Cerebral Dominance // Handbook of clinical neurophysiology / Ed.S. Filskov, T. Boll., N.V. Wiley, 1981. P. 399-417.
6. Визель Т. Г. Атипичные афазии: автореф. дис. докт. психол. наук. М., 2002.
7. Лапина Н. М. Атипичные афазии. Восстановительное обучение на ранней стадии заболевания: методическое пособие для практикующих логопедов. М., Творческий центр СФЕРА, 2007.
8. Визель Т. Г. К вопросу о природе афазии // Дефектология. 2009. №5. С. 65-71.
9. Цветкова Л. С. Афазиология: современные проблемы и пути их решения. Воронеж, 2002. 640 с.

Л. В. Шибаета¹, Л. Р. Заграй²

¹Сургутский государственный университет, ²БУ ХМАО – Югры Сургутский клинический психоневрологический диспансер, г. Сургут

Психологические затруднения экономического самоопределения детей, подростков, юношества коренных народов Югры

Psychological Difficulties of Economic Self-determination of Children, Teenagers, Youthes of the Radical People of Yugra

УДК 316.334.2 ; 316.6, ББК 60.561.2+88.5

Аннотация. Обсуждается проблема кросс-культурных психологических исследований в области экономической психологии детства, подростничества. Обсуждаются эмпирические проявления особенностей ориентировки в экономической действительности совершеннолетних представителей коренных народов Севера (ханты). Предполагается, что дифференцированная ориентировка в экономической действительности выступает в качестве основания социально-психологического здоровья современного поколения взрослого сообщества, которое влияет на возможности достижения оптимальных уровней экономической социализации детей и подростков.

Summary. In article the problem cross-country-cultural of psychological researches of economic self-determination is staticized. Attempts to allocate feature of economic self-determination of representatives of the radical people of the North are undertaken. It is supposed that adequate orientation in the economic validity acts as the basis of high level of socially-psychological health of adult community which predetermines possibilities of achievement of high levels of economic socialization of children's and teenage community.

Ключевые слова: экономическая социализация, экономическое самоопределение, ценности, субъект экономической действительности, экономическое благополучие, деньги.

Keywords: economic socialization, economic self-determination, values, the subject of the economic validity, economic well-being, money.

В современной культурной антропологии, этнопсихологии и этнопедагогике одной из наименее разработанных является проблема изучения того, как происходит экономическая социализация представителей малых народов Севера, каково ее своеобразие у взрослых и как это влияет на развитие детей, подростков, юношества. Эмпирические проявления своеобразие экономической социализации могут находить свое выражение как на уровне когнитивных представлений об эквивалентности обмена определенных товаров и услуг, так и в особенностях переживаний, предопределяемых интерпретацией на основе этических категорий (справедливого-несправедливого обмена, выгодного-невыгодного, обидного-достойного), в особенностях стиля поведения в условиях ведения переговоров и заключения коммерческих сделок.

В работах представителей культурной антропологии (Л. Леви Брюль, К. Леви-Стросс, Д. Фрезер, М. Мид), социальной психологии (С. Московичи), психологии развития (П. Жане, Л. С. Выготский, А. Р. Лурия) конкретизируется зависимость картины мира, как взрослых, так и детей, от образа жизни, хозяйственного уклада, традиций, обычаев, верований [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8]. Однако доля исследований, посвященных своеобразию ориентировки представителей малых народов, включенных в традиционные виды жизнедеятельности, в этом массиве составляет малую часть. Вместе с тем, очевидно, что адекватная ориентировка в экономической действительности выступает как основание высокого уровня социально-психологического здоровья взрослого сообщества, которое предопределяет возможности достижения высокого уровня экономической социализации детей, подростков, юношества.

Становление человека как активного субъекта экономической действительности детерминировано различными факторами. В настоящее время все более активно развиваются исследования человека в связи с особенностями культуры потребления [9]. Проблемы психологии потребления рассматриваются в их неразрывной связи с культурным контекстом (территориальные, политические, экономические, социальные и духовные факторы). Такой подход предполагает отказ от представлений о решающей роли индивидуальных решений в сфере потребления и переход к рассмотрению широких психологических, социальных и культурных контекстов возникновения стилей потребления. Проблемы этого уровня неизбежно привлекают внимание представителей различных дисциплин и требуют междисциплинарного подхода.

В зарубежных исследованиях значение кросс-культурных исследований в области психологии потребления было отмечено рядом публикаций. В частности, известными является работы П. Лунта и С. Левингстоун «Массовое потребление и социальная идентичность» (1992), Э. Фурнама и А. Льюиса «Экономический разум» (1986), Х. Дитмар «Экономические представления подростков» (1992) [9, 10, 11]. В этих работах открываются новые методы исследования субъекта в его отношении к экономическому потреблению, осуществляется охват все новых пластов культурного контекста.

В настоящее время предпринимаются попытки исследовать влияние социальных факторов на своеобразие траектории экономического самоопределения в социализации детей. Д. Лейзер и К. Ролан-Леви подчеркивают значение практического опыта повседневной жизни как средства социализации [12, 13]. Таким опытом, например, становится покупка в магазине, участие в торговых сделках. П. Уибли и соавторы подчеркивают значение неформальной игровой деятельности в развитии экономических представлений ребенка [14]. Эмлер и Дикинсон (1985) исследуют различия в экономических знаниях, доступных детям различных социальных классов, и влияние этих различий на социализацию [15]. С их точки зрения, социальное знание распределено в обществе неравномерно, и это – часть механизма, производящего неравенство в экономике.

Так, широко известна работа Д. Лейзер с сотрудниками, которые организовали исследование в десяти различных странах с использованием одного и того же опросника [12]. В семьях представителей среднего класса опрашивались дети трех возрастных групп: 8, 11 и 14 лет. Вопросы касались понимания, рассуждения и установок в экономической сфере, особое внимание исследователи уделяли общим чертам развития. Согласно исследованию, младшие дети полагали, что магазины фиксируют цены товаров на том уровне, который отражает их внутреннюю ценность. Становясь старше, они относили цену к рынку и политике правительства, однако все равно были убеждены, что некий компонент цены отражает внутреннюю стоимость продукта. Выяснилось, что дети моложе 11 лет не понимают природу прибыли. Д. Лейзер указывает также, что у младших детей имеется диссоциация между обменом денег на товары и обменом денег на работу [12].

Эти данные согласуются с прежними исследованиями, показавшими, что до 11 лет дети представляют экономику как ряд независимых процессов. Лишь после 11 лет у них формируется идея о взаимосвязанности аспектов экономики. Согласно данным Ролан-Леви и Лейзер, в развитии экономических представлений детей происходит переход от объяснительных моделей (на основе непосредственно воспринимаемых социальных отношений) к моделям «невидимых» экономических отношений, что дает возможность подойти к пониманию экономики как системы [12, 13]. Эти общие черты детского развития проявляются во всех странах, хотя обнаруживаются и многие различия между культурами.

В целом, можно отметить определенные уровни движения человека в детстве, подростковом, юности в направлении все более развитой позиции субъекта экономической действительности на основе активного самоопределения в задачах обустройства жизни и хозяйствования разного уровня. На невысоких уровнях экономического самоопределения ориентировка касается бытовых сделок локального содержания, часто встречающихся в жизненной практике. Ориентировка в экономической действительности, предполагающая умение пла-

нирывать стратегические экономические действия на основе обобщенных моделей действительности, представленной в знаково-символической форме акций, кредитов, инвестиций, валютных фондов, соответствует более высоким уровням экономического самоопределения, что предопределяется специфическими средствами и способами моделирования социальной действительности. Развитие экономического самоопределения неразрывно связано с нравственно-этическим самоопределением, особенностями этических категорий, осваиваемых человеком с детства. Так, хитрость, коварство, жадность порицается у всех народов даже на уровне повседневной практики взаимоотношений, они не могут одобряться и на уровне планирования стратегий хозяйствования при опоре на макромоделли экономической действительности.

Известный отечественный философ Г. С. Батищев характеризовал тенденции изменения связей и отношений между людьми при переходе от патриархального стиля жизни в традиционных сообществах к индустриальному и постиндустриальному обществу [16]. Для первого типа характерны социал-органические связи, для второго – социал-атомистические, которые характеризуются социальной отчужденностью, дистанцированностью, индивидуализмом, а, вслед за этим, и утратой традиционных нравственно-этических ориентиров.

Представители малых народов оказываются в ситуациях кризиса взаимоотношений. Им приходится жить не только в локальных изолированных сообществах, но и вне их строить отношения в широком и чуждом для них окружении поселений, городов, социальных институтов, коммерческих структур. Готовность к адекватному переходу от привычных социал-органических отношений к отчужденным, дистанцированным, коммерчески сложным крайне низка, что обуславливает определенные трудности становления человека как гибкого, но этически корректного субъекта экономической действительности. В связи с этим, искаженные траектории экономического самоопределения представителей общин коренных народов, ведущих традиционные виды хозяйства, могут выражаться как в определенном уровне наивности, неискушенности, неподготовленности к пониманию реалий экономического мира, так и в возникновении излишнего прагматизма, жесткости, недоверия, настороженности.

Спектр эмпирических проявлений на различных этапах экономической социализации у представителей народа ханты проанализирован нами по результатам клинических бесед с контингентом молодых людей призывного возраста, проходящих психолого-психиатрическую экспертизу в рамках военной комиссии в психоневрологическом диспансере. Наши респонденты были отнесены к представителям народов ханты, ведущим традиционный образ жизни (окончившие 3-4 класса школы-интерната, занимающиеся традиционными видами хозяйства: охота, рыболовство, собирательство, проживающие на территории угодий). В исследовании был зафиксирован диапазон сфер жизнедеятельности, в которых проявилась невысокая готовность к экономическому самоопределению.

Остановимся на некоторых иллюстрациях. Характеристика экономического благополучия для участвующих в собеседовании представителей народа ханты, ведущих традиционный образ жизни, выражается, прежде всего, в материальных предметах, имеющих значение для повседневной жизни, охоты, рыболовства, бытового жизнеустройства. Так, для молодых людей не представляет значительной ценности большое количество денег или других сбережений, например, в банковских вкладах. Материальное благополучие определяется преимущественно наличием и качеством таких предметов для охоты и рыболовства, как ружья, ножи, рыболовные снасти, средства локального передвижения (моторные лодки, снегоходы), а также поголовьем оленей и обширностью земельных владений (угодий). Это объясняется значимостью данных предметов для благополучной организации жизни в условиях Севера. В то же время, при определении меры эквивалентности обмена продуктами рыболовства и охоты, необычайно дифференцированными являются характеристики качества предметов натурального обмена (качество рыбы, мяса, шкур, грибов, ягод, их состояний в разные времена года).

Одной из особенностей экономического самоопределения молодых людей является то, что не представленными в картине экономической действительности оказываются масштаб-

ные модели экономического устройства современного мира, прежде всего, со стороны валютно-денежных потоков и систем управления ими. Также за границами понимания структуры экономических отношений остаются сферы организации городского, междугороднего транспорта. Это объясняется низкой востребованностью данных средств передвижения и экономико-правовой незащищенностью в этой сфере. При этом достаточно хорошо у молодых людей развита ориентировка в таких товарах потребления, как электро- и радиотовары, мобильные средства связи, которые также являются признаками экономического благополучия и престижности. Таким образом, за пределами представлений о материальном воплощении благополучия у молодых людей находятся многие виды экономических ресурсов, выражаемых в знаково-символических эквивалентах (электронные эквиваленты денежных единиц, страховые вложения и т. п.).

При характеристике особенностей представления о материальном благополучии и его обеспечении можно опереться на данные исследования сферы ценностных ориентаций, полученные сотрудниками факультета психологии Сургутского университета (Л. Д. Заричнюк, Л. М. Костив) под руководством В. Б. Хозиева (2003) в ходе проведения социологического и социально-психологического исследования образовательных ценностей и профессиональной ориентации у детей обских финно-угров [17].

Авторы исследования указывают на то, что по особенностям ведения хозяйства и условиям проживания представителей народа ханты можно распределить на три основные группы: ханты, продолжающие традиционный образ жизни (проживают в лесных условиях); ханты, проживающие в смешанных рабочих поселках (сохраняют элементы традиционного хозяйства, но более склонны к выполнению примитивного городского труда) и городские ханты, чаще всего метисы, ведущие городской образ жизни (с традиционной деятельностью их связывают только отдельные элементы престижности, отражающие их национальную самобытность и экономическая выгодность, наличие льгот и дополнительных государственных выплат). Данное распределение отражает логику развития миграции коренных народов в среду города.

Проанализировав материал, отражающий смысловое содержание ценностей ханты, полученный Л. М. Костив и Л. Д. Заричнюк, мы можем отметить некоторые различия по отношению к деньгам в этих трех группах [17]. Так для лиц, продолжающих традиционный образ жизни, характерно то, что они имеют достаточно прочную систему своих, традиционных ценностей, а также имеют ряд средств и способов достижения задуманных целей. И сами ценности, и средства достижения целей присваиваются детьми в ходе жизни в лесу, в процессе воспитания и раннего задействования в традиционном труде. Традиционные цели как и средства их достижения, четко связываются с качеством жизни и будущим человека.

Представители данной группы слабо ориентируются в городских ценностях, не ценят образование и профессиональный рост, так как не понимают, каким образом выполняемый в городе труд (который они за труд не считают) обеспечит жизнь человека. Эти молодые люди полностью ориентируются на лесной образ жизни и связывают с лесом свое будущее существование. У них нет потребности в распознавании именно городских ценностей и продумывании способов деятельности в условиях города. Деньги для них выступают как промежуточный этап при обмене продуктов натурального хозяйства на предметы, имеющие большое значение для поддержания их образа жизни (приобретение ружей, рыболовных снастей и т. д.). В исследовании нашло подтверждение то, что сами по себе деньги, их количество не является для молодых людей ценностью и не оказывает влияния на их межличностные отношения.

Категория оценки благополучия в группе ханты, относящихся к городским, наиболее сложна для выделения и анализа. Сами «городские ханты» слабо идентифицируют себя как этнос ханты. С традиционными ханты их связывают только воспоминания родителей, отдельные элементы деятельности (охота, рыбалка) и отметка о национальной принадлежности (ее наличие дает ханты ряд льгот и преимуществ). Как правило, уклад жизни, отношения в семье, работа и взаимодействие с обществом схожи у них с жизнедеятельностью городского

жителя русской, украинской и других национальностей, то есть не отличается от жизнедеятельности обычного городского жителя.

Дети городских ханты обучаются в «русских» школах, ориентированы на 11 классов, среднетехническое и высшее образование. Можно сказать, что ханты этой группы имеют четкие представления о будущем своих детей, их ценности наиболее структурированы и подкреплены конкретными действиями (они соотносят собственные цели, связанные с приобретением материального благополучия, со средствами их достижения, например, получением профессии). Система ценностей у них носит наиболее четкий характер. В этой группе диапазон затруднений экономического самоопределения не будет существенно отличаться от такового у городских жителей других национальностей.

В группе повышенного риска по изучаемой нами проблеме (готовность к экономическому самоопределению) оказывается группа представителей народа ханты, проживающая в смешанных рабочих поселках. Создается такое ощущение, что поселковые ханты находятся будто между двух жизней: лесной, традиционной и привычной для себя, и городской, вынужденной, но необходимой для продолжения существования.

Поселковые дети оказываются в беспомощном положении. Зачастую родители ориентируют детей на работу в поселке или в городе, но при этом они преподносят труд как возможность заработать много денег, купить машину и т. д. В семье совсем не поднимаются вопросы о том, как можно добиться поставленной цели, что и как нужно для этого делать. Из разговоров родителей и занятий в интернате дети ухватывают внешние обстоятельства жизни, не проникая в их суть, в связи с чем можно говорить о псевдо-ценностных ориентациях. Внедренные извне ценности, таким образом, никак не подкрепляются операционально-технической основой деятельности. В целом, и мигрировавшие в поселок коренные ханты и дети, ранее переселившиеся и выросшие в рабочем селении, отличаются достаточно аморфной системой ценностей. При наличии городских целей, ориентированных на конечный результат (много денег, машина, квартира), у них отсутствуют минимальные представления о способах достижения и реализации данных целей. Таким образом, при отсутствии мотивов к деятельности и существующих способах и средствах реализации внешне контролируемых целей данное явление, встречающееся у поселковых ханты, можно объяснить как феноменологию выученной беспомощности.

Было бы неловко делать такие выводы и выдавать их за уникальные достижения. На самом деле, подобные результаты получали многие ученые, задействованные в исследовании процессов изменения личности человека при миграции. Как правило, большая часть психологов, этнографов заканчивали свои исследования простым описанием наблюдаемого ими феномена. Оно включает такие признаки, как постоянное беспокойство, страх перед физическим контактом с другими людьми, общая тревожность, раздражительность, недостаток уверенности в себе, бессонница, чувство изнеможения, злоупотребление алкоголем и наркотиками, психосоматические расстройства, депрессия, попытки самоубийства; ощущение потери контроля над ситуацией, собственная некомпетентность и неисполнение ожиданий.

Исследование показало, что одним из крайних проявлений низкого уровня экономической социализации может стать то, что деньги, вместо того чтобы выступать средством достижения комфортных условий жизни, становятся самоценностью и оказывают влияние на все сферы жизнедеятельности, в том числе, и на межличностные отношения. В этом случае положительное отношение к другому человеку основывается исключительно на экономической выгоде (например, хороший сосед – тот, который может дать денег, хорошая жена – та, которая не забирает деньги и т.д.).

Неудачи и проблемы при адаптации в новой культуре необходимо рассматривать как дефицит определенных знаний и навыков, следствие расхождения между потребностями личности и способами их удовлетворения. В конечном итоге, они являются результатом неэффективного самоопределения переселенцев, ощущающих себя в неконтролируемых, неподдающихся изменениям условиях. Поэтому так важно приобретение человеком знаний об

обычаях, нормах, ценностях, стереотипах поведения принимающего социального сообщества без разрыва с собственной культурой.

Таким образом, весьма востребованной оказывается специализированная поддержка детям, подросткам, юношеству обских финно-угров в многоплановой ориентировке в экономической действительности, как на уровне практико-бытовой организации жизни, так и на основе ориентировки в широкой социально-экономической действительности. Большим потенциалом в отношении «влияния» на содержательное экономическое самоопределение представителей малых народов Севера обладает сфера образования, в частности, специализированные факультативы, отвечающие современным развивающим принципам обучения. Принципы организации развивающих факультативов необходимо привести в соответствие со спецификой задач экономического просвещения, сочетающего два уровня: повседневной культуры экономного ведения семейного хозяйства и культуры ориентировки в макроэкономической организации социальной действительности. Такого рода занятия в настоящее время пока не предложены в школах, интернатах, училищах для детей, подростков, юношества коренных народов Югры. Но это является ближайшей перспективой планируемых нами исследований.

Литература

1. Леви-Брюль Л. Психология мышления. М: Изд-во МГУ, 1980. С. 130-140.
2. Леви-Стросс К. Первобытное мышление. М.: Республика, 1994. 384 с.
3. Фрезер Д. Золотая ветвь. М.: Политическая литература, 1980. С. 281.
4. Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. М.: Наука, 1988. 429 с.
5. Moscovici S. On social representation. In: Forgas, J. P. (ed.) Social Cognition: Perspectives on everyday life. London: Academic Press, 1981.
6. Жане П. Неврозы и фиксированные идеи: пер. с франц. СПб., 1903. 428 с.
7. Выготский Л. С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999. 352 с.
8. Лурия А. Р. Речь и интеллект в развитии ребенка. М., 1927
9. Лунт П. Психологические подходы к потреблению: вчера, сегодня, завтра // Иностранная психология. 1997. № 9. С. 8-16.
10. Furnham A. School children's perception of economic justice: cross-cultural comparizon // Journal of Economic Psychology. 1987. V.8. № 4. p. 457-467.
11. Диттмар Х. Экономические представления подростков // Иностранная психология. 1997. № 9. С.25-36.
12. Leiser D. Children's conceptions of economics: The constitution of a cognitive domain // Journal of Economic Psychology. 1983. V.4. №2. pp. 297-317.
13. Roland-Levy C. Economic socialization: basis for international comparisons // Journal of Economic Psychology. 1990. V.11.№ 4. P. 469-482.
14. Уэбли П. Понимание детьми экономических явлений // Проблемы экономической психологии / отв.ред. А.Л. Журавлев, А.Б. Купрейченко. М.: Институт психологии РАН, 2005. Т. 2. С. 146-180.
15. Journal of Economic Psychology. Special Issue on "Economic Socialization". 2006. V. 27 (1). P. 6-19, 20-35, 36-56.
16. Батищев Г. С. Введение в диалектику творчества. СПб, 1997. 464 с.
17. Костив Л. М., Заричнюк Л. Д. Образовательные ценности и профессиональные ориентации детей обских финно-угров // Гуманитарные науки [редкол.: В. В. Мархинин (отв. ред.) и др.]. Сургут, 2006. С. 136-141 .

В. Д. Юхлымова

*БУ «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок», поселок Березово,
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра*

Реализация комплексной программы социальной поддержки и гендерного просвещения семей коренных малочисленных народов Севера в Березовском районе ХМАО – Югры

**Realisation of the Complex Program Social Support and Gender Education of Families of the Radical small people of the North in Berezovsky area
HMAO –Yugra**

УДК 364/42 ; 376 (571.122)

Аннотация: В рамках мероприятий, посвященных II десятилетию коренных народов мира, с целью организации адресной социальной помощи молодым и многодетным семьям «группы риска» народов ханты и манси, гендерному образованию и воспитанию родителей и детей с целью гармонизации внутрисемейных отношений в Березовском районе реализуется экспериментальная Комплексная программа социальной поддержки и гендерного просвещения семей коренных малочисленных народов Севера.

Реализация программы направлена на осознание важности сохранения института семьи для личностного развития представителей коренных малочисленных народов Севера, развития этнопедагогических традиций воспитания подрастающего поколения как основного фактора возрождения национальной культуры народов ханты и манси.

The summary: Within the limits of the actions devoted to II decade of radical nations of the world, for the purpose of the organization of the address social help young and to large families of «risk group» people ханты and манси, to gender formation and education of parents and children for the purpose of harmonization of interfamily relations in Berezovsky area the experimental Complex program of social support and gender education of families of the radical small people of the North is realized.

Ключевые слова: семья, гендерное просвещение, комплексная программа социальной поддержки, исследование, характеристика психологического пола.

Keywords: a family, gender education, the complex program of social support, research, the characteristic of a psychological floor.

*«... Кончилась земля предков и кончился наш род.
Оставшиеся семьи перебрались в поселки. Там мальчиков некому приобщить к охоте, рыбной ловле и выпасу оленей. Некому их учить, как плести арканы и рыболовные снасти, мастерить нарты и лодки, строить дома и лабазы на курьих ножках.
А девочки?*

*Их участь оказалась ещё более драматичной.
Быть может, они утратили самое главное, то, без чего невозможно продолжение жизни любого народа – не станут женами, матерями, хранительницами очага.*

*Не знают, как выделывать шкуры, обрабатывать бересту, корень кедра и кору пихты.
Не знают, как лепить глиняные печи и выпекать в них хлеб.*

*Как разделявать рыбу и мясо, чтобы затем впрок провялить или прокоптить.
Наконец, не постигли изумительного мира национального орнамента, которым испокон веков украшалась одежда хантыйских девушек...»*

Е. Д. Айпин [1]

Семья является носителем культурных ценностей общества и народа, культивирует семейные традиции, передает систему ценностей молодому поколению, удовлетворяет куль-

турные потребности детей и молодежи, способствует развитию их культуры. Традиционная семья любого народа всегда оказывала сильное влияние на формирование национального характера, национального самосознания, на усвоение культуры своего народа, его исторических традиций. О хорошей, достойной памяти предков, смене поколений судили по тому, насколько подрастающее поколение приобщено к духовным ценностям, к родному языку, фольклору, обычаям и традициям своего народа. С этой точки зрения, опыт семейного воспитания представлял собой социально-исторический феномен каждой нации и народа. Особенный интерес вызывал у исследователей опыт гендерного (от англ. gender – пол), то есть женского и мужского воспитания в семье.

Современные ученые, исследуя проблему гендерного воспитания как современного социально-педагогического явления, отмечают, что гендерный подход в его традиционном понимании был присущ образу жизни многих больших и малых народов России. Так, в социальной организации важную роль всегда играла женщина, которая, одновременно с этим, старательно подчеркивала авторитет отца и мужа. В период психологических потрясений, касающихся семьи (рождение, смерть, возрастные переходы), женщина могла посредством рождённого в её сознании обряда (обряды перехода) наладить порядок и дальнейшую жизнь человека, семьи, коллектива [2, 34]. Специфическое семейное и общинное воспитание девочек и мальчиков осуществлялось, как и у многих других народов, сохранивших длительное время традиционные формы хозяйствования. На территориях проживания коренных малочисленных народов Севера такие традиции остаются важным ресурсом развития любого этноса, возрождения, сохранения и развития самобытной культуры, а также одним из факторов социально-экономической и политической стабильности региона. Вместе с тем, в силу известных экономических, политических, демографических и многих других причин роль этих институтов в гендерном воспитании и образовании значительно ослабла. Разрушение традиционного образа жизни, потеря возможности заниматься традиционными промыслами создает трудности для передачи опыта воспитания мальчиков и девочек, подготовки их к традиционному образу жизни, сохранения традиционной культуры, ее обогащения новыми достижениями [3, 2]. Каково положение мужчин и женщин на Севере? Демографическая статистика отмечает гендерный дисбаланс, так как проблем у мужчин больше: по статистическим данным смертность среди них выше, чем у женщин (в Березовском районе ХМАО-Югры в 2 раза)⁵. Основными причинами смерти, наряду с несчастными случаями и травмами, являются болезни системы кровообращения, органов дыхания и пищеварения. Мужчины по сравнению с женщинами ведут более беззаботный образ жизни, меньше следят за своим здоровьем. Все это приводит к тому, что мужчины меньше живут и чаще страдают от болезней, а это отражается на будущем этносов. На территории Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа проживает 6700 коренных малочисленных народов Севера, большая часть коренного населения – 3968 человек – насчитывается в местах компактного проживания народов Севера, из них мужчин – 1902, женщин – 2066. В то же время, по статистике мальчиков рождается больше, чем девочек. Так, в возрасте от 0-15 лет мальчиков – 531, а девочек – 517, но уже от 16 до 59 лет мужчин – 1263, а женщин – 1308 человек, после 60 лет мужчин – 108, женщин – 241. Проведенное исследование в Березовском районе показало, что за период 1999 года по май 2008 г. в семьях коренных малочисленных народов Севера родилось 922 ребенка, за этот же период умерло коренного населения – 823 человека. Естественный прирост составляет 99 человек. В ходе исследования выявлены основные причины смерти в возрасте 15–55 лет среди мужчин и женщин⁶:

1. Суицид – 30 % от всех умерших;
2. Летальный исход в результате алкогольного опьянения – 25%; (данные по мужчинам);
3. Рак – 15%;

⁵ По данным Березовского ЗАГСa (книга № 2 за 2009 год, стр. 158).

⁶ По статистике Центральной районной больницы п. Березово, 2008 год (книга № 2, № 3 за 2001 – 2008 год, стр. 70).

4. Алкогольная интоксикация у женщин – 13%;
5. Хронический алкоголизм – 10 %;
6. Туберкулез – 7%.

Анализируя демографическую ситуацию в районе, необходимо отметить, что несмотря на положительный показатель естественного прироста в районе, который наблюдается с 2004 года, уровень рождаемости пока еще недостаточен для обеспечения воспроизводства населения. На рождаемость отрицательно влияют следующие факторы: низкий денежный доход многих семей, отсутствие нормальных жилищных условий, ориентация родителей на малодетность, увеличение числа неполных семей, проживание и труд женщин в неблагоприятных климатических условиях, и как следствие – низкий уровень репродуктивного здоровья.

Таким образом, сталкиваясь со множеством проблем, нестабильностью жизни, стрессогенными факторами, представители коренных этносов Югры самостоятельно разрешают трудную жизненную ситуацию неадекватными способами социальной активности. По мнению Н. Осуховой,[4, 7] такой тип адаптации обусловлен действием психологического механизма «сопротивление изменениям». Формирование непродуктивной (защитной) адаптации семей обских угров к жизни приводит к фиксированным, негибким построением человеком или семьей отношений с собой, своими близкими (внутри семьи), нарушению отношений с внешним миром. Возникает вопрос: как семья может вырастить здоровое (физически, морально и психически) поколение в современных изменяющихся, порой жестких условиях, при которых человеческие отношения заменились рыночными?

Состояние семей в Березовском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в настоящее время остается социально нестабильным: разводы составляют около 76% от числа заключенных браков, 33% среди семей коренных малочисленных народов Севера ханты и манси. 25% детей рождается в неполных семьях. Множество семей распадается, не перейдя 5-летний рубеж существования. Но так как в большинстве семей уже есть дети, то прежде всего они расплачиваются за ошибки взрослых, что в свою очередь способствует возникновению неврозов и других нервных заболеваний детей. А. И. Захаров [5, 18] видит причины детских неврозов в несовершенстве семейных отношений.

Учитывая вышеперечисленные факторы, в целях гармонизации внутрисемейных отношений и гендерному воспитанию детей, а также с целью организации адресной социальной помощи молодым и многодетным семьям «группы риска» народов ханты и манси в Березовском районе ХМАО-Югры в БУСО «Комплексный центр социального обслуживания населения «Альянс» совместно с социально-педагогической службой общеобразовательных учреждений апробируется экспериментальная Комплексная программа социальной поддержки и гендерного просвещения семей коренных малочисленных народов Севера. Гендерное просвещение населения – целенаправленная деятельность государства, учреждений социальной защиты, общественных организаций и педагогических коллективов по формированию представлений о роли мужчин и женщин в обществе и моделях их взаимодействия.

Реализация программы направлена на осознание важности сохранения института семьи для личностного развития представителей коренных малочисленных народов Севера, развития этнопедагогических традиций воспитания подрастающего поколения как основного фактора возрождения национальной культуры народов ханты и манси.

Подготовка молодых людей к осознанному браку, созданию полноценных семей и формированию ответственности за рождение и воспитание детей должна стать одним из приоритетных направлений в деятельности органов социальной поддержки населения и социально-педагогической деятельности.

Формирование системы гендерного просвещения членов семей осуществляется путем повышения гендерной культуры сотрудников БУСО ХМАО-Югры «Комплексный Центр социального обслуживания населения «Альянс» и проведения системы комплексных мероприятий, направленных на сохранение самобытного социокультурного пространства народов ханты и манси.

Необходимость реализации Программы в деятельности органов социальной поддержки населения определяется также такими обстоятельствами, как:

- снижением рождаемости среди семей ханты и манси и естественным сокращением их численности, особенно сверхсмертности мужчин в трудоспособном возрасте;
- тенденцией превращения семей коренных народов Севера в смешанные, где один из родителей для ребенка (детей), не является представителем социокультурного пространства этносов Севера;
- слабым использованием социально-педагогическими коллективами учреждений социальной защиты населения форм, методов, приемов и средств воздействия на актуализацию у подрастающего поколения потребности к созданию крепких семей;
- ростом числа дезадаптированных семей, находящихся на грани социального сиротства;
- недостаточно сформированной активной педагогической позицией родителей, низким уровнем их гендерной культуры;
- ростом числа неполных семей;
- ростом числа безработных граждан: более 50% коренных жителей состоит на учете районном Центре занятости;
- ростом числа детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей из числа коренных малочисленных народов Севера.

Цель программы – организация адресной социальной помощи и гендерное просвещение молодых и многодетных семей народов ханты и манси, семей «группы риска» по улучшению их условий жизни, воспитанию детей и гармонизации внутрисемейных отношений.

Задачи программы:

- гендерное просвещение членов семей и социальных педагогов;
- комплексный анализ состояния внутрисемейных отношений, стиля семейного воспитания и уровня социальной защиты семей «группы риска» ханты и манси;
- изучение самобытной культуры хантов и манси и ее влияние на традиции внутрисемейных отношений, формы и методы воспитания детей;
- разработка системы качественных характеристик современных семей народов ханты и манси, их потребностей и интересов, степени их удовлетворения в рамках национальной субкультуры;
- анализ влияния центральных, региональных местных СМИ на ценностные ориентации членов семей;
- изучение механизма интеграции кризисных семей в среду благополучных семей;
- оказание социальной помощи семьям через организацию работы клуба «Родной очаг»;
- взаимодействие с общеобразовательными учреждениями, с социально-педагогическими службами по работе с семьей.

Субъекты реализации целей программы: специалисты БУСО «КЦСОН «Альянс»: методист, социальный педагог, специалист-консультант по информационно-правовому сопровождению семей, педагог-психолог, культорганизатор, инструктор по трудотерапии, медицинский работник, психолого-педагогическая служба общеобразовательных учреждений.

Объекты программы: молодые, многодетные семьи, а также семьи «группы риска» из числа малочисленных народов ханты и манси.

Технологический компонент. Комплексная программа представляет собой совокупность психолого-педагогических и медико-социальных мероприятий, направленных на формирование гармонизации внутрисемейных отношений, возрождение семейных традиций народов ханты и манси, укрепления и повышения в обществе социального статуса традиционной семьи, способствующих сохранению национальной культуры и этноса, в целом. Программа разработана в рамках II Международного десятилетия коренных народов мира.

Практическая значимость программы: содействие сохранению национальной культуры народов ханты и манси, системы традиционного воспитания детей, формирование культуры взаимоотношений между супругами. Инновационным элементом проекта для уч-

реждения является социальная работа, носящая характер интенсивной, комплексной социально-педагогической деятельности с использованием гендерного подхода.

Реализация Программы осуществляется в три этапа. Цель первого информационно-подготовительного этапа – создание информационного поля через средства массовой информации для привлечения внимания семей коренных малочисленных народов к предлагаемой программе и подготовка коренного населения к новой форме социального гендерного взаимодействия.

Цель второго этапа: создание в микросоциуме семьи социальной поддерживающей среды через работу клуба «Родной очаг», формирование педагогической и гендерной культуры родителей, укрепление детско-родительских отношений.

В результате проведенной работы на базе отделения дневного пребывания БУСО ХМАО-Югры «КЦСОН «Альянс» был создан банк данных семей ханты и манси, проживающих в районном центре п. Березово, всего 196 семей, в с. Теги – 140 семей, в п. Игрим – 86 семей, с. Сосьва – 10 семей, п. Хулимсунт – 5 семей. Семьи-участники объединились в семейный клуб «Родной очаг».

По мнению А. И. Захарова, современная семья «представляет собой не застывшую социальную организацию, а динамическую микросистему, постоянно находящуюся в диалектическом развитии. Общеизвестны определенные изменения, происшедшие в структуре семьи: уменьшение размеров семьи и количества детей, уменьшение роли старшего брата и сестры, исчезновение резкой дифференциации между членами семьи в целом» [6, 18].

Проведенный анализ семей (см. диаграмму 1) показал, что семьи-участники Программы по своей структуре в основном полные (195), но также есть и неполные (151 семья), в которых есть только один родитель, заботящийся о детях. Как правило, это семья, где глава – женщина. Нуклеарные, то есть, состоящие из супругов и их детей (91 семья), расширенные (39 семей, в которых проживают близкие родственники).

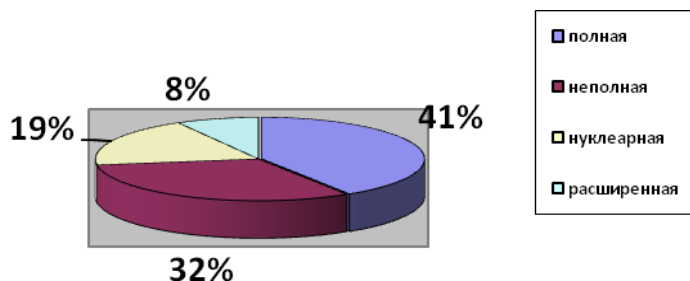

Диаграмма 1. Структура семей-участников Программы

Таким образом, на первом этапе реализации Программы заинтересованность в участии проявили в основном семьи, проживающие в районном центре п. Березово. Семьям, проживающим в районе, оказывались социальные услуги информационно-просветительской направленности специалистом по социальной работе, социальным педагогом общеобразовательных учреждений.

По мнению А. И. Захарова в современной семье происходит и смешение половых ролей в обществе: становится все более заметна феминизация мужчин и маскулинизация женщин. В своем большинстве общество мыслит стереотипами. Один из них: «мужчина – добытчик, женщина – хранительница домашнего очага». От современных мужчин и женщин ожидают выполнения этого стереотипа: мужчина должен обеспечивать семью, а женщина – воспитывать детей. Но к сожалению, не всегда в современных жестких экономических условиях мужчина – представитель коренного населения – может быть кормильцем. Он мог бы с запасом наловить рыбу впрок, обеспечить мясом диких животных. Но существующие запреты и ограничения запрещают ему свободно заниматься знакомым с детства промыслом. А затраты

на снаряжение не окупит ни один улов. Если он работает промысловиком, то получает самую низкую зарплату.

Современная хантыйская женщина также не может посвятить себя полностью семье – если она будет воспитывать детей и заниматься только домашними делами, то кто прокормит её семью? Поэтому женщина вынуждена сегодня работать, активно проявлять свою гражданскую позицию. Но эта же женщина, руководствуясь стереотипами, будет требовать от своего мужа соответствия образу добытчика и кормильца. И здесь возникает конфликт, стереотипное мышление «отравляет» жизнь, супруги не могут найти правильный выход из создавшейся ситуации, в результате рушится семья, страдают дети, процветает алкоголизм и проявляются другие социальные заболевания. Гендерные стереотипы – представления о мужчинах и женщинах, сложившиеся в течение многих поколений и распространяющиеся на всех представителей пола, независимо от индивидуальности. Учеными доказано, что продолжительность жизни мужчин, проживающих в браке, дольше продолжительности жизни одиноких мужчин.

Очевидно, современному человеку недостаточно знаний о своем гендере, он должен уметь ориентироваться и хорошо понимать своего партнера. Для этого на втором этапе реализации Программы было проведено исследование о типологии психологического пола.

Целью второго этапа реализации программы по работе с семьей было определено создание в микросоциуме семьи социальной поддерживающей среды через работу клуба «Родной очаг», формирование педагогической и гендерной культуры родителей, укрепление детско-родительских отношений.

Для сравнения маскулинных и фемининных качеств мужчин и женщин в качестве инструмента использовался опросник Сандры Бем [7]. Опросник включает в себя 60 прилагательных, каждое из которых оценивается по 7-бальной шкале исходя из того, насколько оно его характеризует. Двадцать прилагательных составляют шкалу маскулинности, двадцать – фемининности и двадцать – андрогинности. Прилагательные отобраны исходя из того, какие характеристики считались гендерно-соответствующими. В зависимости от количества набранных баллов делалось заключение о типологии психологического пола. Полотипизированными считались те испытуемые, чье самоопределение и поведение совпадает с тем, которое в обществе считается гендерно-соответствующим. Результаты исследования представлены в таблице.

Таблица 1. Результаты сравнения мужчин и женщин по параметрам маскулинности, феминности и андрогинности при помощи критерия Стьюдента (t-критерия)

Характеристика групп

Параметры	Пол	Размер	Среднее	Стандартное отклонение
Маскулинность	М	25	116,04	14,26
	Ж	22	96,95	24,91
Фемининность	М	25	91,32	30,32
	Ж	22	111,23	21,27
Андрогинность	М	25	95,08	28,26
	Ж	22	103,77	19,91

Таблица 2. Величина и значимость критерия Стьюдента (t-критерия)

Параметры	T	df	Значимость
Маскулинность	3,273	45	0,002
Фемининность	-2,571	45	0,014
Андрогинность	-1,203	45	0,235

Анализ полученных данных исследования показывает, что у современных мужчин и женщин коренной национальности имеются значимые различия между мужчинами и жен-

щинами по параметрам маскулинность (у женщин она выше) и фемининность (она выше у мужчин). Выраженная тенденция повышения маскулинности у женщин по сравнению с мужчинами объясняется их большей адаптивностью, гибкостью, стремлением завоевания пространства и соответствующим изменением гендерных ролей, а также более активной жизненной позицией, обусловленной самореализацией личности. [8, 15].

Высокая фемининность у мужчин объясняется снижением агрессивности и «женским влиянием» «зоны ближайшего развития» (27% мужчин 25-30-летнего возраста не имеют отцов).

Несоответствие между установками и поведением порождается рядом причин, в т. ч.:

- незнание, как выполнять соответствующие действия в связи с однополым воспитанием (при загруженности родителей и неполных семьях), дети воспитываются в детских учреждениях исключительно женщинами (98% воспитателей и учителей – женщины);

- общие установки зачастую не предсказывают конкретное поведение;

- другие установки могут формировать конкурирующие модели поведения (отказ от досуга мужчин в семьях равноработающих);

- согласованность между установками и поведением зависят от социальных норм, а социальные нормы могут требовать моделей поведения, которые несовместимы с установками человека.

На основании проведенного тестирования семейным парам были даны рекомендации, а специалисты убедились, что отношения в современных семьях стали более эмоциональны, ориентировка супругов на предполагаемые гендерные стереотипы зачастую приводит к конфликтным ситуациям, мужчинам и женщинам необходимы знания индивидуальных особенностей.

В рамках Комплексной программы в 2009 году на базе детского этнографического оздоровительного стойбища «Чуанель» проведена семейная смена «Колтагыл ёре» («Сила семьи»). На смену съехались 6 семей из поселков Березово, Игрим, Хулимсунт и подростки из многодетных семей с. Ванзетур. Всего присутствовало 24 человека, из них детей – 16.

Цель программы смены – формирование общих представлений о семейных гендерных ролях, о внутрисемейных отношениях, понимания партнерского характера жизни в семье; укрепления «чувства семьи», через приобщение к традиционным ценностям обско-угорской семьи. Программа включила психолого-педагогические мероприятия, направленные на создание условий для развития и совершенствования мужской/женской индивидуальности, способствующей позитивной гендерной социализации, также «Родительский университет» по вопросам гендерного воспитания детей.

Мероприятия проводились интегрированно в II блока: психологический и этнокультурный с учетом гендерного подхода.

Мероприятия I блока проводились под руководством психолога: серия тренингов на сплочение детского и взрослого коллектива, тест «Рисунок семьи», тест «Биополе семьи». С точки зрения гендерного подхода интересны результаты теста «Моя семья», цель которого выявить представления о ценности мамы и папы в семье. Участники – 4 девочки и 4 мальчика. Результаты тестирования показали высокий уровень представлений о ценности мамы и папы в семье у 4 девочек 5-ти, 10-ти, 12-ти и 13-ти лет и у мальчика 6-ти лет. Результаты тестирования 4 мальчиков-подростков, воспитывающихся в многодетных семьях, показали низкий уровень представлений о родителях.

Мероприятия II этнокультурного блока касались национальных семейных традиций. Дети совместно с родителями придумали девиз своей семьи. Для присутствующих педагогов и родителей проведены беседы на тему «Использование национальных семейных традиций в гендерном воспитании мальчиков и девочек», «Одинаково ли воспитывать мальчиков и девочек?», «Роль отца и матери в гендерном воспитании ребенка». Для детей проведены беседы: «Мальчики и девочки, кто они?», «Дети природы».

С целью актуализации выбранной тематики, организован совместный просмотр видеороликов «Привет, Аленка!» – фильм о традиционной семье, воспитывающей девочку, «Шко-

ла на Тюттяхе» – фильм о воспитании мальчиков, художественный фильм «Бабуся» – об отношении к старшему поколению. После каждого просмотра проводилось обсуждение.

Практические занятия для девочек включали знакомство с декоративно-прикладным творчеством ханты и манси; изготовление куклы-акань; для мальчиков – занятия по обучению традиционным промыслам: рыбной ловле и охоте.

Система работы по гендерному воспитанию с родителями, мальчиками и девочками в условиях летнего отдыха с использованием элементов традиционной национальной культуры обско-угорских народов формирует, развивает гендерное самосознание, представления о различиях полов, уважительное отношение к сверстникам своего и противоположного пола, к старшему поколению родственников. Практика показала, что совместное проведение досуга приводит к сплочению семьи, улучшению детско-родительских отношений, расширению сферы общения.

Таким образом, несмотря на происходящие изменения положения и ролей мужчин и женщин в современном обществе, в сознании большинства людей глубоко укоренились гендерные стереотипы. Учителя и социальные педагоги не знакомы с гендерной теорией и практикой, все знания о гендерном воспитании в традиционной семье сводятся к национальной культуре, которая, как и родной язык, к сожалению, преподается не во всех общеобразовательных учреждениях Березовского района. Реализация Комплексной Программы совместно с образовательными, воспитательными учреждениями, учреждениями культуры и социального обслуживания поможет создать благоприятные условия для развития коренных малочисленных народов Севера, и важная роль здесь отводится гендерному просвещению, которое помогает сохранить этнокультурную идентичность традиционной семьи коренных малочисленных народов Севера.

Литература

1. Айпин Е. Д. Обреченные на гибель (О проблемах малочисленных народов Севера): Публицистика последних лет. М., 1994.
2. Попова С. А. Мансийские календарные праздники и обряды. Томск: изд-во Томского ун-та, 2008. 134 с.
3. Гендерный подход к развитию коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации: Колл. монография. М., 2006. 112 с.
4. Осухова Н. Г. Психологическое сопровождение семьи и личности в кризисной ситуации // Школьный психолог. 2001. № 31. С.1-16.
5. Захаров А. И. Неврозы у детей. СПб.: Дельта, 1996. 87 с.
6. Захаров А. И. Неврозы у детей. С.18
7. Сандра Липсиц Бем. Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов. М.: Рос. полит. энциклопедия, 2004. 336 с.
8. Горчакова В. Г. Психология женщины-профессионала: Автореф. дис.... д-ра наук. СПб., 2000. 24 с.

**ФИЛОСОФИЯ,
СОЦИОЛОГИЯ,
ПОЛИТОЛОГИЯ**

Т. В. Козырева

Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск

Роль христианства в становлении образования в Древней Руси

The Role of Christianity in the Education Development in the Ancient Russia

УДК 23/28

Аннотация: Принятие христианства сыграло значительную роль в развитии образования и воспитания в Древней Руси: выдвинуло церковь, монастыри, их служителей, монахов, старцев на первую роль в накоплении знаний, формировании системы обучения и воспитания, при монастырях просвещались русские люди. Догматы новой веры стали основой и воспитания, и образования. Принятие христианства породило великое множество отечественных мудрецов, мыслителей, философов, математиков. Создание летописей, появление житийной литературы, переписи книг, создание различных школ содействовали накоплению и распространению знаний.

Summary: The embracing of Christianity became a key moment in the development of upbringing and education in the Ancient Russia. Churches and monasteries and, in particular, clergymen, monks and religion scholars played a very important role in knowledge collection, in forming of the upbringing and education system. The new religion dogmas provided grounds for the upbringing and education. The embracing of Christianity helped to realize the potential of many local scholars, thinkers, philosophers, mathematicians. Chronicles writing, rewriting manuscripts and books, folklore literature writing and founding of various schools assisted in the collection and distribution of knowledge.

Ключевые слова: принятие христианства на Руси; формирование системы обучения и воспитания; книжное знание, отечественные мудрецы.

Key words: Christianity embracing in the Ancient Russia; Forming of the upbringing and education system; Manuscripts' knowledge; Local scholars.

Истоки отечественного образования тесно связаны с принятием христианства на Руси. Система образования и воспитания в России складывалась под влиянием языческой и христианской культуры, проникшей на Русь с появлением славянской письменности. Первое обстоятельство почти всецело определяло характер воспитания, второе – усиливало воздействие книжного знания на формирование личности.

Исторический диалог христианства и язычества выразился в сплавлении христианского и дохристианского опыта. Характер образования оказался в прямой зависимости от византийского влияния, прежде всего в виде православия, которое стало с 988 г. официальной религией Руси. Русская культура не началась с принятием христианства, а поднялась на новый качественный уровень в своем развитии, сумев воспринять совершенные художественные принципы античного мира, творчески соединив их со своими эстетическими традициями. Археологические открытия, литературные памятники и зарубежные источники говорят, что восточные славяне со второй половины IX в. имели школы грамоты, в которых получали элементарное образование. Такие школы существовали на Руси до правления князя Владимира. Групповое обучение чтению и письму было первоначальной формой школы.

Введение христианства пробудило в русском обществе первую потребность книжного учения, принесло с собой и первые книги. Уже при Владимире греческое духовенство единственным средством распространения и утверждения христианства считало грамотность, учение книгам. При книгах нужны были и грамотные священники, которые могли бы учить народ. Таким образом, учение книжное прежде всего потребовалось для подготовки самих русских пастырей, а затем желание учиться божественному писанию стало активно прояв-

ляться и у лучших из мирян. Тогда же возникла определенная система образования. Принесенная вместе с новой религией книжная ученость дала обильные всходы. «Но в социальном аспекте книжное учение во времена Киевской Руси было востребовано прежде всего представителями властной элиты и церковнослужителями, княжеской администрацией, населением городов (ремесленниками и купцами). Крестьянское население удовлетворялось устным творчеством и оставалось практически неграмотным» [5, 20].

Главными распространителями христианского образования были люди духовные. В древнерусских городах, обучением грамоте занимались отдельные лица, это были служители церкви, богословы, книжники, деяния которых отражены в летописях, хронографах, житиях, в эпосе и народных преданиях. Наставниками чтения и письма были писцы и переписчики летописей и книг.

Очагами новой христианской культуры на Руси, средоточием образования стали церкви и монастыри, так как именно при них были школы и библиотеки. Появление первых школ в Киевской Руси было вызвано потребностями духовенства, а также увеличением числа грамотных людей. В городах и селах стали появляться церкви.

Первым книжным центром обучения на Руси могла быть первая христианская церковь св. Ильи на Подоле в Киеве (X в.). Первый же христианский князь св. Владимир, вскоре после крещения народа, стал заводить училища и насильно отбирать детей лучших граждан в ученье книжное. Учителями в новых школах были лица духовные. При Владимире образовалось первое грамотное поколение русских христиан. Сам он остался неграмотным, но дети его Ярослав, Мстислав, Изяслав, Борис и Глеб были уже люди книжные.

988 год принято считать началом становления школы как социального института, поскольку в «Повести временных лет» отмечается, что именно в этот год князь Владимир посылал «собирать у лучших людей детей и отдавать их в учение книжное». В этой летописи утверждается, что князь Владимир «посеял книжное слово в сердце верных людей».

В X-XIII вв. школы учения книжного возникли не только в Киеве и Новгороде, но и в других городах Киевской Руси. Упомянутое в летописи «учение книжное» представляло собой уже такую школу, где ученики приобретали систематические знания, а не элементарную грамоту, которая существовала и до просвещенного правления князя Владимира. (Сам термин «школа» в отечественном лексиконе впервые упоминается в летописях 1382 года) [5].

Это событие предвещало быстрый расцвет школьного дела, религиозной педагогической мысли в Киеве, Новгороде и центрах других древнерусских княжеств. Поначалу книжное учение вызывало отрицательное отношение в массе населения, предпочитавшего традиционное домашнее, семейное воспитание. Постепенно, однако, отношение к книжному обучению изменяется. Былины восхваляют героев, прошедших книжную науку (вежество ученое). Родители, заботившиеся об обучении детей, рассматривались как образцы для подражания: «А и будет Волхв семи годов, отдавала его матушка грамоте учиться, а грамота Волхву в наук пошла». Дворцовая школа учения книжного, открытая Владимиром Святославичем, была учебным заведением повышенного типа. Ее ученики уже владели начальным образованием, т. е. умели писать и читать. Это позволяет предполагать существование к тому времени элементарного обучения [2, 136].

Потомки Владимира продолжали заниматься устройством школ учения книжного. Дело Владимира поддержал Ярослав Мудрый (1019-1054), еще более распространивший грамотность в России и умноживший число школ. При Ярославе Мудром строились церкви, священникам которых приказывалось учить людей грамоте. В Новгороде, как гласит летопись 1028 года, он велел собрать у старост и духовенства до 300 детей и учить книгам. Сам он, по отзыву летописца, читал книги и день и ночь и собрал около себя писцов многих, которые, по его распоряжению, одни книги переписывали, а другие даже вновь переводили с греческого языка; книги эти он положил в храме святой Софии, который сам создал.

В монастырях велось летописание, писали сочинения политического характера, переписывали и писали иконы, занимались переводами священного писания и других текстов. «Монастыри св. Георгия и св. Ирины – первые в истории Руси мужской и женский мо-

настыри, основанные Ярославом. Оба они были воздвигнуты поблизости от княжеского дворца и, по существу, являлись придворными духовными учреждениями. В XI в. возник еще ряд монастырей, в том числе знаменитый Киево-Печерский, сыгравший в дальнейшем важнейшую роль как в церковной, так и в общекультурной жизни страны» [1]. Можно утверждать, что Ярослав ввел Русь в круг европейской мысли, подарив русским людям грамотность и книги – кладези премудрости.

При преемниках Ярослава средства к образованию еще более умножились. Сын Ярослава Святослав Черниговский имел у себя «полны клети книг», из которых до нас дошли два сборника, известных под его именем, один, переведенный с греческого языка в Болгарии для болгарского царя Симеона в 1073 г., другой – составленный в 1076 году. Любовью к образованию известны также Всеволод Переяславский и сын его Владимир Мономах.

Училища создавались на княжеских, церковных и монастырских подворьях. На первых порах устройство школ брали на себя князья, затем это стала делать по преимуществу церковь. «В житийной литературе упоминается школа в Курске; исторические сведения 1093 года повествуют о деяниях князя Всеволода Ярославича, основавшего училища в Переяславле, Суздале, Чернигове и Киеве. Есть и другие свидетельства, в том числе и о первых школах» [5, 19-20]. Дочь Всеволода княгиня Янка (Анна) Всеволодовна в 1089 г. завела при Андреевском женском монастыре в Киеве училище для обучения девиц, где послушницы учились письму, ремеслам, пению, шитью и иным полезным ремеслам.

Во Владимире Волынском в конце XI в. были училища, ради «смотрения» которых был назначен некто Василий, повествователь об ослеплении князя Василька. Он описал, что Галицкий князь Ярослав Осмомысл распорядился, чтобы школы и учителей содержали на свой счет монастыри. Также Василий сообщает, что Константин Всеволодович Ростовский постоянно держал при себе ученых людей, покупал греческие книги и составил у себя библиотеку, в которой было до 1000 книг. Некоторые из князей сами лично занимались перепиской книг, например Владимир Василькович Галицкий и княжна Ефросиния Полоцкая. Кроме упомянутых школ в Киеве, Новгороде и на Волыни, в житиях Авраамия Смоленского и Феодосия Печерского упоминаются еще школы в Смоленске и в Курске; наверное, были они и в других местах, где были церкви и монастыри. Практически сразу после крещения в Новгороде, при первом новгородском архиепископе Иоакиме Корсуняnine, был построен тринадцатиглавый деревянный Софийский собор, при котором была открыта школа, где некто Ефрем обучал детей христианскому закону и греческому языку.

Значительную роль сыграла церковь и в распространении книг. Древнерусская книжность, будучи всем обязана церкви, носила религиозный характер. Раньше и более всех стали умножаться книги, необходимые для совершения христианского богослужения, затем уже и другие вероучительного и поучительного характера, преимущественно в болгарских, а позднее и в русских переводах.

Духовные же лица заботились главным образом и об умножении книг, усердно занимаясь их перепиской. Книги в то время были еще великой редкостью и стоили очень дорого. Собираение их в силу своей трудности и ценности, кроме князей, доступно было только богатым владыкам и монастырям. В монастырях на это дело смотрели, как на великий богоугодный подвиг, и некоторые иноки посвящали книжной переписке все время, остававшееся у них от молитвы. Для списывания и собирания книг некоторые монастыри иногда нарочно посылали своих иноков на восток в Константинополь – в монастырь Студийский и на Афон.

В религиозном просвещении русского народа значение имела не столько Греция, сколько Болгария, которая, будучи просвещена православной верой раньше России, из-за своего родственного отношения с русским языком и из-за славянской письменности, сделалась естественной и лучшей посредницей между русскими и греками; из нее явились к нам и первые христианские учителя, и первые церковные книги, и сама славянская грамота.

Достоин подробного описания характер книг, употреблявшихся в Древней Руси. Переводная письменность была преобладающей. Книги священного писания употреблялись в болгарской редакции в древнем переводе св. Кирилла и Мефодия. Впрочем, полного кодекса

Библии в употреблении у нас еще не было; из нее употреблялись только отдельные книги, и то одни канонические, потому что неканонические не были переведены самими славянскими первоучителями. Вместе с книгами священного писания в переводах распространялись творения святых отцов, жития святых, хронографы, Палея, сборники, такие как Святослава, Златоструя, Пчелы и др.

За переводами следуют сочинения наших митрополитов-греков, написанные на греческом языке и делавшиеся известными русским грамотникам тоже в переводах.

Первое место по времени между русскими произведениями занимает поучение новгородского епископа Луки Жидяты (1036–1060 г.), в безыскусственном перечне излагающее главные обязанности христианина. Митрополит Илларион еще в сане пресвитера написал замечательное по своему одушевленному витийству слово, содержание которого определяется заглавием: «О законе, Моисеем данном, и о благодати и истине, Иисус Христом бывших, и како закон отыде, благодать же и истина всю землю исполни, и вера во вся языки простерлась и до нашего языка русского, и похвала кагану нашему Владимиру, от него же крещены были, и молитва к Богу от всея земли нашей». Особенным одушевлением проникнуто изображение плодов крещения на Руси и похвала Владимиру. Эта похвала очень нравилась в старину, так что летописцы часто целиком заимствовали из нее разные черты и прилагали их к другим князьям, которых думали похвалить. Заключительная молитва к Богу от лица новопросвещенного народа была принята даже в церковное употребление. После Иллариона осталось еще «Исповедание веры» – образец православного изложения главных догматов, написанное им, вероятно, при возведении в сан митрополита.

Во второй половине XI – начале XII в. на Руси возник ряд оригинальных произведений, среди которых выделяется цикл сказаний – жития о первых русских святых – князьях Борисе и Глебе и Житие игумена Киево-Печерского монастыря Феодосия, написанное монахом этого монастыря Нестором (30-е гг. XI в.).

В различных городах Киевской Руси начали составляться летописные своды. Летописцы, как правило, монахи, отличались христианским взглядом на историю. Они не могли жить вне христианского мира, христианской традиции. Это значит, что в событиях настоящего для них соединялись прошлые и будущие времена. Примечательно, что летописи составлялись на русском языке, в то время как в Западной Европе они писались на чуждой народу латыни. Русское летописание – жанр, не имеющий соответствий в других литературах.

Летописный жанр занимает важнейшее место в древнерусской литературе. Некоторые исследователи полагают, что его появление можно отнести уже к концу X в., когда и был создан первый летописный свод. (Летописание перестало существовать в XIII в. с завершением древнерусского периода литературы. Одной из важных причин этого явления стало завоевание Руси монголами).

Первым летописным сводом, текст которого можно реконструировать, является так называемый Начальный свод конца XI в., сохранившийся в составе Новгородской летописи.

Древнерусскую литературу можно рассматривать как литературу одной темы и одного сюжета. Этот сюжет – мировая история, тема – смысл человеческой жизни. Древнерусская литература утверждает своеобразный реализм, он носит поучительный характер.

В первую очередь, сказанное, конечно же, относится к поучительно-бытовой литературе – притчам. В аллегорической форме они преподносят нравоучение, говоря не об единичном, а об общем, постоянно случающемся. Жанр притчи для Древней Руси и традиционный, и имеющий библейское происхождение: притчами усеяна Библия. Притчи входили в состав сочинений для проповедников, были в произведениях самих проповедников, повествуя о вечном.

Литература взяла на себя роль объединяющего центра в сложившемся и укореняющемся «двоеверии» и «двоекультурье». Свою главную роль книжник видел в просвещении, проповеди святой жизни.

В начале XI в. в Киеве, в Печерском монастыре писал историю Руси монах Нестор. Его большой труд «Повесть временных лет» («Повесть о прошедших временах») переписывался

русскими людьми на протяжении пяти столетий. Известно, например, что в 1116 г. она была переработана игуменом киевского Выдубицкого монастыря Сильвестром, а затем, около 1118 г., вновь подверглась доработке человеком, близким к великому киевскому князю Владимиру Мономаху, возможно, его сыном Мстиславом Великим.

«Повесть временных лет» – выдающееся для средневековой Европы историческое произведение, в котором русская история рассматривалась на фоне истории всех славян и соседних народов. Нестор написал свой труд на основе большого числа собранных им греческих и русских книг [1, 54-56].

Книжная мудрость осваивалась по сборникам (хрестоматиям) энциклопедического характера. Таков, например, «Изборник Святослава» (1073 г.). Это по сути программа семи свободных искусств, где давались материалы для запоминания и ответы, вводившие в круг христианских идей и представлений. Краткий и сравнительно легкодоступный курс помогал овладеть элементами знаний в духе византийской образованности. Обучали не только правилам чтения (определенный темп, трехкратное повторение и пр.), но и искусству делать книги. Ученик изготовлял собственный сборник, т. е. выполнял работы переписчика, иллюстратора и переплетчика.

«Грамотность в Киевской Руси была распространена повсеместно. Об этом свидетельствуют найденные в различных городах и датируемые XI в. приблизительно 700 берестяных грамот. В представлениях человека Киевской Руси книжники являлись не обычными ремесленниками, а почти чудесниками» [2, 138].

Наибольшей популярностью из всех ветхозаветных книг пользовалась Псалтырь. По этой книге учили грамоте. Тексты псалмов заучивались наизусть. Псалтырь привлекала внимание древнерусского читателя своим лирическим пафосом, повествовательностью, высокохудожественной формой изложения. В достаточно мирной обстановке Новгорода рукописи не подвергались уничтожению вместе с церквами, как это произошло в южной и средней полосе при монгольском нашествии. Новгород стал своеобразным центром, снабжавшим книгами многочисленные церкви по всей Новгородской земле. Известно, что книги, написанные в Новгороде, считались эталонами для переписчиков книг в других городах. Под покровительством новгородских архиепископов осуществлялось летописание. Только на общем фоне высокого состояния образованности объяснимо появление таких произведений, как новгородские летописи, сумевшие освоить огромный международный литературный и исторический материал.

Самой древней, дошедшей до нас, с точной датировкой русской книгой, является Евангелие, изготовленное дьяконом Григорием по заказу новгородского посадника Остромира, начато перепиской 21 октября 1056 года и закончено 12 мая 1057 года.

Агиографические материалы (жития) о новгородских святых, помимо сведений о жизни и деяниях этих людей, содержат сведения о том, что все они в детстве были обучены грамоте школьным путем. Житие Ионы новгородского говорит о «многих соучениках» своего героя. Житие Антония Сийского рассказывает, что он «в училище паче всех сверстников преуспеваше в книжном учении».

В Новгороде помимо духовной, исторической, житийной литературы в 1136 году дьяконом Антониева монастыря Кириком было создано первое из известных нам русских математических сочинений, откуда новгородцы могли почерпнуть и знания математические. Называлось это произведение «Учение имже ведати человеку числа всех лет». Кирик в своем «Учении» безошибочно оперирует огромными числами в десятки миллионов, излагая сведения, необходимые для правильного отсчета времени. В XIV веке в новгородской литературе развивается жанр путешествий – хождений. В середине XIV века появляется «Хождение Стефана Новгородца». Это первое в древнерусской литературе путешествие мирянина. Цель его путешествия – торговля. Стефан создал своеобразные очерковые записки, в которых описывались не только церковные святыни, но и важнейшие достопримечательности Царьграда: Юстинианов столп, гавань и морские суда, архитектура города. Характер путеводителя носят также «Сказание о Царьграде» и «Беседы о святынях Царьграда».

Немало других интересных рукописей было создано новгородцами за несколько первых столетий после принятия христианской религии на Руси, более половины сохранившегося рукописного наследия XI–XIV вв. приходится на долю Новгорода.

Книжными начинаниями известны такие Новгородские владыки, как архиепископы Моисей, Евфимий II и др. Во второй половине XV в. в Новгороде трудился плодовитейший писатель Древней Руси – афонский иеромонах Пахомий Серб. Особое место среди владык занимает святитель Геннадий – богослов и полемист, библеист и литургист. «Старый Новгород в длинном ряду своего литературного наследия оставил один знаменитый памятник духовной или, точнее, священной письменности, который решительно выделяется, как Софийский собор среди многочисленных новгородских святынь, из всей родственной ему старой русской литературы. Это Библейский свод, то есть первое на Руси и во всем славянском мире полное собрание Библейских книг в славянском переводе, сделанное Новгородским архиепископом Геннадием в 1499 году». Продолжателем его трудов был архиепископ Новгородский Макарий (1526–1542). Он являлся главой новгородской церкви с 1526 года. Владыка, по отзыву современников, «знал великоразумно все премудрости глубоких философских учений и богословских книг». При нем традиционные для Новгорода книжное учение, просвещение приняли широчайший размах. По его инициативе составляется «Владычный свод Макария» как продолжение Новгородской Четвертой летописи. В Новгороде Макарий начал собирать и объединять «все святые книги, которые в русской земле обретаются».

Позднее в качестве митрополита Московского и всея Руси (1542–1563) он принимает уже усилия по собиранию всей духовной литературы в единый сборник – Великие Минеи Четьи (далее – ВМЧ).

Над перепиской книг трудились не только новгородские писцы, но и книжники по «градам многим», а также ряд писателей, среди которых следует отметить дьяка Дмитрия Герасимова и боярского сына Василия Тучкова. Создание первой редакции Великих Четьих Миней, одного из самых крупных литературных памятников XVI в., заняло 12 лет, с 1529 по 1541 гг. Став в 1542 году митрополитом всея Руси, Макарий продолжил работу по созданию Великих Четьих Миней. Двенадцать огромных фолиантов, материал которых располагался по дням каждого месяца, включили не только произведения русской и переводной агиографии, но и поучительные «слова» из «Измарагда», «Златой цепи», «Хождения игумена Даниила», «Повесть о разорении Иерусалима», Военскую повесть Иосифа Флавия, сочинения Василия Великого, Григория Богослова – всего около двух тысяч произведений, благодаря чему Великие Четьи Минеи явились своеобразной «энциклопедией» церковной литературы XVI века.

В 1541 году первую редакцию Великих Миней Четьих Макарий передал в библиотеку Софийского собора, где в большинстве своем хранились книжные богатства Новгорода. Годом основания библиотеки можно считать 1050 год – год завершения строительства Софийского собора, поскольку уже первые богослужения не могли обходиться без священнослужебных книг.

Библиотека Софийского собора была настоящим кладезем уникальных письменных источников. О положении книгохранилища в Софийском соборе радели князья, их родственники, именитые люди новгородские, священнослужители. Новгородские владыки на протяжении многих столетий заботились о пополнении книжных собраний Святой Софии. В библиотеке хранились различные богослужебные книги, жития святых, переводы греческих и латинских авторов, летописи, исторические и назидательные сочинения.

Не сохранилось точных сведений о размерах библиотеки Софийского собора XI–XVI вв., так как происходили колебания в связи с миграцией книг, некоторые тексты передавались для размножения в церкви и монастырские скриптории.

Сохранившиеся же до наших дней книжные богатства библиотеки Софийского собора размещаются в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге и насчитывают 1575 рукописных книг.

Таким образом, роль христианства в формировании образования Древней Руси проявилась в следующих основных аспектах: учителями были духовные люди, центрами просвещения и распространения книг являлись монастыри и церкви, большинство писателей также были служители церкви.

Литература

1. Георгиева Т. С. Христианство и русская культура: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Гуманит. изд-во Центр ВЛАДОС, 2001. 240 с.
2. Джурицкий А. Н. История образования и педагогической мысли: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений. М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2003. 400 с.
3. Дмитриева Р. П. Досифей Топорков (Вошечников) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV-XVI в. Ч. 1. Л., 1988.
4. Еремин И. П. Лекции и статьи по истории древней русской литературы. 2-е изд. Л., 1987.
5. Жуков В. И. Высшая школа России: исторические и современные сюжеты. М.: изд-во МГСУ «Союз», 2000. 625 с.
6. Золотухина Н.М. Иосиф Волоцкий. М., 1981.
7. Игумен Макарий (Веретенников). Великие Макарьевские Четвы-Минеи – сокровище духовной письменности Древней Руси // Богословские труды. М.: Издание Московской Патриархии. 1989. Сборник 29. С. 106-126.
8. Клосс Б. М. Нил Сорский и Нил Полев – «писатели» книг // Древнерусское искусство: Рукописная книга. Сб. 2. Иск-во, 1974.
9. Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. Л., 1991.
10. Кукушкина М. В. Книга в России в XVI веке. СПб., 1999.
11. Лурье Я. С. Иосиф Волоцкий (в миру Иван Санин) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV-XVI в. Ч. 1. Л., 1988.
12. Лурье Я. С. Русские современники Возрождения. Л., 1988.
13. Розов Н. Н. Книга в России в XV веке. Л., 1981.
14. Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л., 1975.
15. Федотов Г. П. Преподобный Иосиф Волоцкий // Федотов Г.П. Святые Древней Руси. М., 1990.

Ю. У. Сафаралеева

Филиал Тюменского государственного нефтегазового университета в Нефтеюганске,
г. Нефтеюганск

Роль ислама в духовном просвещении сибирских татар

The Role of Islam in Spiritual Education of the Siberian Tatars

УДК 93/99+37

Аннотация: В статье рассматривается роль ислама в духовном просвещении сибирских татар на рубеже XIX-XX вв. Сибирские татары – это коренной народ Сибири. Социокультурное развитие исследуемой территории переплеталось традициями и обрядами ислама. Административно-общественные, культурно-образовательные процессы проходили в тесной связи с духовенством. Несомненно, и то, что обращение внимания на нравственно-этическую сторону жизни играло немаловажную роль, в особенности воспитания молодого поколения.

Summary: There is the role in spiritual education of the Siberian Tatars on a boundary of 19-20 century. Siberian tatars are the radical people of Siberia. Socialcultural development of investigated territory intertwined traditions and Islam ceremonies. The administrative-public, cultural-educational processes passed in a close connection with clergy. Undoubtedly, and that the reference of attention on is moral-ethical aspect lives played an important role, in particular education of young generation.

Ключевые слова: сибирские татары, ислам, муллы, мечеть, имам, Оренбургское Магометанское Духовное Собрание.

Key words: Siberian tatars, Islam, mullahs, mosque, imam, the Orenburg Mohammedan Spiritual Meeting.

Россия – многонациональное государство. Исторический опыт показывает, что любое многонациональное государство, с одной стороны, может оставаться сильным лишь при условии сохранения разнообразия традиций и индивидуальности культур народов, населяющих его, с другой стороны, необходим обмен культурных традиций, взаимосвязь и сотрудничество народов России на принципах равенства, добровольности и взаимопонимания.

Гармонизация этнической жизни, этнические взаимоотношения и взаимосвязи являются весьма важными в жизнедеятельности современных государств и народов, а культурно – просветительные проблемы не утратили своей актуальности и сейчас.

В последние два десятилетия у сибирских татар, как и у многих других народов России, возрос интерес к своей истории, культуре и языку.

Сибирские татары – это коренной народ Сибири. За столетия сибирскими татарами накоплено ценнейшее историческое наследие, главными компонентами которого являются язык, национальные обряды, обычаи, традиции, фольклор и т. д. Осознание сибирскими татарами своей культурной самобытности, стремление к возрождению, сохранению и развитию национальной культуры, привели в 1991 году к включению их в реестр народов Сибири и России. Сибирские татары прошли большой и сложный путь многовекового развития. Их культура и просвещение – это неотъемлемая составная часть татарской истории и общероссийской истории.

Незнание истоков социокультурного развития и исторического опыта образования конкретного народа часто приводит к негативным последствиям.

В этой связи остро встает проблема освещения культурно-просветительных процессов, происходивших у сибирских татар. Тема актуальна с исторической точки зрения как региональная проблема. Модернизация образовательных процессов, происходящих сегодня в Западной Сибири, решение межнациональных вопросов на данной полиэтнической территории

требуют новых исследований. Обращение к многовековому духовному опыту народа поможет правильно оценить современную ситуацию в разных ее направлениях и проявлениях.

Актуальность и значимость темы определяется и тем, что история становления и развития культурного процесса воздействует на современные проблемы в обучении, воспитании в национальной школе, определяет ее стратегию развития образования и просвещения.

Наряду с общемировыми ценностями каждому обществу, общественно-государственному строю присущи свои ценности. Приоритет тех или иных ценностей зависит от нравственно-духовного, социально-экономического уровня развития общества.

Ислам – не только определенное религиозно-этическое учение. Он – особая культура, цивилизация, образ жизни. Формирование такого образа жизни, регулирование различных ее сторон осуществляются шариатом – сводом предписаний, узаконений. Шариат (шариа) – это тщательно разработанный кодекс поведения, канон, содержащий в себе обрядовые нормы богопочитания, нравственные законы семейной и общественной жизни, различные разрешения, предписания и запреты, призванные урегулировать отношение мусульманина к Богу, к обществу в целом и к человеку, в частности. Таким образом, шариат, это мусульманское законоведение, иначе говоря, мусульманское право, основными источниками которого являются Коран, сунна, иджма, кияс, тафсир и урф ва адат. Мусульманское право, в отличие от других правовых систем, не есть самостоятельная отрасль науки. Оно, вплоть до мельчайших деталей, – неотъемлемая часть религии ислама [1, 92,100]. Мусульмане в жизни руководствовались положениями, содержащимися в Коране, главной священной книге мусульман, представляющей собой собрание проповедей, обрядовых и юридических установлений, заклиний, молитв, назидательных рассказов и притч Мухаммеда. Приняв ислам, татары усвоили основы мусульманского правоведения (фикх), свода мусульманского права.

Через ислам сибирские татары приобщились к нормам мусульманского права и нравственности, содержащиеся в шариате, освоили общие правила и заповеди верующих, изучали арабский и персидский языки, знакомились с восточной культурой. Благодаря исламу среди сибирских татар распространилась литература духовного и светского содержания крупнейших писателей, ученых Средней Азии [2, 172].

Ислам для татар представлял собой не только религию, но и культурно-моральный кодекс, по правилам которого воспитывался народ, тщательно охраняя свой язык, культуру, быт, обычаи и привычки от постороннего влияния. Ислам учит людей: пресекать все плохое, не надсмехаться над людьми, никого не оскорблять, бороться со злом. По Корану все люди равны, добрый человек заслуживает уважения, и что добросовестное отношение к своему делу – самое хорошее качество человека.

К числу неизменных указаний пророка, имеющих отношение к воспитанию, относятся такие слова: «Не относится к нам тот, кто не жалеет малых среди нас и не признает прав старых». «Лучшим динаром, считается динар, которой он потратит на своих детей ...» [3, 31].

Религия, жизнь, разум, собственность и продолжение потомства являются основными ценностями жизни по исламу.

Одно из важнейших требований ислама – это то, что мусульманин должен учиться, накапливать знания. Сегодня многие ученые-исламоведы рассматривают ислам как цельное учение о смысле земного существования человека. При этом роль образования в его жизни в контексте этого учения представлена очень широко. Достаточно сказать, что в Коране более 700 раз можно встретить сюжеты, связанные с наукой и образованием. В Священном Коране говорится: «Читай! И Господь твой щедрейший, который научил каламом, научил человека тому, чего он не знал» (сура «Сгусток», аят 3). Образование человека во многом определяет его поведение: «Всякая душа – заложница того, что она приобрела» (сура «Завернувшийся», аят 41) [4, 34].

Анализ архивных материалов показал, что по шариату мектебе и медресе служили местом для религиозно-нравственного, просветительского воспитания и для приобретения других знаний. Так как хадис пророка Мухаммеда гласит: «За знаниями не ленитесь идти даже в далекий Китай, потому что приобретение знаний есть главнейшая обязанность мусульмани-

на» [5, 23]. Рассмотрим некоторые изречения, которые были составлены во время совещания в Оренбургском муфтиате о целях и задачах мусульманских школ. Из книги Мишкаты: «Если кто приходит в мою мечеть с тем, чтобы научиться доброму, благому делу, или учить к тому других, такой человек причисляется к числу трудящихся на Божьем пути» [6]. (Из книги Бухари и Мишкаты).

В главе об Учении: «за получением основоположных религиозных познаний будут являться к вам разные группы людей, и вы как скоро они явятся, наставляйте их творить благие добрые дела» [7]. Из хадиса в книге Мишкаты пророк сказал: «Для того чтобы хранить родственную нить необходимо знать генеалогию». Коран, глава 9, стих 122: в шариате имеются указания на патриотизм, преданность, любовь и верное служение к отечеству, поэтому изучение русской отечественной истории полезное и нужное дело [8]. Одна из важнейших задач религии состоит в том, чтобы помочь человеку выработать в себе высокие нравственные качества и научить его поддерживать добрые взаимоотношения с людьми, и задача эта столь важна, что пророк даже говорил: «Поистине, был я направлен к людям для того, чтобы довести благонравие до совершенства». Этот хадис приводит Аль-Бухари [9, 23].

Яркое проявление исламской конфессионально-культурной традиции среди татар – бытующая практика проведения семейно-бытовых обрядов и праздников. Этническую жизнь просто невозможно представить без исполнения таких мусульманских обрядов, как «корьян уку» – чтение корана, «дога кылу» – чтение молитв, «садака оляшу» – раздача подаяния. Они являлись стержнем таких событий, как свадебное торжество, наречение имени, похоронно-поминальный комплекс и др.

Религиозный обряд, оформляющий рождение, носит название «исем кушу» – имянаречение. Он очень прост: в присутствии нескольких мужчин над ребенком читается одна из сур корана – Азан и произносится его имя, затем проводится угощение.

Сибирские татары отмечали религиозные праздники – «уразу-байрам» в честь окончания мусульманского поста и спустя 70 дней после него – курбан-байрам. В дни Корбан гаеги совершали жертвоприношение – корбан чалу, по религиозному называют – гаеги [10, 375], по правилам, четко разработанным в исламе. Мясом жертвенного животного старались угостить как можно больше людей.

По обычаю татар-мусульман только после прочтения муллоу молитвы никаха и соответствующей записи в метрической книге брак считался совершенным: жених получал право посещать невесту на правах мужа [11, 138].

Таким образом, жизнь татар Прииртышья переплеталась мусульманскими традициями и соответственно влияла на образ жизни.

Во второй половине XIX – начале XX вв. татарское население регулярно читало книги духовного и светского содержания, публицистику на татарском языке, поступавшие из Казани, Оренбурга, Петербурга. Особой популярностью среди сибирских татар пользовались произведения таких прогрессивных ученых-просветителей, публицистов, как Шигабутдин Марджани, Каюм Насыри, Риза Фахрутдинов, Рашид Ибрагимов и др. [11, 173].

Татарский просветитель XIX в. Каюм Насыри в своей замечательной «Книге о воспитании», состоящей из 113 наставлений о нравственном совершенстве человека, отмечал, что знания, полученные в детстве, подобны орнаменту, выбитому на камне.

Было не забыто и ремесло, о котором Саади говорил: «Любимые дети, учитесь какому-нибудь ремеслу, ибо не заслуживает доверия богатство и мирское добро... Если человек, владеющий ремеслом, лишится власти, – не беда, ибо ремесло в его душе – богатство. Куда бы он ни пошел, он всюду встретит уважение..., а человек, не владеющий ремеслом, всегда нищенствует и терпит лишения». Общеизвестны имена Ибн-Сины, Улугбека, Аль-Фараби и многих других мусульманских ученых, труды которых вошли в мировую сокровищницу знаний. Свой вклад исламский мир внес и в воспитание, считавшееся важнейшим делом родителей, общества, государства. Недаром во всех низших образовательных исламских заведениях первейшее внимание уделялось именно вопросам нравственного характера.

В документе «О магометанских учебных заведениях» за 1913 год было отмечено, что «татарские школы существуют давно, имеют свои традиции, вполне своеобразны, чисто народные, направлены в исключительно религиозно-нравственном духе; ученые муллы, заведующие медресами и их шакирды, составляют гордость населения; мударрисы, муллы и учителя мугаллимы проникнуты идеей святости своих педагогических трудов, ибо учат они во имя Бога, во имя распространения и укрепления Ислама, по предписанию шариата – безвозмездно» [12].

Для общего развития и нравственного воспитания в мектебе и медресе большое значение имели произведения древних писателей, таких как Кыйссасел-энбия» (Сказание о великих и пророках), которая была написана в 1311 году на основе сюжетов Корана и состояла из полурелигиозных, полуфольклорных и мифологических рассказов. Основной упор книга делала на гуманизм и нравственность. Одним из главных учебников мектебе и медресе была поэма Кул Али «Кыйссан-Йусуф» («Сказание и Йусуфе»). Это были художественные произведения, в которых описывались жизнь, быт и практическая мудрость людей той эпохи, затрагивались нравственные ценности: милосердие, справедливость, доброта, щедрость и т. д. [13, 130].

Мусульманская религия играла важную роль в жизни татар исследуемого региона. В пореформенный период как у татар Поволжья и Приуралья, так и в Сибири ислам продолжал укреплять свои позиции.

Мусульманское духовенство у татар было представлено при соборных мечетях хатыпами или муллами, имамами и муэдзинами, при простых мечетях – имамами и муэдзинами [14, 148]. Духовная организация мусульман Западной Сибири находилась в подчинении Оренбургского духовного магометанского собрания [15, 142].

Оренбургское магометанское духовное собрание (Уфимское духовное магометанское закона собрание, с 1796 г. – Оренбургское, с 1846 года – ОМДС) – государственно-религиозное учреждение, созданное по указу Екатерины II от 22 сентября 1788 г. Открытие состоялось 4 декабря 1789 г. в Уфе. В 1796-1802 гг. находилось в Оренбурге. ОМДС было учреждено с целью контроля над мусульманским духовенством и дальнейшего использования официальных исламских институтов в проведении государственной политики среди мусульманского населения. Это был коллегиальный орган, деятельностью которого руководили председатель (муфтий) и три заседателя (кадии).

Важнейшим направлением деятельности ОМДС являлся разбор дел, связанных с семейно-брачным и имущественным правом мусульман. В компетенции ОМДС находились вопросы строительства и ремонта мечетей, а также прием экзаменов у кандидатов на религиозные и учительские должности [16, 84-85]. С целью усиления контроля мусульманскими школами в 1874 г. они были переданы в ведение Министерства народного просвещения (до этого они числились за Министерством внутренних дел) [17].

Муллы пользовались большим авторитетом у населения и выделялись среди однообщественников образованностью. Приходской мулла исполнял не только конфессиональные, но и гражданские обязанности: вел метрические книги о рождении, браке, разводах и смерти прихожан. В исследуемое время татарская община участвовала в решении вопросов религиозной жизни, и духовные лица принимали участие в делах общины. Мечети у сибирских татар строились на общественные средства [18].

Кандидат на должность муллы проходил обязательную аттестацию в духовном управлении по истории ислама, шариату, знанию Корана, мусульманской юриспруденции, хадисов пророка Мухаммеда [19]. В 1896 году Мухаметсаке Абубакирову Юмашеву было «учено испытание в знании правил магометанской религии, по которому оказался быть способным имам хатыпом и мудариссом» [20]. Данное удостоверение еще не давало право начать деятельность в мечети, «это свидетельство, с тем, что оно, показывая о его познаниях, не предоставляет ему право исправлять духовные требы впредь до утверждения его в духовном звании губернским начальством в приходе, в которой будет выбран» [21]. По уровню образования ему присваивали звания «имам» (возглавляющий намаз), «имам-хатыб» (кроме того,

умеющий читать хутбу-проповедь) или «имам-хатыб-мударрис» (дополнительно имеющий право преподавать в медресе).

Кроме этого, кандидат на должность муллы должен был сдать экзамен по русскому языку [22]. После сдачи экзамена он получал документ-свидетельство от Тобольского уездного училища за подписью председателя комиссии и учителей: «выдано Мухамет – Саки Абубакирову Юмашеву инородцу юрт Подъемных инородной волости оброчных чувальщиков Тобольского округа в удостоверение того, что он успешно выдержал испытание в знание русского языка, установленное для кандидата на должность сельского муллы» [23]. Губернское управление направляло утверждение в должности муллы в полицейское управление, где назначенный мулла должен был дать присягу «на верность службы» [24].

Проникновение ислама сопровождалось распространением в крае, как и везде, религиозной школы и ее атрибутов – письменности на основе арабской графики, книжной грамоты. Без них религиозное учение не могло пробивать себе дорогу в массы. Старое руническое письмо было заменено арабским.

Это были начальные школы при мечетях (мектебе) и средние школы (медресе), которые начинают открываться приблизительно с середины XVI века. Учителями в них в начале были муллы из бухарцев, а позднее получившие духовное образование представители сибирских и казанских татар.

Анализ источников дает весьма противоречивые статистические данные о количестве существовавших мектебах и медресе.

В Тобольской губернии в 1860 году существовало 149 мечетей, в том числе 7 в городах и 142 в округах [25, 115]. По данным памятной книжки для Тобольской губернии за 1864 год, «магометанских мечетей считалось в 1862г. в губернии 139 (6 каменных и 133 деревянных), из них 7 (4 каменных и 3 деревянных) находились в городах, а 132 (2 кам. и 130 дер.) в округах губернии. Здесь же дана была характеристика, что в г. Петропавловске 4 мечети (2 каменные и 2 деревянные), в Таре – 1 каменная, в Омске – 1 каменная, в Тобольске – 1 деревянная [26, 363]. Наибольшее число мечетей в Тобольском округе 51 – 1 каменная мечеть и 50 деревянных, затем 36 (1 каменная и 35 деревянных) в Тарском; 30 деревянных – Тюменском, 15 деревянных – Ялуторовском и 1 в Ишимском [26].

Г. Л. Файзрахманов пишет, что в 1868-69 годах мечетей было 150 [27, 369].

В источниках совсем не указывались по отдельности количество мектебе и медресе, а давалась их суммарная численность.

По материалам «Памятной книжки Тобольской губернии за 1912 год», в городе Тобольске имамом мечети был Бекшенев Абусагит, в городе Кургане – мулла Гидсатуллин Ахмет-Валеев, в городе Таре – Инояттов Изатулла, в городе Тюмени – Габитов Салим-Гирей-Хайретдинов [28, 55].

Г. Т. Бакиева отмечает, что при постройке мечети нужно было соблюдать следующие условия: 1) чтобы прихожан при мечети было не менее 200 душ мужского пола; 2) чтобы в общественном приговоре прихожане изъявили бы согласие на содержание мечети и духовенства при ней [29, 369].

В «Памятной книжке Тобольской губернии» за 1864 год приводятся следующие данные: «по числу магометанского населения в губернии причитается 1 мечеть на 366 человек обоего пола или в городах 1 мечеть на 575 человек обоего пола и в округах 1 мечеть на 338 человек обоего пола» [26, 363]. По положению Государственного Совета от 15 декабря 1886 года, строительство мечетей допускалось при наличии 200 д. м. п. молитвенные здания возводились без всяких ограничений [30, 15].

В материалах Оренбургского духовного собрания есть свидетельства прошения татарами о постройке мечети в ю. Индерских в 1903 году, где духовное собрание требует отчет о численности мужского пола [30]. Для получения разрешения построить мечеть, приход и духовенство обращались в Губернское Управление [36]. Губернское Управление, в свою очередь, обращалось в Оренбургское Магометанское Духовное Собрание: «на основании 154 ст. Уст. Строит., изд. 1900 имеет честь препроводить при семь на распоряжение магометанского

Духовного Собрания переписку по ходатайству инородцев юрт Индерских, Истяцкой Иногородной волости, Тобольского уезда о разделении прихода юрт Истяцких на два, с образованием особого прихода из юрт Индерских и о постройке в этих юртах мечети» [30]. Магометанское Духовное Собрание требовало отправить количественные данные: «в самом непродолжительном времени доставить именные списки с показанием числа наличных мужского пола душ отдельно по юртам Бегитинским, Индерским и Истяцким» [30].

В ноябре 1903 года было сообщено, что «при Бегитинской соборной мечети Тобольского уезда приходными деревнями состоят юрты Индерская и Иштыкская – общее число душ мужского пола 459» [31]. Оренбургское Магометанское Духовное Собрание требовало «именных списков прихожан с показанием числа о наличии мужского пола душ, как желающих образовать в юртах Индерских новый приход, так и остающихся при старом приходе мечети при юртах Бегитинских» [32].

13 сентября 1904 года Губернское Управление уведомляло, что «от 10 сентября инородец юрт Индерских, Истяцкой инородной волости, Тобольского уезда Габдул Ахмат Рафиков утвержден муллой вновь образованного прихода соборной мечети юрт Индерских, Истяцкой инородной волости, Тобольского уезда» [33]. Тобольское Губернское Управление не сообщило о постройке мечети в ю. Индерских в Духовное Собрание. В результате постройка мечети и назначение муллой Абдул Ахмата Рафикова были решены Тобольским Губернским Управлением. Таким образом, строительство новых мечетей допускалось по представлениям от приходов и духовенства Оренбургскому духовному собранию с утверждения Губернского правления о необходимости построения новой мечети.

Кроме духовных организаций, в исследуемый период существовали и другие, например, «Благотворительные и другие общества и учреждения» – это общество прогрессистов в городе Тобольске, которое своей деятельностью затрагивало вопросы культуры и просвещения народа. Оно было создано в мае 1907 года. Учредителями были Б. Ш. Кульмаметьев, Т. С. Айтмухаметов, В. М. Халилов, Х. М. Бакиев. Основная его цель заключалась в содействии развитию мусульманских заведений и татарской периодической печати. В 1912 году Тобольском обществе мусульман-прогрессистов председателем был Темиров Султан Абдулла, товарищем председателя Айтмухаметов Мухамет – Карым Тахтасынович, казначеем – Айтмухаметов Тахтасын Сафарович (бухарец), секретарем – Кульмаметьев Басыр Шах-Ахметович (потомственный дворянин) [34, 57]. Тобольское мусульманское общество прогрессистов 1913 году работало в количестве 53 человек. Денежная сумма на счете общества составляла 2246 рублей 47 копеек [36]. В августе 1914 года общество прекратило свое существование.

В начале XX века торговля, коммерческая деятельность татар, принимавшая предпринимательский характер, поднимается на качественно новую ступень. Расширяются размах, география торговых операций. На уровне уездов, волостей, даже селений создаются всевозможные товарищества, торговые сообщества самых различных видов. Потребительские и кредитные товарищества выводили сельских богатеев на передовые рубежи коммерческо-предпринимательской деятельности [37, 93-94].

Так, в Тобольском уезде в начале XX века существовали кредитные товарищества [36]. Тоболтуринское кредитное товарищество в юртах Тоболтуринские: Искандеров Шарып (председатель правления), Абдульчалилов Сульбукар (казначей), Такстулатов Аптукар (член правления), Рахимгулов Мухаметъяр (председатель Совета), Аппасов Сеит (член совета), Мухамет-Аминов Мухамет Салих (член совета), Смирнов Степан Меркурьевич (старший писарь, счетовод). Вагайское кредитное товарищество в юртах Вагайские: Якупов Нигматулла (председатель правления), Бикбулатов Аптуль-Кабир (казначей), Сеитов Аптулмут (член правления), Юнусов Муфтахетдинов (председатель Совета), Неогманов Аптулла (член Совета), Каримов Аптулькабир Мухамет (член совета), Добродеев Дмитрий Александрович (потомственный почетный гражданин, счетовод). Тобольское кредитное товарищество в городе Тобольске: Бекшенев Альмухамет (председатель правления), Сайфуллин Тахватулла (член

правления), Реимгулов Сетик (председатель Совета), Нурмухаметов Басыл (член совета), Авазбакиев Аптулкаир (член совета), Шеметкин Петр Александрович (счетовод).

Крупные купцы, занимавшиеся обширной торговлей в масштабах страны, были Сейдуковы (село Ембаево, Тюменский уезд), Айтикины (Тара), Ченбаевы (Тобольск).

В начале XX столетия возникает ряд новых торговых домов, например, «Торговый дом Ченбаевых, имевшего большой опыт финансовых операций (основан в 1875 г., Тобольск) [39, 89]. Возглавляемый братьями Мухаммедсафаром и Худжатом Ченбаевыми торговый дом (магазины и крупные торговые склады, которые находились в Тобольске и Сургуте) имел выход на широкие российские просторы и даже заграничный рынок. Мухаммедсафар Ченбаев являлся членом учетно-ссудных комитетов по торгово-промышленным кредитам Тобольского отделения Банка. Ченбаев М. (год рожд. 1859) «магометанским образованием состоял на службе в ведомстве с 1901 года, а в должности – с 1911 г.» [40]. Брат Мухаммедсафара Ченбаева Худжатулла закончил гимназию. В 1911-17 гг. он перевел с русского на татарский и опубликовал в Казани и Оренбурге ряд популярных брошюр: «Кто изобрел паровую машину», «Невидимые враги и друзья», «История наук, просвещения, ремесл и изобретений», «Что изобрел Вениамин Франклин и Гальвани», «Кто придумал занятие фотографией» [41, 120].

Интенсивное развитие торговли и торгово-предпринимательской деятельности стимулировало развитие купечества, определяло его возрастающую роль в экономической и социальной жизни общества. Так, предприимчивые купцы Сейдуковы с самого начала своей торговой деятельности проникали в дальние азиатские регионы, даже в Китай, откуда привозили чай, пряности (Китай), ковры, шерстяные и шелковые ткани, сушеные фрукты (Средняя Азия), которыми торговали на ярмарках в Ирбите, Нижнем Новгороде, Павлодаре, Семипалатинске, Петропавловске и других городах [42,86]. Сейдуковы, как меценаты, играли большую роль в просвещении сибирских татар. Например, Нигматулла Сейдуков построил на свои средства 15 мечетей, 50 мектебов и медресе, содержал их, нанимал учителей. Он построил в Ембаево библиотеку и купил 2200 книг, рукописей и т. д. [43, 1].

Духовенство активно участвовало в социальной жизни общества. Например, в 1896 году указной имам Тюменского округа Кашегальской волости, юрт Тарманских, Абдуллин Абдулла Вахитов просил разрешить Тобольское губернское правление отпустить его в г. Нижний Новгород: «желаю в будущем июль месяце отправиться на Всероссийскую художественную и промышленную выставку с научной целью и для приобретения там необходимых для науки книг и сведений, я покорнейше прошу...» [44].

Уровень экономического развития края, характеризующийся ростом капиталистического производства, вовлечением во Всероссийский рынок, стал одним из условий дальнейшего развития образования.

Административные функции на местах тесно переплетались с деятельностью местного мусульманского духовенства. При рассмотрении многих гражданских дел волостные старшины и сельские старосты часто прибегали, пользуясь своим авторитетом, к помощи приходских мулл (махалля мулласы). Дела, связанные с нарушением установлений ислама (вероотступничество, богохульство, поношение Корана), бракоразводные дела, о разделе имущества и некоторые другие, почти полностью находились в компетенции духовенства. Регистрация актов гражданского состояния в метрических книгах: рождения, брака, развода, смерти были в компетенции приходских мулл [45].

Ислам, как часть духовной культуры мусульманских народов, сформировал особую социокультурную среду, определяя образ жизни в целом, менталитет формирующейся в начале века татарской нации. Ислам испытывал притеснения как религия инородцев, при этом национальное и религиозное практически не разделялось. Конфессиональная принадлежность определила существование на всей территории России единого тюрко-мусульманского ареала, в который входили и сибирские татары. Многовековые исторические связи тюркских народов, близость языка, единая религия, общность политического положения сформировали единую культурную и образовательную тюрко-мусульманскую среду [46, 65].

Таким образом, в исследуемый период мусульманская религия играла важную роль в жизни татар Прииртышья. Сибирские татары, как последователи ислама суннитского толка, называли себя мусульманами. Социокультурное развитие исследуемой территории переплеталось традициями и обрядами ислама. Административно-общественные, культурно-образовательные процессы проходили в тесной связи с духовенством. Несомненно и то, что обращение внимания на нравственно-этическую сторону жизни играло немаловажную роль, в особенности воспитания молодого поколения. Главной священной книгой его являлся Коран, как источник знания, духовности, нравственности, культурных основ. Коран, как основа религиозно-нравственного воспитания, играл ведущую просветительскую роль с раннего возраста ребенка, так как этому способствовала семья, общество, мечеть, мусульманские учебные заведения как традиционная образовательная система татар в Сибири.

Литература

1. Боронбеков. Основные ценности ислама – объекты охраны шариата // Государство и право. 2003. №2. С. 92, 100.
2. Валеев Ф. Т. Указ. соч. Казань, 1993. С. 172.
3. Прохоров А. П. Ислам. Правила общежития // Преподавание истории в школе. 2004. № 1. С. 31.
4. Харисова Л. А. Ислам: воспитание и образование // Педагогика. 2001. № 8. С. 34.
5. Ислам и мусульмане: 40 вопросов об исламе. М., 1999. С. 23.
6. ЦГИА РБ. – Ф. И – 295. – Оп. 1а. – Д. 20. – Л. 36.
7. ЦГИА РБ. – Ф. И – 295. – Оп. 1а. – Д. 20. – Л. 36.
8. ЦГИА РБ. – Ф. И – 295. – Оп. 1а. – Д. 20. – Л. 43 об.
9. Программа по изучению шариатских наук. М., 2000. С. 23
10. Татары. М.: Наука, 2001. С. 375.
11. Валеев Ф. Т. Указ. Соч. Казань, 1993. С. 138.
12. НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 4. – Д. 5482. – Л. 92, 92об.
13. Гарифуллин И. Б. Очерки истории татарского населения Тюменской области. Тюмень, 2000. С. 130.
14. Бакиева Г. Т. Указ. Соч. Тюмень-Москва, 2003. С. 148.
15. ЦГИА РБ. – Ф. И-295. – Оп.4. – Д. 4238, 4232, 4600; Томилов Н. А.. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины конца XVI – начала XX в. Новосибирск: изд-во Новосиб. Ун-та, 1992. С. 142.
16. Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь / сост. С. М. Прозоров; ред. Л. В. Посувалюк. М: Восточная литература, РАН, 2001. Вып. 3 С. 84-85.
17. НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 4. – Д. 5482. – Л. 91.
18. ГУТО ГА в Тобольске. – Ф. 417. – Оп. 1. – Д. 507. – Л. 459; ЦГИА РБ. – Ф. И – 295. – Оп. 11. – Д. 622. – Л. 79.
19. ГУТО ГА в Тобольске. – Ф. 152. – Оп. 35. – Д. 574. – Л. 6, 8, 33; ЦГИА РБ. – Ф. И – 295. – Оп. 4. – Д. 5650. – Л. 1, 2.
20. ГУТО ГА в Тобольске. – Ф. 152. – Оп. 35. – Д. 578. – Л. 5.
21. ГУТО ГА в Тобольске. – Ф. 152. – Оп. 35. – Д. 578. – Л. 5.
22. ГУТО ГА в Тобольске. – Ф. 152. – Оп. 35. – Д. 578. – Л. 20-21.
23. ГУТО ГА в Тобольске. – Ф. 152. – Оп. 35. – Д. 574. – Л. 6.
24. ГУТО ГА в Тобольске. – Ф. 152. – Оп. 35. – Д. 578. – Л. 18.
25. Юшков И. Указ. соч. 1861. № 35-45. С. 115.
26. Памятная книжка для Тобольской губернии на 1864 год. Тобольск, 1864. С. 363.
27. Файзрахманов Г. Л. Указ. соч. Казань, 2002. С. 369.
28. Памятная книжка Тобольской губернии 1912 г. Тобольск, 1912. С. 55.
29. Бакиева Г. Т. Указ. соч. Тюмень – Москва, 2003. С. 151; Файзрахманов Г.Л. Указ. соч. Казань, 2002. С. 369.
30. ЦГИА РБ. – Ф. И – 295. – Оп. 6. – Д. 585. – Л. 2.
31. ЦГИА РБ. – Ф. И – 295. – Оп. 6. – Д. 585. – Л. 3.
32. ЦГИА РБ. – Ф. И – 295. – Оп. 6. – Д. 585. – Л. 7.
33. ЦГИА РБ. – Ф. И – 295. – Оп. 6. – Д. 585. – Л. 13.
34. Памятная книжка для Тобольской губернии на 1912год. Тобольск, 1912. С. 57.

35. Татарский энциклопедический словарь. – Казань: Институт татарской энциклопедии АН РТ, 1998. – С. 578.
36. ГУТО ГА в Тобольске. – Ф. 417. – Оп. 1. – Д. 507. – Л. 29.
37. Амирханов Р.У. Татарский народ и Татарстан в начале XX века: Исторические зарисовки. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. – С. 93-94.
38. ГУТО ГА в Тобольске. – Ф. 417. – Оп. 1. – Д. 506. – ЛЛ. 78, 78 об, 79, 79 об.
39. Валеев Ф.Т. Указ. соч. – Казань: Татарское кн. Изд-во, 1993. – С. 89; Амирханов Р.У. Указ. соч. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. – С. 97.
40. ГУТО ГА в Тобольске. – Ф. 417. – Оп.1. – Д. 506. – Л. 67.
41. Вольхина М.Г. Указ.соч. – Новосибирск, 1997. – С. 120.
42. Валеев Ф.Т. Указ соч. – Казань: Татарское кн. Изд-во, 1993. – С. 86.
43. Рахимова А.Р. История юрт Ембаевских // Янарыш. – 1997. – 16 мая. – С. 1.
44. ГУТО ГА в Тобольске. – Ф.152. – Оп. 35. – Д. 574. – Л. 9.
45. Файзрахманов Г.Л. Указ. соч. – Казань, 2002. – С. 417; ЦГИА РБ. – Ф. И – 295. – Оп.8. – Д. 479. – Л. 1об, 2; – Оп.6. – Д. 40. – Л. 5; – Д. 48. – Л. 5, 6.
46. Тычинских З.А. Исламские традиции в просвещении татар Сибири / З.А. Тычинских // Образование и культура Тюменского края в XVIII–XX вв. Материалы VII Тюменской областной научно-практической конференции, посвященной памяти П.П.Чукомина. – Тобольск, 1998. – С. 65.

С. Х. Хакназаров

БУ «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок», г. Ханты-Мансийск

Социологический анализ социально-экономических проблем коренных народов Нижневартовского района Югры

The Sociological Analysis of Social and Economic Problems of the Radical People of Nizhnevartovsk Area Yugry

УДК 314.17:001.8; 39

Аннотация. Проблема социально-экономического развития коренных народов Севера была и остается актуальной в настоящее время для России, которой около 70% территории которой расположено в зоне Севера. В условиях перехода к рыночной экономике коренные народы Севера оказались во многих отношениях в более сложном положении, чем другие народы, проживающие в данном регионе. Сложное положение выявлено в следующих сферах: жилищно-бытовой, трудоустройства, медицинской, материальной и т. д.

В данной статье мы будем рассматривать некоторые эти проблемы в контексте социологических исследований на примере Нижневартовского района Югры в разрезе социологических исследований.

Summary. The problem of social and economic development of the radical people of the North was and remains end actual now for Russia by which about 70 % of territory it is located in the North zone. In the conditions of transition to market economy the radical people of the North have appeared in many respects in more difficult situation, than other people living in given region. The difficult situation is revealed in following spheres: domestic, employments, medical, material etc.

In given article we will be some these problems in a context of sociological researches on an example of the Nizhnevartovsk area Jugry in aspect of sociological researches.

Ключевые слова: коренные народы Севера, социальные проблемы, экономические проблемы, социальные выплаты.

Key words: radical people of North, social problems, economic problems, social payments.

Ханты-Мансийский автономный округ – Югра – является исторической родиной коренных малочисленных народов Севера (КМНС), представленных тремя небольшими по численности народностями: ханты, манси и лесные ненцы. Общая их численность составляет немногим более 2% от общей численности населения округа.

С момента Приполярной переписи 1926–1927 гг. можно проследить динамику численности коренного населения округа до настоящего времени (табл. 1).

Таблица 1. Динамика численности населения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры

Население	1926-1927	1970	1979	1989	2002	2005	2008
Всего, тыс. чел.	36,886	271,157	570,763	1286,396	1423,8	1469	1520,05
В т.ч. КМНС	15,105	19,846	18,378	19,598	27,000	30,150	30,4
Уд. вес КМНС,%	41	7,3	3,2	1,5	1,95	2,05	2,0

Вплоть до начала 1990-х годов численность ханты, манси и ненцев оставалась стабильной, что обусловило на фоне быстрого роста населения округа, особенно в 1970–1980 годы, неуклонное снижение их доли в общей численности населения округа с 41% в 1920-е годы XX в. до 1,5–2% в настоящее время. Основные изменения были связаны с урбанизацией территории округа, которая вольно или невольно способствовала увеличению числа горожан из числа национальных меньшинств за счет миграции сельских жителей. Вследствие этого шел

процесс постепенного сокращения абсолютного числа и удельного веса сельского национального населения, доля которого в округе уменьшилась с 97% в 1939-м (XX в.) до 65% – в 1989 году. Самыми урбанизированными являются манси – 41% проживает в городских поселениях, доля горожан среди ханты и ненцев – 31% (данные за 1989 г.).

Наиболее значительные изменения произошли в первой половине 1990-х годов, когда наблюдался быстрый рост численности КМНС. В настоящее время в поселках, где совместно проживает коренное и пришлое население, удельный вес смешанных семей составляет до половины (численность метисов – выше) общего числа КМНС, проживающих в населенном пункте. Этнически чистыми остаются только семьи кочевого населения, проживающие на родовых угодьях (их численность в 2008 г. составила 2440 чел.).

Численность семей из числа КМНС, сохраняющих традиционный образ жизни, составляет 827 семей в общем количестве 2 440 чел., из них 556 семей ведут оленеводство. Наибольшее количество семей-оленевопровод насчитывается в Сургутском районе – 382 семьи, в Березовском районе – 80 семей и Нижневартовском районе – 67 семей.

По сравнению с 1989 г. численность коренного населения в округе увеличилась на 11 121 чел. Увеличение численности КМНС по районам округа в этот период было, главным образом, искусственным, т. е. в результате смены национальности в связи с желанием получить льготы, предоставляемые КМНС. И как следствие, – увеличение уровня метисизации и ассимиляции коренного населения. Все это оказало большое влияние на состояние межэтнических отношений, например, сказываясь в первую очередь на негативном отношении к коренным народам.

Проблема социально-экономического развития коренных народов Севера была и остается актуальной в настоящее время для России, в которой около 70% территории расположено в зоне Севера. Разрабатываемые здесь природные ресурсы гарантируют экономическую и энергетическую безопасность страны, являются основной базой пополнения федерального и регионального бюджетов, источником валютных поступлений. Как отмечает В. Г. Логинов [1], широкомасштабное освоение природных ресурсов Севера, которое осуществлялось в советский период при полной государственной поддержке, выявило целый ряд проблем экономического, социального и экологического характера. В переходный период значительная часть северных территорий оказалась в депрессивном состоянии, которое было вызвано снижением федерального финансирования, ростом транспортных и энергетических тарифов, отработкой ряда крупных месторождений полезных ископаемых и других причин.

В условиях перехода к рыночной экономике КМНС оказались во многих отношениях в более сложном социально-экономическом положении, чем другие народы, проживающие в данном регионе. Сложное положение выявлено в следующих сферах: жилищно-бытовой, трудоустройства, медицинской, материальной и т. д.

В данной статье мы будем рассматривать некоторые из этих проблем КМНС на примере Нижневартовского района Югры в аспекте социологических исследований.

Краткая характеристика района исследований

Нижневартовский район расположен в центральной части Западно-Сибирской низменности и характеризуется континентальным климатом с суровой продолжительной зимой, короткой и бурной весной, непродолжительным летом и короткой осенью. Район является одним из крупнейших районов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и занимает площадь в 117,31 тыс. кв. км. На территории района находится 23 населенных пункта, в которых, по данным Всероссийской переписи (2002 г.), проживает 34 тыс. чел., в том числе – 2538 представителей коренной национальности – ханты (84%), манси (около 3%), лесные ненцы (12%), эвенки, шорцы и селькупы (менее 1%). В районе расположено 135 территорий традиционного природопользования (родовых угодий, общин), на которых проживают и занимаются традиционными видами хозяйственной деятельности (охотопромысел, рыболовство, оленеводство, сбор дикоросов) 319 чел. Район также является одним из важнейших промышленных центров страны. Основу его промышленности составляют предприятия топлив-

но-энергетического комплекса. И в связи с этим существует проблема рационального недропользования.

В настоящее время на территории Нижневартовского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры – ведется 94 нефтегазовых месторождений, освоением которых занимаются предприятия крупнейших нефтяных компаний такие как: «ЛУКойл» (ООО «ЛУКойл–Западная Сибирь»), «ЮКОС» (ОАО «Томскнефть» ВНК), «Тюменская нефтяная компания» (ОАО «Самотлорнефтегаз», ОАО «Нижневартовское НГДП», ОАО «Тюменьнефтегаз»), «Славнефть» (ОАО «Славнефть–Мегионнефтегаз», ОАО «Варьеганнефть»), «Сиданко» (ОАО «ТНК–Нижневартовск», ОАО «Варьеганнефтегаз»), «Сибнефть» (ОАО «Сибнефть–Ноябрьскнефтегаз»), «Башнефть» (НГДУ «Башсибнефть») и др.

С целью выяснения мнения жителей по существующим проблемам в 2006-2008 гг., сотрудниками Обско-угорского института прикладных исследований и разработок (г. Ханты-Мансийск), были проведены этносоциологические исследования среди коренных жителей Нижневартовского района Югры. Опросы проводились в анкетной форме. Анкеты содержали вопросы с вариантами ответов. Респондентам нужно было выбрать только те ответы, которые они считали приемлемыми. Помимо анкет было много устных бесед и интервью по наболевшим проблемам.

В опросах приняли участие:

В 2006 г. – 235 респондентов. Из них: мужчин 31,91%, женщин 68,09%. КМНС: мужчины – 25,58%, женщины – 74,42%. Среди них: ханты – 50,21%, манси – 4,68%, другие КМНС – 0,43%, другие национальности – 44,68%.

В 2008 г. – 255 респондентов. Из них: мужчин 33,0%, женщин 67,0%. КМНС: мужчины – 25,58%, женщины – 74,42%. Среди них: ханты – 69,2%, манси – 1,4%, лесные ненцы – 9,0%, другие КМНС – 17,2%, другие национальности – 3,2%.

В частности, нам было интересно узнать мнение жителей об их финансово-материальном положении. Выяснилось, что основными источниками доходов представителей КМНС являются (табл. 2): сдача дикоросов, мяса, рыбы – 58,56% (21,71), заработная плата – 50,45% (62,79), 23,42% (3,88)⁷, выплаты из социальных фондов – 32,88% (17,05), продажа продукции традиционных промыслов – 23,42% (3,88), доход от предпринимательства – 3,60% (0,78), другие источники – 2,70% (3,10). Как мы видим, значительными источниками доходов представителей КМНС являются сдача дикоросов, мяса, рыбы, заработная плата и выплаты из социальных фондов. Это связано с тем, что значительная часть респондентов занимаются традиционными видами хозяйственной деятельности.

Таблица 2. Основные источники доходов КМНС (n*= 490), в % от опрошенных
* n – число респондентов; ** в скобках показано число респондентов по годам

Варианты ответов	Нижневартовский р-н	
	2006 (235)**	2008 (255)
Заработная плата	62,79	50,45
Выплаты из социальных фондов	17,05	32,88
Сдача дикоросов, мяса, рыбы	21,71	58,56
Продажа продукции традиционных промыслов собственного производства	3,88	23,42
Доход от предпринимательства	0,78	3,60
Другие источники	3,10	2,70

Далее нам было интересно узнать, на что тратят основную часть своих доходов представители КМНС (табл. 3).

⁷ В скобках указаны данные за 2006 г.

Таблица 3. Ответ на вопрос «На что тратят КМНС основную часть своих доходов?», (n*=490), в % от опрошенных

Варианты ответов	Нижневартовский р-н***	
	2006 (235)**	2008 (255)
На еду	51,90	72,52
На лекарство, лечение	12,80	44,14
На развлечение	3,11	18,92
На образование детей	9,00	43,69
На одежду	23,18	-
Запасные части и средства традиционных видов хозяйственной деятельности****	-	42,79
Затруднялись ответить	-	10,36

* n – число респондентов, ** в скобках указаны число респондентов по годам, *** в опросе 2008 г. варианты «на еду» и «на одежду» были объединены, **** в опросе 2006 г. данный вариант не рассматривался.

Как видим из данных, приведенных в табл. 3, представители КМНС основную часть своих доходов тратят на: еду и одежду (51,90% и 72,52% соответственно по годам), лекарство, лечение (12,80% и 44,14% соответственно по годам), запасные части и средства традиционных видов хозяйственной деятельности (42,79%). Как мы видим, в отличие от 2006 г., респонденты стали больше тратить на: образование детей (9,00% и 43,69% соответственно по годам), еду (51,9% и 72,52% соответственно) и лекарство, лечение (12,80 и 44,14% соответственно по годам).

А ситуация в других районах округа выглядит несколько иначе. По данным Т. Г. Харамзина, Н. Г. Хайруллиной [2], по мнению большинства опрошенных⁸ (69,1% – в 1993 г., 64,8% – в 1995 г., 76,2% – в 1999 г., 75,4% – в 2001 г., 66,2% – в 2004 г.), главными источниками существования коренных народов Севера по-прежнему являются: заработная плата и надбавки к ней; выплаты из социальных фондов; а также бесплатные услуги и дотации предприятия. Как отмечают авторы, уменьшился доход респондентов от продажи продукции традиционных промыслов (мясо, рыба, грибы, ягоды, орехи и др.), что является тревожным фактом.

Ответы респондентов на вопрос «Получают ли представители КМНС от органов государственной власти и других организаций материальные и финансовые средства на цели их социально-экономического и культурного развития?», представлены в табл. 4.

Таблица 4. Мнение респондентов по поводу получения материальной и финансовой помощи от органов государственной власти и других организаций на цели социально-экономического и культурного развития, (n = 255), в % от опрошенных

Варианты ответов	Нижневартовский р-н*	
	КМНС	Эксперты
Да	50,90	54,55
Нет	27,03	21,21
Затруднялись ответить	22,07	24,24

В опросе 2006 г. данный вопрос не рассматривался.

Как показывают данные, приведенные в табл. 4, относительное большинство респондентов (в т. ч. эксперты) (50,90 и 54,55% соответственно) отметили, что представители КМНС получают материальную и финансовую помощь на цели их социально-

⁸ Исследования проводились в Белоярском, Березовском, Октябрьском и Кондинском районах ХМАО – Югры

экономического и культурного развития от органов государственной власти и других организаций. Не получают такую помощь лишь 27,03% и 21,21% респондентов соответственно.

Отвечая на вопрос, «Как Вы считаете, какие проблемы в Вашем населенном пункте нужно решать в первую очередь?»⁹, респонденты из числа КМНС и экспертов Нижневартовского района в целом отметили, что в первую очередь нужно решить проблемы: алкоголизма и пьянства (79,61%); организации рабочих мест (74,90%); жилья (72,94%); обеспечения стариков и малоимущих (56,08); снижения цен на товары (50,98%); повышения уровня образования (43,14%); транспортные (38,82%); индексации заработной платы, пенсии и пособий (34,12%); улучшения состояния окружающей среды (31,37%). Далее по убывающей: улучшения качества продуктов питания (26,67%); преступности (19,61%); наркомании (10,20%) и т.п. Приблизительно такие же ответы были получены в ходе опроса 2006 г., что говорит о необходимости решения данных проблем на местах при содействии окружных и местных административных органов.

В современных условиях важно изучать мнение населения о работе различных административных органов государственной власти. Это является важным и для самих административных работников.

В ходе исследований мы поставили задачу выяснить отношение респондентов к данному вопросу: как люди оценивают деятельности различных административных органов власти? Ниже приведены результаты опросов по конкретным вопросам. В табл. 5, приведены результаты ответа на вопрос: «Как Вы оцениваете работу местных администраций по решению проблем КМНС?»

Таблица 5. Оценка респондентами работы местных администраций по решению проблем КМНС (n=255), в % от опрошенных

Варианты ответов	Нижневартовский р-н	
	КМНС	Эксперты
Удовлетворительно	40,09	78,79
Неудовлетворительно	49,55	15,15
Затруднялись ответить	10,36	6,06

Как видно из приведенных данных в табл. 5, относительное большинство представителей КМНС Нижневартовского района работу местных административных органов государственной власти считают неудовлетворительной (49,55%). В отличие от КМНС эксперты думают наоборот (78,79%).

Для сравнения – большинство респондентов (включая экспертов) Сургутского района работу местных административных органов государственной власти считают удовлетворительной (77,11% и 48,28% соответственно). Примерно такое же мнение придерживали респонденты и в опросе 2006 г. (72,55% в целом).

Как показывают результаты прежних исследований [2], значительное количество респондентов (более трети) оценили работу районных органов власти как плохую. Позитивно работу органов власти населенного пункта оценили в 2001 г. примерно каждый второй опрошенный (9,2% – «хорошо», 45,6% – «удовлетворительно»).

Отвечая на их же вопрос: «Приходилось ли Вам обращаться с просьбами в органы власти Вашего района (населенного пункта)?» [2], значительная часть респондентов сказали да (38,0% и 51,4% соответственно к властям района и населенного пункта). Каждый третий респондент считает, что обращение к органам власти своего района бесполезным.

В свою очередь, 44,14% представителей КМНС и 75,76% экспертов работу Комитета по вопросам МНС муниципального образования (Нижневартовского р-на) оценивали удовлетворительно (табл. 6).

⁹ По результатам опроса 2008 г.

Таблица 6. Оценка респондентами работу Комитета по вопросам МНС муниципального образования (n= 255), в % опрошенных

Варианты ответов	КМНС	Эксперты
Удовлетворительно	44,14	75,76
Неудовлетворительно	40,54	15,15
Затруднялись ответить	15,31	9,09

А вот относительное большинство респондентов (включая и экспертов) района работу Департамента по вопросам МНС по решению проблем КМНС оценили удовлетворительно – 42,79% и 60,61 соответственно (табл. 7). Для сравнения, большинство респондентов (включая и экспертов) Сургутского района работу Департамента по вопросам МНС по решению проблем КМНС оценили неудовлетворительно – 68,12% и 62,07% соответственно. Например, данный показатель по Октябрьскому району составляет – 53% (38%).

Таблица 7. Оценка респондентами работу Департамента по вопросам малочисленных народов Севера по решению их проблем (n=255), в % от опрошенных

Варианты ответов	КМНС	Эксперты
Удовлетворительно	42,79	60,61
Неудовлетворительно	31,98	18,18
Затруднялись ответить	25,22	21,21

Справедливости ради можно отметить, что респонденты не во всех районах Югры дают одинаковую оценку работы органов государственной власти. Например, респонденты из числа КМНС Белоярского района работу Департамента по вопросам КМНС по решению проблем КМНС считают удовлетворительной (48%). Скорее всего, это связано с тем, что Департамент по вопросам КМНС и его представительства на местах неодинаково обращают внимание на существующие проблемы, решают их. Все это дает основание говорить о том, что Департаменту по вопросам МНС необходимо усилить контроль над работой своих отделов на местах.

В заключение, еще раз отметим, что социальные и экономические проблемы КМНС в настоящее время являются актуальными и требуют поиска путей их решения. Например, чтобы решить проблему алкоголизма и пьянства среди представителей КМНС, ряд исследователей в своих работах предложили ввести запретить на продажу алкогольных напитков в местах их традиционного проживания.

Для обеспечения устойчивого экономического, социально-экологического, культурного и духовного развития КМНС нужно содействовать созданию благоприятной среды для их жизнедеятельности, хозяйствования и духовного возрождения в современных условиях путем целенаправленного, системного, согласованного и эффективного применения различных рычагов и механизмов государственной поддержки.

Так как происходит дальнейшее снижение уровня жизни коренного населения, промышленное освоение минеральных ресурсов должно стать социально ориентированным, обеспечить нормальное качество жизни и сохранение здоровья всего населения округа.

По нашему мнению, реализация данного принципа на практике в некоторой степени может способствовать гармонизации интересов КМНС и недропользователей и устойчивому развитию Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в целом.

Литература

1. Логинов В. Г. Социально-экономическая оценка развития природно-ресурсных районов Сибири. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2007. 311 с.
2. Харамзин Т. Г., Хайруллина Н. Г. Мониторинг социального самочувствия обских угров. Спб.: Миралл, 2006. 200 с.

**ИСТОРИЯ,
ЭТНОГРАФИЯ,
АРХЕОЛОГИЯ**

М. Ф. Ершов

Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск

**Северные зауральские города и региональная торговля в XIX веке:
проблемы адаптации**

**Cities of the Northern Trans-urals and Regional Trade in the XIX Century:
problems of adaptation**

УДК: 339.1

Аннотация: Статья раскрывает специфику экономико-географического положения городов Северного Зауралья: Верхотурья, Туринска и Ирбита в XIX в. Проанализировано участие провинциальных городов в региональной торговле при смещении на южные территории экономической активности. Исследованы способы адаптации и эволюция образа города в новых условиях.

Summary: This paper reveals the specific geographic location of cities of the Northern Trans-Urals: Verkhoturye, Turin and Irbit in the XIX century. It analyses the involvement of the provincial cities into the regional trade, in the circumstances when the economic activity moved to the southern area. The article explores the ways of adaptation and evolution of the city's image in the new conditions.

Ключевые слова: адаптация, горожанин, образ города, предприниматели, региональная торговля, сфера услуг, экономико-географическое положение, ярмарка.

Key words: adaptation, citizen, city image, entrepreneurs, regional trade, services, economic and geographical situation, fair.

Развитие рыночных отношений и переход к индустриальному обществу взаимно дополняли друг друга. В начале такого перехода на рынке господствовали периодичная (ярмарочная) и развозная (разносная) виды торговли. Особенно они были характерны для провинциальных городов. Здесь сосредоточивались предприимчивые люди, стремящиеся к обогащению. Их усилия поддерживались местными властями, добивавшимися усиления экономического веса своих городов. Однако все это одновременно вело к их зависимости от нестабильного рынка. Без развитой материальной инфраструктуры небольшие города не имели действенных механизмов воздействия на региональную торговлю. По отношению к городам она выступала внешней активной силой, с которой им приходилось считаться и приспособливаться. Несомненно, что в исторической конкретике были реализованы различные варианты адаптации. Наша задача заключается в выявлении степени воздействия региональной торговли на экономику и культуру городов Северного Зауралья – Верхотурья, Туринска и Ирбита.

«Город не может существовать изолированно. Он обслуживает другие города, о которых можно сказать, что они составляют «торговый район» данного города. Этот район, в свою очередь, обслуживает город», – пишет американский географ Дж. Александер [1, 81]. Однако, город мог и утрачивать свой «торговый район». В таком положении к середине XVIII в. находились Туринск, Ирбит и Верхотурье. Освоение новых территорий и смещение торговых путей, наряду с закрытием верхотурской таможни, привели к угасанию торговой активности. Прежние примитивные рыночные структуры, «прикрепленные» к немногочисленным дорогам, вслед за их переносом «поползли» к югу, «оголяя» северные города.

«Город переживал кризис», – замечал Л. Е. Иофа о Верхотурье второй половины XVIII в. [2, 186]. По нашему мнению, оценка Л. Е. Иофа нуждается в некоторой корректировке. Отчасти она была осуществлена М. М. Громыко: «Положение Верхотурья на стыке промышленного Урала и осваиваемой Сибири при определенных благоприятных возможностях выдвигало наиболее активно и ловко приспособившихся к условиям феодального государства богатых горожан в ряды буржуазии. Но их капиталы и деятельность не были связаны с эко-

номикой Верхотурья, которое оставалось мелким и медленно развивавшимся провинциальным феодальным городом», – делает вывод ученый, оценивая деятельность верхотурских купцов [3, 52–53].

С этим заключением также нельзя согласиться полностью. Во второй половине XVIII в., когда город уже утратил прежнее значение, взлет таких верхотурских купцов как Поповы или Походяшины, объясняется не столько особым экономико-географическим, «стыковым» положением поселения (им обладали все города Зауралья, причем северное Верхотурье в наименьшей мере), сколько его предшествующим развитием. За прошедшие полтора века им был накоплен богатейший опыт предпринимательства. С потерей прежних торговых функций этот скрытый потенциал выплеснулся «наружу», стал реализовываться вне городских стен.

Не вполне оправдано и утверждение, что капиталы крупнейших верхотурских купцов не были связаны с экономикой города. Для примера можно сослаться на еще одну работу М. М. Громько: «Жили Походяшины в Верхотурье в огромном деревянном доме с богатой резьбой наличников и порталов, растянувшимся на целый квартал и выходявшим торцом на главную улицу. Дом стоял возле Покровского монастыря, пользовался особым покровительством Максима Михайловича, который выстроил монастырю две церкви, снабдив их необходимыми принадлежностями» [4, 144].

Итак, город оказался местом проживания крупных предпринимателей и связанного с ними населения. Данная функция, разумеется, была временной. Переселение верхотурцев из родного города происходило параллельно с адаптацией к новым условиям. Значительный интерес для них представляли города Южного Зауралья. Так, в 1796 г. верхотурский мещанин Дмитрий Маслов решился записаться «в вклад» по Ирбиту купцом 3-й гильдии, с объявленным капиталом 2050 руб. [5, 6–7], в 1839 г. в 3-ю гильдию Шадринска записался верхотурский мещанин Яков Веселов [6, 3]. Список примеров можно продолжить.

Из Верхотурья осуществлялась и вербовка наемных работников на Богословские заводы. В частности, этим занимался верхотурский купец Юшков [7, 12]. Активно действовали и приказчики Походяшиных. Они предоставляли ссуды для неимущих, фактически закабалия их [8, 80–81]. Для жителей города такая зависимость облегчалась земляческой и корпоративной близостью к денежным воротилам. Естественно, что определенный «демократизм», Походяшина [9, 113], распространялся в основном на близких ему людей. В опубликованных Н. К. Чупиным фактах притеснения Походяшиными работников двое из трех упомянутых верхотурцев были сосланными поселенцами, психологически не готовыми стать «настоящими» горожанами [9, 121–122].

Жители Верхотурья выгодно отличались от обычных наемных рабочих. На Богословских заводах в конце XVIII в. верхотурцы не занимались «ручными работами». Сообщалось, что они «единственно работают на конях» [10, 21]. Город был административным центром уезда, с крупным горнозаводским массивом, поэтому здесь жили и многие чиновники горного ведомства [11, 73–77]. Связь с администрацией помогала горожанам проникать на горные заводы. Для Верхотурья был характерен не переход от торговли к производству, а обратный процесс. Первоначально корпоративные связи местной верхушки, ее закрытость для посторонних и отсутствие конкуренции вели к гигантским торговым оборотам. Так, например, в 1821 г. верхотурский купец первой гильдии Андрей Попов обратился за разрешением к начальнику Колывано-Вознесенских заводов о закупке 100 тыс. пудов хлеба на Алтае [12, 25].

Однако «закрытость» крупнейшего купечества и отток предпринимателей препятствовали появлению новых крупных капиталов. В этих условиях вступающие на торговое поприще были обречены существовать «вечными аутсайдерами», что влекло за собой неизбежную деградацию. П. А. Словцов обоснованно замечал, что «влияние Походяшиных <...> на дух городской промышленности было сильно. Зеленцовы, служившие при его делах, сделались впоследствии откупщиками. Поповы, ученики Зеленцовых, вышли в капиталы тем же ремеслом». Исследователь Сибири, побывавший в Верхотурье в 1828 г., также зафиксировал

запустение города и утрату интереса верхушки купечества к горнозаводской промышленности [13, 46–47].

Приведем примеры, отражающие отношение современников к верхотурской торговле. В начале XIX в. Н. С. Попов указывал на незначительные торговые обороты и на то, что жители Верхотурья «оборотливы», «стремительны» [14, 87–88]. В статье «Города Пермской губернии» от 1839 г. уже фиксируется зависимость от Ирбита: «Верхотурские купцы запасаются хлебом на Ирбитской ярмарке, торгуют преимущественно пушными товарами и мясом» [15, 7]. И, наконец, в начале 60-х гг. XIX в. Мозель категорично заявлял: «В торговом отношении Верхотурье не имеет в настоящее время никакого значения» [16, 698]. Итак, тенденция к консервации устоявшихся отношений помогала горожанам сохранять стабильность существования, но, одновременно, вела к сужению влияния Верхотурья в торгово-экономической сфере.

Относительное благополучие жителей и их связь с горными заводами определяли особенности торговли Верхотурья. Его торговцы продавали на Ирбитской и Нижегородской ярмарках пушнину. Вернувшись, они торговали в городе «шелковыми, шерстяными и более хлопчатобумажными товарами, также кожаными, особенно шитою крестьянскою обувью и для рабочих лошадей сбрую, жизненными припасами, получаемыми большей частью из других соседственных уездов» [17, 39]. Город пока еще сохранял значение в продаже кожи, рыбы, рогож, извести, жернового камня, в урожайные годы – кедровых орехов [18, 41]. Но ни один из перечисленных товаров не обладал уникальностью, что также вело к застою. Это был тупиковый путь эволюции – участники рынка все менее нуждались в его посредничестве. Об ограниченности торговли свидетельствовали и авторы «Экономического состояния городских поселений Европейской России» [19, 7].

В 1792 г. здесь была открыта ярмарка, проходившая с 20 дек. по 10 янв., но не имевшая экономического значения [14, 315–316]. К началу 60-х гг. действовали уже две ярмарки, все также ничтожные [19, 7]. По сведениям Н. С. Попова, в городе находился гостиный двор, состоящий из деревянных ветхих «в две линии построенных лавок, ряд которых числом 20» [14, 312]. Корпоративная и земляческая солидарность непосредственно определялась успехами выходцев из местного купечества. Так, например, Зеленцовы разорились уже в 1819 г. [20, 195]. И напротив, богатеющий коммерции советник Ф. И. Попов в 1832–1833 гг. предоставил средства на постройку части нового гостиничного двора. Это была линия из 32 деревянных лавок на каменном фундаменте. В Верхотурье рано, в 1837 г., появился общественный банк, благодаря выделенному капиталу в 14 285 руб. А. Я. Поповым [19, 9]. Но сама торговая инфраструктура так и не получила особого развития. Последний гостиный двор Верхотурья окончательно (с двумя линиями торговых лавок) был выстроен только в 80-х гг. XIX в. Это были деревянные лавки, скорее напоминавшие рынок в зажиточном селе. «Сохранились фото, запечатлевшие городскую торговую площадь начала XX в. Термин «гостиный двор» даже не очень подходит для определения характера этих сооружений», – замечает П. А. Корчагин [21, 136–137].

И все же город нашел возможности для экономического развития. В XIX в. его существование во многом определялось обслуживанием богомольцев. Дело в том, что в 1704 г. мощи святого Симеона были перенесены в Верхотурье, куда и направлялись люди на поклонение. Возникновению культа местного святого содействовали сами верхотурцы. В 1763 г. (после закрытия таможни!) канцелярист Верхотурской канцелярии Григорий Третьяков подал в Синод доношение о явлении мощей [22, 34]. Проведенное в 60-х гг. XVIII в. расследование было повторено в 20-е гг. XIX в. [23, 35–36].

Туринск не имел преимуществ Верхотурья. Но его население проявляло куда большую активность в торговой и ремесленной деятельности. Помимо низовой Оби туринские торговцы регулярно появлялись на Ирбитской ярмарке, в Пельме, в сибирских городах [24]. Они специализировались на заготовке и продаже рыбы, скупке и перепродаже пушнины [3, 67]. В «Описании города Туринска» отмечалось, что торговцы промышляют рыбу «своими неводами и для покупки нарочно на судах из сего города ежегодно через Тобольск ходят на Обь ре-

ку и до городов Березова, Сургута, с июня и возвращаются обратно в октябре месяце. В сей ходьбе и обращении их почитается расстояние три тысячи верст, а другие же из купечества, как живущие в городе, а особенно в уезде, кормятся от хлебопашества, иные нанимаются своей братии достаточных купцов в приказчики, и последние, уже задолжав находятся у купцов и прочих обывателей в черных работах, другие же по достаточеству и одобрениям купеческим вступают в ряды, поставкою из Тобольска в верхние города водяною коммуникацией и сухим путем, для народного продовольствия казенной солью в города Тюмень, Екатеринбург, Туринск, Верхотурье и Пелым, в дистрикты Ялуторовский и Краснослободской с ведомствами» [25, 210–211].

«Описание» фиксирует, таким образом, доминирование внегородской торговли. Отсутствии крупных капиталов у туринцев вело к унификации их занятий. Экономическая необходимость вынуждала горожан браться за любую деятельность, приносящую хоть какой-нибудь доход. Мелкое предпринимательство часто уводило горожан далеко от Туринска. В Челябинске в 30-е гг. XIX в. действовал туринец Козлов, опустившийся затем в мещанское сословие (с 1839 г., очевидно, после его смерти, в делах фигурирует только мещанка Козлова). В архивных фондах отложились дела о содержании им винных погребков и исков к туринцу многочисленных кредиторов [26].

Эволюция же внутригородской торговли Туринска в целом протекала по схеме, аналогичной с Верхотурьем. Так, к началу 60-х гг. в гостиничном дворе находилось всего 22 лавки (из них 4 каменных) [27, 122–131, 404]. Минимальные торговые обороты были губительны для торговцев. Уже в начале XIX в. сошла со сцены династия купцов Коноваловых [28, 51]. Разорения предпринимателей меньшего масштаба, продолжались и в дальнейшем. Например, в 1865 г. оказались несостоятельны туринские мещане Федор и Степанида Корякины, поддерживающие связи с купечеством городов Екатеринбурга, Курска, Юрьева и Владимира [29, 292].

Как и Верхотурье, Туринск был вынужден наладить коммерчески выгодное обслуживание духовных запросов иногородних. Приезжие имели здесь широкие возможности для отправления религиозных обрядов. Так, в середине XIX в. Верхотурье располагало 5 церквями и мужским монастырем [16, 697], Туринск же – 5 церквями, 1 каменной часовней и женским монастырем [27, 131]. Постепенно сферы влияния были разделены. В 1822 г. Туринский Николаевский мужской монастырь из-за запустения был преобразован в женский. Здесь с 1847 г. существовала школа для девочек. До 1852 г. в ней обучалось в общей сложности до 389 дочерей купцов, мещан и чиновников. Для того времени это очень значительное число [30, 289]. Известно, что А. Ф. Бригген подумывал об отправке своих внебрачных дочерей в Туринский монастырь [31, 343].

Интерес к внегородской торговле проявляли и жители Ирбита. Осенью 1822 г. в Троицке было возбуждено уголовное дело о незаконной продаже чая ирбитским мещанином Д. И. Шальковым». Он торговал вместе с пятнадцатилетним братом Егором [32]. 16 декабря 1828 г. в Троицке был задержан еще один ирбитский Шальков – Иван Васильевич, – купец 3-ей гильдии, 67-ми лет, не представивший ярлык, положенный по уставу о питейном сборе, о продаже хлебного бальзама (240 «куфшинов», общим объемом около 815 ведер). Кроме бальзама, у купца находилось 66 фунтов юфтовых кож [33]. Сообщение подтверждается данными Н. С. Попова об изготовлении и отправлении из Ирбита в Троицкую крепость выделанных кож на сумму до двух тысяч рублей в начале XIX в. [14, 295].

Однако, не имея достаточной сырьевой базы для переработки продуктов сельского хозяйства, Ирбит, как и остальные северные города Зауралья, был также вынужден ограничиться местной торговлей. По описанию М. Баккаревича, в Ирбите «торговля и промыслы здешних обывателей состоят в разных мелочных товарах» [34, 233]. Такое положение и далее оставалось без изменений. «Хлебная торговля в г. Ирбите, – сообщалось в 1863 г., – производится только местными купцами и мещанами, в одно зимнее время и простирается не более 300 пуд в год» [35]. Сведения показательны, хотя и требуют критической проверки.

Крестьяне близлежащих местностей, имея лошадей для дальних перевозок, могли обходиться без посредничества ирбитских торговцев. Поэтому жители города ограничивались, в большинстве случаев, мелкими операциями, нанимались субподрядчиками, приказчиками и торговыми агентами. Например, в 1803 г. ирбитский мещанин Дмитрий Елизаров находился под началом поверенного питейных сборов Медведева И. О. «при продаже питей в белослудском казенном питейном доме», о чем и было сообщено в Думу [36, 9]. Следовательно, даже у благополучного ярмарочного Ирбита собственная внегородская торговля также была незначительной.

Иное дело – Ирбитская ярмарка. История ее возникновения и дальнейшей эволюции отражена во многих трудах. Нельзя, однако, согласиться с мнением, что история города перестала быть «загадкой» и вписана с марксистских позиций в общий ход исторического развития России XVII в. [37, 33]. «Роковая случайность» ярмарки, «загадка» Ирбита – появление этих метафор в научном обороте было закономерным [38]. Загадка Ирбита заключается отнюдь не в месте зарождения ярмарки – здесь вероятен и элемент случайности, «рок», – а в том, почему ярмарка продолжала развиваться на прежнем месте, после смещения к югу торговых путей.

Торговые интересы купечества других городов и европейский рационализм верхушки чиновничества не раз ставили жителей Ирбита перед угрозой закрытия ярмарки. Инициаторами переноса ярмарки в восточном и западном направлении в разное время выступали такие же крупные администраторы, как В. Н. Татищев, В. И. Генин, М. Н. Сперанский, К. Я. Тюфяев, Лодыженский и И. И. Огарев, П. Д. Горчаков [39, 21–26]. Вряд ли подобная живучесть объясняется исключительно пограничным положением города или, умением его жителей балансировать между различными группировками купечества и фискальными интересами казны.

Разумеется, для Ирбита было очень существенно отношение к нему феодального государства. Так, благодарная Екатерина II после событий Крестьянской войны предоставила ему максимально благоприятные условия. Даже пожар 1790 г., уничтоживший почти весь город, не заставил ее отказаться от поддержки Ирбита. Очередная попытка конкурентов, теперь екатеринбуржцев, перевести ярмарку к себе окончилась неудачей [40, 433]. Архивные данные свидетельствуют о том, что аналогичную попытку предпринял и Шадринск [41, 5]. Причина роста ярмарки не может быть сведена к одному или нескольким разрозненным ключевым факторам.

Необходим системный анализ с первоочередным рассмотрением природных и экономических условий. Пограничное положение города определялось не столько игрой на разнице «запад – восток» (в наиболее выгодном месте был Камышлов, лежащий на прямой: Екатеринбург – Тюмень), сколько дополнительным противоречием «север – юг». Ирбит использовал оба эти преимущества. Севернее его основной жизни населения были присваивающие отрасли хозяйства» южнее – производящие. Поэтому для ярмарки был характерен и местный региональный обмен. Даже в 1848 г., когда из-за золотодобычи товарооборот Европейской России с Сибирью значительно возрос, «привоз на ярмарку местных произведений, почти вполне остающихся в губернии», все же составил седьмую часть всего привоза [42, 5].

Город находился приблизительно на одной широте с крупнейшими горными заводами Урала: Нижне-Тагильским и Невьянским. При отправке железа и меди в юго-восточном направлении он занимал промежуточное положение на пути к Тюмени. Для северных заводов линия Екатеринбург – Камышлов лежала в стороне от перевозок их продукции в Сибирь. Возможность использования рек Нейвы и Ницы, текущих к Ирбиту, усиливала позиции ярмарки. В основном же товар перемещался зимним гужевым транспортом. Только из Невьянска в середине XIX в. к Ирбиту отправлялось 1000 возов с различными кустарными изделиями [2, 212, 277, 364].

Немаловажное отличие Ирбитской ярмарки – преобладание предметов роскоши. Для товаров, не имеющих отношения к повседневным нуждам, отдаленность ярмарки не играла существенной роли. Теория предельной полезности утверждает, что спрос на вещи высокой

стоимости мало подвержен влиянию ценообразования. «Текущие цены на такие товары, как редкие вина, драгоценности <...> столь высоки, что спрос на них практически предъявляется только богатыми, причем во многом он вызван соображениями общественного престижа. Такого рода спрос почти не поддается насыщению и мало эластичен по отношению к цене» [43, 112].

Сохранившиеся сведения подтверждают, что престижные товары и престижное потребление составляли отличительную черту Ирбитской ярмарки [42, 5–12]. Значимую долю среди них составляли меха. По данным последней трети XIX в. с ярмарки только в Петербург поступало мехов до 500 000 руб. На еще большую сумму меха шли за границу [44, 65–78]. И Сибирь не была чужда предметам роскоши. Рост потребительского спроса, товарный голод и эстетическая неразборчивость жителей окраин способствовали наплыву в Ирбит дорогих, но не всегда качественных изделий.

Данная специализация проявилась и в сокращении продаж азиатских тканей (они вытеснялись русской «мануфактурой»), а с середины XIX в. – жирного товара. Большая его часть стала продаваться на ярмарках Ишима и Шадринска. В жирном товаре Ирбит, видимо, ограничивался обслуживанием близлежащей округи. С конца 50-х гг. здесь началось сокращение операций по реализации пушнины – сказывались последствия истребления животного мира [2, 341–342].

Таким образом, город выполнял несколько функций. Он связывал Европейскую Россию и Урал с Сибирью, северные малопродуктивные области (вплоть до Европейского Приуралья) с южными (вплоть до казахских степей). Он, мобилизуя избытки местной товарной продукции, являлся узловым пунктом сбора. Переплачивать их далее, на более крупный оптовый пункт, необходимости уже не было. Ирбит совмещал в себе три типа ярмарок: узловой сборной, оптовый и узловой распределительный, чем пользовались близлежащие местности Урала, Зауралья и Западной Сибири.

Еще одна особенность, сближающая Ирбит с Верхотурьем и Туринском, оставалась мало осознаваемой. Город, что было замечено, не имел полноценных возможностей для развития оптовой торговли в обменных операциях Европейской России с Сибирью – он лежал в стороне от торговых путей и от центров хозяйственной жизни. Но, от внимания наблюдателей ускользнуло то, что рост оборотов здесь был условным. За шумным ярмарочным оживлением скрывалось отсутствие множества товаров, причем именно тех, что были выставлены для всеобщего обозрения.

Поясним вышеизложенное материалами источников. Пермский губернатор в статье о ярмарке замечал: «Надобно заметить, что самая большая часть товаров, как Кяхтинских, так Российских и иностранных, в Ирбите не завозится, и торг оными между оптовыми торговцами производится почти вообще меною и основан на вере. Не завозятся сии товары, потому, что нет там достаточного помещения, и с учреждением новых и ближних трактов, Ирбит отстоит от дорог Сибирских, от одной более ста, от другой более двухста верст» [45, 430–431].

«Ярмарочные обороты увеличиваются с каждым годом, – вторил Мозель, – хотя оптовые торговцы, пользующиеся общим доверием, самую значительную часть товаров своих не привозят в Ирбит, по недостаточности помещения и дальнему расстоянию от новых сибирских трактов. Впрочем, сюда доставляются почти все главные товары, как русские, так и иностранные» [16, 700–701]. И губернаторы, и Х. Мозель заметили, что Ирбит в оптовой торговле довольствовался наличием не всей массы товаров, в основном образцов, играя роль выставки-продажи или биржи.

Следовательно, Ирбитская ярмарка имела преимущество и вне рамок экономико-географического положения. Она обладала иной – информационной – ценностью, служила индикатором рыночного спроса, помогала налаживать межличностные отношения в торговле. Данные качества в последующем распространились и на другие территории. Так, например, для торговли на рубеже XIX и XX вв. было характерно сокращение оборотов крупных ярмарок, возрастание числа мелких ярмарок и эволюция оптовых ярмарок «в выставки, а затем в товарные биржи» [46, 120]. Это вело противоречивости перспектив Ирбита. Город, иг-

рая на опережение, ранее других приобрел новые качества. Однако эта его монополия была временной. Она «работала» лишь в условиях неразвитости рынка и дефицита торговой информации.

Купцы не забывали изречение «базар цену строит» и приезжали сюда, чтобы извлечь очевидные выгоды. На ярмарке препятствия для торговой деятельности были сведены до минимума – население города не участвовало в крупной торговле, оно тяготело к обслуживанию. По данным С. С. Пенна, «местные жители городов Ирбита среди чрезвычайно разнообразной и деятельной жизни приезжих промышленников и торговцев отличаются полным безучастием в оборотах, совершающихся у них перед глазами в их собственных домах и лавках, и довольствуются для прожитка на целый год одною выручкою за наем у них помещений» [47, 88]. Эти сведения нуждаются в уточнении. Во время ярмарки торговля горожан не исчезала, но отходила на второй план. Их участие в ярмарке ограничивалось сдачей жилья и арендой торговых мест.

С конца XVIII в. в Ирбите и Верхотурье существовали герберги под номером 2 (арендная плата за 60 руб.). Нумерация зависела от ассортимента и качества напитков. В гербергах третьего и четвертого номеров запрещалась продажа водки. В 1799 г. герберги за номером 3 были уничтожены, «чтоб не делали откупщикам в заведениях их подрыва» [48, 206]. В 1798 г. ирбитский купец Петр Пятков взял «трактир № 2 с сего года впредь на 4 года, то есть до 1802». Арендатор намеревался продавать водки, виноградные вина, «аглитское пиво, полпиво лехкое», а также «чай, кофей, щеконат, курительный табак». В 1803 г. аренда была продлена, но акциз после смерти отца платил уже Иван Пятков. Кроме ирбитцев, алкоголь продавали и иногородние торговцы. Так, некоторые заведения были у сарапульского купца Лариона Котлова [49].

Жители Ирбита также брали в аренду лавки и балаганы, городские весы, участвовали в подрядах по продаже соли [50]. Характерный пример: в 1802 г. мещанин Алексей Кандыбаев принял долги умершего отца в сумме 5000 руб. и обязался вносить ежегодно во время ярмарки по 500 руб [51, 74]. Торговый оборот Ирбита (без ярмарки) достигал в 1803 г. 48 тыс. руб. [2, 268]. На коммерческой почве между горожанами нередко возникали конфликты. В 1803 г. разбирался спор между местным купцом В. Е. Овсянниковым и ирбитским обществом, которое почему-то не выдало купцу билеты при откупе у двух балаганов по 45 руб. В итоге один из балаганов был сдан московскому купцу Дмитрию Кондратьеву, а второй, видимо, остался порожним. Овсянникова, отказавшегося платить за второй балаган, городничий Булгаков арестовал и держал его до выплаты 45 руб. [51, 142–146, 166].

Гигантские размеры ярмарки не позволяли горожанам монополизировать сферу обслуживания. Здесь действовали и пришлые предприниматели. Так, жительницы Староневьянского завода Татьяна Турина и Акулина Третьякова «со товарищи» полностью взяли в 1803 г. в свои руки торговлю пельменями. Они откупили за 55 руб. 11 мест для постройки пельменных балаганов [52, 8]. В 1813–1815 гг. в городе действовали 3 герберга и среди арендаторов оказались ирбитский мещанин Шварев, макарьевский мещанин Камандрин и ирбитский мещанин Кузнецов [53, 40, 190]. Заведения, продавая алкоголь, конкурировали между собой. В 1809 г. содержатель герберга № 1 жаловался, что с открытием «сего года ярмонки, приехав, квартирующий у мещанина Алексея Кандыбаева Тобольского гарнизонного полка унтер-офицер Алексей Возницын открыл клуб маскаррад, а потом театр». Предприимчивый служивый пустил в ход «буфет с разными напитками» [54, 72]. Видимо, это было одно из балаганных заведений, характерных для любой крупной ярмарки.

Так, присутствуя на ярмарке 1826 г., К. Ф. Ледебур сообщал: «донеслись звуки барабана; это извещали о представлении театра кукол, и незначительная входная плата – 10 коп. – привлекала множество народа. Я также протолкался туда, однако, сюжет и само представление вполне соответствовали заведению и цене, чего и следовало ожидать» [55, 415]. Вопрос о строительстве здания театра с серьезными представлениями, поднимался еще в начале XIX в. но его деятельность здесь начались в 40-е гг. [51, 204].

Ярмарка, отображая экономические потребности общества, одновременно удовлетворяла и индивидуально-психологические запросы участников. Ирбитская ярмарка, замечал современник, «составляет нечто вроде минеральных вод». Претензии на элитарность совмещались с народными традициями: масленичными блинами, катанием на лошадях – «здесь бывает неимоверное множество извозчиков из разных деревень и возят они за цену неимоверно дешевую» [56, 19]. Привлекала ярмарка и женщин легкого поведения. Итогом «общения» бывало, что Ирбит, по язвительному замечанию В. О. Португалова, наделял «своих жрецов такими знаками отличия, которые не остаются бесследными даже на ближайшем потомстве» [57, 19].

Дух ярмарки сказывался во всем. Даже дома жителей, особенно после пожара 1790 г., были приспособлены к ее условиям. Н. С. Попов сообщал, что они «вместо обыкновенных сеней разделяются на две половины коридором, через всю длину состоящим из капитальных стен, по обе его стороны устроены комнаты, составляемые также из капитальных стен и перегородок, так что каждая комната имеет особые в коридоре двери, дабы нанимающие оные во время ярмарки купцы для своего постою имели всю возможную удобность расположения <...>» [14, 295]. Хотя близлежащие деревни и сбивали цены, но плата за жилье была очень высокой. Только в 1860 г. доходы жителей Ирбита от сдачи домов во время ярмарки составили 50000 руб. [47, 80].

Кроме частных доходов, были общественные. После пожара 1790 г. горожане построили деревянный гостиный двор. По указу Екатерины II он принадлежал городскому обществу с правом получения доходов. Торопясь закончить гостиный двор, жители строили лавки частным образом и получали с них прибыль. Это запутало имущественные отношения. По архивным данным строительство лавок и балаганов продолжалось и после 1790-91 гг., всего к 1797 г. их было около 470. Видимо, построивший «своим коштом» балаган распорядился им, но затем «торговая точка» отходила в ведение городского общества и могла быть перенесена на другое место. К началу XIX в., здесь имелось также 4 каменные и 15 деревянных питеен. Примечательный факт: не считая 2 каменных церквей и 4 питеен, в городе находилось только 1 каменное здание [58, 9–41].

В 1801 г. по настоянию генерал-губернатора Модераха городское общество решило строить каменный гостиный двор. Эту собственность не делилась «на каждого порознь ни по каким заслугам и преимуществам платимых в казну податей и не давать никому наименования быть лавкам хозяином, и оными яко собственными своими распорядиться и укреплять потомственно» [14, 294]. Уточнение содержит отголосок конфликтов, связанных со старым гостиным двором. Строительство началось в 1802 г. и проходило с большими трудностями. Губернатор Модерах регулярно требовал отчета о ходе работ, израсходованных средствах. К 1803 г. было построено 6 торговых мест и они сразу же были сданы в аренду местным жителям [36, 138–161].

С 1806 по 1809 гг. городское общество разбирало исковое дело екатеринбургского купца Толстикова. Городской голова Стариков, бургомистр Пушкарев, гласные Устинов и Кошкаргов, «без согласия протчих на то членов магистрата и думы», заключили с ним контракт на покрытие лавок гостиного двора железом. Но общество предпочло договориться с «поверенным тайного советника Николая Никитича Демидова Белохохловым» и Толстиков предъявил иск. Пермское губернское правление встало на сторону купца и обязало выплатить ему 17645 руб. 90 коп. [59, 72].

По плану гостиный двор состоял из 204 внутренних и 34 наружных лавок. Они выстраивались в Московский, Устюжский, Ивановский, Екатеринбургский, Тобольский, Курский, Заволжский, Вятский и другие ряды [60, 225–226]. В ходе строительства размеры, видимо, были уменьшены. В 1829 г., в четырехугольном дворе находилось 8 корпусов и 126 лавок. Кроме них, было 150-155 балаганов и двухэтажный каменный корпус для продажи вина [45, 431–432]. В Ирбите также располагались хмелевые и рыбные ряды, табачные места, пельменные балаганы, весы и множество иных мест для торговли [61, 83].

Заметим, что данные Х. Мозеля не совсем точны. Он не учел строительство временного деревянного гостиного двора и ошибочно считал датой постройки каменного 1804 г. [16, 388]. Но его сообщение о возведении 2-го этажа во дворе подтверждается статистически. В 1842 г. числилось 216 лавок [62, 26–27], в 1850 г. – до 480 [63, 165]. В 1860 г. каменных общественных лавок было 594, частных: каменных – 3, деревянных – 4 [16, 388]. Итак, в городе успешно шло создание материальной инфраструктуры по обслуживанию ярмарки.

Запутан вопрос об оборотах самой ярмарки, В работах фигурируют схожие цифры привоза и продаж [39, 25]. Не имея возможности для их анализа, – по замечанию А. Хитрова, «сведения нельзя считать даже условно правильными», с чем согласны и другие исследователи [38, 73–74], – допустимо выделить основные периоды в эволюции ярмарки. На основе статистического материала это пытался сделать Г. В. Яровой [64, 73–74]. Он допускал, что блестящий период развития ярмарки начался лишь с конца 30-х гг., оспаривая мнение Н. Эйгера. Последний считал, что рост оборотов был связан с появлением золотопромышленности в Сибири и происходил он уже с начала 30-х гг. XIX в. [65, 13].

По-нашему мнению, доводы Эйгера не противоречат историческим реалиям, выкладки же Г. В. Яровой оказываются уязвимыми. Ирбит не переживал спада после «золотой лихорадки». Ценность построек Г. В. Яровой снижается расхождениями с данными К. Я. Тюфяева. Так, сбыт 1824 г. у Яровой составляет 4600 тыс. руб., у Тюфяева же – 4631 тыс. руб. У Тюфяева 3534 тыс. руб. – это привоз 1803 г., – у Яровой показатель перемещается на 1809 г. Периоды развития ярмарки у Г. В. Яровой чрезвычайно большие – по 15 лет. Отсутствие данных до 1824 г. (исключая 1809 или 1803 гг.) и отрезка с 1830 по 1838 гг. включительно, во многом сводит на нет значение его подсчетов [45]. Иная попытка объяснения эволюции ярмарки следует из результатов табл. 1:

Таблица 1. Обороты Ирбитской ярмарки с 1814 по 1859 гг.

Год	Привоз		Сбыт		% реализации
	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%	
1814	5016	100	3872	100	77,1
1819	12687	252,9	9607	248,1	75,7
1824	7179	143,1	4631	119,6	64,5
1829	10888	217	7537	194,6	69,2
1834	26708	532,4			
1839	11951		7672		64,1
	41829	833,9	26852	693,4	
1844	17024		12625		74,1
	59584	1187,8	44188	1141,2	
1849	32534		25702		79,0
	113869	2270,1	89957	2323,2	
1854	37997		29165		76,7
	132990	2651,3	102078	2636,3	
1859	44789		42638		95,1
	156762	3125,2	149233	3854,1	

Данные округлены до тысяч. С 1839 г. сведения даны в руб. сер.; нижние строчки – пересчет на асс. по курсу 1: 3,5 (см.: Миронов Б.Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII–XIX вв.), Л., 1985. С. 37; Неупокоев В.И. Государственные повинности крестьян Европейской России в конце XVIII-начале XIX вв. М., 1987. С. 27-29).

Подсчитано по: Российский государственный исторический архив. Ф. 18. Оп. 4. Д. 90. Л. 1; Государственный архив пермского края. Ф. 65. Оп.4. Д. 86.Л. 106; Торговля на Ирбитской ярмарке в 1834 гг.// Журнал МВД. 1835. Ч. 15. Отд. XIX. Смес. С.176; Мозель Х. Указ. соч. Ч. II. С. 390-391.

Статистика свидетельствует: в первой четверти XIX в. обороты увеличивались. Согласно Тюфяеву, привоз возрос с 3 532 092 руб. в 1803 г. до 8 095 887 руб. в 1825 г. – почти в 2,3 раза [45, 439]. Скачок ярмарочных оборотов начался с конца 20-х гг., достигнув максимума в 30-е гг. XIX в. С 1826 по 1838 г. привоз увеличился с 7 719 887 руб. до 41 829 045 руб. или в 5,4 раза. В последующие 20 лет (с 1839 по 1859 гг.) рост уменьшился: с 11 951 155 руб. сер. до 4 477 910 руб. сер. или в 3,7 раза [66, 61–64].

Г. В. Яровой не заметил, что с 1839 г. данные приводились по курсу серебряного рубля. Из его построений следует, что в 1829 г. (привоз – 10888 тыс. руб. асс.), почти не отличался от 1839 г. (привоз – 11951 тыс. руб. сер.), что ошибочно [2, 25]. Имеется также опубликованный и мало используемый материал о росте оборотов ярмарки в 30-е гг. (по привозу). Для 1832 г. он составил 14 378 182 руб. Для 1833 г. – 21 374 798 (или 21 384 859) руб. [67, 276–277]. Для 1834 г. – 26 708 035 руб. [68, 176]., в 1835 г. привоз был 27 830 062 руб. [69, 56–57], в 1836 г. он поднялся до 34 800 650 руб. асс. [69, 173]

Перевод на серебро привел к тому, что последующие исследователи анализировали обороты ярмарки, начиная с 1839 г. В 1907 г. были опубликованы наиболее полные данные о привозе и сбыте товаров на ярмарку:

Таблица 2. Обороты Ирбитской ярмарки с 1839 по 1903 гг.

Годы	Привоз (тыс. руб.)	Сбыт (тыс. руб.)	Годы	Привоз (тыс. руб.)	Сбыт (тыс. руб.)
1839	11951	7672	1871	40728	37546
1840	12332	7682	1782	40256	42582
1841	12800	9472	1873	46939	43855
1842	14045	7888	1874	45921	42223
1843	14483	10303	1875	48146	43275
1844	17024	12626	1876	49029	45987
1845	20222	17426	1877	49824	46213
1846	26935	22247	1878	50376	48890
1847	28091	23642	1879	50725	49585
1848	31151	26903	1880	57058	53672
1849	32534	25702	1881	68784	65159
1850	35893	25331	1882	70046	66208
1851	35531	28741	1883	69807	62575
1852	30855	25363	1884	67484	62240
1853	36955	29363	1885	68958	65693
1854	37297	29165	1886	59827	51505
1855	23344	17601	1887	56272	50460
1856	20678	18541	1888	57709	55426
1857	17969	17142	1889	49753	44590
1858	41764	38847	1890	46090	42522
1859	44789	42628	1891	45896	39303
1860	46908	45628	1892	34586	25473
1860	47620	42370	1893	48410	41084
1862	48500	39260	1894	49187	41264
1863	51200	48700	1895	48364	42823
1864	46420	42350	1896	47497	41095
1865	39711	36200	1897	41163	33093
1866	36311	33383	1898	38348	33326
1867	38622	35537	1899	39236	34580
1868	36400	34350	1900	38560	34080
1869	39184	37524	1901	34500	31500
1870	40067	38307	1902	31128	27404
			1903	32370	29502

Источник: И. – евъ П. Что говорят цифры об Ирбитской ярмарке // Сибирские вопросы. 1907. №1. С. 61.

Нельзя не согласиться с выводами статьи «Что говорят цифры об Ирбитской ярмарке» относительно причин снижений ее оборотов. Так, закономерно объяснено понижение 1855-1857 гг. Крымской войной. Следующее понижение 1863-1868 гг. было связано с отвлечением капиталов после освобождения крестьян и военным продвижением России в Среднюю Азию, когда приостановился привоз товаров. Уральская железная горная дорога, открытая в 1879 не оказала заметного влияния на ярмарку, кроме того, что «приблизила товары из Европейской России». Более того, она содействовала некоторому росту.

Однако, после проведения в 1886 г. железной дороги Екатеринбург – Тюмень, товары пошли в обход ярмарки и началось падение оборотов. Еще более сократили обороты ярмарки Великая Сибирская железная дорога и соединение ее через Екатеринбург с линией Пермь – Котлас. Голодные 1891-1892 гг. «также сильно отразились на оборотах» [66, 61–64]. Можно дополнить выводы автора статьи: содействовали сокращению оборотов и неурожаи 1868, 1883-1884, 1889-1890 и 1901 гг. Основная причина начавшегося угасания Ирбита заключается, впрочем, не в стечении случайных негативных обстоятельств. С развитием промышленности и транспортной инфраструктуры ярмарочная торговля с неизбежностью заменялась стационарной.

Ирбит разительно отличался от Верхотурья и Туринска своей светскостью. Эти церковно-купеческие города утрачивали уже приобретенное и эволюционировали к замкнутости. Ирбит, напротив, стремился к открытости. Ярмарка, подстраивая город под себя, не стала его органической составной частью – их величины были несопоставимы. Произошло иное. Ирбит сам оказался одним из элементов ярмарки и превратился в ее функциональный придаток. Соответственно, судьба города оказалась в зависимости от ярмарочных успехов. Оценка Ирбита современниками была категоричной: «Это человек, ожидающий одиннадцать месяцев своего единственного годового дохода, это актер, печально исполняющий свою обязанность до своего годового бенефиса» [70, 7].

Периодичная ярмарочная торговля или торговля от случая к случаю не требовали наличия многочисленного населения и развитой материальной инфраструктуры. Поэтому анализируемые города визуально незначительно отличались от деревень. Их территория и жители были, всего-навсего, функциональными дополнениями к торговым операциям. Незрелость собственно городской экономики порождала господство над ней внешней, региональной торговли и ее основных агентов. По отношению к ним, города оказывались на второстепенном положении. Не случайно, что торговые и промышленные воротилы фактически превратили города в свои вотчины.

Предпринимательская деятельность не была бесплодной. Со временем и у северных зауральских городов появились возможности для роста экономики и уменьшения зависимости от региональной торговли. Однако произошедшая трансформация ставила под угрозу их прежние социокультурные основания. Ранее эпизодические рыночные связи определяли господство случайностей при извлечении прибыли. Эти случайности нередко определяли результативность поступков людей вне зависимости от их воли.

Еще Адам Смит замечал о предпринимателе, стремящемся к получению максимальной прибыли: «он преследует лишь свою собственную выгоду, причем в этом случае, как и во многих других, он невидимой рукой направляется к цели, которая совсем и не входила в его намерения. Преследуя свои собственные интересы, он часто более действенным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится сделать это. Мне ни разу не приходилось слышать, чтобы много хорошего было сделано теми, которые делали вид, что они ведут торговлю ради блага общества» [71, 443].

Многokrатно упоминаемая экономистами «невидимая рука» рынка в психологическом плане, напротив, требовала воплощения в видимом материальном носителе. В сознании людей рыночная непредсказуемость переносилась на места торговли. Соответственно, города символизировали непознаваемость и, даже, неадекватность рынка. Эти качества во многом определяли повседневное поведение и горожан, и пришлых. Ведь в городе человек погружался в искусственную среду. Он отчуждался от природного пространства, с его привычным

тогда для путешественников «естественным» разбоем на дорогах [72, 121–124]. Заметим, что даже на Волге нападения продолжались до середины XIX в. [73, 102].

В городе разбой сменялся иными угрозами. «Когда мужику приходилось ездить в город, всякий представитель власти, городской или околоточный, бил его за то, что он поехал по улице, по которой ему запрещалось ездить, или недостаточно быстро свернул в сторону для свободного проезда экипажа какого-нибудь начальника. Надо быть мужиком, чтобы познать худшие притеснения. Вот почему мужик города не любил. Он боялся его, и если ездил туда, то не ради удовольствия, а чтобы продать свой урожай или купить самое необходимое для домашних нужд, того, чего не было у сельского купца», – вспоминал воронежский крестьянин И. Я. Столяров [74, 390].

Угрозы были не всегда явными и хорошо осознаваемыми. Мошенничество или отсутствие спроса, игра цен, высокие издержки и риски вели к постоянному дискомфорту. Это чувство соседствовало с надеждами на скорое обогащение. Поэтому город дарил надежду и лишал покоя. Его отличало символичное смещение святости и греха. И у зауральских городов под покровом официальной духовности скрывались пугающие хтонические свойства. Они запечатлены в легендах о подземных ходах. Причины появления легенд были различны. Симптоматично, что народная молва связывала подземные ходы Верхотурья и Ирбита с монастырями или с купеческими усадьбами [75, 31–56, 228–241]. Следовательно, в фольклорных преданиях источники богатства городов ассоциировались с тьмой и тайной. Среди причин появления легенд о тайных подземельях исследователь В. М. Слукин называет и торговые функции у провинциальных городов [75, 246].

То, что у образа города присутствуют сверхъестественные свойства, исследователи обратили внимание уже давно. Сошлемся на статью «Социально-экономический облик северной русской сказки 1926-1928 годов». В ней был зафиксирован социальный статус носителей волшебных сказок. Это мужчины, в основном грамотные, побывавшие во многих городах Европейской и Азиатской России. «Различия в отражении хозяйственных отношений у сказок о животных и сказки о змее оказались чрезвычайно крупными, – обращал внимание А. И. Никифоров. – Первые прикреплены к местному хозяйственному быту, вторые уводят текст сказки в город. Но какой город! Афишки и красный флаг – это все, что в нем есть послереволюционного. Все остальное указывает на небольшой дореволюционный уездный город с водовозами, кухарками, половыми т. д. Именно на такие города опиралась помещичье-дворянская Россия XVIII-начала XIX века» [76, 228, 238]. Исследователь связывает волшебную сказку с миром пригородной помещичьей усадьбы, что, по нашему мнению, верно лишь отчасти. Нам также приходилось анализировать взаимодействие образа города и сюжета о борьбе со змеем [77, 20–24].

Причины существования данной волшебной мифологемы в принципе объяснимы. Для ярмарочных и религиозных центров было характерно преобладание торговли и сферы услуг. В традиционной культуре они не воспринимались в качестве реальной полноценной работы, а лишь как суррогатные действия. Таким образом, источник богатства города ускользал от глаз наблюдателей и смещался в латентную область. Отсюда, видимо, проистекает сдержанное отношение к торговцам не только у населения, но и в среде самих предпринимателей. «В московской неписанной купеческой иерархии, – отмечал В. П. Рябушинский, – на вершине уважения стоял промышленник-фабрикант; потом шел купец-торговец, а внизу стоял человек, который давал деньги в рост, учитывал векселя, заставлял работать капитал» [78, 100].

Как отмечает П. А. Бурьшкин, инициативные крестьяне «ездили в ближайший город за товаром и начинали у себя на месте снабжение им своей деревни и ее окрестностей. Таким образом, до последнего времени, не город шел со своим товаром в деревню, а деревня шла за ним в город сама» [78, 84]. Не стоит, однако, абсолютизировать новации мигрантов. Выходцы из деревенского мира все же были носителями традиционной культуры. Перебираясь в город, пришельцы привносили с собой деревенские социальные нормы. Долгое время свое новое пребывание они воспринимали как случайное и непостоянное. Поэтому для приезжих города выступали в первую очередь средствами обогащения. Они были торговыми площад-

ками, на языке того времени – «складочными местами». Официальное место жительства предпринимателей могло меняться: «Какие мы ейские купцы? Просто гильдейское свидетельство в Ейске выправляли – дешевле было, чем в Москве, вот и все. От этого и приписаны были к ейскому купечеству», – заметил один из родственников Ю. А. Бахрушина [79, 351].

У современников присутствовало ощущение, что извлечение городом общественного богатства происходило «само по себе», ниоткуда. Выгоды его местоположения лишь в малой степени дополнялись активностью жителей. Зависимость города от внешних обстоятельств перевоплощалась в зависимость индивида со стороны локального социума. Постепенно здесь формировался мир сложных коммуникативных связей, основанных на взаимной психологической подчиненности. Это оборачивалось эффектом своеобразного замкнутого пространства, причем пространства зависимого и не способного существовать без внешнего окружения.

Исходящее якобы извне обогащение горожан могло объясняться мистическими и (или) аморальными причинами, что с неизбежностью порождало фобии в среде горожан. Данное негативное восприятие характерно и для мировой культуры. Известный автор романов ужасов замечает о своем творчестве: «помимо твердой убежденности в том, что история может существовать сама по себе, мне помогает стартовать и уверенность в том, что маленький городок есть социальный и психологический микрокосм» [80, 242]. Отчасти эти подспудные страхи минимизировались и замещались ритуальными действиями. Ярмарочные приметы, молебны, пожертвования, демонстративные траты и загулы купцов должны были обеспечить удачу в торговле. Разумеется, со временем, у этих действий происходила трансформация и утрата скрытых смыслов. «Можно сказать, – утверждает культуролог Е. В. Дуков, – что развлечения начались с толпы зевак, собравшихся посмотреть на зрелище, которое лишено для них сакральности» [81, 41].

Все вышеизложенное содействовало негативному восприятию городов. Развитие рынка в России так не привело к их подлинному общественному признанию. Все это вело к негативным оценкам городской жизни. Торговля, да и сами города сплошь и рядом подлежали осуждению. Далеко не случайно, что для отечественной мысли XVIII-XIX вв. было заурядным признанием множества городов «ненастоящими». Последующее развитие экономики смогло лишь отчасти обеспечить рокировку приоритетов.

Да, доминирование торговли постепенно заменялось господством производственной инфраструктуры. Да, нарастающая эмансипация от «внешних» торговых операций вела к росту населения, индивидуализма и новой городской культуры. Однако, как показывает последующий исторический опыт, до полноценного рынка и новых индустриальных городов было еще далеко. Эта эволюция растянулась во времени и не завершена до сих пор. Видимо, для городов процесс адаптации к внешним условиям вечен. Проблема «вызова и ответа», вскрытая А. Тойнби, оказалась актуальна не только для цивилизаций, но и для их узловых центров – городов. Причем, как для городов прошлого, так для городов дня сегодняшнего.

Литература

1. Александер Дж. «Базовые» и «небазовые» экономические функции городов // География городов. М., 1965.
2. Иофа Л. Е. Города Урала. М. – Л. Ч. I, 1951.
3. Громько М. М. Западная Сибирь в XVIII в. Русское население и земледельческое освоение. Новосибирск, 1965.
4. Громько М. М. Верхотурские купцы Походяшины // Вопросы истории Сибири досоветского периода (Бахрушинские чтения, 1969). Новосибирск, 1973.
5. Государственный архив Свердловской области. Ф. 644. Оп.1. Д. 16. (далее – ГАСО)
6. Государственный архив города Шадринска. Ф. 474. Оп.1. Д. 358. (далее – ГАШ)
7. Словцов И. Я. Природа и люди Северного Урала. Екатеринбург, 1887.
8. Чудиновских В. А. Специфика становления североуральского промышленного района во второй половине XVIII в. // Развитие промышленности и рабочего класса горнозаводского Урала в досоветский период (Информационные материалы). Свердловск, 1982.

9. Чупин Н. К. О Богословских заводах и заводчике Походяшине // Сборник статей касающихся Пермской губернии и помещенных в неоф. части губернских ведомостей в период 1842-1881. Вып. 1. Пермь, 1882.
10. Чудиновских В. А. Комплектование рабочей силы на Богословских заводах во второй половине XVIII в. // Вопросы истории Урала. Сб. 13. Свердловск, 1975.
11. ГАШ Ф. 474. Оп. 1. Д. 480.
12. Разгон В. Н. Частное предпринимательство на Алтае в XVIII-первой половине XIX в. // Предпринимательство на Алтае: XVIII в. – 1920-е годы. Барнаул, 1993.
13. Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. СПб., 1886. Кн. II.
14. Попов Н. С. Хозяйственное описание Пермской губернии. В 3-х ч. СПб., Ч. III.
15. И.Р. Города Пермской губернии // Материалы для статистики Российской империи. – СПб., 1839. Отд. III.
16. Мозель Х. Материалы для географии и статистики России: Пермская губерния. В 2-х ч. СПб., 1864. Ч. II.
17. Макарий. Описание города Верхотурья, составленное инспектором Пермской семинарии игуменом Макарием. СПб., 1854.
18. Лепехин И. Продолжение дневных записок путешествия Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1771 году. Ч. 3. СПб., 1814.
19. Экономическое состояние городских поселений Европейской России. В 2-х ч. Ч. 2. Отд. XXVIII.
20. Копылов Д. И. Обрабатывающая промышленность Западной Сибири в XVIII – первой половине XIX в. // История городов Сибири досоветского периода (XVII – начало XX в.). Новосибирск, 1977.
21. Корчагин П. А. История Верхотурья (1598-1926). Закономерности социально-экономического развития и складывания архитектурно-исторической среды города. Екатеринбург, 2001.
22. «Подробное сказание о жизни и чудесах святого праведного Симеона Верхотурского чудотворца и чествования святых мощей его» // ГАСО Ф. 603. Оп. 1. Д. 363.
23. Мангилев П. И. Источники по истории почитания святого праведника Симеона Верхотурского // Археология и источниковедение истории Урала периода феодализма. Тез. докл. науч. конф. студентов и молодых ученых 22-24 мая 1991 г. Свердловск, 1991.
24. Никольский. Из записок о частной золотопромышленности в Верхотурском уезде Пермской губернии // Ирбитский ярмарочный листок. 1865. № 3.
25. Описание города Туринска // Северный архив. 1828. Ч. 35. Отд. II.
26. Государственный архив Челябинской области. Ф. 15. Оп.1. Т. 3. Д. 2990, 3206, 3196, 3246, 3273, 3450, 3468, 3572, 3625, 3667 (далее – ГАЧО).
27. Ильин В. Краткие статистические описания окружных городов Тобольской губернии; О торжках и ярмарках в городах и округах Тобольской губернии // Памятная книжка для Тобольской губернии на 1864 г. Тобольск, 1864.
28. Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982.
29. Тобольские губернские ведомости. 1865. № 45. (Далее – ТГВ).
30. Абрамов Н. Туринский Николаевский женский монастырь // ТГВ. 1865. № 45 от 6 нояб.
31. Тальская О. С. Александр Федорович Бригген // Бригген А.Ф. Письма. Исторические сочинения. Иркутск, 1986
32. ГАЧО Ф. 15. Оп. 1. Д. 1952.
33. Там же. Ф. 15. Оп. 1. Д. 2477.
34. Баккаревич М. Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1810.
35. Ирбитский ярмарочный листок. 1863. № 3 (далее – ИГВ).
36. ГАСО Ф. 644. Оп. 1. Д. 34.
37. Вилков О. Н., Резун Д. Я. К истории изучения Ирбита // Сибирские города XVII – начала XX века. Новосибирск, 1981.
38. Хитров А. К истории Ирбита и Ирбитской ярмарки. Ирбит, 1872.
39. Сутырин Б. А. К истории Ирбитской ярмарки во второй четверти XIX в. // Уральский археологический ежегодник за 1973 год. Свердловск, 1975.
40. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга / под ред. В. П. Семенова Тянь-Шанского Т. 5. Урал и Приуралье. СПб., 1914.
41. ГАШ Ф. 474. Оп. 1. Д. 2.
42. Вердеревский. Ирбитская ярмарка // Отечественные записки. 1849. Т. 65. Отд. 4.

43. Фальцман В. К. Макроэкономика плановой и предпринимательской систем: основы рыночного поведения (спецкурс) // Российский экономический журнал. 1993. № 2.
44. Бахтияров А. Брюхо Петербурга. Общественно-физиологические очерки. СПб., 1888.
45. Тюфяев К. Я. Известия о Ирбитской ярмарке // Журнал МВД. 1829. Ч.1. Кн.1.
46. Еланцева О. Н. Эволюция основных форм городской торговли в начале XX (на примере г. Тюмени) века XX // Тюменский исторический сборник. Вып.IV. Тюмень, 2000.
47. Пенн С. С. О торговле и оборотах Ирбитской ярмарки в 1880 и 1881 годах и о прочем // Пермские губернские ведомости. 1862. №5. Часть неоф.
48. ГАСО Ф. 644. Оп. 1. Д. 26. Т. 2.
49. ГАСО Ф. 644. Оп. 1 Д. 19. Д. 34. Д. 36.
50. ГАСО Ф. 644. Оп. 1. Д. 20. Д. 36.
51. ГАСО Ф. 644. Оп. 1. Д. 34.
52. ГАСО Ф. 644. Оп. 1 Д. 36.
53. ГАСО Ф. 644. Оп. 1. Д. 71.
54. ГАСО Ф. 644. Оп. 1. Д. 58.
55. Ледебур К. Ф., Бунге А. А., Мейер К. А. Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи / пер. с нем., 1993.
56. Ирбитский ярмарочный листок. 1893. № 3.
57. Португалов В. О. Ярмарка и гигиена // Ирбитский ярмарочный листок. 1893. № 5.
58. ГАСО Ф. 644. Оп. 1. Д. 16.
59. ГАСО Ф. 644. Оп. 1. Д. 69.
60. ГАСО Ф. 644. Оп. 1. Д. 48.
61. ГАСО Ф. 644. Оп. 1. Д. 44.
62. Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи, Великого княжества Финляндского и Царства Польского. СПб., 1842.
63. Макшеев. Военно-статистическое обозрение Пермской губернии // Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 14. Ч.1. СПб., 1852.
64. Яровой Г. В. Рынок и товарное обращение на Урале в дореформенный период // Вопросы аграрной истории Урала. Свердловск, 1975.
65. Эйгер Н. Сведения об учреждении Ирбитской ярмарки и развитии в ней торговли // Пермский сборник. Кн. 2. М., 1860. Отд. III.
66. И. – евъ П. Что говорят цифры об Ирбитской ярмарке // Сибирские вопросы. 1907. №1.
67. Сравнительная ведомость о привозе товаров в 1832 и 1833 году // Журнал МВД. 1833. Ч. IX. № 7.
68. Торговля на Ирбитской ярмарке в 1834 году // Журнал МВД. 1835. Ч. XV. Отд. XIX. Смесь.
69. Об Ирбитской ярмарке в 1835 и 1836 годах // Журнал МВД. 1836. Ч. XX. Отд. XXI. Смесь.
70. Ирбитский ярмарочный листок. 1833. № 2.
71. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 2009.
72. Шипилов А. В. «А на чердаке пушечка чугунная...»: Как защищались от разбойников в XVIII веке // Человек. 2008. №6.
73. Родин Ф. Н. Бурлачество в России. Историко-социологический очерк. М., 1975.
74. Столяров Иван. Записки русского крестьянина // Записки очевидца: Воспоминания, дневники, письма / сост. М. Вострышев. М., 1989.
75. Столяров Иван. Записки русского крестьянина // Записки очевидца: Воспоминания, дневники, письма / сост. М. Вострышев. М., 1989 . (здесь, очевидно, должен быть автор Слукин, судя по тексту, Столяров =74 – замечание мое, Л.Ш.)
76. Никифоров А. И. Сказка и сказочник. М., 2008.
77. Ершов М. Ф., Ершова Е. М. Архетип пришельца и самоактуализация города // Архетип. Культурологический альманах. 1996. Шадринск, 1996.
78. Бурышкин П. А. Москва купеческая: Записки. М., 1991.
79. Бахрушин Ю. А. Воспоминания. М., 1994.
80. Кинг С. Библиотечная полиция. Несущий смерть. Вторая часть книги «Четыре после полуночи»: Романы. М., 2000.
81. От Рима до дискотеки (интервью с Е.В. Дуковым) // Русский репортер. 2010. №30/31

Л. В. Кашлатова

БУ «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок», поселок Березово,
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра

Ай каттась и ун каттась: общее и особенное

Little Kattas and Big Kattas: the General and Especial

УДК 39 ; 908

Аннотация: В статье рассматриваются образы богинь Ун Каттась (Большая Каттась) и Ай Каттась (Маленькая Каттась), которых среднеобские ханты относят к всеобщим божествам. На основании анализа мифологических и фольклорных сюжетов выделены общие и отличительные черты двух богинь, а также особенности их почитания на отдельных территориях проживания обских угров.

Summary: The article is devoted to images of goddesses Un Kattas (Large Kattas) and Ai Kattas (Small Kattas), which sredneobskie khanty relate to the universal deities. On the basis of the analysis of mythological and folklore themes are common and distinctive features of the two goddesses, as well as features of their worship on separate territories of residence of the obugrians.

Ключевые слова: Ун Каттась, Ай Каттась, Нуми Торым, Хинь ики, Ем вош ойка, Мир ванту ху, Урт, Най, обские угры, среднеобские ханты, антропоморфное изображение.

Key words: Big Kattas, Little Kattas, Numi Torim, Chin iki, Em vosh oika, Mir vanti xu, bu-grischen, sredneobskie khanti, anthropomorphic image.

В традиционном мировоззрении у народов Сибири вселенная разделена на три зоны, как по вертикали, так и по горизонтали. Вертикальное членение состоит из Верхнего мира, Нижнего мира и Среднего мира. Хозяином Верхнего мира считается Нуми Торым. Он, Нуми Торым, приходится отцом по некоторым данным семи сыновьям, по другим данным – шести сыновьям и одной дочери. Среднеобские ханты считают, что у него четыре сына и три дочери (другие считают две дочери): Хинь ики, Ем вош ойка, Тэв куттуп ойка, Ас тый ики или Урт ойка, Каттась ими, Касум ими и Ай Каттась ими. Нижний мир, то есть подземный, здесь главная роль отводится Хинь ики, хозяину темного царства, духу болезней и смерти. В Среднем мире хозяйкой является богиня Каттась ими. Здесь обитают дети и внуки Торыма, всевозможные лесные духи, хозяева лесов, рек и озер, обитают животные. Здесь же, в Среднем мире живут люди. Ответственность за жизнь и судьбы людей в Среднем мире берет на себя Каттась ими [1, 64-65].

По горизонтальному членению верхний мир находится в верховьях Оби, нижний мир в устье Оби, средний мир в среднем течении реки. На территории среднего течения реки Обь расположена деревня Калтысьяны, где находится священное место богини Каттась ими. Это подтверждается легендой, где она якобы сама выбрала место обитания на берегу протоки, недалеко от Оби в берёзовой роще, где стала «жить». Впоследствии это место стало священным. Здесь же находится её антропоморфное изображение. [2, 42]. На хантыйском языке деревня звучит как Каттась курт – «деревня Каттась».

Среднеобские ханты считают Каттась ими главным женским божеством. У неё есть ещё одно сакральное имя Каттась анки, где анки в переводе с хантыйского языка означает «мать». Н. В. Лукина и В. М. Кулемзин в своих трудах дают такое объяснение сакрального значения имени, что анка обозначает «прамать всего», «мать всех матерей», «мать света вообще», поэтому в картине мироустройства она помещена в стороне восходящего солнца, либо в чреве каждой женщины [3, 204]. Отсюда вытекает её главная функция – «посылать людям детей». Один из её эпитетов звучит так: атанг эви китманг сорни анки, етн пох китманг сорни анки «утром дочерей посылающая золотая мать, вечером сыновей посылающая золотая мать».

По воззрениям манси, для рождения ребенка недостаточно было участие родителей, они полагали, что души детей посылает Сянь 'Мать' (у манси), Каттась ими (у ханты), которая помогала также при родах [4, 171]; [5, 92]; [6, 78]; [7, 10], [8, 93]. В связи с этим, особое место в родильном обряде отводится Каттась ими. В мансийском мифе о сотворении человека Каттась, когда оживляет людей, отправляет Топал ойку... «Сестра, этих людей сможешь оживить? Оживлю, только ты отсюда уходи. Топал-ойка ушел». С тех пор, когда дети на свет появляются, мужчинам при этом быть нельзя [9, 229]. Все что связано с деторождением, с появлением детей на свет относится к сфере жизнедеятельности женщин, держится в секрете от мужчин. В священной песне казымских ханты Каттась дает наставление женщинам, чтобы вовремя родов они уходили в специальный дом ай хот, где ай – это 'маленький', а хот – 'дом' и соблюдали все традиционные предписания непосредственно перед родами [1, 39]. Это заповедь для женщин строго соблюдать нормы поведения во время родов.

До середины прошлого столетия в хантыйских и мансийских деревнях встречались ещё такие избушки. В памяти автора уже не было ай хотов, женщина рожала в жилом доме, и ей отводилось место у порога (во время регул она тоже находилась здесь). В связи с этим возникло выражение ов хоньнг ими 'у порога живущая женщина'. Характерно, что если женщина рожала в доме, мужчины не только уходили из жилища, но и забирали с собой святыни, за исключением вещей, связанных с Калтащ эквой (манс.) [10, 29].

Чтобы не разгневать богиню, чтобы исход родов был удачным, женщины старались угодить ей и тщательно соблюдали все предписания во время беременности. Задолго до родов будущая мать готовила платок для богини. Затем передавала его свекрови, для того чтобы вывесить в переднем углу дома, где находятся святыни. В углу платка завязываются монеты, затем окуривают чагой, трижды обводя по солнцу. Здесь же готовятся аны – 'посуда' с продуктами, ставятся все в переднем углу. Далее все встают и произносят молитву, обращенную к богине Каттась ими, делают поклоны головы и трижды поворачиваются по солнцу вокруг себя. В молитвах к ней обращаются так: эви тыт маты Най, пох тыт мата Най 'дочери душу дающая Най, сыну душу дающая Най' [11, 1998]. Вывешенный в переднем углу платок в качестве подарка приравнивался к жертве. После рождения ребенка платок убрали в священный сундук. Платок был главным подарком для богини, ему отводилось важное место в обрядовой деятельности женщин, связанной с беременностью, родами. «Девочек имеющее высокое гнездо, если в него вы сели, из сочной бересты славный кузов вы изготовьте! Дно имеющий кузов, на дно его с длинными кистями, кистяной платок туда положите», поет она в своей священной песне на медвежьих игрищах [12, 46]. Если роды затягивались и проходили тяжело, Каттась делали жертвоприношение в любое время суток, даже ночью, она атнга куттуп йиранг Най, етна куттуп поренг Най 'утром принимающая кровавые жертвы, богиня, ночью принимающая бескровные жертвы, богиня' [11, 1998].

Главные функции Каттась ими – это покровительствовать всем женщинам, давать душу вновь появившемуся на свет ребёнку, писать книгу судьбы, на каждого человека вырубать «священные каменные зарубки», где изначально predetermined, на каком сроке жизни какие беды настигнут человека, и когда ему срок умереть [14, 59].

Помимо главной триады (Торым, Каттась, Куль) к категории всеобщих божеств на территории Среднего Приобья относили ещё одну богиню – Ай Каттась 'Маленькая' (младшая) Каттась. Среднеобские ханты считают, что она покровительствует всем женщинам во время беременности и родов, к ней также обращаются и в случае бесплодия. Усть-казымские ханты считают, что она является помощницей Каттась ангки при родах. Про неё говорят: эви нярт нярты нэ, пох нярт нярты нэ 'девочке помогающая родиться женщина, мальчику помогающая родиться женщина' [11, 1997], [13, 43].

Согласно одному из мифов среднеобских ханты «Ай Каттась мось» она приходится дочерью Нуми Торыму. За непослушание она была спущена отцом на землю к Ун Каттась 'Большой' Каттась, чтоб училась у неё всем премудростям жизни [2, 45]. Из мифа мы узнаем, что в отсутствие отца она ходила в ту половину дома, где нельзя появляться женщинам. За это отец страшно рассердился на неё и опустил вниз, наказав при этом: «Нангена ситы пит-

тыт лопта, йиг вура вуншым ай най, ас вура вуншым ай най» 'Про тебя будут говорить так, весть про тебя разнесут так: отца своенравием превзошедшая най, мать своенравием превзошедшая най'. «Своенравная» богиня считается сильной юранг най, как видим, может, не подчиняться воле отца Нуми Торыма.

Некоторые мифы повествуют о том, что Ай Каттась является невесткой Каттась ими. По данным среднеобских ханты, Каттась ими воспитала найденного на Земле мальчика, ставшего впоследствии сильным духом Мир ванты ху 'За миром наблюдающий мужчина'. Одной из его жён, в частности на территории среднеобских ханты, являлась Ай Каттась. Впоследствии, приняв зооморфный облик речного гуся, он 'улетает' в село Троицу, где находилось его святилище. Ай Каттась остаётся с Ун Каттась – в деревне Калтысьяны. На территории проживания казымских ханты Ай Каттась приходится дочерью великой богини Каттась [12, 106]. Обе богини покровительствуют женщинам, ведают функцией продолжения человеческого рода, они посылают людям детей, помогают в родах [15, 69].

В мифах среднеобских ханты Ун Каттась и Ай Каттась находятся рядом и совместно покровительствуют женщинам. В священном мифе о сотворении земли, говорится о том, что Нуми Торым опустил на землю 'своенравную, непослушную' Ай Каттась именно там, где находится Ун Каттась, в деревне Калтысьяны, о чем уже говорилось выше. Но обычно информанты поясняют, что у неё нет конкретного местонахождения. Она обитает в каждой хантыйской деревне, там, где живет человек, а точнее на деревьях, куда вывешивали берестяные кузовки с последами. Её стойкий фольклорный эпитет тэт юх тыя тата Най, карась юх кутгупа тата Най – 'на вершине низкого дерева садящая Най, на середине высокого дерева садящая Най' [14, 58]. По данным Р. К. Паргановой, именно с дерева она прилетает к беременным женщинам и начинает вить гнездо [16, 159]. Под гнездом подразумевается время, когда начинаются схватки у женщины, она говорит: тыхат верта пурая щи йис – 'гнездо делать пора настала'. Во время родов женщина уподоблялась птице. Например, в одной из личных песен информанта Т. Р. Пятниковой поется о количестве родившихся детей «восемь раз я гнездо строила, восемь птенчиков (яиц) клала» [13, 45]. В молитвах мои информанты часто произносят: ма куйтам, ма васытам тайтатын 'моих птенчиков, моих деток'¹⁰ охраняй'. Нуми Торым определяя Ай Каттась функции, наказывает ей «когда дети родятся, наверх ко мне, птичкой поднимайся, а вниз глупой-гагарой опускайся» [14, 58].

Со слов информантов известно, что Ай Каттась нельзя обижать, так как она может рассердиться и наказать тяжелыми родами, или не отделившимся последом, что может привести женщину к смерти, если рядом не окажется опытной повитухи и не окажется необходимая помощь. Во время беременности каждая хантыйская и мансийская женщина должна соблюдать особые нормы поведения. Роженица должна была знать и помнить о них и об Ай Каттась. За неуважительное отношение к богине неминуемо наказание во время родов. Поэтому каждая женщина стремилась быть в «хороших отношениях» с Ай Каттась [14, 58].

Забота о ребенке начиналась задолго до его появления. Удобное хантыйское платье скрывало беременность женщины, иногда до самых родов односельчане не знали о том, что женщина ждет ребенка. В традиционной хантыйской семье не принято было расспрашивать о беременности, а тем более вести разговор, или сообщать о сроке родин. О том, что женщина беременна, говорили, что она хот вутемас 'прекратилось что-то', мотты тайт 'что-то имеет'. С этого времени она па сира утты нэ 'по-другому живет', «её жизнь строго регламентировалась особыми запретами, соблюдение которых сохранило бы здоровье и жизнь матери и ребенку» [17, 51]. О своей беременности она не должна никому говорить, если родные замечали её особое поведение, то к ней относились с любовью, знали, что она вынашивает нового члена семьи, что её охраняют богини. Во время беременности женщина выступала представительницей сакрального мира, и от её поведения зависела судьба семьи, вынашиваемого ребенка и весь миропорядок хантыйского сообщества. Ей было запрещено принимать участие в похоронах, бывать на кладбище, находиться в доме, где покойник, иначе он мог за-

¹⁰ Букв. перевод – утята, но в данном случае переводится как детки, в параллелизме к слову птенчики

брать собой в загробный мир. Она не посещала многолюдные места: свадьбы, медвежьи игрища, не присутствовала на обрядах с жертвоприношениями, не должна была есть жертвенное мясо. Нельзя было беременной перешагивать через собаку, иначе ребенок будет волосатым. Нельзя было выходить за порог, провожая кого-либо, считалось, что за порогом женщину ждут опасности. Нельзя обходить саму беременную женщину за спиной, чтоб не нанести вред ей самой, так как спина считается самой незащищенной частью тела. Родные старались оградить будущую мать от всевозможных опасностей, в том числе и от сверхъестественных сил. [11, 1998]; [6, 50-54], [8, 81], [13, 44].

Перед родами женщина уходила в маленький дом – ай хот. Там она находилась во время и после родов некоторое время. Здесь помощницы помещали в переднем углу берестяной кузовок, разжигали чагу, ставили угощения, молились Ай Каттась, просили у неё благополучных родов. Принимать роды приглашали обычно опытную пожилую женщину. На моей памяти я знала трех женщин из нашей деревни. Одна из них не только принимала роды, но и лечила от всех женских болезней, обладала даром лечения, прекрасно знала народные средства. Для схваток сооружали перекладину на такой высоте, чтобы женщина могла навалиться грудью на жердь, держаться за неё подмышками, опираться коленями и находиться в полувисячем состоянии. По словам информантов, когда схватки длятся долго, часто не хватает сил «висеть», тогда помощницы при родах между схваток опускают роженицу на пол, когда начинаются схватки, они вновь её поднимают. После рождения ребенка роженицу кладут на приготовленные нары, отделяют мать от ребенка отрезанием пуповины. Нож, которым отрезают пуповину, называется пукан эвты кеши, он не должен быть острым, чтобы кровь быстро остановилась и рана не кровоточила. После острого ножа рана обычно долго кровоточила и не заживала. Поэтому, видимо, про тупой нож в быту говорят там пукан эвты кеши ‘этим ножом только пуп перерезать можно’. Женщину, принимавшую роды, называют пукын анки ‘пупковая мать’ и ей дарится этот нож в знак благополучных родов.

Когда роды закончились, вымытый детский послед заворачивали в лоскутки ткани или платок, к концам которых привязывали монеты и укладывали в пукын совт ‘пупка вместилище’, специально для этого пошитый из бересты. Послед называют няврем сэма питты анки ‘мать на глаза появившегося ребенка’. Поэтому говорят: «Мать должна быть в чистом месте, все мы матерью отправленные». Под матерью они подразумевают Каттась ими. О том, что детский послед называли «матерью», находим подтверждение у нижнесосьвинских и обских манси [16, 158], верхнесосьвинских манси [8, 85], сыгвинских манси [5, 96], усть-казымских ханты [13, 41]. По словам информантов, послед не должен сжигаться, его нельзя выкидывать на помойку, как это делали в роддомах во время всеобщего атеизма. В настоящее время в национальных поселках акушерки предлагают родственникам забрать послед роженицы.

Уложенный в пукын совт послед, относили в лес и подвешивали на дерево, где висят остальные берестяные кузовки. Оставлять послед на земле строго запрещалось. Считали, что если его съест собака, ребёнок умрет [18, 105]. А манси считали, что чем дольше висит кузовок с последом, тем дольше живет ребенок [5, 96]. У жителей деревни Мулигорт детские последы висели на кедре, жители соседней деревни, обские манси, послед вывешивали на ель, на Казыме – вывешивали на сосну. Уносила послед женщина, которая принимала роды и отрезала пуповину. С ней мог пойти кто-нибудь из членов семьи. У дерева совершали обряд поклонения Ай Каттась. Еду приносили из дому и ставили у основания дерева, зажигали чагу, произносили молитву, благодарили богиню за благополучные роды, вешали на дерево кузовок с последом, со словами обращенные к Ай Каттась ‘на середине высокого дерева сидящая женщина, на вершине низкого дерева сидящая женщина’, т. е. «принесли» её на место. До этого она якобы всё время «была» возле беременной женщины и при правильном обращении с ней «оберегала» её. Нуми Торым, определяя её функции, наказывал ей, что «из города идущей лошади, из города бегущей лошади он, Ем вош ойка ‘Богатырь святого города’, тебе сюда помогать придёт. У многих женщин имеющих дочерей, у многих женщин имеющих сыновей хинт он поднимет, и посадит на середину высокого дерева, на вершину низкого дерева». Хинт (берестяной кузов) у обских манси называется пукын совт, у хантов – пукын

вонсып, в него кладут послед (детское место). Одна из функций Ем вош ойки оказывать помощь Ай Каттась при деторождении. В его обязанности входит поднимать (садить) на дерево не просто послед, а Ай Каттась, в образе ‘мать на глаза появившегося ребёнка’ [14, 57].

Богиня Ай Каттась очень своенравная, не любит шума, её в доме не держат, место её на дереве, о котором упоминалось выше. От неё зависит, как будет протекать беременность и роды. Поэтому забота о ней лежит полностью на женщине. Во время трудных родов муж роженицы должен принести жертву для Ай Каттась. В жертву приносят любое животное. Наряду с кровавыми жертвоприношениями проводят и бескровны, дарят ей дополнительные подарки, в зависимости от сложности родов. Кроме этого, покровительствуя беременным женщинам, Ай Каттась предписывает поведение женщин во время беременности и родов. В молитвах обращаются к Ай Каттась, просят, чтоб благополучно закончились роды, чтоб ребёнок родился здоровым и невредимым [11, 1997–2005].

Специально для Ай Каттась не делают кровавых жертвоприношений (кроме трудных родов). Нуми Торым наказывал ей: «А когда дети родятся, наверх ко мне, к Нуми Торыму, птичкой поднимайся, а вниз глупой-гагарой опускайся. (это уже было! Л.Ш.) Тебе не надо сильно кровавой жертвы, и простых поры не надо. Твои поры, твои жертвы – это множества женщин, имеющих дочерей, множества женщин, имеющих сыновей. Вместо поры будут тебе поклоняться, как на середину высокого дерева, сидящей женщине, на вершине низкого дерева сидящей женщине» [14, 58]. «Тув ем ант тайт ‘она (букв.) святость не имеет’, тув поры ант каншыт, йир ант каншыт ‘она простые приношения не ищет, кровавые приношения не ищет’ – поясняют мои информанты [11, 1998]. В отличие от остальных всеобщих божеств у неё нет конкретной иконографии на священном месте. Её изображение изготавливала каждая беременная женщина. Задолго до родов, примерно на четвертом или на пятом месяце (середина) беременности, будущая мать начинала готовиться к обряду для Ай Каттась. Из лоскутков ткани делала куклу-акань величиной с палец, одевала, украшала её. Информанты говорят, что это кукла – вместилище богини Ай Каттась, с этого времени беременная женщина находится под её покровительством. Затем шила берестяной кузовок небольшой величины, обязательно с крышкой, как хантыйский заплечный хинт, только в миниатюре. В этот кузовок укладывала изготовленное изображение, завернув его в платок, и помещала в передний угол дома. С этого времени считалось, что это и есть местонахождение Ай Каттась, она находится здесь и охраняет беременных женщин, ‘прилетев с дерева’. Считалось, что кукла обеспечивала связь между женщиной и богиней Ай Каттась, если кто не изготовит куклы, тот будет рожать тяжело [19, 107]. У манси подобную куклу делали из мягкой высушенной чаги, величиной с большой палец, и называлась она сос акань. Такая кукла служила заместителем ребенка на время развития плода и до появления на свет настоящего ребенка [5, 91], [8, 82,85]. Приготовление куклы сос происходит втайне от посторонних и сопровождается обрядом угощения. После обряда её убирают в передний угол, изредка открывают, ставят ей угощение, молятся, просят благополучного течения беременности. Считалось, что если женщина имеет сос, то ребенок будет не очень большой, и роды будут легкими [5, 91-92]. При чем, как пишет С. А. Попова, «обычай требует: сколько бы детей не было у женщины, на каждую беременность должна быть изготовлена кукла» [8, 83]. Усть-казымские ханты куклу делали из нароста березы веш акань. Лицо вырезали плоским, сзади пришивали несколько полосок материи (ленточки), к ним привязывали два кольца, на шею надевали две бисерные низки, пришивали кусочек бобровой шкурки, на голову надевали платочек, заворачивали в обычный новый светлый платок и хранили в специальном мешочке [13, 44]. Иногда по этой кукле гадали, как протекает беременность и развивается плод. По Е. И. Рамбондеевой «если не предвидится ничего неприятного, то сос качается спокойно, равномерно. А если сос не делает никаких движений или дергается, то ожидается что-то неприятное» [5, 93].

Ай Каттась очень своенравная, не любит шума, её в доме не держат, место её на дереве, о котором упоминалось выше. Информанты предупреждают, что с Ай Каттась надо быть очень осторожной, за незнание её функций она наказывает. Нужно строго соблюдать, чтоб

не рассердить, не навлечь беду на семью, поэтому функции богинь Ун Каттась и Ай Каттась на территории проживания среднеобских ханты четко разделены [15, 69-73].

Березовские ханты, сосвинские манси про Ай Каттась ничего не знают. Её родовспомогательную функцию они приписывают Каттась ими. Многие слышали имя Ай Каттась, но где она находится, какие её функции, не могли сказать. Лишь усть-казымские ханты считают, что «помощницей Каттась анпки при родах является Ай Каттась». Во время родов ай хот 'маленький дом' называют Калтащ именган хот 'двух женщин Калтащ дом' [13, 43,45]. На территории проживания казымских ханты считают, что она приходится дочерью Великой богини Каттась [3, 106]. На территории Усть-Казымского Приобья (с. Палноват, 1993) она является персонажем медвежьего праздника, здесь исполняют её священную песню «Перед вами много горя видевшая женщина, много бед видевшая женщина» [1, 55]. О том, что её «приводят» на медвежьих игрищах, в 1930-х годах писал ещё В. Н. Чернецов. «Сначала Мань (Маленькая) Калтась-Каттась поет перед медведями, а затем перед женщинами, а потом снова перед медведями. В это время два помощника покрывают Мань Калтась платком – это жертва. Мань Калтась кланяется и пляшет» [20, 231-232]. По сообщению Т. Р. Пятниковой «Она считается сильной богиней, во время медвежьих игрищ её вещи не достают и с вещами других духов не смешивают» [13, 151]. Не смешивают предназначенные для неё приклады и в священном углу дома во время проведения обряда. Когда привозят для неё приклады, сразу же предупреждают хозяина, он в свою очередь весит обычно отдельно.

Вся жизнь человека в представлениях ханты и манси, живущих на Средней Оби, от самого зачатия и до смерти находится в руках двух богинь и духа Ем вош ойки 'Хозяина священного городка'. Каждый из них отвечает за определённый момент жизни. Ун Каттась при зачатии определяет пол ребёнка и его будущий образ жизни, даёт душу. Ай Каттась решает, жить ребёнку после рождения или нет. На это решение большое влияние оказывает поведение родителей. Ибо только их праведное поведение даёт право на жизнь их ребёнка. Ем вош ойка охраняет душу ребенка от преждевременной смерти [16, 160].

Таким образом, в Среднем мире по традиционному мировоззрению хантов и манси судьба и жизнь человека с момента рождения, получив тело от земной матери, полностью зависит от женских богинь: Ун Каттась, «одной рукой детей вам даю, другой назад забираю», и Ай Каттась – «помощнице» при родах, способствующей появлению на свет человека [14, 59]. В мифологии среднеобских ханты они обе приходятся дочерьми Нуми Торыму. Их неразрывно представляют вместе. Ай Каттась представляется молодой, красивой женщиной, но в то же самое время она очень своенравная дочь Нуми Торыма. Про неё говорят: «Ащен вура вуншум ай Най, йиг вура вуншум ай Най «'Отца своенравием превзошедшая маленькая Най, родителя своенравием превзошедшая маленькая Най'». Каттась ими представляют в образе старой седой женщины [20, 104]. У манси «она выглядит пожилой женщиной с весенней или осенней заячьей шкуркой на голове, якобы, это её седые волосы, до такой степени поседевшие от времени» [5, 71]. Мы уже обратили внимание, что там, где Ун Каттась определяет правила поведения женщин во время беременности и родов, информанты ничего не знают об Ай Каттась. Там, где правит Ай Каттась, правила поведения женщин во время беременности и родов устанавливает она, при этом требует к себе уважительного отношения, может наказывать из-за несоблюдения традиционных норм жизни. На медвежьих игрищах её «приводят» в последнюю ночь, исполнители ведут её за руки. За ней следом приходит великая богиня Каттась [1, 55]. В мифах среднеобских ханты она по силе равна Каттась ими, их в одно и то же время опускают на Землю, они обе принимают участие в сотворении Земли. Обе покровительствуют женщинам, владеют способностью продолжения человеческого рода и посылают людям детей, помогают в родах.

Литература

1. Молданов Тимофей. Картина мира в песнопениях медвежьих игрищ северных ханты. Томск: изд-во Том. ун-та, 1999. 141 с.
2. Кашлатова Л. В. Родословная Каттащ ими (по представлениям ханты д. Калтысьяны) // Фольклор в истории народа и его место в современной культуре: Материалы научной конференции, посвя-

- щенной 10-летию научного фольклорного архива манси (р.п. Березово, 19-22 сентября 2003 г.). Томск: изд-во Том. ун-та, 2005. С. 42-47.
3. Мифология хантов. Томск: изд-во Том. ун-та, 2000. 310 с.: ил., карт.
 4. Чернецов В. Н. К истории родового строя у обских угров // Советская этнография. 1947. Т. 6-7. С. 159-183.
 5. Ромбандеева Е. И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов). Сургут: АИИК «Северный дом» и Северо-Сибирское региональное книжное изд-во, 1993. 208 с.
 6. Зенько А. П. Представления о сверхъестественном в традиционном мировоззрении обских угров. Новосибирск, 1997. 160 с.
 7. Гемуев И. Н., Бауло А. В. Небесный всадник. Жертвенные покрывала манси и хантов. Новосибирск, 2001. 160 с.
 8. Попова С. А. Обряды перехода в традиционной культуре манси. Томск: изд-во Том. ун-та, 2003. 180 с.
 9. Мифы, предания сказки хантов и манси / сост., пред. и примеч. Н. В. Лукиной. М: Наука, 1990. С. 568.
 10. Гемуев И. Н. Мировоззрение манси: Дом и Космос. Новосибирск: Наука, 1990. 232 с.
 11. ПМА 1997-2008 гг.
 12. Молданов Т. А., Молданова Т. А. Боги земли казымской. Томск: изд-во Том. ун-та, 2000. 114 с.
 13. Пятникова Т. Р. Традиционные обряды хантов усть-казымского Приобья. Екатеринбург: Баско, 2008. 80 с.: ил.
 14. Кашлатова Л. В. Функции духа Ем вош ики, его связи с деторождением по представлениям среднеобских ханты // Материалы V Югорских чтений «Медведь в культуре обско-угорских народов»: Сб. научн. статей / под ред. Т. А. Молдановой, А. Д. Каксина. Ханты-Мансийск: ГУИПП «Полиграфист», 2002. С. 56-60.
 15. Кашлатова Л. В. Ай Каттась в мифологии среднеобских ханты // Мифология хантов: материалы научно-практического семинара / под ред. Т. А. Молдановой. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008. С. 69-74.
 16. Партанова Р. К. Боги и духи манси, связанные с деторождением // Народы Северо-Западной Сибири: Сборник / под ред. Н. В. Лукиной. Томск: изд-во Том. ун-та, 1995. Вып. 2. С. 157-160.
 17. Лапина М. А. Этика и этикет хантов. Томск: изд-во Том. ун-та, 1998. 115 с.
 18. Кулемзин В. М. Человек и природа в воззрениях хантов. Томск: изд-во Том. ун-та, 1984. 192 с.
 19. Кашлатова Л. В. Обрядовые куклы обских угров // Сохранение народных традиций / под ред. А. Д. Каксина, В. Ю. Кондина. Ханты-Мансийск: ОАО «Информационно-издательский центр», 2008. С. 106-109.
 20. Кашлатова Л. В. Богиня Катташ-ими в представлениях калтысьянских хантов // Материалы Югорских чтений / под ред. Н. В. Лукиной. Томск: изд-во Том. ун-та, 2002. С. 104-109.
 21. Источники по этнографии Западной Сибири. Томск. 1987. С. 239.

В. И. Сподина

БУ «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок», г. Ханты-Мансийск

Мировоззренческие установки в описании телесно-психического состояния человека в традиционной культуре обских угров и самодийцев

World Outlook Installations in the Description of Some Systems and Internal Organs of People in Ob-Ugrian and Samoyedic Traditional Culture

УДК 39

Аннотация: Для изучения особенностей национального сознания того или иного народа большое значение имеет исследование традиционных представлений о человеке, его анатомии и физиологии. В статье сквозь призму традиционного мировоззрения раскрывается представление о наиболее важных физиологических системах и отдельных органах человека, существующих запретах, связанных с понятием сакрального.

Summary: For studying the features of national consciousness the great value has research of traditional representations about the person, his anatomy and physiology. The article deals with representation about the most important physiological systems and organs of the person existing in prohibitions connected with the concept «sacral». This is done through the prism of traditional outlook.

Ключевые слова: традиционное мировоззрение, сакральный, репродуктивная система, кровеносная система, табуированное поведение.

Key words: traditional outlook, sacral, reproductive system, circulatory system, prohibited behaviour (under the tabu).

При изучении особенностей национального сознания большое значение имеет исследование традиционных представлений о человеке, его анатомии и физиологии, специфике перевода им всех образов в зрительные схемы. Репродуктивная система, как ни одна другая, раскрыта традиционным мировоззрением более подробно и содержит значительное количество мифологических сюжетов, дающих представление о специфике этнического мировосприятия.

В архаическом сознании мир, окружавший человека, – всегда результат творения сверхъестественных существ, главным из которых для хантов является небесное божество *Нуми-Торум*, а для ненцев – *Нум вэ'ку*. В мифологической традиции именно они создали Вселенную, Землю и Человека. На этот счёт у хантов и ненцев существует несколько версий, которые отличаются по форме, сохраняя единое содержание. По одним из них *Торум* жил в море и создал Землю из щепотки грунта, которую достала со дна моря гагара. Затем Земля выросла, а *Торум*, заселив её людьми и животными, поднялся в небо. Другой вариант гласит, что *Торум* изначально жил на небе. От женщины, появившейся из упавшей капли, у него родился сын, который, получив горсть земли у старика, жившего выше *Торума*, бросил её вниз и таким образом создал Землю, а затем и людей [1, 12]. В хантыйской мифологии имеются упоминания о происхождении людей от рыбы (ногти – оставшаяся чешуя), от птиц, и поэтому древний человек с момента появления был крылатым. По другим версиям его либо произвели Солнце и Луна, либо сотворил *Торум* из своей слюны, глины и берёзовых веток [2, 86]. Как видим, в мифологической традиции человек в изначальные времена был «сделан» из природного материала, скреплённого слюной *Торума*, что и дало начало его телесно-психологической организации. Похожие представления бытуют и в фольклоре лесных ненцев.

Салымские ханты считали, что детей посылает *Торум*, а принимает *Пуклан-анки* «Пуповая бабка», которая обрезает послед. Особый статус *эныхку* 'пупка' прослеживается в легенде аганских хантов о «Вверх ушедшем человеке». В ней упоминаются *пуклың дых ях* 'без пупка люди' («чистые люди»). Они уподобляются бессмертным богам. Считаем важным от-

метить, что в селькупском пантеоне содержится полузабытый образ мифического чудовища Пюневальде или Пюнеуальде – «Каменного убийцы» (*пу, рун* ‘камень’, *yal de* ‘умерщвляющий’). Его ещё называют *Уалле-кум* ‘Убийца-человек’. Главным отличием его от всех богов и людей было отсутствие у него *шонь* ‘пупа’ и *парге* ‘утробы’. Не имея внутренностей и пуповины, Пюневальде был лишен и источника жизни [3, 167-168].

К пупку (последу) в хантыйско-ненецкой традиции отношение особое. На р. Аган засохший пупок помещали в *пуклун кырых* или *амп лагол* ‘пуповины мешок’, который крепился спереди детской колыбели. Для этих же целей изготавливалась берестяная куженька для последа с пупком, которая вешалась на берёзу. Наличие пупка, как порождающей функции земли, утверждало глобальную идею земного происхождения человека. Вообще же у хантов появление ребёнка объяснялось милостью богини-жизнеподательницы *Анки-Пугос, Калтац*, а у лесных ненцев – *Яката-пуус’я*. М. А. Зенько отмечает, что этот персонаж явно связывается с землёй (*Яката*: букв.: Земли бабушка) [4, 176]. Согласно ряду версий, она находится в чреве у каждой женщины и является «настоящей» матерью всех детей данной женщины. В этой связи утроба будущей роженицы рассматривалась лишь как местонахождение плода. С подобными представлениями известные этнографы связывают тот факт, что «отсутствие детей или рождение уродов ханты не связывали с женщиной; виновной всегда признавалась женщина, которой *Анки-Пугос* по каким-то причинам не давала детей или наказывала рождением уродов» [5, 150]. Связь рождения с потусторонним миром прослеживается в лексике юганских хантов. «Родиться» *сэма питты* означает ‘плод (зародыш) выпал’, т.е. новорожденного не относили к миру людей [6, 218].

Особенно отчётливо в поздней мифоритуальной традиции акцентировались порождающие функции земли. Рождение человека из земного лона находит соответствия в лексике и обрядовой практике западносибирских народов. Как известно, имя божества – покровителя деторождения *Анки-Пугос* – означает ещё и «послед», и «детское место», и «утроба», как женский половой орган (дословно: унавоженная, плодородная земля). Отметим, что с понятием «чёрный», «тёмный» соотносится беременность женщины. Про ребёнка, который родился после смерти отца, говорят: *патлам хотн хацт* – ‘в тёмном доме оставшийся ребёнок’ или *патлам хот элты ехтам* ‘тёмного дома пришедший ребёнок’ [7, 198]. Трагедией считалось бесплодие женщины. Во время свадебного обряда молодым желали, прежде всего, плодовитости – *тю ар велинг нэ мырем энымтытнэ ас пачамнэ* ‘как большое стадо оленей плодитесь и растите’. Нерожавшая женщина – хабтарка (по аналогии с нерожавшей важенькой) – в ненецкой семье уважением не пользовалась; если первая жена долго не могла забеременеть, необходимо было покупать вторую. Женщина всегда оценивалась в зависимости от конкретной социальной роли, поэтому в отношении к ней подчёркивались плодовитость и материнство. Одно из ненецких предостережений запрещает срывать двуглазую морошку – женишься, а детей не будет [8, 13].

Одним из самых сакральных и этически скрываемых частей традиционного мировоззрения является половой акт (*х., нун лел’яхль* ‘женский половой орган ест, гуляет’, м., *тай хатей* ‘друг друга едят’). Соотношение полового акта с приёмом пищи, вероятнее всего, связано с тем, что оба акта – совокупление и приём пищи – направлены на продолжение жизни; без пищи наступает смерть человека, без «кормления» полового органа женщины не происходит воспроизводство рода. Ещё В. Я. Пропп отмечал, что «общность еды создаёт общность рода». Возможно, поэтому в якутских семьях XVIII в. ребёнок, отданный в другую семью, назывался «вскормленник» [9, 296]. В эпоху племенного строя люди столь последовательно придерживались концепции родства по кормлению, что говорили о кормлении ребёнка ещё до появления его на свет: муж якобы кормит зародыш своей спермой, а жена – грудным молоком, которое в этот период, как полагают, течёт внутрь. На этой почве возникает параллелизм пищевого и эротического кодов – одним и тем же словом обозначаются два совершенно разных понятия: «совокупляться» и «кормить» [10, 86].

Похожи оба акта и в том смысле, что как съедаемая пища становится частью самого человека, так и в половом акте женщина становится частью мужчины. И ещё одно замечание.

При совокуплении число душ становится равным 9 (пять мужских и четыре женских). Девятка – число, означающее завершенность, где мужское и женское начала трактуются скорее как взаимодополняемые, чем как конфликтные. С этим связано и строго соблюдаемое правило избегания браков между близкими родственниками. Такой брак вредно сказывался на зародыше – считалось, что его при этом кормят очень плохой пищей.

Менструация (менархе) являлась символом полового созревания девочки. У шурышкарских хантов про девочку, которая стала девушкой, женщиной говорили: *урты нуйн ворңа нэңан туса* ‘красного сукна ей (девочке) ворона принесла’ [11, 148]. У ненцев с первой менструацией (*ирийтана* ‘месячные’) девочка переходит черту детства. С этого периода она уже не является *няро* сакрально ‘чистой’, а становится *сямэй* ‘нечистой’, ‘грешной’.

Широко известно, что у обских угров существовали достаточно строгие репродуктивные табу, регулирующие отношения полов и поведение женщины во время месячных очищений, беременности и в послеродовой период. При описании жизни обско-угорских народов всеми авторами отмечается практически полная изоляция женщины от контакта с внешним миром, особенно в менструальный (*щёмма*) и послеродовой периоды. С этого момента на неё налагался ряд запретов: она не могла свободно передвигаться по дому и вне жилища, её одежда отделялась от мужской и детской, постель выдвигалась чуть ли не к порогу. В самом названии менструального периода у хантов – *ов усиль* ‘около дверей’, *ова йис* ‘к двери пришедшая’ или *ким хот* ‘вне дома’, как раз подчёркивается место женщины на пороге у двери – на границе двух миров: своего мира (среднего) и чужого (нижнего). Очищение женщины после менструации соответствует понятию “зайти” в помещение *лонгатманса* (от *лонг ты* ‘войти’ в дверь). Только после очищения женщина из сакрально «нечистой» становилась «чистой» (*сыстам*) [12, 142] и возвращалась к общему очагу, после чего возобновлялись и сексуальные контакты.

Пытаясь осмыслить физиологию, механизмы развития и роста человека, традиционное сознание выходило за рамки сугубо рациональных знаний. При этом, как правило, происходила абсолютизация какого-либо органа, надделение его максимумом свойств и качеств. Таким органом сердечнососудистой системы в традиционной культуре хантов и лесных ненцев являлось сердце. Благодаря ряду своих естественных качеств, истолкованных традиционным мировоззрением в русле общей концепции жизни, сердце воспринималось как центр организма, его жизненная сила. Не случайно у хантов богатыри иногда съедали сердца своих побеждённых врагов, чтобы их сила перешла к ним. В сказаниях васюганских хантов победитель вырывает у поверженного врага «пахнущее рыбой, много рыбы съевшее сердце, разрезает его на три части и съедает» [13, 100-101].

В перечне ангионимических названий, обозначающих кровеносную систему, хантыйское *сам* и ненецкое *шей* ‘сердце’ воспринималось не только в значении органа человеческого тела, но и как ‘жизненная сила’, ‘мужество’, ‘риск’. С понятием сердце/душа связана сфера душевных переживаний и моральных качеств: ‘переживать’ (шур. х., *самем хоцц*, букв.: сердце болит, испугаться; *самем аматас*, букв.: сердце ушло), ‘восторгаться’ (приур. х., *самем амтас*, букв.: (моё) сердце радуется). У бессердечного человека ‘сердце бесчувственное’ (шур.х., *самцаццды*), ‘железное сердце’ (сев.х., *курты сам*), у храброго – ‘сердце крепкое’ (л.н., *шейта мыттю*), а у трусливого – ‘сердце тонкое’ (л.н., *шейта тятта*).

Через фразеологические единицы, включающие компонент *сам* ‘сердце’ передаются образы человека, связанные с деятельностью. М. Е. Серашова приводит примеры из приуральского диалекта хантыйского языка деятельного, усидчивого человека, как *самл понман рупитл* ‘сердце своё положив работает’, *самл-номсал ант мостыт* ‘не любимый’ ‘сердцу-мыслям ненужный’. Через компонент ‘сердце’ выражаются эмоции человека, например: *есак хатлыи самем манас* ‘испытать сильный испуг’ (‘о божий день сердце ушло’), *самем турэм-на ёхтас* ‘сильное волнение’ (‘сердце моё в горло пришло’) [14, 66-67]. Добросердечный человек считался с открытым сердцем (сев.х., *самаң нэпхуй*, букв.: с сердцем человек), жестокий – ‘без сердца, без печени’ (шур.х., *самды-мохалды*), чёрствый – ‘сердце засохло’ (сев.х., *самем сакас*). Такое же переносно-образное значение присутствует в определении насекомо-

го (сев.х., *самлы-мохаллы войат*), буквально ‘без сердца – без печени звери’. Здесь, возможно, отразилось представление хантов (и ненцев) о тождественности этих органов.

Характеристика психологических состояний различной эмоциональной окраски передаётся в хантыйском языке приуральского диалекта фразеологической серией: волнение – ‘моё сердце совсем в горло пришло’ (сев.х., *есак хатлыи самем манас*); сильный испуг – ‘сердце шумит’ (сев.х., *самем хоплалтыыл*); тревожиться – ‘(моё) сердце переживает’ (сев.х., *самем хосыйл*). Хантыйское выражение *т’уты мӓ лохӓпа л’охӓлӓм* ‘верхушку сердца ищет’ использовалось в значении «потеряла что-то значимое, существенное, ценное» [15; 72, 134], а *сама рахты* «понравиться» буквально означало ‘сердцу подходить’. Компонент ‘сердце’ активно употребляется при отражении пространственных характеристик: ‘левая сторона’ (приур.х., *самаң пелкем*, букв.: сердечная сторона).

Коренные народы Севера имели отчётливое представление о том, что работа сердца заключалась в проталкивании крови по кровеносным сосудам. Кровь у северных хантов получила название *ур*, у ненцев – *кэм*. Иносказательное название крови как *кады* объясняется через свойство краски – ‘яркий, красный’. *Кадыин эталтыса* означало, что ‘его ему/ей показал некто кровь’ (то есть с точки зрения хантов её/его наказали духи за какую-то провинность и за это кровь выступила из организма через нос, рот или другие органы) [16, 199].

Сердце для человека имело жизненно важное значение. Ханты и ненцы, хорошо знакомые с практической анатомией, не могли не заметить и особой уязвимости сердца, обусловленные физиологическими ощущениями: тахикардия – *самем ал тарыйл* ‘сердце трясётся’, инфаркт – *самал нюр похас* ‘(его) сердце окончательно разорвалось’, колики – *самем поткам хорти* (букв.: сердце кольнуло как будто).

Нервная система – самая важная и сложная система человеческого организма. Она регулирует деятельность всех органов с целью обеспечения их функционального единства и связи организма как единого целого с окружающей средой. Глаз (х., *сэм*; н., *хэм*) – это не что иное, как отдел центральной нервной системы, вынесенный на периферию. Глаз (глазное яблоко), имеет выраженную шаровидную форму и помещается в костной воронке – глазнице. Заметим, что слово «глаз» в значении «орган зрения» существует только в русском языке. Первоначальное же значение – «шарик, кругляш» – сохраняется в польском *glaz* – «валун, скала, камень» [17, 410]. Может быть поэтому сравнение глаза с камнем – распространённая метафора. У северных хантов глазное яблоко получило название *сэм кев* ‘глазной камень’, у ваховских хантов выражение *кӓх сем* ‘каменные глаза’ означает бисер. В шурышкарском диалекте хантыйского языка компонент *сэм* присутствует в таком новом для хантов понятии, как *сэмаң лант* ‘мука с глазами’ (каша) [18], *холан сэм* ‘сети глаз’ (ячей сети). Зрение (глаза) и слух (уши) наделялись известной автономией. Про человека, который ничего не видел и не слышал, аганские ханты говорят: *Кавой-хаэмай мал* ‘Уши-глаза закрыты’. Такое выражение ещё могло означать потерю сознания.

Глаза считались проводниками в мир умерших. Поэтому покойнику на глаза клали монеты. Если этого не сделать, то умерший мог не найти («не увидеть») дорогу в загробный мир и навлечь близкую смерть кого-либо из родственников.

Важным органом нервной системы являлось ухо (аг.х., *пад*; л.н., *ка*). Тундровые ненцы считали, что звон в ушах (звуковые волны, возникающие при колебании молекул воздуха) – это *хальмер сенга* ‘звон колокольчика покойника’. В этом случае говорят: *нярава едни сима нгэсонд нидм’ тут* ‘пока не продырявится мой медный котёл, я не приду к тебе’ [19, 134]. Считалось, что колокольчик обеспечивал связь с Нижним миром. Этим объясняется обычай перед уходом с кладбища трижды обходить по часовой стрелке захоронение, и ударять в колокольчик.

Важное значение для человека традиционной культуры имеет чувство обоняния. Восприятие запахов увеличивает объём информации об окружающем мире, воспринимаемой человеком. Оно предупреждает человека об опасности и даёт ему ценную информацию об окружающем мире. Запах *ме’ша* по-ненецки переводится как ‘ветер’. К хорошим запахам для

человека традиционной культуры относятся: берёзовый *куйку ме'ша*, сосновый *текуша ме'ша*, кедровый *тытың ме'ша*, запах мяса *ңамсати* 'мясом пахнет' (в значении «вкусно») [ПМА, пос. Варьёган. 1998]. К плохим запахам *хуйти* лесные ненцы относят запах гниющей воды *нёл ме'ша* 'зелени запах'. Следует отметить, что различали ненцы и оттенки запаха снега *хылан ме'ша*: *выхид ме'ша* 'вешней воды запах', *шамт-хыда* 'копоть-снег' и др.

Ощущение запаха, как и наличие зрения, для хантов и ненцев были характерными признаками человека в отличие от существ иного мира. Запах был своеобразной визитной карточкой живых существ. Согласно фольклору, по запаху опознавали обитателей иных миров. Способность тонко обонять приравнивалась к видению невидимого. Этими качествами наделялась собака, способная своим лаем предупреждать человека о приближении существ иного мира.

Одним из основных видов ощущений является осязание. Оно даёт возможность человеку определить наличие предмета, его форму, размеры, температуру, влажность, характер поверхности (гладкая, шероховатая и т. д.), помогает ориентироваться в темноте. Несмотря на наличие данных ощущений нередко среди хантов и ненцев были обморожения до коросты. В языке отразились ряд названий подобных ситуаций: обморозить (х., *ильпэхвы*), замёрзла (л.н., *путь*), заморозил (л.н., *ша'ай кынивчем*, букв.: лицо застудил). В этих случаях тёрли повреждённые места медвежьим, рыбьим или другим жиром. Обморожение, как серьёзное повреждение, нашло закрепление и в фольклоре. Считалось, что нужно загадывать парное число загадок, ибо как пойдёшь на охоту, то отморозишь большой палец ноги (Сопочин Е. И., *стойбище на оз. Хаплиута*. 1993).

Речь является одним из самых сложных и тонких процессов, которые приходится осуществлять организму человека. Человек воспринимает предметы и явления окружающего мира как непосредственно, с помощью органов чувств, так и отвлечённо, с помощью системы символов (слов, кодов), обозначающих и отражающих признаки, действия, отношения предметов и явлений. Благодаря словесной сигнализации человек может воспринимать действительность отвлечённо, мысленно, обменивается информацией, накапливает её в процессе речи и речевого кодирования и т. п.

Произнесение речевых звуков – артикуляция – осуществляется благодаря согласованной деятельности мышц языка, губ, мягкого нёба, глотки, гортани, дыхательной мускулатуры, составляющих в совокупности так называемый речедвигательный аппарат, обеспечивающий звуковую организацию речи. В гортани – 'горла комель' (вах.х., *шоң паха*, от *шо* 'место, где проходит пища') – находятся голосовые связки, колебание которых рождает речь. Воспринимая человека как целостность, традиционное сознание наделяло рот некоторой автономией. В ненецком языке для скрытого, неразговорчивого человека существует определение *нянташи тикку* 'рта не имеющий' (от *няң ши* 'рта дыра'). Подобный фразеологизм отразил представление о независимом, самостоятельном функционировании речевого аппарата.

Среди физиологических систем человека органам пищеварения отведено немало места в традиционном мировоззрении. Важным органом пищеварения являлся желудок. Он представлял собой мышечный мешок, расположенный в верхней части брюшной полости и выполнял роль резервуара для пищи. В ненецком языке для его определения существует общесистемное название *мынчи* 'живот' или *нян-ку* 'утроба-мешок'. О чувстве голода ненцы скажут: *нянкой конаку* 'утроба-мешок пустой', в отличие от чувства насыщения – *мынчи канты* 'живот полный'. Ханты, для описания хорошего аппетита, используют целое выражение: *лэты яньсыты саманг* (досл.: сердце кушает и пьёт).

Печень – самый крупный орган человека. Болезни печени остаются актуальной проблемой для коренных северян, о чём свидетельствует значительное число народных рецептов по лечению болезней печени, в частности, вирусного гепатита. К примеру, ханты при желтухе применяют высушенную желчь шуки, измельчённую в порошок с добавлением спирта. Используется и так называемая *сорт калы* 'щучья кровь' (две красные полоски под воздушным пузырьём).

Среди органов выделительной системы традиционным мировоззрением акцентируется значение мочевого пузыря (*хыпутяма*) и кишечника, которые участвуют в выведении остатков

пищи из организма. Заметим, что одно из определений мужчины у лесных ненцев – *пимна тятылдта* ‘на улицу ходящий’ – использовалось в качестве синонима «сходить в туалет». Другой ненецкий глагол *тюлкулдтаиш* кроме зафиксированного в словарях значения ‘вставать, подниматься, просыпаться’ имеет также значение ‘оправляться’ [20, 113].

Этот далеко не полный перечень физиологических систем человека показывает, что он стремился познавать мир, сравнивая с ним самого себя как реальность. Тело человека оказалось максимально доступным для познания и представлялось той границей, где переплеталось природное со знаковым, где происходило «углубление тела в свои собственные бездны», где человека с миром природы связывали многочисленные (реальные, так и иллюзорные) «нити». «Именно на пересечении этих связей отчетливее всего вырисовывается феномен человека» [21, 3]. Внимание человека всегда было приковано к наиболее важным составляющим бытия, таким, например, как тайна рождения. В мифологической традиции человек изначально был сотворён из природного материала (глина, берёзовые ветки), скреплённого слюной Торума и вдохнувшего в него жизнь-дыхание. Особенно отчётливо акцентируется порождающая функция земли. Рождение человека из лона земли находит отражение в представлениях лесных ненцев о появлении детей из увлажнённой ямки под очажным листом чума.

Рассматривая человека как целостность, традиционное сознание наделяло его жизненно важные органы некоторой автономией. К таким органам принадлежали глаза, рот, печень, сердце. Сердце воспринималось не только как центр организма, но и в качестве основы проявления таких душевных состояний, как гнев, радость, а также моральных качеств, например, жадность, трусость, жестокость, доброта и др. В воспроизводстве и развитии тело человека не только не поглощало специфику человеческой природы, но само наполнялось ею в процессе своего взаимодействия с другими элементами человеческой природы. Таким образом видно, что в национальной культуре обских угров и самодийцев существует множество маркеров, позволяющих не только описать самого человека, но и приблизить нас к пониманию концепции живого в традиционной культуре коренных народов Севера.

Литература

1. Зенько А. П. Представление о сверхъестественных существах в традиционном мировоззрении обских угров. М., 1997. 160 с.
2. Мифология хантов. Энциклопедия уральских мифологий. Т. III. Томск, 2000. 310 с.
3. Пелих Г. И. Пюневальде (из истории селькупской мифологии // Материалы межрегионального совещания по проблемам развития культуры малочисленных народов Севера. Томск, 1996. С. 167-168.
4. Зенько-Немчинова М. А. Лесные ненцы: Историко-этнографические очерки. Екатеринбург, 2006. 272 с.: ил.
5. Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Васюганско-ваховские ханты. Томск, 1977. 226 с.
6. Ильина И. В., Мартынова Е. П. Ребёнок в традиционной культуре юганских хантов // Народы Сибири. М., 1997. Кн. 3. С. 216-229. (СЭС. № 8).
7. Талигина Н. М. Цветовая классификация у хантов // Обские угры. Материалы II-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск-Омск, 1999. С. 197-199.
8. Вэлла Ю. Азбука оленевода. Нижневартовск-СПб., 2005. 44 с.
9. Пропп В. Я. Исторические корни русской волшебной сказки. Л., 1946. С. 296.
10. Бутинов Н. А. Экзогенное родство // АР. Вып. 4. СПб., 1999. 78-103 с.
11. Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энты. Нганасаны. Кеты. М.: Наука, 2005. 805 с.
12. Там же. Стр. 142.
13. Серасхова Е. М. Структурно-грамматическая характеристика спланхнонимических фразеологизмов с компонентом «сердце» в хантыйском языке (приуральский диалект) // Материалы IV молодёжной региональной научно-практической конференции «Языки, история и культура народов Югры». Ханты-Мансийск: ОАО «Информационно-издательский центр», 2009. С. 98-102.
14. Патканов С. Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. СПб., 1891. 75 с.

15. Ал'вы. Альвали / сост. и пер. Л. Е. Куниной. Томск, 2005. 144 с.
16. Талигина Н. М. Цветовая классификация у хантов // Обские угры. Материалы II-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск-Омск, 1999. С. 197-199.
17. Гаврилов В. В. Развитие понятия «глаза» в канонических Евангелиях // Роль, основные направления и уровни взаимодействия общества и церкви в сохранении и развитии национальных, культурных традиций России. Ханты-Мансийск, 2004. 409-413 с.
18. Молданова Т. А. Символическая функция камня в культуре хантов // Природные богатства Югры в легендах, мифах и сказках обских угров. Ханты-Мансийск, 2005. С. 27-40; Серасхова Е. М. Лексико-семантическая специфика наименований пищи в шурышкарском и приуральском диалектах // Материалы II научно-практической конференции студентов и аспирантов Института языка, истории и культуры народов Югры. Ханты-Мансийск, 2006. С. 52-56.
19. Харючи Г. П. Традиции и новации в культуре ненецкого этноса. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. 228 с.
20. Буркова С. И. Аналитические формы сказуемого с модальным значением в текстах на лесном диалекте ненецкого языка // Уральские языки севера Сибири. Вып. № 6 (58). Салехард, 2008. С. 104-138.
21. Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989. 243 с.

Т. В. Ткачева

Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск

Дискуссия в Конгрессе США по вопросу местоположения Межокеанского канала в 1902 г.

The Discussion in the US Congress on the Question of Choosing the Location of the Interoceanic Canal (1902)

УДК 327

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению дискуссии в конгрессе США по вопросу выбора местоположения межookeанского канала в начале XX века. В результате обсуждения был принят билль Спунера (1902). Конгресс одобрил Панамский маршрут и покупку собственности французской компании за 40 млн. долларов.

Summary: The article is devoted to the analysis of debates in US Congress on the question of choosing the location of the Interoceanic Canal at the beginning of the 20th century. The results of the discussion was the adoption of the Spooner Bill (1902). The Congress approved the Panama route and the purchase of the French company for \$40 million.

Ключевые слова: внешняя политика, межookeанский канал, Никарагуанский канал, Панамский канал, Республиканская партия, Т. Рузвельт.

Key words: foreign policy, interoceanic canal, Nicaragua canal, Panama canal, Republican party, T. Roosevelt.

В последние десятилетия XIX века бурный рост экономического потенциала превратил Соединенные Штаты в одну из наиболее индустриально развитых стран мира. Это усилило стремление правящих кругов американского государства к активизации внешнеполитической экспансии, к завоеванию внешних рынков сбыта товаров и сфер приложения капитала. Поэтому важнейшей задачей для США стало сооружение межookeанского канала и установление единоличного контроля над ним. Главным в дискуссии по проблеме межookeанского канала в начале XX века являлся выбор его наилучшего местоположения, учитывая, что полемика основном шла вокруг двух проектов канала – никарагуанского и панамского. В задачу данной статьи входит рассмотрение хода борьбы лоббистских группировок в конгрессе США, а также выявление причин, повлиявших на принятие в 1902 г. билля Спунера в пользу панамского маршрута.

По решению конгресса США в 1899 г. для определения наиболее подходящего маршрута были назначена очередная комиссия во главе с адмиралом Д. Уолкером. В предварительном докладе 1900 г. комиссия пришла к следующим выводам: 1) стоимость строительства никарагуанского канала будет на 58 млн. долл. больше, чем стоимость работ по завершению Панамского канала; 2) в случае продажи собственности французской компании Панамского канала, общая стоимость канала не будет меньше стоимости никарагуанского; 3) в техническом плане проект Панамского канала более выполним по сравнению с Никарагуанским, но правительство Колумбии могло лишь подтвердить наличие необходимых прав у французской компании, так как именно она являлась обладательницей концессии на такое строительство. При этом правительства Никарагуа и Коста-Рики не связаны концессиями и могли предоставить Соединенным Штатам взаимно согласованные привилегии. В результате комиссия высказалась за никарагуанский путь как наиболее приемлемый в этих обстоятельствах [1, 43-44].

Нельзя сказать, что выводы комиссии напрямую были связаны с задачей оказания давления на французскую Новую компанию Панамского канала. Однако следует предположить, что выводы комиссии заставили задуматься Новую компанию и ее американских сторонников.

По мнению американских историков, только к 1901 г. началась так называемая «борьба маршрутов», нашедшая отражение в разногласиях между сенатором Д. Морганом от штата Алабама и председателем Национального комитета Республиканской партии, сенатором от штата Огайо М. Ханной [2, 107]. В выступлении сенатора Д. Моргана от 6 марта 1901 г., представлявшего в Сенате сторонников никарагуанского направления, было заявлено, что к данному моменту у Соединенных Штатов отсутствуют какие-либо договоренности на постройку канала за исключением соглашений с Коста-Рикой и Никарагуа, готовых предоставить Соединенным Штатам право на строительство канала на перешейке. При этом Морган считал, что обсуждение американским правительством панамского проекта нанесет оскорбление правительству Франции. Поэтому, пока по дипломатическим каналам не начнутся переговоры с Францией о приобретении прав на канал (каковых вообще не было), то и решение вопроса становится очевидным: США имеют полное право построить канал на никарагуанском направлении согласно подписанным в декабре 1900 г. протокольным соглашениям, и в соответствии с которыми была организована Никарагуанская компания Морского канала на деньги частных инвесторов США [1, 14].

Одним из главных препятствий для сторонников панамского лобби в конгрессе было то, что условия концессии французской компании запрещали продажу ее собственности без согласия Колумбии. Поэтому весной 1901 г. французская компания добилась разрешения от колумбийского правительства на продажу концессии Соединенным Штатам, и единственным неурегулированным вопросом оставался вопрос о цене.

2 октября 1901 г. Новая компания Панамского канала предложила оценить собственность компании в 109 141 500 долл., оговорив сразу, что она не является окончательной. Тем не менее, комиссия Д. Уолкера рассматривала эту сумму как предложение о покупке. 16 ноября 1901 г. комиссия межокеанского канала представила президенту свой окончательный отчет, в котором пришла к выводу, что оценочная стоимость канала в Никарагуа составляет 189 864 062 долл., в Панаме – 144 233 358 долл. [3, 263].

При этом учитывалась стоимость концессии и неоконченных работ французской компании, которые по оценке комиссии не превышали 40 млн. долл., но исходя из цены, которую предложила сама компания, стоимость строительства Панамского канала возрастала до 253 374 858 долларов. Поэтому комиссия опять сделала вывод, что наиболее достижимым маршрутом канала является никарагуанский [4, 62]. В отчете также отмечалось, что выбор в пользу Никарагуа был сделан, главным образом, из-за неудачи переговоров с французской компанией. Прессой, однако, утверждалось существование у комиссии второго доклада, подготовленного ее членом Дж. Морисоном на случай соглашения с французами [5, 347].

Как только стало известно о заключении комиссии, сенатор Морган 4 декабря 1901 г. внес в сенат резолюцию, которая обязала правительство США приобрести право на сооружение канала, соединяющего Атлантический океан с Тихим. Однако законопроект умалчивал, на какой территории будет построен канал. Выражение «канал, соединяющий Атлантический океан с Тихим», могло относиться как к никарагуанскому, так и панамскому направлению.

Вслед за Морганом, 6 декабря 1901 г. конгрессмен Хепберн внес в Палату представителей законопроект о сооружении канала через Никарагуа. Хепберн предложил выделить 180 млн. долл. на сооружение канала в Никарагуа, из них 10 млн. долл. немедленно на начало работ [6, 150-151].

В этой ситуации правительство решило ускорить процесс принятия окончательного решения. 10 декабря 1901 г. США подписали с правительством Никарагуа новый документ – договор Санчеса-Мери. По нему Никарагуа отдавала США навечно право сооружения, владения и эксплуатации судоходного канала в обмен на гарантии «суверенитета, независимости и территориальной целостности республики» [2, 107]. Этот шаг американского конгресса серьезно напугал французскую компанию и послужил причиной изменения ее позиции. За три дня до дебатов М. Бо, новый президент компании, телеграфировал Д. Уолкеру о соглашении компании продать свои права и собственность за 40 млн. долл.

7 января 1902 г. в Палате представителей начались дебаты по биллю Хепберна, которые показали полное преобладание в Палате сторонников никарагуанского маршрута. Все ораторы согласились в том, что канал необходим: 1) для удобства и расширения американской торговли; 2) для прямого управления флотом; 3) для приближения восточных и западных берегов США; 4) для обороны американских островных владений и для удобного доступа к ним; 5) для развития судостроительной промышленности и усиления морской мощи Соединенных Штатов. Отмечалось, что канал свяжет отдаленные районы страны и сделает США едиными [3, 483].

Конгрессмены-южане считали, что приближение морских торговых путей к южным штатам создаст благоприятные условия для быстрого их развития. Также сторонники никарагуанского маршрута призывали правительство «не отклоняться от намеченного курса», потому что Никарагуа всегда была «традиционной» американской линией в противовес французской [3, 482-485].

Важным в обсуждении являлся вопрос о правомочности Новой компании Панамского канала передавать свои права на строительство канала правительству Соединенных Штатов, так как в концессии, составленной республикой Колумбия для этой компании, предусматривалось, что права и привилегии, данные ей, не могут быть переданы какой-либо нации или иностранному правительству. Любая же попытка поступить так будет означать их конфискацию. По утверждению конгрессмена Дэвиса в случае покупки прав компании Панамского канала правительству Соединенных Штатов придется вновь «с нуля» начать переговоры с Колумбией о получении права на строительство Панамского канала, так как прежние права компании аннулируются, а деньги на их приобретение будут затрачены правительством впустую. В этой ситуации для конгрессмена было неясно: сколько будет стоить разрешение Колумбии для Соединенных Штатов и сколько времени потребуется на получение этого разрешения [3, 482]?

Важной причиной, отмечали члены Палаты, побуждающей также принять никарагуанский проект, является расстояние от границ США до канала: Никарагуанский канал на 600 миль ближе к восточной границе, чем Панамский канал, что имеет огромное значение для торговых и военных кораблей [3, 514].

В дискуссии было обращено внимание на обязательства политических партий по вопросу о канале. Отмечалось, что в своих предвыборных платформах 1900 г. обе политические партии выступили за строительство канала, который должен находиться во владении и под контролем правительства Соединенных Штатов [3, 482]. В свою очередь, оппозиция в лице Демократической партии заявила, что считает лицемерным факт наличия в платформе республиканцев пункта о канале на перешейке, несмотря на провал республиканского большинства провести такой билль в конгрессе. Конгрессмен-демократ Симс, критикуя позицию Республиканской партии в этом вопросе, уверял, что партия на самом деле оказалась не в состоянии принять окончательное решение о местоположении канала на перешейке, будь это никарагуанский путь или какой-либо другой [3, 551].

По окончании дискуссии 9 января 1902 г. Палата представителей приняла почти единогласно билль Хепберна (308 против 2) [3, 557]. Почти одновременно М. Ханна выступил в Сенате с предложением отложить слушание билля о Никарагуанском канале до окончательного решения сенатского комитета по межokeанскому каналу и в связи с новой ситуацией в отношении французской компании. 16 января 1902 г. президент Т. Рузвельт созвал комиссию Уолкера для рассмотрения предложения французской компании [2, 107].

20 января 1902 г. комиссия представила дополнительный отчет, в котором комиссия рекомендовала панамский маршрут как «наиболее практичный и приемлемый» для межokeанского канала [3, 681]. Позже сенатор Морган утверждал, что инженер Л. Хаупт, противник панамского проекта, только под нажимом Уолкера проголосовал за Панаму. Оправдывая свой поступок, Хаупт говорил, что вопрос был поставлен так – или Панама, или ничто [7, 2018].

27 января 1902 г. сенатор Спунер представил поправку, фактически отменявшую билль Хепберна и резолюцию Моргана. Поправка санкционировала покупку президентом прав и собственности Панамской компании не более чем за 40 млн. долл., обязывала его гарантировать договором с Колумбией вечный контроль США над полосой земли шириной в 6 миль для постройки, управления и защиты канала с глубиной, позволяющей проход большетоннажным кораблям. Если же президент в приемлемые сроки не сможет прийти к необходимому соглашению с Колумбией и компанией Панамского канала, он должен будет начать переговоры с Никарагуа и Коста-Рикой о прорытии канала через их территорию [8, 1048].

Поправка была отправлена в сенатский комитет по межokeанским каналам, который проголосовал за проведение слушаний по ней до принятия каких-либо решений по межokeанскому каналу. При этом некоторые сенаторы попытались использовать ситуацию для того, чтобы навязать дискуссию вокруг других вариантов постройки канала, в том числе через перешеек Дарьен (сенатор Скотт). Следует предположить, что данные выступления были направлены, с одной стороны, в пику сторонникам никарагуанского проекта, а с другой, это была попытка затянуть обсуждение и отложить принятие окончательного варианта до выборов президента.

Немаловажную роль в обсуждении трассы будущего межokeанского канала играл климатический фактор и связанный с ним вопрос об обеспечении санитарных условий в зоне канала. К возражениям против панамского пути добавлялись наличие малярийного климата, трудность прокладки водотока и недостаток регулярного водоснабжения, опасность наводнений реки Чагрес.

В выступлении сенатора Моргана от 17 апреля 1902 г. отмечалось, что с технической точки зрения, среди гражданских инженеров, проводивших обследование никарагуанского пути, не существует разногласий в отношении практичности и возможности построения судоходного канала от Грейтауна до Брито. Единственным препятствием на пути реализации никарагуанского проекта является вопрос денег. Утверждение о слишком большой стоимости сооружения и поддержки Никарагуанского канала в сравнении с Панамским, Морган считал несостоятельным. Он полагал, что эта сумма окажется небольшой и не составит даже половины суммы, потраченной США за последние двадцать пять лет на описание маршрутов, а также 1/5 суммы, использованной на кубинскую независимость, и 1/30 части, вложенной в трансконтинентальные железные дороги [9, 4286-4290].

В случае же выбора панамского варианта, утверждал Морган, Соединенные Штаты столкнутся с проблемой обеспечения безопасности в зоне канала, в частности, необходимостью установления полицейской юрисдикции и контроля заливов Колона, Панамы и соответствующих городов для обеспечения санитарных условий и мира на перешейке.

Важным для рассматриваемой проблемы сенатор считал вопрос о взаимоотношениях США и Колумбии. По его мнению, с 1846 г. США выполняли договорные обязательства по обеспечению суверенитета Колумбии над Панамой. Попытки же Колумбии привлечь к этому Великобританию и Францию были заблокированы Соединенными Штатами по причине угрозы принципам доктрины Монро. Впоследствии, по утверждению Моргана, ценность самого договора оказалась несравнимой с тем бременем, которое взвалили Соединенные Штаты на себя по этому договору, так как выполнение обязательств стало для США источником постоянных расходов, беспокойства и тревоги: положение из года в год ухудшалось из-за постоянных волнений на перешейке и выступлений сепаратистов. Периодические восстания последних лет на перешейке, с точки зрения сенатора, еще раз показали отсутствие патриотических чувств у населения Панамы в отношении Колумбии. Поэтому, помогая Колумбии удерживать Панаму, США навлекают на себя естественное негодование со стороны людей, живущих в пределах намечаемой зоны канала [9, 4298].

В выступлении М. Ханна 5 июня 1902 г. были определены следующие преимущества панамского маршрута: 1) панамская трасса – самый короткий и прямой путь по сравнению с никарагуанским; 2) прохождение через Панамский перешеек займет около 12 часов, через Никарагуа – 33 часа; 3) количество шлюзов в первом случае будет предположительно от 5 до

8 с сохранением возможности переоборудовать канал в бесшлюзовый, в Никарагуа такой вариант даже не может быть предметом обсуждения; 4) на панамской трассе уже сейчас действуют порты Колон и Панама, тогда как Грейтаун и Брито еще предстоит построить; 5) Панамский канал пройдет через область со следами цивилизации, тогда как строителей в Никарагуа ждут дикие места, куда еще не ступала нога человека; 6) продажная цена прав и собственности снижена французской компанией до 40 млн. долл.; 7) эксплуатация Панамского канала должна стоить значительно дешевле, чем Никарагуанского [10, 319-322].

В качестве аргумента против Никарагуа использовалось утверждение о наличии там постоянной вулканической деятельности, что могло создать угрозу безопасности будущего канала. Основанием для такого утверждения являлось извержение вулкана Момотомбо 14 мая 1902 г. в Никарагуа. Никарагуанское правительство выступило с протестом против таких заявлений, но это не повлияло на исход голосования.

19 июня 1902 г. поправка Спунера была принята Сенатом большинством в 42 голоса против 34 в первой баллотировке и 67 голосами против 6 во второй [11, 2].

Для согласования мнения Сената и Палаты представителей решено было созвать совещание с представителями от двух палат конгресса. Сторонников никарагуанского проекта на этом совещании представлял сенатор Морган. От пропанамской группировки в обсуждении участвовали сенаторы Ханна и Китредж. В действительности совещание оказалось формальностью, так как Палата представителей заявила, что готова принять предпочитаемый Сенатом проект проведения канала через Панаму с условием, что он должен быть исключительно американским [12, 434]. Американская печать с удивлением отметила, что даже такие ярые сторонники никарагуанского варианта как Морган и Хит не проявляли прежней активности в отстаивании своего проекта. Более того, сенатор Морган выступил с заявлением, что он настаивал на проведении канала через Никарагуа, так как считал это направление лучшим, однако он остается несогласным и с панамским проектом: «Нам, американцам, прежде всего, нужен канал, вопрос же о его направлении есть вопрос второстепенный, хотя мне кажется, что американский народ предпочел бы Никарагуанский канал» [13, 2]. В результате Палата представителей проголосовала 259 голосами против 8 за билль. 28 июня 1902 г. президент Т. Рузвельт утвердил решение конгресса [10, 328]. Только после голосования в кулуарах стали говорить о президентском нажиме на комиссию Д. Уолкера. Сенатор Морган в 1903 г. в письме редактору «Луисвилл Курьер Джорнел» Г. Ваттерсону писал о «серых волках» в Сенате, которые добивались голосов сенаторов. Он указывал, что сенатор Р. Петигру предложил сенатору Ф. Дюбойсу от Айдахо 10 тыс. долл. за его голос, а Ханна обещал сенатору Харрису место в комитете, если он проголосует за Панаму [5, 363].

Таким образом, билль Спунера впервые закрепил право самих Соединенных Штатов, а не частных лиц строить канал. Для Соединенных Штатов билль имел большое значение по нескольким причинам: во-первых, он положил конец дискуссиям о направлении канала; во-вторых, США закрепили за собой монопольное право на постройку межокеанского канала на любой территории и дали понять, что не допустят строительство конкурирующих сооружений где-либо. По словам американского историка Е. Хардинга в результате принятия билля США оказались в блестящем положении использовать интересы одной небольшой страны против другой [14, 16].

По этому поводу возникает несколько вопросов: почему в условиях существования сильной оппозиции в обеих палатах конгресса со стороны сторонников никарагуанского варианта канала голосование по поправке Спунера не выявило больших разногласий? Почему группировка, возглавляемая сенатором Морганом, в основном поддержала билль? По нашему мнению, следует обратить внимание на небольшую заметку, напечатанную в панамской газете «Стар энд Хералд» от 20 марта 1902 г., в которой сообщалось, что никарагуанский министр Кореа и министр Кальво от Коста-Рики представили госдепартаменту США новые условия. В силу изменившихся обстоятельств их правительства объявляли протоколы, заключенные с США для обеспечения им права пути через Никарагуа и Коста-Рику от 1900 г., не вступившими в силу. Никарагуа и Коста-Рика считали, что протоколы были составлены,

когда обсуждался первый договор Хэя-Паунсфота 1900 г., гарантирующий совместный британский и американский контроль над никарагуанским каналом. Подписанный в 1901 г. новый договор с Великобританией предоставлял США исключительный контроль над межокеанским путем через центрально-американский перешеек, и поэтому Никарагуа и Коста-Рика не намеревались распространять условия оригинальных протоколов в отношении любого канала, который может быть построен по условиям второго договора Хэя-Паунсфота [15].

Можно предположить, что принятие конгрессом билля Спунера, фактически было предопределено объективными обстоятельствами, связанными, прежде всего, с позицией Никарагуа по поводу нового статуса межокеанского канала. Кажущаяся альтернатива, которую устанавливал билль в отношении местоположения канала, на самом деле не оставляла свободу действий США. В этих условиях американскому правительству предоставлялся только один вариант – добиться получения права на постройку канала от Колумбии. В худшем случае пришлось бы заново пересматривать положения договора Хэя-Паунсфота 1901 г., чтобы получить согласие Никарагуа на проведение линии канала по ее территории.

Литература

1. U.S. Congress. Congressional Record. Vol. 34. Proceeding and Debates of the 56th Congress. 2nd session. Pt. 1. Wash.: Gov. Print. Off., 1901. 992 p.
2. Bennet I. E. History of the Panama Canal. Its Construction and Builders. Washington, 1915. 543 p.
3. U.S. Congress. Congressional Record. Vol. 35. Proceeding and Debates of the 57th Congress. 1st session. Pt 1. Wash.: Gov. Print. Off., 1902. 1008 p.
4. The Record of American Diplomacy / ed. by R. Bartlett. N.Y., 1950.
5. Ameringer C. D. The Panama Canal Lobby of Philippe Bunau – Varilla and William Nelson Cromwell // The American Historical Review. 1963. Vol. LXVIII . № 2. P. 346-363.
6. Барраль-Монферра. От Монро до Рузвельта (1823-1905). М.-Л., 1925. 204 с.
7. U.S. Congress. Congressional Record. Vol. 38. Proceeding and Debates of the 58th Congress. 2nd session. Pt. 3. Wash.: Gov. Print. Off., 1904. 2017-3024 p.
8. U.S. Congress. Congressional Record. Vol. 35. Proceeding and Debates of the 57th Congress. 1st session. Pt. 2. Wash.: Gov. Print. Off., 1902. 1009-2080 p.
9. U.S. Congress. Congressional Record. Vol. 35. Proceeding and Debates of the 57th Congress. 1st session. Pt. 4. Wash.: Gov. Print. Off., 1902. 3153-4224 p.
10. McCullough D. The Path between the Seas. The Creation of the Panama Canal, 1870 – 1914. New York: Touchstone Book, 1977. 698 p.
11. Новое время. 1902. Июнь, 11.
12. Hacker L., Kendrick B. The United States since 1865. N.Y., 1935. 835 p.
13. Новое время. 1902. Июнь, 12.
14. Harding E. The Untold Story of Panama. New York, 1959.
15. Star and Herald. 1902. March, 20.

Т. Г. Харамзин, В. Т. Харамзин

БУ «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок», г. Ханты-Мансийск

**Социология культуры коренных малочисленных народов севера:
к теории вопроса**

Sociology of culture of radical small people of north: to question theory

УДК 39(=5111);316.7

Аннотация. Рассматривается понятие культуры коренных малочисленных народов Севера, связанная с ориентацией на сакральные или сверхценные идеи, на наследие предков, на религиозно-мифологические представления, освещающие обычаи и образцы поведения, когда над умами людей властвует вера в сверхъестественные силы, которым нельзя не подчиняться, не допускается критическое отношение к множеству правил, норм, запретов, не поддающихся рациональному истолкованию.

Summary. The concept of culture of the radical small people of the North, connected with orientation to sacral or super valuable ideas, to a heritage of ancestors, to the religious-mythological representations shining customs and samples of behaviour when over minds of people the belief in supernatural forces to which should submit dominates is considered, the critical relation to set of rules, norms, the interdiction which are not giving in to rational interpretation is not supposed.

Ключевые слова: традиционная культура, верования, сверхъестественные силы природы.

Keywords: traditional culture, beliefs, supernatural forces of the nature.

При характеристике культуры социальных общностей (в нашем случае – коренные малочисленные народы Севера) авторы используют понятие традиционная культура. Следует отметить, что в современной научной литературе при характеристике культуры социально-этнических сообществ используют и другие определения (этническая культура, архаическая культура, крестьянская культура, примитивная культура, народная культура и др.). Например, под этнической культурой Ю. В. Попков понимает традиционно-бытовые компоненты образа жизни [1, 32]. В энциклопедии Ханты-Мансийского автономного округа этническая культура представлена культурой народа, национальной культурой, традиционной культурой, обогащенной различными национальными символами [2, 97]. Под общественной (общей) народной культурой Г. Науман понимал примитивную, лишенную индивидуальности культуру некоей архаической общности, которая постоянно соприкасается с высокой прогрессивной культурой высших слоев общества, индивидуальной и дифференцированной... [3].

Традиционная культура характеризуется ориентацией на сакральные или сверхценные идеи, на наследие предков. Господствующее место в культуре занимают иррациональные ценности и нормы, сомнения в полезности традиционных форм поведения и хозяйственной деятельности запрещены [4].

Религиозно-мифологические представления, освещающие обычаи и образцы поведения, – необходимый компонент традиционной культуры: когда над умами людей властвует вера в сверхъестественные силы, которым нельзя не подчиняться, не допускается критическое отношение к множеству правил, норм, запретов, имеющих иррациональный характер и не поддающихся рациональному истолкованию [5, 263-264].

З. П. Соколова считает, что традиционная культура – это условное название народа, в т. ч. ханты, манси, ненцев, селькупов. Традиционная культура этих народов тесно связана с традиционными отраслями хозяйства. При этом традиционное хозяйство и материальная культура в значительной степени определяют духовную культуру народа, его религиозные представления и обряды, социальную жизнь. Традиционной культуре соответствуют тради-

ционные социальные отношения, связанные с пережиточными формами первобытно-общинного строя [6, 96-97].

Об устойчивости пережитков говорит и Э. Б. Тайлора, утверждая, что цивилизация народа, у которого обнаруживаются подобные пережитки, является продуктом какого-то более древнего состояния, в котором и следует искать объяснения ставших непонятными обычаев и воззрений. Таким образом, собрания подобных фактов должны служить предметом разработки как рудники исторического знания [7].

Следует отметить, что в основе определения традиционной культуры лежит принцип деятельности. Принцип деятельности был реализован Э. С. Маркаряном: «Человеческая деятельность есть социально направленная активность людей, культура же – способ ее существования». Согласно данному определению элементы культуры выступают в качестве специфических средств человеческой деятельности, выполняющих функции ориентации в окружающей среде и ее освоения, коммуникации, регуляции действий в пределах социального целого и т. д. [8].

Под «традиционной культурой» А. Г. Селезнев понимает ту сферу культуры человечества, которая возникла в рамках и в результате особых, специфических способов человеческой деятельности, а именно: оседло-земледельческой (крестьянской), кочевническо-скотоводческой, охотничье-рыболовческо-собираательской деятельности или в их сочетании». На основании этого, ученый приходит к выводу о том, что традиционная культура – это особый феномен, представляющий самостоятельную часть человеческой культуры в целом [9]. Авторы придерживаются высказанного определения, поскольку являются представителями коренного этноса и имели возможность с самого раннего детства впитывать культуру ханты, манси, ненцев, деятельность которых традиционно связана с оленеводством, охотой, рыболовством, собирательством. Нельзя не согласиться с Э. Л. Львовой, И. В. Октябрьской, А. М. Сагалаевым и М. С. Усмановым, которые отмечают, что «Совсем рядом, но неброско и малозаметно для стороннего наблюдателя творится иная жизнь, в которой любое явление мира, мысль, слово и жест все еще обладают очарованием изначальной сопричастности человека и природы» [10, 5].

Основным свойством культуры является её социальная и территориальная замкнутость, локальность, самодостаточность.

Особенностью традиционной культуры является ее тесная связь с природно-географическими условиями существования: территорией, климатом, природными ресурсами. Изменение природной среды оказывает воздействие на социокультурные процессы. В частности, С. А. Арутюнов отметит, что когда в умеренной зоне Евразии на рубеже голоцена сузилась экологическая база высокоразвитой культуры, основанной на высокоспециализированной охоте на крупных млекопитающих, выход был найден в так называемой неолитической революции, в становлении производящего хозяйства [11]. Д. Д. Андерсон, исследуя «доисторические» модели жизнеобеспечения эскимосов, сделал заключение, что традиционная культура эскимосов явилась результатом их социального и технологического приспособления к крайне суровым условиям существования. Реакцией эскимосов в периоды длительной нехватки природных ресурсов стали глубокие изменения в демографической структуре и в системах жизнеобеспечения, и при возвращении к прежним, более благоприятным природным условиям, они располагали уже новым типом технологии и общественного устройства [12].

Своеобразие природных условий, обусловленная ими комплексность хозяйства и связанный с ними облик культуры позволяет относить аборигенные народы Севера к разным хозяйственно-культурным типам. Их традиционно делят на четыре: 1) оленеводы тундры и лесотундры (ненцы, саамы, оленные чукчи, коряки); в нем выделяется переходный тип оленеводов и охотников тундры и лесотундры (энцы, нганасаны, юкагиры); 2) оленеводы и

охотники тайги (эвены, эвенки, долганы, тофалары, лесные ненцы, северные селькупы, оленые кеты). Здесь выделяются два переходных типа: оленеводов, охотников и рыболовов тайги и лесотундры (северные ханты, манси, ороки, орочи), охотников и рыболовов тайги и лесотундры (удэгейцы, безоленные кеты, юагиры, эвенки); 3) оседлые рыболовы (ханты, манси, селькупы, ительмены, нивхи, ульчи, нанайцы); 4) арктические охотники на морского зверя (береговые чукчи и коряки, эскимосы, алеуты). В хозяйстве преобладает одна или две отрасли, но в целом хозяйство имеет комплексный характер. За последние десятилетия в связи с утратой оленеводства частью населения (кетами, частью хантов, манси, селькупов, ороков, орочей), развитием коллективного хозяйства, появлением новых отраслей (овощеводство, клеточное звероводство), хозяйство аборигенных народов Севера приобрело более комплексный характер.

В начале XIX века А. А. Дунин-Горкавич сделал попытку классификации аборигенов от мест проживания, традиционных форм занятости, материального положения. Он разделил остяков на две группы: одни расселены по реке Оби, в юртах, сгруппированы в небольшие поселки и имеют установившееся, определенное название; другие – по обским притокам, в юртах, разбросанных по одной-две на громадном протяжении этих рек. Вторую группу остяков он разделил на четыре подгруппы:

- 1). Остяки, обитающие ниже Берёзова, являются рыболовами-олeneводцами; оленеводство с избытком обеспечивает им средства передвижения, пищу, одежду и кров.
- 2). Остяки, обитающие в бассейне реки Пима, Тром-Югана, Агана, Назыма и Казыма, а также вогулы, занимаются звероловством, рыболовством и оленеводством. Оленеводство лишь в обрез обеспечивает им средства передвижения, пищу и одежду. Иностранцы, принадлежащие к первой и второй подгруппам, шьют одежду из оленьих шкур.
- 3). Остяки, обитающие в бассейне реки Ваха, находятся в особо неблагоприятных условиях. Единственный объект их промысла – белка. Они очень бедны. Оленеводство не обеспечивает им даже средства передвижения. Одеваются они в оленьи шкуры, но их приходится покупать.
- 4). У остяков, обитающих в бассейне реки Югана оленей меньше, чем у ваховских, но, сравнительно с последними, они народ богатый. Кроме белки, они промышляют соболя, оленя и лося. Одежда их приближается к одежде лошадных остяков, но нередко у них встречается и меховая [13,51-52].

А. В. Головнев выделяет у ханты и манси пять различных типов хозяйственных комплексов:

- 1). таёжный предуральский,
- 2). глубинно-таёжный,
- 3). приречно-таёжный,
- 4). южно-таёжный,
- 5). тундрово-лесотундровый [14, 41].

Традиционное общество является локальным и представляет собой замкнутую экономическую, самостоятельную систему с непрерывным циклом воспроизводства, опирающимся на определенный вид или виды деятельности (олeneводство, рыболовство, охота и т. д.). Являясь автономным образованием, в случае отсутствия социального давления извне эта система стабильна, консервативна, с опорой на традиции. Темпы развития ее медленные, они определяются внутренними социальными взаимодействиями и взаимоотношениями с окружающей природой.

Традиционная культура порождает особый тип ментальности и специфические нормы социальной жизни и поведения. основополагающим свойством традиционной культуры яв-

ляется ее социальная и территориальная замкнутость, самодостаточность, локальность. Традиционная культура функционирует в рамках общин различного типа; родовые и общинные связи свойственны и аборигенным народам Севера. Обмен между общинами первоначально выступал как обмен пищей. По мере укрепления взаимных контактов в обмен включались орудия труда, предметы быта. Аборигенные народы заимствовали друг у друга способы промысловой деятельности, а иногда и комплекс элементов материальной культуры, что существенно влияло на образ их жизни.

Взаимодействие аборигенных народов Севера первоначально имело естественные предпосылки, складывающиеся на основе специфической природной среды обитания каждой из них, которая играла в процессе взаимодействия двоякую роль. С одной стороны, различия представителей отдельных аборигенных народов Севера, обусловленные своеобразием природно-географической среды и проявляющиеся в особенностях хозяйственной деятельности, формируют естественное разделение труда между ними, определяющее необходимость их взаимодействия. С другой стороны, присваивающий тип хозяйства и экстенсивный характер производства аборигенных народов Севера создавали серьезные препятствия для их взаимодействия, поскольку определяли расселение людей небольшими группами на обширных пространствах, что существенно затрудняло межэтнические контакты. Таким образом, интернационализация имела локальный характер. К. Ф. Карьялайнен отмечает, что «численность югров очень незначительна по сравнению с протяженностью их территории. При таких условиях поселения были невелики, не многолюдны и расположены далеко друг от друга. Это обособленное положение населенных мест способствовало особой жизнеспособности индивидуальных и локальных черт, обеспечению возможности их дальнейшего развития и укрепления». Сообщества людей, существующие в рамках традиционной культуры, занимают значительные ареалы, но они являются локальными и замкнутыми на себе [15].

Вывод. Анализ литературных источников, теоретические обобщения свидетельствуют, что культура коренных малочисленных народов Севера основана на религиозных воззрениях, на наследии предков, на их представлениях о вере в сверхъестественные силы природы, что культура тесно связана с традиционными отраслями хозяйства. При этом традиционное хозяйство и материальная культура в значительной степени определяют духовную культуру народа, его мифологические представления и обряды, социальную жизнь и социальные отношения, уходящие корнями в далекое историческое прошлое.

Литература

1. Попков Ю. В. Интернационализация в традиционном и современном обществах. Новосибирск: Изд-во ИДМИ, 2000. С. 32.
2. Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Ханты-Мансийск, 2000. Т. 2. С. 97.
3. Цит. по: Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир / Э. Л. Львова [и др.]. Новосибирск: Наука, 1988.
4. Энциклопедический словарь по культурологии. М.: Центр, 1997. 290 с.
5. Культурология: Учебник / под ред. Ю.Н. Солонина, М.С. Кагана. М.: Юрайт-Издат, 2005. С. 263-264.
6. Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Ханты-Мансийск, 2000. Т. 2. С. 96-97.
7. Тайлор Э. Б. Миф и обряд в первобытной культуре. Смоленск: Русич, 2000.
8. Маркарян Э. С. Теория культуры и современная наука. М.: Мысль, 1983.
9. Селезнев А. Г. Локальные (ареальные) культурные комплексы как форма существования традиционной культуры // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск; 1995.
10. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. / Э. Л. Львова [и др.]. Новосибирск: Наука, 1988. С. 5.
11. Арутюнов С. А. Адаптивное значение культурного полиморфизма // Этнографическое обозрение. 1993. № 4.

12. Андерсон Д. Дж. Тундровики: экология и самосознание таймырских эвенков и долган. Новосибирск: Изд-во СОРАН, 1998.
13. Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север: Этнографический очерк местных инородцев. Тобольск, 1911. С. 51-52.
14. Головнев А. В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск: НГУ. С.41. (год?)
15. Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов. Т.2. Пер. с нем. и публ. д-ра ист. наук Н. В. Лукиной. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1995.

ИСТОРИЯ НАУКИ

С. И. Логинов, Д. А. Ходосова, М. В. Носова, Ю. С. Ефимова

Сургутский государственный университет, г. Сургут

Физическая активность городских ханты и манси на Югорском Севере

Urban khanty and mansy physical activity in Ugra north

УДК 613 (=511.142) : 796: 31 + 613 (=511.143) : 796 : 31

Аннотация. В описательном эксперименте с участием 100 человек народов ханты и манси (51 женщина и 49 мужчин в возрасте $35 \pm 0,9$ лет) с помощью анкетного опроса на основе транстеоретической модели (ТТМ) изучен уровень физической активности в зависимости от стадии мотивационной готовности к изменению физически низкоактивного поведения. Выявлен драматически низкий уровень физической активности (в среднем менее одного раза в неделю по 13 минут за одно занятие). Баланс принятия решения и самооффективность изменяются в направлении от стадии неготовности к стадии регулярной тренировки.

Summary. Health related physical activity in population of urban khanty, mansy on the transtheoretical model change behavior was studied. It was found a dramatic decrease of physical activity level's in relationship of motivation steady. Mean frequency of physical activity is 1 time per week, duration – 13 minutes for 1 class. Self efficiency increases versus motivation steady.

Ключевые слова: физическая активность, ханты и манси, транстеоретическая модель изменения поведения, ТТМ.

Key words: Physical activity, khanty, mansy, transtheoretical model change behavior, ТТМ.

Введение

Известно, что физическая активность умеренной и высокой интенсивности улучшает самочувствие и настроение, повышает уровень умственной и физической работоспособности, снимает стресс, защищает от гипертонии, остеохондроза, диабета, не связанного с недостатком инсулина, способствует лучшей адаптации к неблагоприятным условиям окружающей среды [1, 2]. Наши многолетние исследования показали, что пришлое городское население Югорских городов ведет малоподвижный образ жизни и нуждается в безотлагательной коррекции поведения, связанного с физической активностью [3, 4, 5]. Серьезное влияние гипокинезии и гиподинамии испытывают также и ханты, манси и эвенки, постоянно проживающие в г. Сургуте. Однако исторически ханты, манси и эвенки – это бывшие охотники, рыболовы и оленеводы, которым совсем недавно приходилось проявлять достаточно высокий уровень физической активности, связанной с профессиональной деятельностью и выживанием в суровых условиях Югорского Севера. В связи с вышеизложенным нам представлялось чрезвычайно интересным оценить уровень физической активности, связанной со здоровьем современных городских ханты и манси, проживающих в Сургуте.

Контингент и методы исследования

Настоящее исследование было спланировано и проведено на основе транстеоретической модели (ТТМ) изменения поведения, связанного с занятиями физической культурой [6] среди сообщества городских ханты, манси и эвенков г. Сургута. В период с осени 2006 по весну 2009 года с помощью анкеты [7, 8] были опрошены 100 человек, в том числе 51 женщина и 49 мужчин в возрасте $35 \pm 0,9$ года. В качестве зависимых переменных изучали количество занятий физическими упражнениями (раз/нед), количество времени, потраченного на занятия физическими упражнениями для здоровья (мин/нед), показатели баланса принятия решения, процессов изменения поведения и самооффективность (Т-баллы).

Стадии мотивационной готовности к изменению поведения, связанного с физическими упражнениями, были оценены с использованием пяти вопросов, в которых респондентов

просили выразить свое отношение к приведенным высказываниям в форме да / нет. При этом выясняли степень регулярности занятий физическими упражнениями. Регулярными считали занятия 3 раза в неделю по 20 минут и более. На этом основании участники бы отнесены к одной из пяти стадий мотивационной готовности.

Для оценки самооффективности задавали вопросы с пятибалльной шкалой Ликерта в пределах от 1 «не уверен во всем» до 5 «совершенно уверен»). Таким образом, измеряли степень проявления отрицательных ощущений, сопротивления желанию прекратить занятия и нахождение времени для занятий физическими упражнениями. Валидность для этой анкеты по данным процедуры тест-ретест составила 0,76.

Анкета для выяснения баланса принятия решения состояла из 16 вопросов (10 вопросов «все за» и 6 вопросов «все против»). Респондентов просили отметить по шкале Ликерта с 5-ю пунктами (в пределах от 1 – «совсем не важно» до 5 – «чрезвычайно важно»), насколько важно для них каждое из ниже приведенных утверждений, связанных с их решением заниматься или не заниматься физическими упражнениями. Валидность этой анкеты 0,78.

Анкета для оценки процессов изменения содержала 40 вопросов и включала 4 темы по 10 вопросов в каждой. Респондентов просили вспомнить прошедший месяц и то, как часто они использовали каждый из нижеприведенных процессов. Использовали шкалу Ликерта с 5 пунктами (в пределах от 1 «никогда» до 5 «очень часто»). Валидность анкеты 0,88.

Показатели описательной статистики и дисперсионный анализ проводили с помощью пакета статистических программ Statistica_v. 6.

Результаты исследования и их обсуждение

Проведенные исследования показали, что 20 % мужчин и 16 % женщин не занимаются физическими упражнениями и не собираются заниматься ими в ближайшие полгода (рис. 1, стадия неготовности).

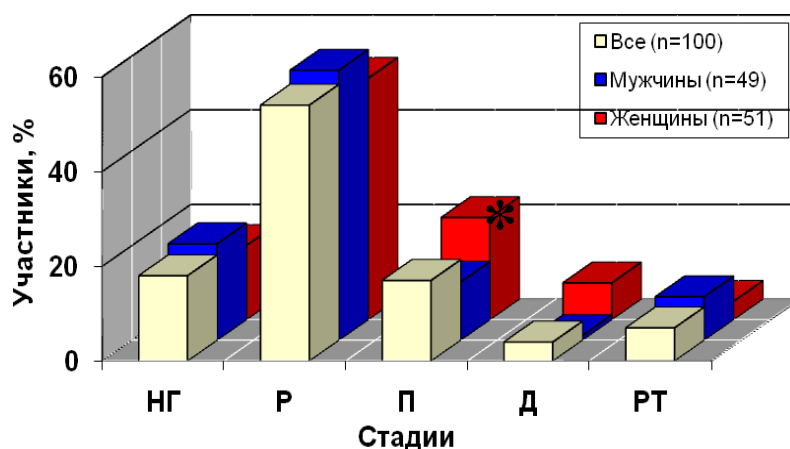

Рис. 1. Стадии мотивационной готовности к изменению поведения, связанного с физической активностью ханты и манси в зависимости от пола в соответствии с транстеоретической моделью по [2]. Условные обозначения: НГ – неготовность; Р – размышление; П – подготовка; Д – действие; РТ – регулярная тренировка. По оси ординат – частота встречаемости в % от общего числа мужчин (n=49) и женщин (n=51).

Условные обозначения: * – различия достоверны между мужчинами и женщинами ($p < 0,05$).

57% мужчин и 51% женщин (рис. 1, стадия размышления) предполагают, что возможно начнут заниматься в ближайшие полгода. 12% мужчин и 22% женщин от случая к случаю занимаются физическими упражнениями менее полугодом (рис. 1, стадия подготовки). Таким образом, 89% мужчин и женщин изученной выборочной совокупности не занимаются физическими упражнениями и демонстрируют физически низко активный образ жизни. Только

9,8% мужчин и 3,9% женщин регулярно занимаются физическими упражнениями для здоровья (рис. 1, стадия регулярной тренировки).

Большинство опрошенных городских ханты и манси занимаются физическими упражнениями в среднем $0,75 \pm 0,17$ раза в неделю, продолжительность одного занятия менее 15 минут (таблица).

Таблица. Показатели физической активности (ФА) городских ханты, манси и эвенков, постоянно проживающих в Сургуте

Показатели	Мужчины (n=49)	Женщины (n=51)	Все (n=100)
Количество ФА, раз/нед. (X±SE)	1,02±0,16	0,49±0,18*	0,75±0,17
Продолжительность ФА, мин/занятие (X±SE)	14,7±4,1	11,8±3,5	13,2±3,2
Ходьба, баллы (X) (0,95 ДИ)	0,12 (0,03-0,22)	0,18* (0,07-0,28)	0,15 (0,08-0,22)
Бег, баллы (X) (0,95 ДИ)	0,12 (0,03-0,22)	0,12 (0,03-0,21)	0,12 (0,06-0,19)
Плавание, баллы (X) (0,95 ДИ)	0,16 (0,07-0,27)	0,08* (0,02-0,15)	0,06 (0,06-0,18)
Лыжи, баллы (X) (0,95 ДИ)	0,10 (0,012-0,19)	0,14 (0,04-0,24)	0,12 (0,06-0,18)
Аэробика, баллы (X) (0,95 ДИ)	0,02 (0,02-0,06)	0,10 (0,01-0,18)	0,06 (0,01-0,11)
Атлетическая гимнастика, баллы (X) (0,95 ДИ)	0,02 (0,02-0,06)	0,06 (0,01-0,13)	0,04 (0,009-0,08)

Условные обозначения: X – среднее арифметическое, SE – стандартная ошибка среднего арифметического, ДИ – доверительный интервал 0,95.

* – достоверность различий между показателями мужчин и женщин, $p < 0,05$.

Из данных, приведенных в таблице следует, что занятия оздоровительной ходьбой, бегом, плаванием и лыжами, оцененные из 5-ти баллов и представленные средним арифметическим и 0,95 доверительным интервалом, представлены у ханты и манси крайне слабо, не говоря уже относительно занятий аэробикой и атлетической гимнастикой. Женщины больше ходят, мужчины – плавают, рекреационная физическая активность и тех других весьма низкая.

До стадии мотивационной готовности, обозначаемой как стадия деятельности, количество аргументов «все за» не отличалось от числа аргументов «все против» (рис. 2).

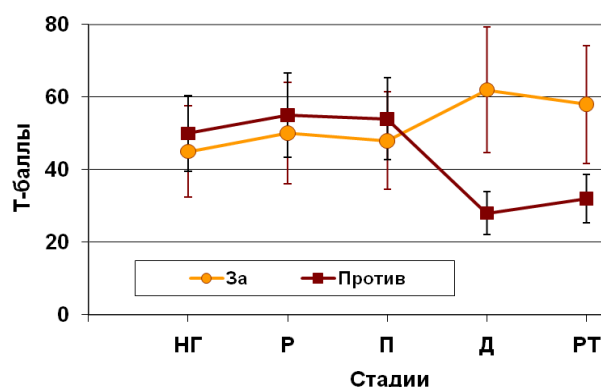

Рис. 2. Баланс принятия решения в зависимости от стадии мотивационной готовности к занятиям физической культурой среди ханты и манси (n=100) по данным однофакторного дисперсионного анализа. По оси абсцисс стадии мотивационной готовности: неготовность (НГ), размышление (Р), подготовка (П), деятельность (Д) и регулярная тренировка (РТ). По оси ординат нормированные Т-баллы. Вертикальные линии – 0,95 доверительный интервал.

Сумма положительных аргументов за то, чтобы заниматься физическими упражнениями, значительно превышает сумму аргументов «против» на стадии деятельности. Перекрест кривых в полном соответствии с ТТМ происходит на стадии подготовки, однако на стадии мотивационной готовности к регулярной тренировке число всех аргументов «за» начинает снижаться, а число аргументов «все против» – повышаться. Это говорит о том, что люди хорошо понимают выгоды от занятий физическими упражнениями, но не всегда могут преодолеть отрицательные установки и стереотипы физически малоподвижного поведения (рис. 2, стадия РТ).

Самоэффективность участников, как показатель уверенности, что они могут изменить свое физически низко активное поведение, повышается от стадии к стадии. Коэффициент Фишера равен $F(8,495) = 26,643$; $p < 0,001$.

Таким образом, приведенные данные позволяют заключить, что физическая активность современных городских ханты, манси и эвенков не достаточна для поддержания нормального уровня здоровья. 89% мужчин и женщин исследованной выборки ведут физически низко активный образ жизни. Баланс принятия решения относительно занятий физическими упражнениями составляет 50 на 50 до стадии подготовки, после чего сумма аргументов «За» значительно превышает сумму аргументов «Против» на стадии деятельности, но затем снижается на стадии регулярной тренировки, что свидетельствует о достаточно больших затруднениях на пути изменения установок и выработки новых стереотипов поведения.

Литература

1. Eiken P. A., Schwarz P., Nielsen L.R. Physical activity, smoking and the significance of vitamins A and D in osteoporosis // *Ugeskr. Laeger*. 2005. V. 167. № 9. P. 1018–1020.
2. Nakanishi N., Suzuki K. Daily life activity and the risk of developing hypertension in middle-aged Japanese men // *Arch. Intern. Med*. 2005. V. 165, № 2. P. 214–220.
3. Логинов С. И. Физическая активность: методы оценки и коррекции. Сургут: изд-во СурГУ, 2005. 342 с.
4. Логинов С. И. Коррекция низкой физической активности как проблема адаптивной физической культуры / С.И. Логинов // *Адаптивная физ. культура*. 2007. Т. 29. № 1. С. 31-32.
5. Физическая активность человека как биосоциальная система с хаотической динамикой поведения / С.И. Логинов [и др.] // *Информатика и системы управления*. 2009. Т. 22. № 4. С. 11-12.
6. Prochaska J. O., Velicer W. F. The transtheoretical model of behavior change // *Am. J. Health Promotion*. 1997. V. 12. P. 38–48.
7. Characteristics of exercise behavior among college students: application of social cognitive theory to predicting stage of change / L.S. Wallace [et al.] // *Prev. Med*. 2000. V. 31, № 5. P. 494–505.
8. Логинов С. И. Физическая активность студентов на Севере и стадии изменения поведения, связанного с выполнением физических упражнений // *Теория и практика физ. культ*. 2002. № 5. С. 39–43.

В. Л. Михайловский

ООО «KOD», г. Нижневартовск

**Алкогольная зависимость в среде коренных жителей Севера:
пути решения проблемы**

**Alcoholic Dependence among Aboriginals of the North:
Ways of the Decision of a Problem**

УДК 314.17:001.8; 39

Аннотация. Рассматривается вопрос распространенности хронического алкоголизма в стране в целом и в среде коренных жителей Ханты-Мансийского округа, клинические особенности алкогольной зависимости у аборигенов Севера. Даются рекомендации по борьбе с этим злом в северных условиях, национальных поселках, приводятся аналитические данные лечения хронического алкоголизма у аборигенов психострессовой терапией по методу А. Р. Довженко.

Summary. Article examines issue of alcohol abuse occurrence in the whole country and among aboriginals of Khanty-Mansiysk region, clinical characteristics of alcohol addiction of Northern aboriginals. It gives recommendations how to fight this addiction in northern conditions and ethnic settlements, gives analytical findings of aboriginals' chronic alcoholism treatment by A. R. Dovzhenko method.

Ключевые слова: аборигены Севера, алкоголизация, алкоголизм, алкогольная зависимость, болезнь, лечение.

Keywords: natives of the North, alcohol, an alcoholism, alcoholic dependence, illness, treatment.

Прежде, чем решать какую-либо проблему, необходимо, уяснить для себя как минимум три ее измерения. В первую очередь, количественные параметры проблемы, то есть в настоящем случае – распространенность алкогольной зависимости (я намеренно не употребляю понятия болезненности и заболеваемости, ибо истинных цифр нет ни в России, ни в мире, ни в том числе в ХМАО) в среде коренных жителей ХМАО; во-вторых, полезно знать источник проблемы. И, в-третьих, историю вопроса. И только затем можно наметить стратегические и по возможности тактические шаги по преодолению сложившейся ситуации.

Итак, начнем с первой. Сначала в масштабах России.

До 80% смертей в России приходится на долю сердечнососудистых заболеваний, злокачественных новообразований, отравлений алкоголем и травм. Особое место в структуре российской смертности занимают неестественные причины. Только за 2008 год около 40 тыс. человек погибли в результате транспортных травм, 36 тыс. человек стали жертвами отравления алкоголем, 35,5 тыс. умерли от убийств и 46 тыс. — от самоубийств. В полной мере феномен российской смертности проявляется в трудоспособных возрастах: в отличие от большинства стран, находящихся в сопоставимых с Россией экономических условиях, смертность россиян в 3-5 раза выше для мужчин и более чем вдвое для женщин. В сравнении же с развитыми странами мужская смертность в трудоспособных возрастах у нас выше в 10 (!) раз, женская — более чем в 4 раза [3, 206].

Смертность, связанная с острым отравлением алкоголем в России (по данным, опубликованным в демографическом ежегоднике России). (См. табл.)

Таблица. Сведения о количестве смертности, с острым отравлением алкоголем по РФ

1990	1995	2000	2002	2004	2005
16056	43461	37214	44698	42715	40877

Мы намеренно не приводим официальных статистических данных по заболеваемости, болезненности хроническим алкоголизмом, ибо это тот случай, когда «на глазок» предмет определяется более точно, чем с помощью измерительных приборов. Пока публикуем эту статью, я решил проделать такой эксперимент: я приблизительно определил число живущих в моем дворе, состоящем из четырех пятиэтажных зданий, и получилось приблизительно шестьсот человек, а потом посчитал практически всех дворовых запойных алкоголиков, которых знают все, их получилось в пределах 50-60 человек. Я намеренно не выставляю им диагнозы, потому, что они официально нигде не зафиксированы, как больные люди, может, за исключением нескольких. Распространенность достаточно сильно зависимых от алкоголя в нашем дворе составила 10%. Мой двор по отношению ко всей России – достаточно благополучная территория. Это я могу сказать с полной ответственностью, ибо за последние несколько лет я исколесил всю Россию от Байкала до Санкт-Петербурга практически пешком: на снегоходах, моторных лодках, посетив сотни селений, сел, поселков, городов. В с. Кежда, что на Ангаре, один информант, старожил села, сказал: «У нас в селе только несколько семей непьющие, а остальные – запойные. Давайте усомнимся в правдивости сказанного почтенным жителем и умножим количество независимых от алкоголя в этом селе на десять, а потом еще на четыре (средняя численность семьи) и получится 200-300 человек. А в селе проживают около 2 тыс. человек. В данном селе распространенность хроническим алкоголизмом составляет около 80%. Я более чем уверен: если провести анализ причин смертности в данном селе, то эти 80% подтвердятся. И все же давайте взглянем на официальную статистику: в разные годы уже нашего столетия: распространенность хронического алкоголизма составляла от 120-130 человек до 1650 человек на 100 тыс. человек, то есть по самым смелым подсчетам количество хронических алкоголиков у нас в стране составляет 1,65%. Сами-то мы верим в это? Если это так, то никаких совещаний, конференций созывать нет необходимости, и мер никаких предпринимать не нужно. Сиди, да радуйся, но почему-то чувство самосохранения не дает покоя.

Но обратимся все же к распространенности алкогольной зависимости в среде коренных жителей. Я снова не буду обращаться к официальной статистике – ряд государственных учреждений дают весьма благостную картину – 37,5 на 1 тыс. населения, то есть 3,75%, 31,0 на 1000 и т. д. При такой распространенности этого зла, оно уже и злом не является. Я ни в коем случае не хочу обвинить официальную медицину, так как она фиксирует распространенность зависимостей по обращаемости, а далеко не каждый больной алкоголизмом обращается в клиники, диспансеры, потому что подавляющее число хронических алкоголиков не считают себя больными. Обратимся к косвенным свидетельствам распространенности алкогольной зависимости, а именно к данным, добытым мною в архивах ЗАГСа Нижневартовского района, касающихся причин смертности в 30-е годы и в настоящее время.

В 30-е годы прошлого столетия преобладала детская смертность в основном от инфекционных заболеваний. Детская смертность составляла от 42% в 1942 году до 71% в 1938 году от общей смертности. Среди взрослых инфекционные болезни также были на первом месте. Каждый третий взрослый в 30-е годы прошлого столетия умирал от инфекционных болезней, в том числе каждый четвертый – от туберкулеза. Болезни сердца поражали людей от 1,2% случаев в 1937 году, до 16,9% в 1944 году. От травм, в том числе и связанных с употреблением алкоголя, погибали в 7-12% случаях.

Новые условия жизни породили и новую тенденцию в изменении причин смертности в настоящее время: за последние два-три десятилетия уровень общей смертности значительно снизился по сравнению с началом прошлого века (15 на 1000 населения в 2000 году и 30,9 в 1937 году, 77,9 на 1000 – в 1938 году). Изменилась и структура смертности.

Катастрофически вырос уровень смертности от несчастных случаев и травматизма (от 2,5% в 1938 году, 12,1% в 1939 г., до 37,1% в 1996 году, и до 60% случаев в 1997 году), связанного с алкогольным опьянением, принявшим размеры эпидемии. Если люди умирают, погибают в результате алкогольного опьянения, то чем больны были эти люди? Итак, можно сделать вывод, что каждый второй взрослый коренной житель в той или иной мере страдает

алкогольной зависимостью. Как видим – это больше, чем в моем дворе (каждый десятый), но меньше, чем в селе Кежда (две трети страдают хроническим алкоголизмом).

Здесь необходимо коснуться очень важного обстоятельства: у коренных жителей севера опьянение происходит атипично практически в 100% случаев, тогда как такой тип опьянения у европейцев наблюдается в 8-10% случаев. У аборигенов севера опьянение сопровождается состоянием транса, которое зачастую возникает от минимальных доз алкоголя. Мне приходилось наблюдать такие состояния, когда опьяневший коренной житель падает на пол, раскачиваясь из стороны в сторону, поет свои песни, жестикулируя руками. Состояние транса переходит в глубокий сон. В этом состоянии человек, во-первых, абсолютно беззащитен, а во-вторых, он совершенно не контролирует ситуацию, что и приводит зачастую к плачевным итогам. В октябре месяце недалеко от Тарко-Сале десять человек погибли – перевернулась лодка. Все были пьяными. Аналогичное происшествие произошло и в селе Корлики – тоже в октябре прошлого года. В данном случае перевернулись семь человек, погибли двое. Три уцелевших человека из той лодки, испугавшись случившегося, приехали ко мне лечиться.

Практически все несчастные случаи связаны с употреблением алкоголя. Эти цифры можно смело проецировать и на другие регионы страны и мира, где проживают малочисленные коренные народы в условиях техногенного пресса. Я интересовался проблемой алкоголизации на американской Аляске, и доктор Бернард Сегал, проводивший обучающий семинар «Лечение зависимостей в условиях Севера» в Ханты-Мансийске, сказал, что эти цифры сопоставимы с их статистикой по Аляске в отношении местных коренных жителей.

Боль за свой народ выразила Т. А. Молданова: «Человек остался один на один с надвигающейся опасностью, не готовый ни психологически, ни фактически противостоять ему. На наш взгляд, именно в этой внутренней растерянности кроется причина тяжелого, депрессивного состояния многих членов этноса, что находит отражение в пьянстве, преступности, самоубийствах. Набор защитных механизмов, переданных предками, оказался явно недостаточным для сбережения от опасностей».

Что делать? Хронический алкоголизм – болезнь социальная, а потому и меры должны быть предприняты, прежде всего, социумом. Общеизвестно, что в деле сохранения здоровья от медицины зависит многое, но далеко не все. По некоторым данным вклад медицины в состояние здоровья населения составляет от 10 до 15%, 50% – это образ жизни человека, 10-15% – наследственность и 17-20% – состояние окружающей среды (экология). Образ жизни коренных жителей в большей степени, чем населения пришлого, зависит от окружающей среды, законов, царящих на данной территории, от интенсивного освоения Севера. Вот почему именно государство через местные институты самоуправления должны вырабатывать такие правила (законы), которые в наибольшей мере способствовали бы уложению традиционных форм жизнедеятельности коренных жителей. Но мы наблюдаем обратное: Дума округа принимает главенствующий закон, касающийся жизни аборигенов, «О территориях традиционного природопользования...» от 27 декабря 2006 года, который гораздо сложнее и заковыристей, а по сути – хуже «Положения о статусе родовых угодий...» от 7 февраля 1992 года. Как обычно: говорим красиво, а делаем – вшиво. В настоящее время более пятидесяти родовых угодий, по-новому – территорий традиционного природопользования – потеряли своих хозяев (умерли), а их дети, или другие правопреемники не могут переоформить на себя свои исконные земли. Многие аборигены, например, по берегам Ваха – Прасин Илья Данилович, Прасин Кирилл, Кунин Аркадий не могут официально закрепить за собой свои земли, так как в свое время в силу отдаленности не смогли этого сделать, а сейчас по новому закону обрести такое право почти невозможно. Пример: за несколько лет работы «Положения...» было наделено правом на свои земли 144 семьи, а за четыре года работы нового закона получили свидетельства на землю только несколько человек, хотя очередь исчисляется трехзначной цифрой. На стойбище коренные жители не пьют, а вот когда приезжают в деревню, там и начинается... Сейчас свыше 35% семей, живущих в селах и поселках, хотят получить угодья (территорию традиционного природопользования) и жить в лесу, но по новому закону осуществить свою мечту не могут. Препятствие – новый закон! Главная проблема – заня-

тость. Необходимо организовывать общины, объединять территории традиционного природопользования в этноприродные парки, необходимо создавать резервации, потому, что не будет скоро земель для аборигенов.

Необходимо ужесточать контроль оборота алкоголя, он не должен быть доступен в любое время дня и ночи, в том числе и для детей и подростков. На время ягодного сезона, путины в каждом населенном пункте (национальном поселке) вводить запрет на продажу алкоголя. Нужно проводить (организовывать) национальные праздники, но без алкоголя. Такие праздники в чести у североамериканских индейцев.

И главное – пропаганда здорового образа жизни с детства. Необходимо информировать людей о вредности алкоголя. Здесь не обойтись без телевидения. Несколько раз показали ролики о вреде алкоголя, о его разрушающем действии на мозг, печень, и продажи алкоголя упали. Не потому ли эти ролики сняли из проката? Но ведь такие ролики могут транслироваться по местным каналам телевидения, и государство должно стать заказчиком таких превентивных мер.

Я все же хотел бы уделить больше внимания медицинскому аспекту, лечению хронического алкоголизма. Характерно то, что коренные жители критично относятся к себе и, понимая необходимость лечения, обращаются за помощью. По данным нашего центра (ООО «КОД»), занимающегося лечением хронического алкоголизма, в том числе и коренных жителей, за последние 15 лет за помощью обратились 408 человек из Нижневартовского района, то есть каждый третий взрослый житель. Всего же коренных жителей в нашем центре пролечилось более 2 тыс. человек.

Этническая принадлежность:

Ханты –	51,7%
Манси –	2,8%
Ненцы –	41,9%
Другие –	4,5%

По месту жительства:

г. Нижневартовск –	5,2%
Нижневартовский р-н –	35%
Ханты-Мансийский район –	2,8%
Сургутский район –	4,6%
Нефтеюганский район –	2,8%
ЯНАО –	41%
Юг Тюменской обл. –	3,2%
Др. территории –	около 4%

По количеству обращений:

1 раз –	54%
2 раза –	18,8%
3 раза –	13,1%
4 раза и больше –	14%

По длительности заболевания:

До 5 лет –	49%
От 5 до 10 лет –	35%
От 10 до 20 лет –	12,6%
Больше 20 лет –	2%

По уровню образования:

Начальное /среднее –	62,7%
среднее –	34,9%
высшее –	2,3%

Ремиссия: 65% (выдержали сроки), из них:

до 1 года –	14,8%
-------------	-------

от 1 до 3-х лет –	30,2%
от 3-5 лет –	12%
от 5-10 лет –	7%
более 10 лет–	2%

Ремиссия до 1 года наблюдается в более, чем 80% случаев.

Впервые в условиях Сибири метод А. Р. Довженко начал применяться с 1987 года в г. Нижневартовске. Сначала был организован хозрасчетный кабинет при городском психоневрологическом диспансере, затем, в силу того, что данная методика не могла быть встроена в общую систему государственной наркологической службы, было создано предприятие ООО «КОД», директором которого стал Эпштейн Илья Цаликович. За 24 года накоплен большой опыт работы, пролечено свыше 50 тысяч человек, поступающих на лечение со многих областей и республик нашей страны и даже из других стран: Германии, Канады, Израиля и других стран дальнего и ближнего зарубежья. В настоящее время сеансы лечебного гипноза проводят врачи Илья Цаликович Эпштейн – руководитель учреждения и Михайловский Валерий Леонидович.

«Метод А. Р. Довженко, направлен на осознание больным проявления болезни: восстановление нарушенных отношений больного к самому себе и окружающим; изменение мировоззрения, жизненных позиций и установок больного. Возможно, самым главным является снижение и исчезновение тяги к спиртному. Патолофизиологически это объясняется формированием очага возбуждения, возникающего в мозгу больного вследствие мощного, разностороннего психотерапевтического воздействия (кроме собственно эмоционально-стрессового эффекта на больного действуют более 30 психотерапевтических приемов и способов психотерапии, так или иначе включенных в методику А. Р. Довженко). Очаг возбуждения вступает в конкурентные отношения с патологическим влечением к алкоголю и «блокирует» его» [4, 27-31].

Вызывает уважение доверительное отношение больных к лечению, желание лечиться именно этим методом.

Понимая, что зависимый человек «обречен» на полную трезвость, мы все же приветствуем лечение коренных жителей на небольшие сроки, особенно в случаях изменения личности, но рекомендуем продление кода, закрепление в случаях возникновения тяги. Необходимо помнить о том, что коренные жители Севера, ставшие на трезвый путь, сталкиваются с большими трудностями в повседневной трезвой жизни: это и косвенное провоцирование со стороны пьющих родственников и соседей, это и прямые провокации, когда бывшие собутыльники предлагают выпить, это и бытовые проблемы, безработица. Коренному жителю некуда «убежать» от такой действительности, потому что часто аборигены живут большими семьями в одной избе, в одном небольшом селении, на стойбище. Но есть примеры и другого характера, когда пролечившийся человек устанавливает свои правила поведения на стойбище, запрещая гостям привозить спиртное; он становится примером для других пьющих сородичей, которые потом следуют его примеру. Кто-то не выдерживает, срываясь. Чаще это происходит в стрессовых ситуациях.

Но даже в случаях срыва мы, врачи центра ООО «КОД», стараемся подбодрить больного, указывая на его сильные стороны: «Ты же много раз отказывался от алкоголя, даже в стрессовых ситуациях». Вот почему они идут на повторное лечение без чувства ущербности. Такое ступенчатое «кодирование» более приемлемо для коренных жителей, чем опрометчивое взятие на себя обета трезвости на большие сроки или на всю жизнь.

В последние годы мы иногда применяем «индивидуальные сеансы», т. е. индивидуальное лечение без предшествующего сеанса лечебного гипноза. Разумеется, больному подробно объясняем принцип лечения и последствия нарушения кода, подчеркивая доверия врача именно к данному больному («Вам делается исключение из общего правила, потому что мы верим – вы не подведете ни себя, ни нас»). На индивидуальное лечение берутся больные с очень тяжелыми соматическими заболеваниями, когда сеанс лечебного гипноза может быть опасным для здоровья пациента; больные с открытой формой туберкулеза из опасности зараже-

ния окружающих; индивидуально мы лечим также больных с вялотекущими эндогенными психическими заболеваниями, олигофренией, но настроенных на противоалкогольное лечение; больные с языковым барьером, когда индивидуальный сеанс проводится с помощью переводчика. В исключительных случаях проводим индивидуальные сеансы больным, приехавшим из отдаленных стойбищ, и не имеющим возможности дождаться планового сеанса.

Коренные жители достаточно внушаемы в силу своего мировоззрения, доверительно относятся к лечащему врачу, выполняют рекомендации, особенно что, касается закрепления кода.

Четырежды проводились выездные сеансы в отдаленных национальных поселках по просьбе проживающих там больных – в селах Ларьяк, с. Корлики, с. Саранпауль. Дело в том, что из дальних сел у малоимущих аборигенов нет возможности добраться до Нижневартовска. Сеансы выездные проводились на безвозмездной основе. В основном они проводились в рамках научно-исследовательских экспедиций, которые проводились под руководством В. Л. Михайловского. Метод А. Р. Довженко хорош тем, что его применение возможно даже в «полевых» условиях.

В заключение отметим, что наш центр ООО «Код» (г. Нижневартовск) занимается и просветительской деятельностью. Наши врачи участвуют в научных конференциях гг. Ханты-Мансийска, Нижневартовска, Барнаула, Тюмени и др. Мною опубликовано 16 научных статей. Выпущена книга «Надоело, или так дальше пить нельзя!», выдержавшая уже четыре издания.

Литература

1. Демографический ежегодник России: официальное издание Росстата. М., 2006. С. 561.
2. Овчаров Е. А. Здоровье населения Российской Федерации: анализ и оценка. Нижневартовск, 1997. 237 с.
3. Михайловский В. Л. Великий северный путь. Томск: Печатная мануфактура, 2010. 328 с.
4. Эпштейн И. Ц. Частица души врача – в каждом больном // Трезвость и культура. 2010. № 1-2. С. 27-31.

О. Л. Нифонтова¹, В. И. Корчин²

¹Сургутский государственный педагогический университет, г. Сургут,

²Ханты-Мансийский государственный медицинский институт, г. Ханты-Мансийск

Характеристика параметров сердечно-сосудистой системы школьников Югры

The Characteristic Parameters Cardiovascular System of Schoolboys Ugra

УДК 613.955

Аннотация. Проведено электрокардиографическое обследование 711 детей. Функциональное состояние миокарда у девочек по сравнению с мальчиками характеризуется большей возбудимостью и более высоким уровнем метаболизма в 7-10 лет. С наступлением периода полового созревания эти процессы наиболее характерны для мальчиков.

Summary. It is lead ECG inspection of 711 schoolboys from among radical and alien population Ugra. Various age dynamics of change of functional activity of a myocardium in ethnic groups is established and at gender comparison.

Ключевые слова: школьники, ханты, сердечно-сосудистая система.

Key words: schoolboys, khanty, cardiovascular system.

Воздействие комплекса экстремальных факторов внешней среды на организм человека приводит к напряжению механизмов регуляции гомеостаза и, как следствие, проявляется в снижении возможностей и защитных реакций [1, 4].

Распространенность сердечно-сосудистых заболеваний в целом по России, как и во всем мире, неуклонно растет, причем среди подростков 15-17 лет распространенность выше, чем у детей 0-14 лет [14]. Возрастает число детей, страдающих функциональными нарушениями сердечно-сосудистой системы, поэтому проблема ранней диагностики различных изменений в миокарде и профилактика этих состояний остается крайне актуальной.

Правительство Российской Федерации считает вопрос сохранения, укрепления здоровья подрастающего поколения, обучающегося в образовательных учреждениях, одной из важнейших государственных задач [7]. Социально-экономическое благополучие государства и его населения напрямую зависит от здоровья взрослого населения, а оно, в свою очередь, в значительной степени определяется здоровьем детей, так как дисфункции многих систем формируются в детстве [6]. Поэтому без анализа приживаемости укореняющихся мигрантов нельзя решить проблемы освоения новых территорий.

Целью нашего исследования является межпопуляционный анализ особенностей сердечно-сосудистой системы коренного и некоренного детского населения ХМАО-Югры. Было проведено сравнительное изучение морфофункционального состояния организма детей с помощью поперечного выборочного исследования в зависимости от возраста, пола и этнической принадлежности. Всего в исследовании приняли участие 735 учащихся муниципальных образовательных учреждений Сургутского района. Из числа обследованных было сформировано две генетически несвязанные группы детей: 413 школьников коренной национальности – ханты (лесные), приезжающие на период учебного года в школы-интернаты (36% от числа всех юганских ханты в возрасте от 0 до 18 лет, проживающих в Сургутском районе) и 322 школьника (группа сравнения), родившихся в 1-2 поколении от выходцев из различных регионов России – уроженцы Среднего Приобья, постоянно проживающие в условиях сельской местности. В каждой этнической группе дополнительно было выделено по шесть групп: две по половой принадлежности и в каждой три возрастных группы (7-10, 11-14 и 15-17 лет).

Для конституциональной оценки измеряли длину и массу тела, окружность грудной клетки в 3-х фазах, рассчитывали весоростовые индексы, включая Кетле (ИК), площадь поверхности тела, индексы пропорциональности, определяли удельную плотность тела и тип

телосложения по индексу Вервека-Воронцова. Для оценки состояния периферической гемодинамики методом Короткова измеряли систолическое (\bar{P}_S) и диастолическое (\bar{P}_D) артериальное давление, рассчитывали пульсовое давление (\bar{P}_P), среднее артериальное давление (\bar{P}_A) способом Вецлера и Богера, «двойное произведение» (ДП), индекс функциональных изменений (ИФИ). Для оценки состояния центральной гемодинамики рассчитывали систолический (СО) и минутный объем крови (МОК), индексы: ударный (УИ), сердечный (СИ), индекс кровообращения (ИК), определяли по формуле Пуазейля общее периферическое (ОПСС) и удельное периферическое сопротивление сосудов (УПСС), типы кровообращения – по методике Савицкого.

Оценку основных функций миокарда и вегетативной регуляции осуществляли в состоянии относительного покоя методом электрокардиографии (ЭКГ) и вариационной пульсометрии с помощью кардиоанализатора «Анкар-131» (Россия). Эхокардиографические показатели исследовали с помощью аппарата ультразвукового исследования GE «Vivid 7 Pro» (США). Определяли линейные размеры левого (ЛП) и правого предсердия (ПП), правого желудочка (ПЖ), конечный диастолический размер левого желудочка (КДР), конечный систолический размер левого желудочка (КСР), конечный диастолический объем левого желудочка (КДО), конечный систолический объем левого желудочка (КСО). Расчет объемов полостей в период систолы и диастолы определялся методом дисков Simpson. Измеряли толщину миокарда межжелудочковой перегородки (МЖП) в диастолу и систолу, толщину задней стенки левого желудочка (ЗС) в диастолу и систолу. Определяли показатели систолической функции левого желудочка: ударный объем (УО), фракцию выброса (ФВ), фракцию укорочения (ФУ). Были использованы общепринятые методы математической обработки.

Анализ результатов основных морфологических данных показал, что с возрастом у мальчиков обеих популяционных групп наблюдается снижение удельной плотности тела, в то время как в этнических группах девочек динамика ИР имела обратный характер. В 7-10 лет показатель ИР у девочек ханты достоверно превышал таковой у уроженок Среднего Приобья ($p < 0,05$).

С возрастом в обеих половых группах школьников ханты сохранялось преобладание мезоморфного типа, однако к 15-17 годам этот процент снижался за счет возрастания числа детей с умеренной и выраженной брахиморфией, характеризующейся преобладанием поперечного роста над продольным (рис. 1). Это подтверждалось данными основных антропометрических параметров. У уроженцев Среднего Приобья в 15-17-летнем возрасте преобладало число детей с умеренной и выраженной брахиморфией, особенно в группах мальчиков.

Не исключено, что более низкие показатели по весоростовым признакам и интегральным параметрам у современного подрастающего поколения ханты указывают на процесс грацилизации уже в младшем школьном возрасте, а у школьников, уроженцев Среднего Приобья – на отдельные проявления акцелерации (у мальчиков в 11-14 лет, а у девочек в 15-17 лет). Выявленные особенности, по-видимому, можно объяснить внутригрупповой изменчивостью, то есть изменением соотношения основных компонентов тела у представителей всех типов конституции, на что в своих исследованиях указывает Ю.А. Ямпольская [16].

Частота сердечных сокращений в обеих популяционных группах урежалась с возрастом, что соответствует ее закономерной динамике. В 7-10 лет ЧСС у девочек ханты достоверно превышала таковую у девочек, уроженок Среднего Приобья, и свидетельствовала о легкой тахикардии, что полностью совпадает с мнением А.Г. Соколова [13]. В этнических группах мальчиков искомый параметр находился в пределах возрастных физиологических норм [11] и достоверных различий не имел.

Показатели системного артериального давления свидетельствовали о достоверном превышении \bar{P}_S и \bar{P}_D у мальчиков ханты 7-10 лет, а в 11-14 лет \bar{P}_S увеличивалось у мальчиков другой этнической группы ($p < 0,05$). В изучаемых группах девочек прослеживалась аналогичная тенденция с преобладанием \bar{P}_S ($p < 0,001$) и \bar{P}_D ($p < 0,05$) у школьниц ханты в 7-10 лет и отставанием \bar{P}_D ($p < 0,001$) в возрасте 15-17 лет (рис. 2).

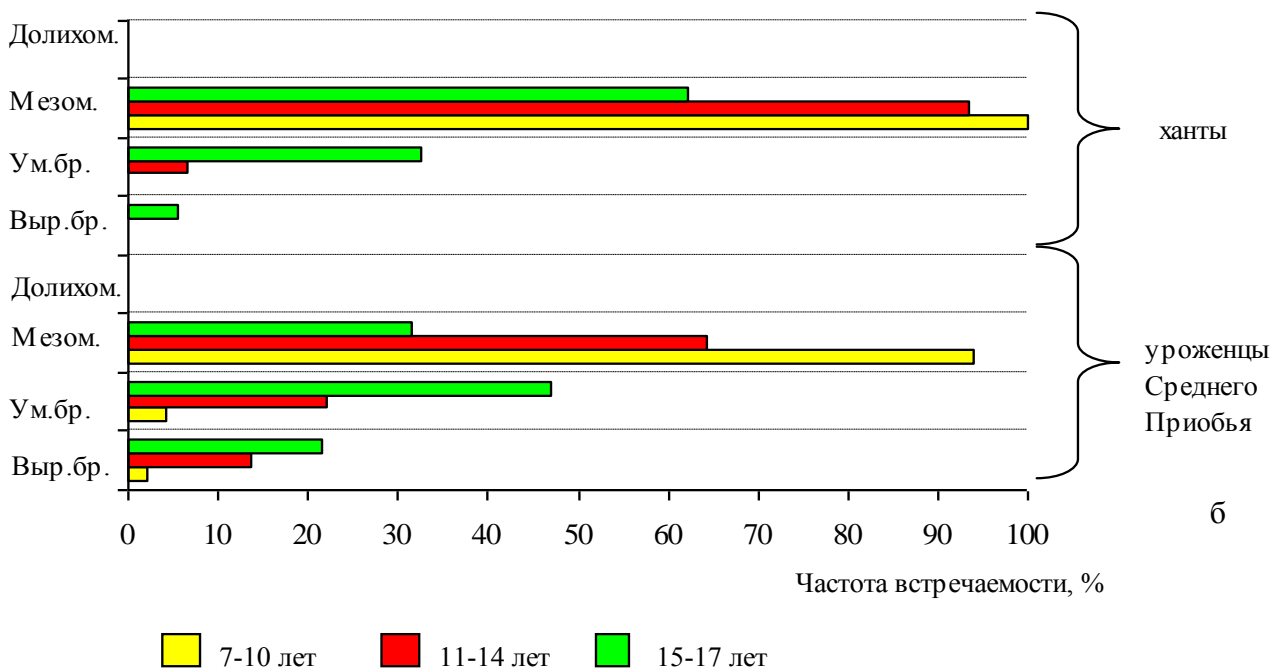
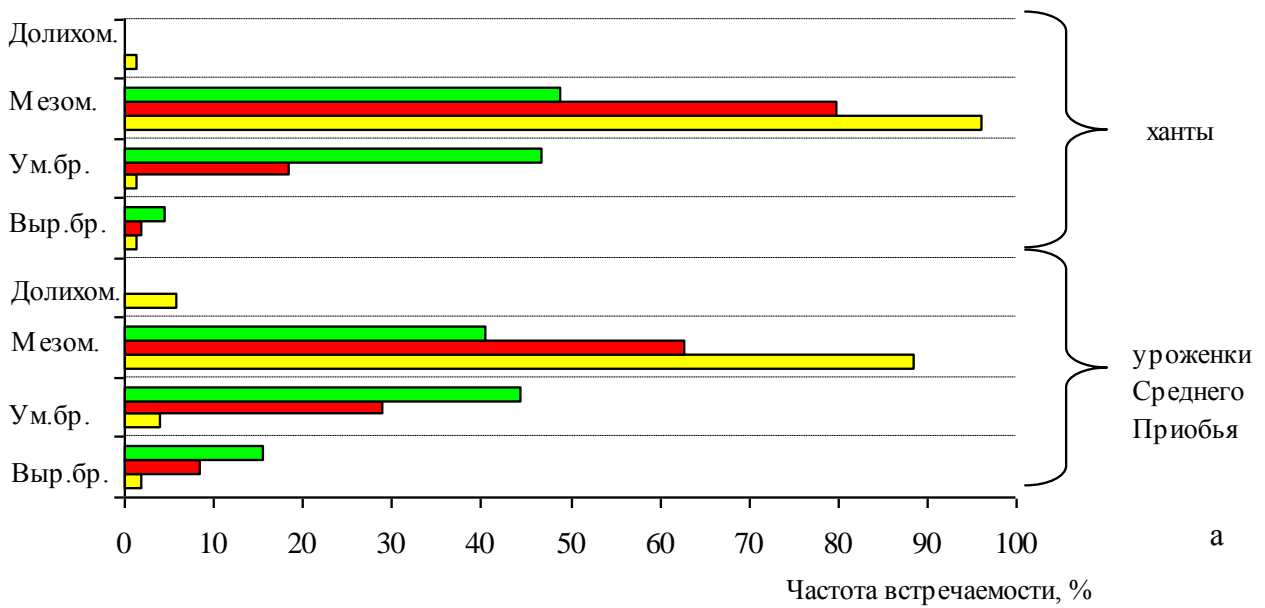

Рис. 1. Оценка направленности ростовых процессов в популяциях девочек (а) и мальчиков (б) по индексу Вервека-Воронцова, %

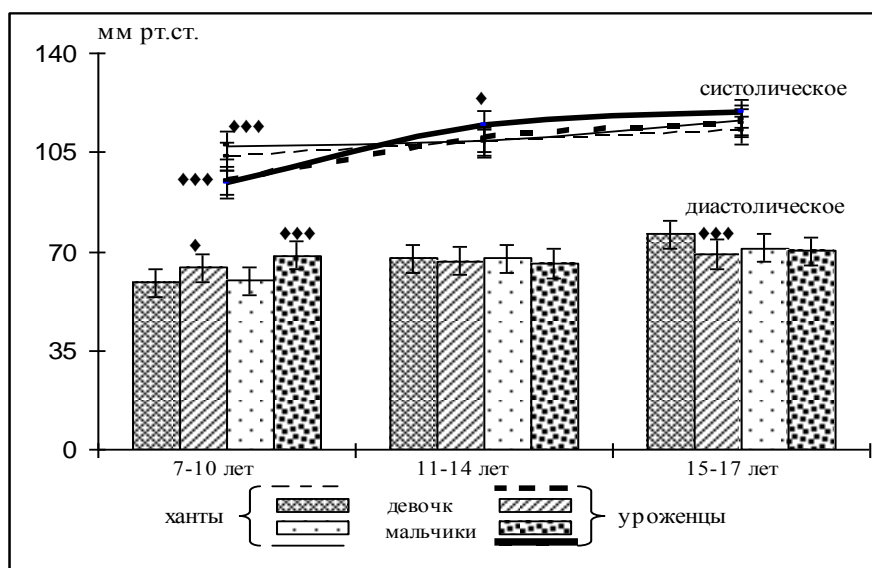

Рис. 2. Возрастные изменения показателей кровяного давления школьников Среднего Приобья, мм рт.ст.

В группах школьников ханты 7-17 лет было выявлено превышение (у мальчиков ханты на 11-15%; у девочек ханты на 10-12%) возрастных норм в показателях среднего динамического давления, в то время как у уроженцев Среднего Приобья оно составило у мальчиков 11-17%, у девочек – 13-19%. Достоверные межпопуляционные различия с преобладанием этого показателя обнаружены в возрасте 7-10 лет у мальчиков и девочек ханты, а более низкая величина зарегистрирована у 15-17-летних девочек, уроженок Среднего Приобья ($p < 0,01$).

Следует отметить, что более низкие значения СО были характерны для школьников ханты 7-10 и 11-14 лет обеих половых групп. В 15-17 лет СО достоверно превышал в группе девочек, уроженок Среднего Приобья ($p < 0,001$). МОК с возрастом увеличивался у школьников ханты и к 15-17 годам уже достигал нормальных значений взрослого человека, что, вероятно, связано с усилением симпатического тонуса и повышением энергетических трат. В ходе исследования были выявлены более высокие показатели МОК во всех возрастных группах мальчиков, уроженцев Среднего Приобья, которые носили достоверный характер в 11-14 лет. В группах девочек аналогичная тенденция прослеживалась в популяции ханты, но достоверно МОК отличался лишь в 15-17 лет, сравнительно с таковым у уроженок Среднего Приобья.

Наряду с этим достоверно более высокие показатели ОПСС и УПСС были зарегистрированы нами у школьниц ханты на всех изучаемых периодах онтогенеза, а именно: значения УПСС – во всех возрастных группах, ОПСС – у 7-10-летних, в то время как у мальчиков ханты эти же показатели были ниже своих сверстников, уроженцев Среднего Приобья 7-10 и 15-17 лет.

СИ характеризовался достоверно более высокими значениями у девочек ханты во всех возрастных группах, в то время как у мальчиков ханты только в среднем и старшем школьном возрасте. Достоин внимания тот факт, что на всех этапах онтогенеза в обследованных группах учащихся явно доминировал гиперкинетический тип кровообращения, однако при межэтническом сравнении наблюдались отличительные особенности (рис. 3).

Так, если у девочек ханты 7-10 лет ГрТК кровообращения встречался в 90% случаев, то с началом периода полового созревания этот процент снижался до 75%, оставаясь относительно высоким – 68% в 15-17 лет. У мальчиков ханты резкое снижение общего числа случаев с ГрТК наблюдалось только к 15-17 годам (51%). Среди учащихся, уроженцев Среднего Приобья, была выявлена следующая частота встречаемости ГрТК: в возрасте 7-10 лет – 73% у девочек и 61% у мальчиков, в 11-14 лет – 51% и 35%, соответственно, в 15-17 лет – 49% и

35%, соответственно. Следует отметить, что с возрастом в обеих популяционных группах увеличивалось число детей с более благоприятным ЭТК, а количество школьников, имеющих ГТК, оставалось относительно стабильным и не выходило за рамки 11% в группе ханты и 20% у уроженцев Среднего Приобья.

Таким образом, у подростков ханты 15-17 лет обоего пола были установлены более выраженные адаптивные изменения в гемодинамических показателях, что может быть обусловлено снижением оптимизации механизмов регуляции кровообращения. Вероятно, адаптивные возможности организма мальчиков ханты развиты несколько лучше, чем у девочек данной популяции, поскольку у них с возрастом было зафиксировано увеличение пульсового давления за счет минимального прироста диастолического давления, а также увеличения МОК преимущественно за счет возрастания систолического объема крови и более низкой частоты встречаемости ГрТК на всех этапах онтогенеза. В группе уроженцев Среднего Приобья наибольшие адаптивные перестройки были характерны для учащихся среднего и старшего школьного возраста обоего пола. Более благоприятные гипо- и эукинетические типы кровообращения составили 51% всех случаев у мальчиков и 48% у девочек.

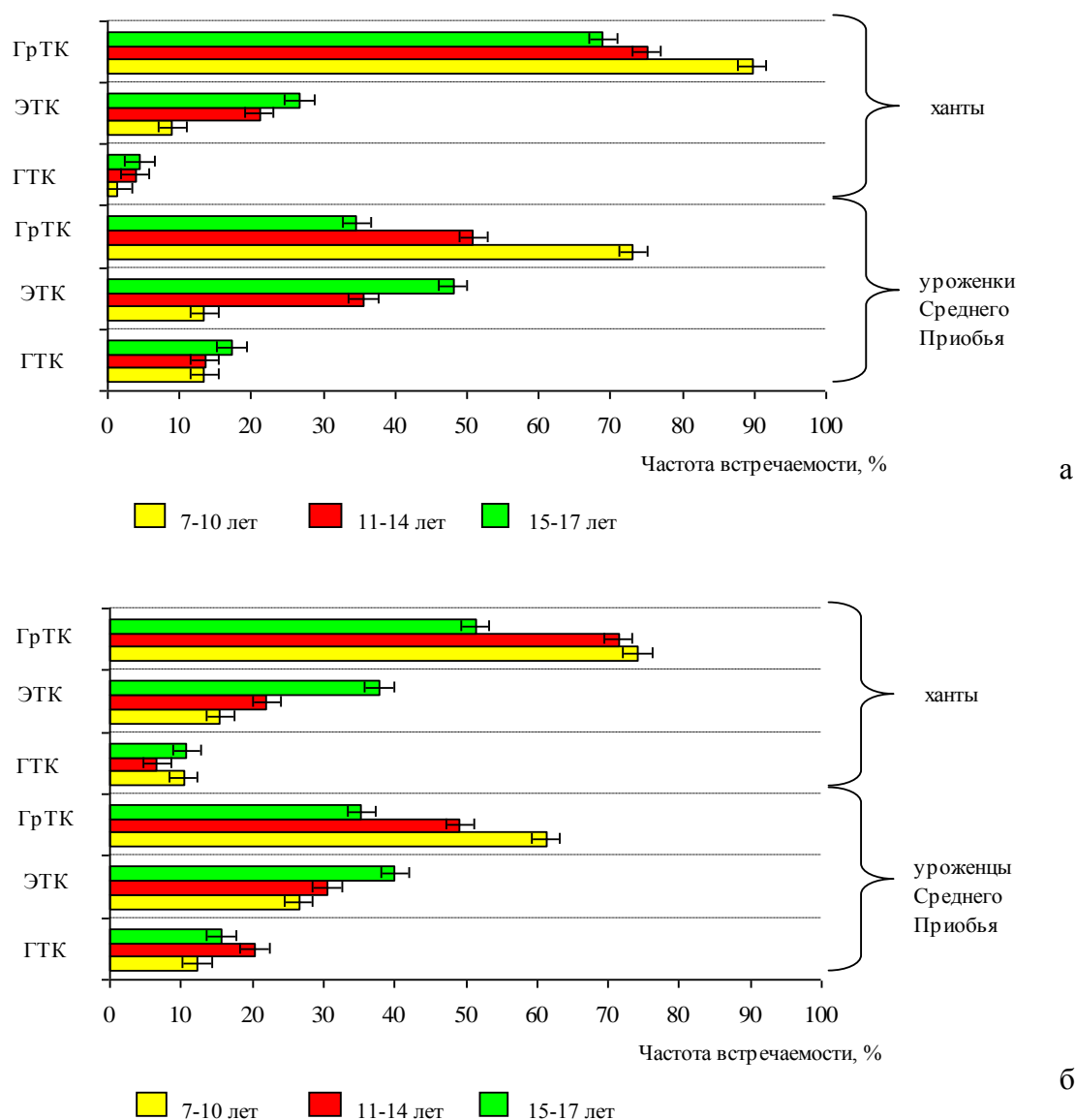

Рис. 3. Удельный вес типов кровообращения в популяциях девочек (а) и мальчиков (б) в различные возрастные периоды, %

Амплитуда зубца Р была достоверно выше у 7-10-летних девочек ханты в V2, у 11-14-летних в I, у 15-17-летних в aVR, а его длина в I и III стандартных отведениях – у 11-14-летних. В популяционных группах мальчиков амплитуда зубца Р была достоверно выше только у 15-17-летних уроженцев Среднего Приобья в aVR, а длительность меньше в I, aVL и V6 – у 7-10-летних, в aVL, V1 и V4 – у 15-17-летних. Во II стандартном отведении у девочек ханты регистрировалась высокая возбудимость миокарда предсердий с интенсивным уменьшением показателя с возрастом, в то время как у уроженок Среднего Приобья она резко возрастала с началом периода полового созревания и оставалась относительно стабильной и в 15-17 лет. В популяционных группах мальчиков амплитуда зубца Р свидетельствовала о постепенном нарастании возбудимости миокарда предсердий к началу периода активных пубертатных перестроек (рис. 4).

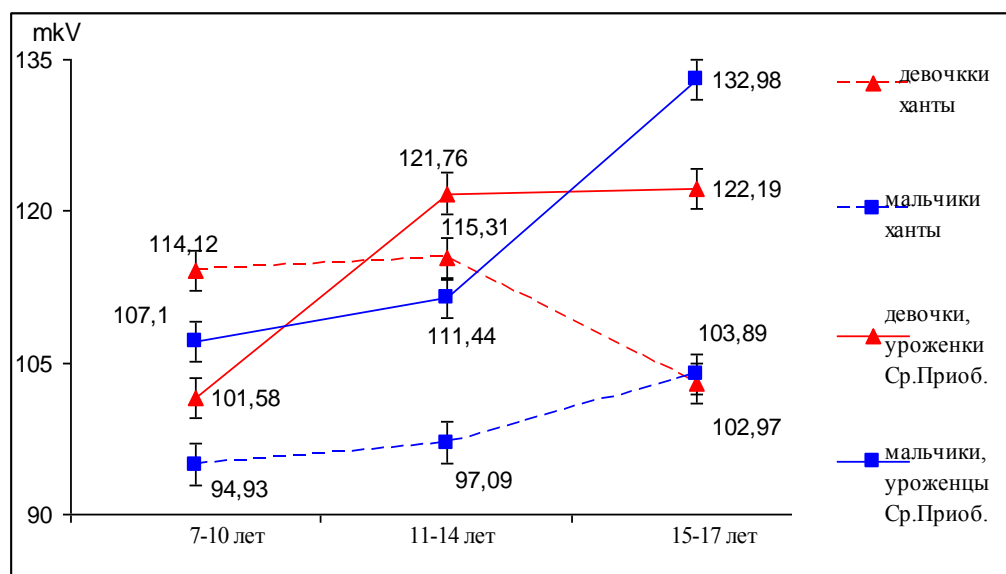

Рис. 4. Возрастные изменения амплитуды зубца Р у школьников 7-17 лет во II стандартном отведении, мкV

Зубец Q отсутствовал в группах школьников ханты лишь у девочек 15-17 лет в грудных отведениях V1, V2, V3 и V4, в то время как у школьников, уроженцев Среднего Приобья, таковой не регистрировался в обеих половых группах: в V1, V2, V3 – у 11-14-летних и в V1, V2, V3 – у 15-17-летних девочек, а также в V1 – у 11-14-летних и в V1, V2, V3 – у 15-17-летних мальчиков. При межпопуляционном сравнении у девочек ханты зубец Q регистрировался как достоверно более глубокий в возрасте 7-10 лет в V1, V3, V5, V6 и в 11-14 лет – в I, V2, а широкий – в 11-14 лет в I, V2-V5 ($p < 0,05-0,01$). В группах мальчиков 7-10 лет у ханты зубец Q был более глубокий во II ($p < 0,05$), а у уроженцев Среднего Приобья – в V4 ($p < 0,05$); в возрасте 11-14 лет данный зубец выше у ханты в I, II, V6 ($p < 0,05-0,001$) и ниже в aVR ($p < 0,05$), шире в I, II, V1, aVR ($p < 0,05-0,001$) и уже в aVR ($p < 0,001$); в возрасте 15-17 лет более высокий зубец Q у ханты регистрировался в отведениях aVF, V1 ($p < 0,05$).

Преобладание амплитуды зубца R регистрировалось нами у школьниц ханты 7-10 лет, по отношению к уроженкам Среднего Приобья, в отведениях II, aVL, V1-V6 ($p < 0,05-0,001$), а в популяции мальчиков ханты этого возраста – в отведениях I, aVL, V1, V2 ($p < 0,05-0,001$). В 11-14 лет у девочек ханты достоверное увеличение амплитуды зубца R регистрировалось в отведениях I, aVL, V1-V4, а также снижение его в III стандартном отведении ($p < 0,05$). В популяциях мальчиков зубец R был выше в I, II стандартных отведениях и грудных V1-V3 и V6 ($p < 0,05-0,001$). В 15-17 лет данный зубец достоверно преобладал у девочек ханты в II, V2, V3, а у мальчиков ханты в II, III, aVF и был ниже у девочек ханты в грудных отведениях V4, V5. Длительность изучаемого зубца в 7-10 лет в популяциях школьников достоверных различий не имела, в то время как в 11-14 лет более широкий зубец регистрировался у

школьниц ханты в отведении I ($p < 0,05$), в aVF и грудных отведениях V1-V3, но в отведениях II и V6 он был короче ($p < 0,05-0,01$). В данной возрастной группе мальчиков длительность зубца преобладала у ханты в V2 и была меньше в V5 и V6 ($p < 0,05$).

Зубец R в I и II стандартных отведениях увеличивается с возрастом за счет уменьшения глубины зубца S [11]. В наших исследованиях у школьников ханты таких изменений не происходило. У девочек ханты в I отведении к 11-14 годам наблюдался незначительный прирост амплитуды зубца, а к 15-17 годам – его снижение, как и во II отведении; для девочек, уроженок Среднего Приобья аналогичная картина была характерна во II стандартном отведении. У мальчиков обеих популяций в I отведении с возрастом амплитуда зубца снижалась, а во II отведении повышалась. Возрастной анализ функции возбудимости миокарда желудочков у мальчиков ханты свидетельствовал о ее плавном повышении к 15-17 годам, тогда как у девочек ханты наблюдался обратный процесс, а с началом пубертата этот дисбаланс резко увеличивался. Деполяризация желудочков, преимущественно левого, у мальчиков, уроженцев Среднего Приобья в процессе возрастного развития нарастала стабильно и постепенно. У девочек данной популяционной группы функция возбудимости миокарда желудочков к 11-14 годам резко увеличивалась, а в 15-17 лет так же резко снижалась (рис. 5).

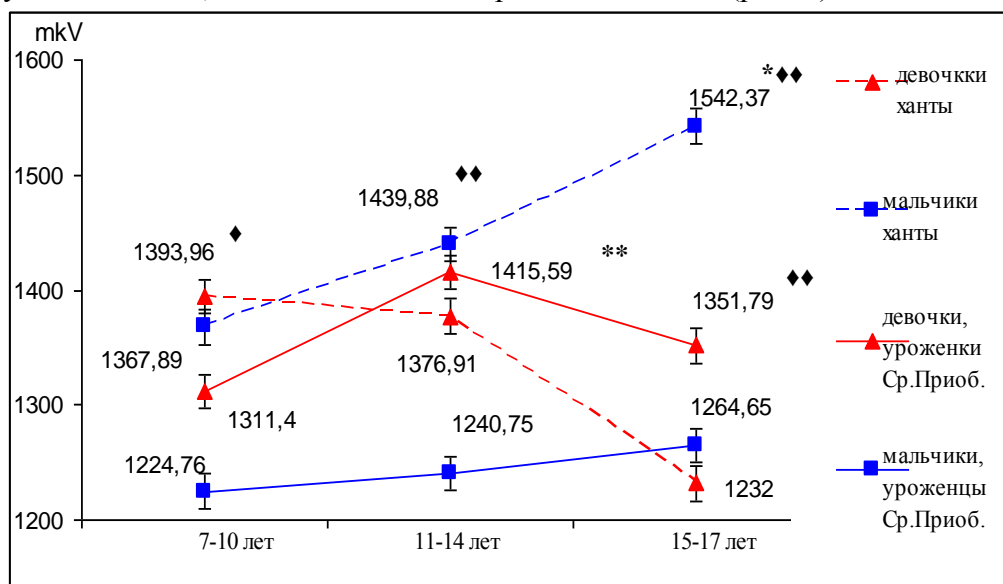

Рис. 5. Возрастные изменения амплитуды зубца R у школьников 7-17 лет во II стандартном отведении, mkV

Примечание: достоверность различий по полу: * – $p < 0,05$, ** – $p < 0,01$; достоверность межпопуляционных различий: ♦ – $p < 0,05$; ♦♦ – $p < 0,01$.

При сравнении амплитуды зубца S между школьниками ханты и уроженцами Среднего Приобья нами были выявлены достоверно низкие значения у девочек ханты 7-10 лет в отведениях II, aVF и у 11-14-летних в отведении aVL, а у мальчиков ханты этого возраста в I-III. Более глубокий зубец S в усиленных отведениях aVR, aVL и грудных однополюсных V2-V6 ($p < 0,05-0,001$) наблюдался у девочек ханты 7-10 лет; в aVR и V6 – в 11-14 лет и в V1-V3, V5, V6 – в возрасте 15-17 лет ($p < 0,05-0,001$). Мальчикам ханты было свойственно достоверное преобладание зубца S в aVR, V1, V2, V5, V6 – в 7-10-летнем возрасте ($p < 0,05-0,001$); в отведениях aVR и V1 – 11-14-летнем возрасте ($p < 0,01-0,001$) и в отведениях V1, V2 – в 15-17-летнем возрасте ($p < 0,05$). Длительность зубца S в сравниваемых группах девочек была достоверно больше у школьниц ханты 11-14 лет в отведении aVR и меньше в I и aVL. У мальчиков ханты в младшем и среднем школьном возрасте зубец был шире в aVR, но уже в отведениях II, aVF – в 7-10 лет и в отведениях I-III, aVF, V2, V4-V6 – в 11-14 лет ($p < 0,05-0,01$).

Известно, что зубец T в норме отражает процессы обмена веществ в миокарде, в частности, восстановительные [10]. В наших исследованиях зубец T в отведении aVR был всегда отрицателен. У девочек ханты 7-10 лет амплитуда зубца T достоверно преобладала над тако-

вой у уроженков Среднего Приобья в отведениях I-III, aVR, aVF, V1, V5, V6, а длительность была меньшей в I ($p < 0,05$). У мальчиков ханты этого возраста зубец T был выше во II и шире в V2, чем у мальчиков другой популяционной группы ($p < 0,05-0,01$). В возрасте 11-14 лет в группах девочек отмечено достоверное превышение амплитуды зубца T у ханты в отведениях I, II, aVR, aVF, V1, V4-V6 и длительности этого зубца во II, III, aVR, V1, V5, V6. У мальчиков ханты 11-14 лет данная тенденция отмечена нами лишь в амплитуде зубца в I-III, aVR, aVF, V4-V6 ($p < 0,05-0,001$). В возрасте 15-17 лет у девочек ханты зубец T был шире в отведениях I, II, aVR, V2-V6 ($p < 0,05-0,01$), глубже в aVR ($p < 0,01$) и выше в V1, V4-V6 ($p < 0,05$), но ниже в грудном отведении V3 ($p < 0,05$). У мальчиков данной возрастной группы амплитуда зубца преобладала во II, aVR, aVF и V1 ($p < 0,05-0,01$).

Анализ электрокардиографических показателей позволил выявить различный характер изменений длительности интервалов. Так, интервал P-Q, соответствующий времени прохождения импульса от начала возбуждения предсердий до начала возбуждения желудочков, у школьников ханты несколько превышал существующие нормы для данного возраста и демонстрировал большие значения, чем в половых группах уроженцев Среднего Приобья, а в 7-10 лет у мальчиков ханты это превышение носило достоверный характер (рис. 6).

Скорость распространения возбуждения по миокарду желудочков, оцениваемая по комплексу QRS, в межпопуляционном сравнении была достоверно выше у уроженцев Среднего Приобья, особенно у мальчиков в возрасте 11-14 лет и у девочек - 7-10 лет (рис. 7).

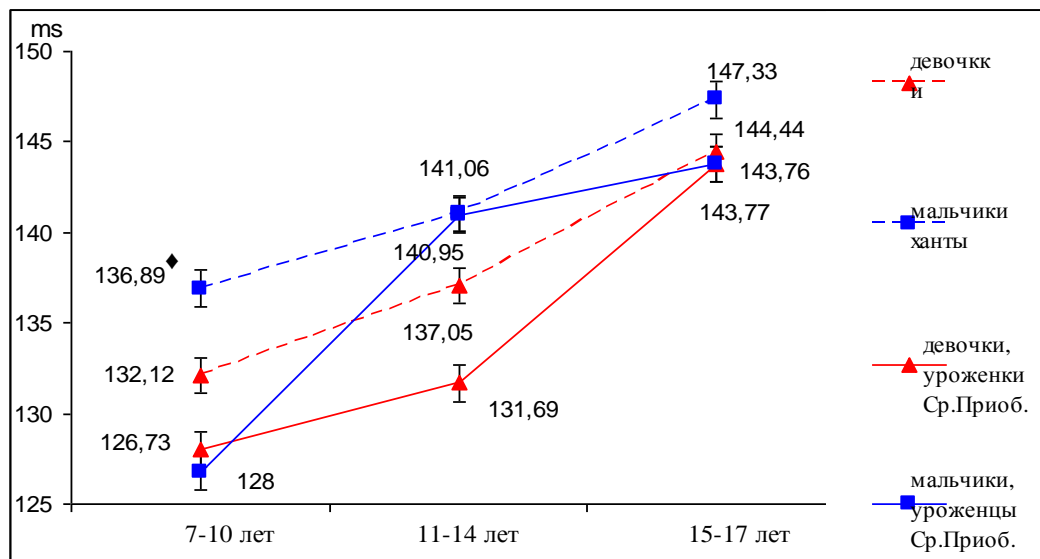

Рис. 6. Возрастные изменения предсердной проводимости во II стандартном отведении, ms

Достоверно более высокие значения интервала Q-T были выявлены нами в группе мальчиков ханты ($p < 0,05$).

Сегмент S-T является одним из показателей обеспечения кислородом миокарда и метаболизма сердечной мышцы. Неадекватный кровоток может привести к подъему или депрессии сегмента [8], а подъем выше изолинии более 1 мм свидетельствует о повреждении миокарда [12].

Исследованиями установлено, что с началом периода активных пубертатных перестроек процесс реполяризации в сердечной мышце у детей обеих популяций протекал специфично. Во всех половозрастных группах средние значения сегмента не выходили за 1 мкV. В сравнении со школьниками ханты статистически достоверное снижение S-T установлено нами только у 7-10-летних мальчиков, уроженцев Среднего Приобья в V1. Наиболее значимое его смещение от изолинии у школьников ханты наблюдалось в группах девочек – в 7-10 и 15-17 лет, а в группах мальчиков – в 11-14 лет. У уроженцев Среднего Приобья выявлена несколько другая тенденция, а именно: у девочек наибольшее удаление сегмента приходилось

на 11-14 лет, а у мальчиков – 7-10 лет. Достоверные межпопуляционные различия в расположении точки J выявлены у девочек 7-10 лет во II, III, aVR, aVL, aVF, V2; в 11-14 лет - III, aVF, V1-V4, V6; в 15-17 лет – V4. У мальчиков 7-10 лет – V4, V5; 11-14 лет – II, aVR, aVF, V5, V6 ($p < 0,05-0,001$). Данная особенность, по-видимому, может свидетельствовать о некотором ухудшении метаболизма и процессов реполяризации в сердечной мышце.

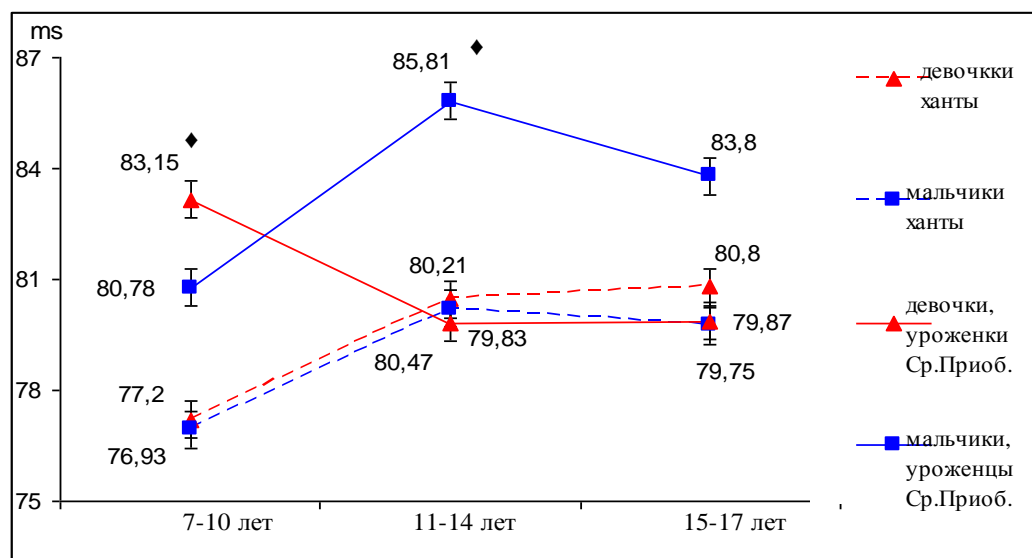

Рис. 7. Возрастные изменения внутрижелудочковой проводимости во II стандартном отведении, ms

По данным электрокардиографии ЧСС в пределах возрастной нормы находилось у 25% обследованных детей ханты (в 7-10 лет у девочек – 10,25%, у мальчиков – 21,82%; в 11-14 лет – 15,39% и 10,98%; в 15-17 лет – 64,44% и 67,57% соответственно) и 47,52% уроженцев Среднего Приобья (в 7-10 лет – 23,08% и 12,25%; в 11-14 лет – 50,85% и 61,02% и в 15-17 лет – 71,15% и 62,75%, соответственно) (табл.1).

Анализ частоты встречаемости функциональных дизритмий показал, что синусовая тахикардия чаще встречалась у детей в младшего школьного возраста в 73% – у девочек коренной национальности и в 55% – у мальчиков, уроженцев Среднего Приобья.

Максимальное количество синусовой брадикардии в обследованных группах регистрировалось у мальчиков и девочек ханты 11-14 лет (70% и 50%, соответственно). В старших возрастных группах (15-17 лет) наблюдалось снижение частоты встречаемости данной дизритмии.

Таблица 1. Частота встречаемости номотопных аритмий у школьников 7-17 лет ХМАО – Югры

Возраст	Пол	n	Син.тахикардия		Син.брадикардия		Син.аритмия	
			Факт.	%	Факт.	%	Факт.	%
ханты								
7-10 лет	М	55	27	49,09	16	29,09	33	60,00
	Д	78	57	73,08	13	16,67	48	61,54
11-14 лет	М	82	19	23,17	57	69,51	58	70,73
	Д	104	40	38,46	52	50,00	61	58,65
15-17 лет	М	37	3	8,11	9	24,32	24	64,86
	Д	45	10	22,22	6	13,33	25	55,56
уроженцы Среднего Приобья								
7-10 лет	М	49	27	55,10	16	32,65	13	26,53
	Д	52	23	44,23	17	34,69	10	19,23
11-14 лет	М	59	5	8,48	18	30,51	9	15,25
	Д	59	18	30,51	11	18,64	14	23,73
15-17 лет	М	51	8	15,69	11	21,57	12	23,53
	Д	52	5	9,62	10	19,23	9	17,31

Нарушение функции автоматизма у детей ханты 7-17 лет проявлялось более высокой частотой встречаемости синусовой аритмии, по сравнению со сверстниками – уроженцами Среднего Приобья, что может свидетельствовать, прежде всего, об активности парасимпатических влияний на синусовый ритм. Следует отметить, что аритмии у школьников ханты встречались относительно стабильно во всех возрастных интервалах, однако у девочек максимальное число случаев было зарегистрировано нами в 7-10 лет (62%), а у мальчиков – в 11-14 лет (71%).

Ряд электрофизиологических феноменов, выявляемых на стандартной ЭКГ типичны для детского возраста и поэтому относятся к разряду особенностей детской ЭКГ. Достаточно часто у детей встречается синдром ранней реполяризации желудочков и их преждевременного возбуждения [9]. Данный синдром возникает вследствие нарушения в вегетативной сфере с преобладанием вагусного влияния [2] или является самостоятельным фактором, способствующим развитию сердечной недостаточности [3, 15]. В наших исследованиях признаки ранней реполяризации желудочков чаще регистрировались в популяционных группах мальчиков, причем если у мальчиков ханты наибольшее число случаев соответствовало возрасту 15-17 лет (37%), то у уроженцев Среднего Приобья – 11-14 годам (39%).

Синдром замедления проведения возбуждения по ножкам пучка Гиса отсутствовал в 7-10 и 11-14 лет у мальчиков и девочек, уроженцев Среднего Приобья, а в 7-10 лет – только у девочек ханты.

Нетипичные внутрижелудочковые блокады у уроженцев Среднего Приобья встречались в каждой возрастно-половой группе, несколько снижаясь к 15-17 годам. В группах ханты данное функциональное изменение регистрировалось только у девочек.

Синдром удлиненного Q-T у обследованных школьников встречался нечасто, в то время как короткого Q-T выявлялся во всех группах, но наиболее часто диагностировался в популяциях детей 7-10 лет.

При анализе данных эхокардиографии наибольшее количество достоверных межполовых различий было отмечено нами в возрасте 7-10 лет, как в группе ханты, так и уроженцев Среднего Приобья (табл. 2). В данной возрастной группе уроженцев Среднего Приобья размеры правого предсердия были достоверно больше у девочек, а в 11-14 лет – у мальчиков. В группах ханты изучаемый параметр преобладал у девочек в 11-14 лет ($p < 0,05$). При сравнении популяций установлено, что размер правого предсердия у 7-10-летних мальчиков ханты достоверно превышал таковой у уроженцев Среднего Приобья, однако в более старшем возрасте этот размер был меньше. В популяциях девочек подобные отличия были выявлены только к 15-17 лет ($p < 0,05$).

Заслуживают внимания результаты исследования размера левого предсердия, величина которого у мальчиков ханты младшей и старшей возрастной групп, а также уроженцев Среднего Приобья в 11-14 лет была достоверно выше в сравнении с девочками данных возрастов. В популяционном сравнении в группах ханты 11-14 и 15-17 лет размер левого предсердия был ниже как у мальчиков, так и у девочек ($p < 0,05-0,001$).

Таблица 2. Показатели ЭХО школьников 7-17 лет ХМАО – Югры ($\bar{X} \pm m\sigma$)

Показатель	ханты		уроженцы Среднего Приобья		
	Мальчики	Девочки	Мальчики	Девочки	
7-10 лет					
Пр.предс.,мм	19,83±1,04♦	21,50±1,32	15,50±1,65	22,00±0,92**	
Лев.предс.,мм	21,92±0,48*	20,33±0,54	20,90±1,29	21,40±0,50	
Пр. жел., мм	20,25±0,45♦♦♦	20,67±0,86	10,90±0,94	20,70±0,53***	
Левый желудочек	КДР,мм	37,42±1,30**♦	31,00±1,11	33,30±1,16	32,60±0,71
	КСР, мм	23,17±0,47***	20,67±0,54	20,20±2,45	20,20±0,39
	КДО, мл	57,75±2,32**♦	49,83±1,35	46,58±3,62	46,80±1,92
	КСО, мл	19,00±0,81***	14,83±0,44	19,20±2,07	14,80±0,60
	УО, мл	38,75±1,57♦♦♦	35,50±1,22	27,30±0,86	39,80±0,50***♦♦
	ФВ, %	66,42±0,50♦♦	70,50±1,51*	59,70±1,79	70,20±1,09***

	ФУ, %	36,17±0,37◆◆◆	39,17±1,36*	31,00±1,20	37,00±0,93***
	МЖП, мм	6,08±0,26◆◆◆	6,00±0,35	4,00±0,21	5,50±0,15***
	ЗС, мм	6,08±0,29◆◆◆	5,67±0,33	4,20±0,13	5,80±0,11***
11-14 лет					
	Пр. предс., мм	20,55±0,93*	23,50±0,69	27,27±0,71*◆◆◆	24,78±0,94
	Лев. предс., мм	22,73±0,90	21,67±0,73	26,27±0,54◆◆	27,22±1,19◆◆◆
	Пр. жел., мм	17,09±1,73	20,50±1,33	23,36±1,94◆	22,22±1,30
Левый желудочек	КДР, мм	41,00±2,11	39,17±1,53	40,82±0,69	41,11±1,41
	КСР, мм	25,09±1,44	23,83±1,21	25,00±0,40	24,89±1,29
	КДО, мл	67,55±4,46	61,17±1,41	76,18±3,12	69,00±5,18
	КСО, мл	17,73±0,98	17,17±1,16	23,91±0,99◆◆◆	23,22±3,14
	УО, мл	50,91±3,83	44,17±1,26	52,55±2,34	46,33±3,40
	ФВ, %	73,64±1,21◆◆	71,50±1,42	68,64±0,53	68,67±3,19
	ФУ, %	42,09±1,16◆◆◆	40,50±1,26◆◆◆	36,82±0,64*	33,89±0,98
	МЖП, мм	5,44±0,31	6,00±0,46	6,36±0,24◆	7,89±0,42**◆◆
	ЗС, мм	5,98±0,38	6,33±0,45	6,45±0,28	7,33±0,50
15-17 лет					
	Пр. предс., мм	22,36±0,91	23,50±1,88	26,75±1,96◆◆	28,27±0,49◆
	Лев. предс., мм	25,91±0,68*	22,50±1,31	30,00±1,61◆	28,55±0,79◆◆◆
	Пр. жел., мм	18,91±1,75	18,25±2,30	24,00±2,21	23,91±0,87◆
Левый желудочек	КДР, мм	51,00±1,65◆	48,25±1,07◆	46,25±1,01	43,55±1,52
	КСР, мм	28,45±1,59	25,00±1,40	28,50±0,34	27,18±0,85
	КДО, мл	99,27±11,76	85,25±8,33	101,50±5,39	88,36±7,09
	КСО, мл	38,64±6,80	24,25±3,29	29,75±1,47	28,09±1,91
	УО, мл	66,27±7,34	60,75±5,81	62,00±4,25	60,27±5,57
	ФВ, %	66,18±1,31	71,50±2,19*	69,00±2,02	67,45±1,15
	ФУ, %	36,73±1,15	41,00±1,75	41,75±1,30**◆◆	37,00±1,04
	МЖП, мм	6,59±0,34	6,75±0,33	7,50±0,62	6,59±0,18
	ЗС, мм	6,41±0,28	6,25±0,25	7,71±0,50◆	6,82±0,18

Размер правого желудочка был достоверно меньше у 7-10-летних мальчиков, уроженцев Среднего Приобья при сопоставлении с таковым у девочек данной группы. В популяциях же школьников этот показатель был выше у мальчиков ханты в 7-10 лет ($p<0,001$), но ниже в 11-14 лет ($p<0,05$), а в 15-17 лет он преобладал у уроженок Среднего Приобья ($p<0,05$).

Анализ результатов исследования параметров левого желудочка выявил, что КДР и КСР с возрастом значительно увеличиваются в обеих популяционных группах. Достоверное преобладание КДР и КСР в половых группах было выявлено нами лишь у школьников ханты в возрасте 7-10 лет. В популяционных группах КДР был больше у мальчиков 7-10 и 15-17 лет ($p<0,05$), и у девочек ханты старшей возрастной группы ($p<0,05$). Значения КСР были достоверно выше у мальчиков ханты в возрасте 7-10 лет по сравнению с таковыми у девочек. Подобные изменения выявлены и в отношении КДО и КСО, которые свидетельствовали о том, что у мальчиков ханты в возрасте 7-10 лет они достоверно превосходили таковые показатели у девочек.

На фоне более низких размеров полостей сердца у мальчиков и девочек ханты 7-17 лет, по сравнению с их сверстниками, уроженцами Среднего Приобья имело место, как повышение, так и снижение показателей внутрисердечной гемодинамики. Так нами было выявлено достоверное увеличение УО левого желудочка у мальчиков ханты и снижение – у девочек ханты в возрасте 7-10 лет по сравнению с уроженцами Среднего Приобья.

Одновременно с этим были также зарегистрированы и достоверно более высокие показатели ФВ левого желудочка у девочек по сравнению с мальчиками соответствующих популяционных групп в возрасте 7-10 лет и в группе школьников ханты 15-17 лет. Кроме того, ФВ была выраженнее у мальчиков ханты младшего и среднего школьного возраста в сравнении с таковой у уроженцев Среднего Приобья ($p<0,01$).

Гендерные различия ФУ левого желудочка были характерны для обеих изучаемых популяций школьников: достоверное возрастание ФУ в обеих группах девочек 7-10 лет и снижение - в 11-14 и 15-17 лет у уроженок Среднего Приобья. При межпопуляционном сравнении ФУ демонстрировала более высокие значения в группах мальчиков ханты 7-10 и 11-14 лет и девочек ханты 11-14 лет ($p < 0,001$), а более низкие значения у мальчиков ханты в возрасте 15-17 лет ($p < 0,01$).

Толщина межжелудочковой перегородки была минимальна у 7-10-летних мальчиков, уроженцев Среднего Приобья сравнительно с девочками данной популяционной группы ($p < 0,01$) и мальчиками ханты этого возраста ($p < 0,001$). Аналогичная картина наблюдалась и по показателю толщины задней стенки левого желудочка. В среднем школьном возрасте МЖП демонстрировала у мальчиков Среднего Приобья более низкие значения ($p < 0,01$) при сравнении с девочками и более высокие ($p < 0,05$) при сравнении с ханты. Значение толщины МЖП сердца девочек ханты было также меньше, чем у уроженок Среднего Приобья ($p < 0,01$). Обращает на себя внимание тот факт, что при межпопуляционном сравнении ЗС была толще у мальчиков ханты 7-10 лет ($p < 0,001$) и тоньше в возрасте 15-17 лет ($p < 0,01$), чем у мальчиков данных возрастов, являющихся уроженцами Среднего Приобья.

Анализ вариационной пульсометрии в покое позволил получить сведения об уровне взаимодействия различных звеньев регуляции, отразил характер компенсаторно-приспособительных реакций и функциональных возможностей организма детей, а также охарактеризовал изменения уровня вегетативных влияний при отсутствии видимых сдвигов основных физиологических показателей [5].

Мода, как парасимпатический маркер в половых группах ханты достоверно преобладал у мальчиков во всех возрастных периодах. В группах уроженцев Среднего Приобья Мо у мальчиков была выше как в среднем, так и старшем школьном возрасте, но достоверные отличия имела только в возрасте 11-14 лет. Индекс вегетативного равновесия в этой популяционной группе был достоверно выше у девочек среднего школьного возраста. Остальные параметры вариационной пульсометрии достоверно значимых гендерных различий не имели.

При популяционном сравнении наиболее значимые различия установлены нами у 7-10-летних школьников: снижение Мо ($p < 0,001$) и повышение In ($p < 0,001$) и Ivг ($p < 0,05$) у девочек ханты; снижение СКО ($p < 0,001$) и повышение $\Delta R-R$ ($p < 0,05$), In ($p < 0,05$), Ivг ($p < 0,05$) у мальчиков. В 11-14-летнем возрасте эта тенденция была характерна для Ivг ($p < 0,01$) у мальчиков ханты.

Возрастные изменения водителя ритма у школьников ханты 7-10 лет демонстрировали высокую долю как адренергических, так и холинергических влияний, но в онтогенезе (к 15-17 годам) тонус вегетативной нервной системы смещался в сторону парасимпатического отдела. У 7-10-летних мальчиков и 11-14-летних девочек выявлено состояние напряжения регуляторных механизмов с малым вариационным размахом, большим индексом напряжения и амплитуды моды, что соответствует высокому уровню активности симпатoadреналовой системы.

Показатели водителя ритма у школьников, уроженцев Среднего Приобья также отражали известную тенденцию повышения парасимпатической активности вегетативной нервной системы с возрастом. Однако, уровень симпатических влияний на хронотропную функцию сердца у девочек, уроженок Среднего Приобья к 11-14 годам выше, чем у мальчиков. Это, по-видимому, связано у девочек с более ранним периодом полового созревания. Высокий уровень напряжения регуляторных механизмов у мальчиков 15-17 лет и девочек 11-14 лет этой популяционной группы и в младшем и среднем школьном возрасте у девочек и младшем у мальчиков группе ханты позволяет говорить о некотором снижении функциональных резервов у школьников этих возрастов. По всей видимости, периоды напряжения регуляторных механизмов следует считать периодами временного риска срыва адаптации.

Таким образом, метод вариационной пульсометрии при исследовании детского населения ХМАО–Югры позволил регистрировать сдвиги вегетативного равновесия, степень уча-

ствия симпатического и парасимпатического звеньев в регуляции ритма сердечных сокращений, степень централизации его управления.

Выводы:

1. Физическое развитие обследованных нами школьников свидетельствовало о преобладании мезоморфных процессов в младшем школьном возрасте и возрастанием числа случаев умеренно брахиморфных пропорций в старшем школьном возрасте. Вероятно, более низкие весоростовые показатели и интегральные параметры у современного подрастающего поколения ханты указывают на процесс грацилизации уже в 7-10 лет, а у школьников, уроженцев Среднего Приобья – на отдельные проявления акцелерации.

2. Дифференциальная оценка функции сердечно-сосудистой системы показала, что 74% обследованных детей ханты и 50% детей уроженцев Среднего Приобья имели гиперкинетический тип кровообращения.

3. Выявлены популяционные особенности биоэлектрической активности миокарда детей ханты 7-17 лет. У девочек ханты установлена высокая возбудимость миокарда предсердий и желудочков в 7-10 лет; у мальчиков на всех этапах онтогенеза – низкая предсердная, а в 15-17 лет и желудочковая возбудимость. Длительность предсердной проводимости в обеих половых группах ханты оставалась высокой, в то время как атриовентрикулярная проводимость характеризовалась как низкая. Удлинение времени проведения возбуждения по предсердиям и желудочкам сердца у мальчиков, уроженцев Среднего Приобья среднего и старшего школьного возраста совпадает со временем наиболее быстрого увеличения общего размера сердца в этом возрасте.

4. Полученные данные стандартной электрокардиографии свидетельствовали о высокой частоте встречаемости номотопных аритмий в популяции ханты (75%), особенно в младшем школьном возрасте. У уроженцев Среднего Приобья дизритмии зарегистрированы в более 50% случаев.

5. У школьников ханты 7-10 лет установлена высокая доля как адренергических, так и холинергических влияний, но в онтогенезе, в обеих популяционных группах к 15-17 годам тонус вегетативной нервной системы смещался в вагальную сторону. В 7-10 лет у мальчиков и в 11-14 лет у девочек ханты выявлено некоторое напряжение регуляторных механизмов с малым вариационным размахом, с большим индексом напряжения и амплитудой моды, что может быть обусловлено снижением активности парасимпатического отдела и повышением активности симпатического отдела вегетативной нервной системы. В группах уроженцев Среднего Приобья эти периоды приходятся на 11-14 лет у девочек и 15-17 лет у мальчиков.

Литература

6. Агаджанян Н. А., Баевский Р. М., Берсенева А. П. Проблемы адаптации и учение о здоровье. М.: Изд-во РУДН, 2006. 284 с.
7. Бенюмович М. С., Сальников С. Н. Дифференциальная диагностика синдрома преждевременной реполяризации желудочков и поражений миокарда // Кардиология. 1984. Т. 24. № 5. С. 96-99.
8. Бобров А. Л., Шуленин С. Н. Эхокардиографические изменения у практически здоровых лиц среднего возраста с синдромом ранней реполяризации желудочков // Вестник Российской военно-медицинской академии. Приложение. 2005. № 2 (13). С. 127-128.
9. Буганов А. А. Оценка здоровья человека на Севере с позиции профилактикалога // День главного врача: материалы окружного совещания. Надым, 2003. С. 111-117.
10. Волокитина Т. В., Грибанов А. В. Вариабельность сердечного ритма у детей младшего школьного возраста // Вариабельность сердечного ритма у детей младшего школьного возраста. Архангельск: Поморский ун-т, 2004. 194 с.
11. Кучма В. Р., Звездина И. В., Жигарева Н. С. Медико-социальные аспекты формирования здоровья младших школьников // Вопросы современной педиатрии. 2008. Т. 7. № 4. С. 9-12.
12. Малькова Г. А. О состоянии здоровья детей и подростков в Российской Федерации // ДРОЗД: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. М., 2005. С. 42-47.
13. Морман Д., Хеллер Л. Физиология сердечно-сосудистой системы. СПб.: Питер, 2000. 256 с.
14. Мурашко Е. В. Синдром ранней реполяризации миокарда у детей // Российский вестник перинатологии и педиатрии. 2005. Т. 50. № 5. С. 25-27.

15. Никитина Т. Н. О высоком зубце Т электрокардиограммы у здоровых людей // Материалы к итоговой научной конференции. Т.1. Новокузнецк, 1970. С. 63-66.
16. Осколкова М. К., Куприянова О. О. Электрокардиография у детей. М.: МЕДпресс, 2001. 352 с.
17. Сабирьянов А. Р., Сабирьянова Е. С., Петрунов И. Г. Особенности частоты сердцебиений и ее вариабельности у мальчиков младшего школьного возраста в зависимости от преобладающих медленноволновых колебаний ритма сердца // Казан. мед. журн. 2004. № 6. С. 409-411 .
18. Соколов А. Г. Эколого-физиологические механизмы развития организма детей Среднего Приобья: дис. ... д-ра. мед. наук. Тюмень: Ханты-Мансийск, 2002. 322 с.
19. Школьникова М. А., Осокина Г. Г., Абдулатипова И. В. Анализ закономерностей распространенности, заболеваемости, смертности и структуры сердечно-сосудистой патологии у детей // Экология человека. 2003. № 2. С. 24-28.
20. Шуленин С. Н., Бойцов С. А., Бобров А. Л. Клиническое значение синдрома ранней реполяризации желудочков, алгоритм обследования пациентов // Вестник аритмологии. 2008. № 50. С. 33-39.
21. Ямпольская Ю. А. Грацилизация и внутригрупповое распределение типов конституции московских подростков во второй половине XX века // Педиатрия. 2007. Т. 86. № 2. С. 120-123.

А. Г. Привалова

Сургутский государственный педагогический университет, г. Сургут

**Сравнительная оценка показателей физического развития
и биохимического состояния организма детей коренной и некоренной на-
циональности, проживающих в Югре**

**Comparative Estimation of Indicators of Physical Development and Biochemical
Condition of an Organism of Children of the Radical and not radical nationality
living in Yugre**

УДК 613.22

Аннотация. Метод и программный продукт для идентификации параметров квазиаттракторов вектора состояния детского организма (на примере состояния функционального и биохимического статуса детей коренной и некоренной национальности Севера), используется как эффективный показатель (маркер) напряжения адаптации и нарушения микронутриентного статуса. Последние существенно влияют на качество жизни детского населения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, что подтверждается количественно изменениями параметров квазиаттракторов. Главная задача настоящих исследований является изучение особенностей функционального и биохимического статуса детей коренной и некоренной национальности, проживающих в Югре.

The summary. The Method and software product for identification of parameters квазиаттракторов a vector of a condition of a children's organism (on an example of a condition of the functional and biochemical status of children of a radical and not radical nationality of the North), is used as an effective indicator (marker) of pressure of adaptation and infringement микронутриентного the status. The last, essentially influence quality of life of the children's population Hunts-Mansijskogo of autonomous region – Jugry that proves to be true quantitatively changes of parameters квазиаттракторов. The Main task of the present researches is studying of features of the functional and biochemical status of children of the radical and not radical nationality living in Yugre.

Ключевые слова. Физическое развитие, функциональное состояние, рациональное питание, дети коренной национальности, дети некоренной национальности, витамины, микроэлементы, квазиаттракторы.

Keywords. Physical development, a functional condition, a balanced diet, children of a radical nationality, children of not radical nationality, vitamins, microcells, квазиаттракторы.

В последние два десятилетия физическому развитию, функциональному состоянию и рациональному питанию населения посвящено много работ, как в нашей стране, так и за рубежом [1, 3, 4, 6, 8, 10, 12, 15, 17, 20]. Неблагоприятные природно-социальные факторы северного региона влияют на скорость ростовых процессов и увеличивают число лиц с дисгармоничным физическим развитием и функциональными отклонениями [5, 18, 21].

Проблема сохранения здоровья населения на Севере, особенно в местах организации крупных промышленных комплексов с высоким уровнем загрязнения окружающей среды, крайне актуальна. Так, было выявлено, что наследственно обусловленные возможности механизмов адаптации у более 70% пришлого населения не могут обеспечить длительное сохранение здоровья в условиях урбанизированного Севера [2, 7, 16]. Как следствием этого – большинство хронических заболеваний человека берут свои истоки в детском и подростковом возрасте [9].

В современной литературе существенно повысился интерес к изучению веществ, не являющихся лекарственными средствами, но необходимых для поддержания на адекватном уровне обменных процессов и гомеостаза. К таким веществам относятся в первую очередь

витамины и микроэлементы [11, 13]. Массовые обследования, регулярно проводимые лабораторией витаминов и минеральных веществ НИИ питания РАМН, однозначно свидетельствуют, что в настоящее время наиболее распространенным и опасным отклонением питания от физиологических норм является дефицит витаминов и минеральных веществ среди взрослого и детского населения нашей страны [14, 15, 19]. Это связано как с низким уровнем их потребления, переходом к рафинированной, консервированной и термически обработанной пище, богатой углеводами и жирами, бедной витаминами и минеральными веществами, так и высоким расходом в условиях хронического экологического стресса.

Таким образом, недостаточность сведений о взаимосвязи показателей физического развития, функционального состояния и микронутриентного статуса детей Среднего Приобья, определяет значимость выбранного научного направления.

Объект и методы исследований. Для решения поставленной цели и задач было проведено комплексное изучение функционального и биохимического статуса организма школьников коренной национальности и некоренной национальности в возрасте от 7 до 17 лет. Всего было обследовано 163 школьника коренной национальности (ханты) и 165 – некоренной национальности, проживающих на территории Среднего Приобья.

Для оценки функционального и биохимического статуса детей коренной (ханты) и некоренной национальности Среднего Приобья применялся комплекс методов:

Антропометрические методики включали измерения параметров физического развития (длины тела, массы тела). Сердечно-сосудистая система оценивалась по измерению систолического и диастолического компонента артериального давления (метод Короткова с использованием прибора для измерения АД «Microliwe» ВР А-1-20), с последующим расчетом пульсового давления (ПД). Расчет и оценку уровня адаптации проводили по значению интегрального индекса функциональных изменений Р. М. Баевского (ИФИ).

Витаминный статус оценивали биохимическими методами: аскорбиновую кислоту (витамин С) выявляли в крови по методу С. V. Farmer и А. F. Abt (по окраске титруемого раствора); жирорастворимые витамины А и Е определяли с помощью коммерческих наборов фирмы «Люмекс» (г. Санкт-Петербург) на приборе-анализаторе биожидкостей (люминесцентно-фотометрический): «Флюорат-02-АБЛФ».

В волосах всех обследованных лиц определяли содержание трех химических элементов (Ca, J, Se) методами атомно-эмиссионной спектроскопии с индуктивно связанной плазмой и масс-спектрометрии с индуктивно связанной плазмой. С этой целью образцы волос отбирали с 3-5 участков затылочной части головы, ближе к шее, помещали их в специальные пакеты, затем в конверты с идентификационными записями. Аналитические исследования выполняли в испытательной лаборатории АНО «Центр Биотической медицины» (г. Москва), аккредитованной при ФЦ ГСНЭ (аттестат аккредитации ГСНЭ.RU. ЦОА. 311, регистрационный номер в Государственном реестре РОСС RU. 0001.513118 от 28 мая 2003 г.) по стандартной методике в соответствии с требованиями МАГАТЭ, методическими рекомендациями МЗ СССР и ФЦГСЭН МЗ РФ.

Исследование параметров движения вектора $x=x(t)=(x_1, x_2, \dots, x_m)^T$ организма человека в фазовом пространстве состояний (ФПС) производилось в рамках традиционной статистики и методами теории хаоса и синергетики. В рамках ТХС нами идентифицировались параметры аттракторов, которые (как было установлено) существенно отличаются у учащихся разных возрастных групп (использовалась запатентованная программа «Хаос»). Полученные данные были обработаны на персональном компьютере, с использованием математической обработки по общепринятым методам вариационной статистики. Определялись следующие параметры: средняя арифметическая, ошибка средней арифметической. Для получения характера взаимосвязи между изученными показателями вычисляли коэффициенты корреляции (r). О достоверности различий средних значений показателей сравниваемых групп судили по t-критерию Стьюдента, с определением уровня значимости достоверности полученных различий по таблицам Г. Ф. Лакина (1990). Достоверными считали различия при уровне значимости $p < 0,05$. Использовалась компьютерная программа «Excel». Количественные показатели

легли в основу для построения диаграмм и оценочных таблиц по возрастной и половой изменчивости показателей организма обследуемых. Полученный цифровой материал обрабатывали на компьютере Pentium 4 с использованием пакета программ «Statistica for Windows ver. 5. 1.».

Результаты собственных исследований и их обсуждение

Функциональные показатели детей в зависимости от возраста и пола. Физическое развитие детей является одним из показателей состояния здоровья и отражает общие закономерности роста и созревания организма ребенка. Нами проведены измерения антропометрических показателей мальчиков и девочек коренной и некоренной национальности 7-17 лет. Анализ показателей физического развития проводили по возрасту, полу и этнической принадлежности.

Так, достоверные отличия наблюдались по весо-ростовым показателям при сравнении мальчиков и девочек во всех возрастных группах ($p < 0,05$). В ходе исследования нами установлено, что в старшем школьном возрасте длина тела мальчиков превышала длину тела девочек на 5,07 см, в то время как в младшем – наблюдали иную картину, а именно: мальчики были ниже девочек на 1,25 см.

У девочек прирост длины тела между младшим и средним школьным возрастом составил 13,75 см, а между средним и старшим – 17,04 см. У мальчиков же величина этого показателя была достаточно высокой, хотя и не достоверно значимой и сохранялась между всеми возрастными группами (18,92 см и 18,19 см соответственно) ($p < 0,05$).

Наряду с определением длины тела детей ханты представляло интерес также исследовать и массу их тела в зависимости от возраста и пола. Так, у мальчиков и девочек коренного населения прирост массы тела между младшим и средним школьным возрастом составил 11,14 кг и 13,14 кг соответственно, а к старшему – величина прироста была с небольшим преобладанием у мальчиков и девочек (11,43 кг и 9,92 кг соответственно) ($p < 0,05$). Антропометрические показатели тела детей некоренного населения Среднего Приобья представлены в таблице 2.

Таблица 1. Антропометрические показатели детей ханты Среднего Приобья в зависимости от возраста и пола (M±m)

Исследуемые показатели	Мальчики	Девочки	(P)
Младший школьный возраст (мальчики – n=27; девочки – n=29)			
Возраст, лет	9,10±0,25	9,10±0,16	-
Длина тела, см	121,08±1,5 •	122,33±1,34 •	<0,05
Масса тела, кг	25,19±0,62 •	24,47±0,81 •	<0,05
Средний школьный возраст (мальчики - n=26; девочки - n=27)			
Возраст, лет	12,75±0,25	12,88±0,23	-
Длина тела, см	140±1,61 ▲	136,08±2,13 ▲	<0,05
Масса тела, кг	36,33±0,8 ▲	37,61±1,62 ▲	<0,05
Старший школьный возраст (мальчики – n=26; девочки – n=28)			
Возраст, лет	16,11±0,23	15,82±0,19	-
Длина тела, см	158,19±2,39	153,12±1,25	-
Масса тела, кг	47,76±2,17	47,53±1,44	-

Примечание: в этой и последующих таблицах достоверные отличия в группах: • $p < 0,05$ – младшая и средняя группы; ▲ $p < 0,05$ – средняя и старшая группы; достоверные отличия в группах по полу: * $p < 0,05$.

Достоверные отличия по длине тела у учащихся наблюдаются во всех возрастных группах к среднему возрасту. Длина тела у мальчиков увеличилась на 18,51 см, в то время как у девочек – на 20,39 см ($p < 0,05$). Следует отметить, что к старшему школьному возрасту ростовая активность у мальчиков и девочек заметно ослабевает и составляет 20,53 см и 16,8

см соответственно ($p < 0,05$). В то же время у младшей группы половые достоверные отличия не наблюдались.

Таблица 2. Антропометрические показатели детей некоренного населения Среднего Приобья в зависимости от возраста и пола ($M \pm m$)

Исследуемые показатели	Мальчики	Девочки	(P)
Младший школьный возраст (мальчики - n=26; девочки - n=27)			
Возраст, лет	8,64±0,24	8,8±0,2	-
Длина тела, см	131,38±0,47 *	131,4±0,55 *	<0,05
Масса тела, кг	29,21±0,48 *	29,32±0,47 *	<0,05
Средний школьный возраст (мальчики - n=29; девочки - n=28)			
Возраст, лет	12,45±0,19	12,5±0,19	-
Длина тела, см	149,89±0,59 * [▲]	151,79±0,6 [▲]	<0,05
Масса тела, кг	41,9±0,69 * [▲]	44,23±0,68 [▲]	<0,05
Старший школьный возраст (мальчики - n=29; девочки - n=26)			
Возраст, лет	15,89±0,7	15,5±0,7	-
Длина тела, см	170,42±0,61 *	168,59±0,57	<0,05
Масса тела, кг	60,89±0,87 *	57,68±0,66	<0,05

Увеличение массы тела у детей от младшей до старшей групп составляют 12-19 кг у мальчиков, а у девочек – 13-14 кг. Наиболее интенсивно увеличилась масса тела у девочек в среднем возрасте, в то время как в группе мальчиков – в старшем возрасте. Следует отметить, что у мальчиков в старшей группе нами были отмечены самые высокие прибавки массы тела (до 19 кг).

В ходе исследования установлено, что половые достоверные различия в показателях массы тела выявляются только в средней и старшей группах ($p < 0,05$). В наших исследованиях величина ЧСС у мальчиков ханты значимо уменьшалась от 88,71±2,76 уд/мин в младшем возрасте до 72,5±2,16 уд/мин в старшей группе ($p < 0,05$). У девочек прослеживалось аналогичное достоверное снижение показателей ЧСС: от 91,95±3,6 уд/мин в младшей группе до 78,76±3,13 уд/мин в старшей группе (табл. 3.).

Наряду с этим, нами была предпринята попытка выяснить наличие половых различий по данному показателю. Было установлено, что во всех возрастных группах между мальчиками и девочками отсутствовали какие-либо достоверные отличия по ЧСС. В наших исследованиях наблюдались достоверные отличия САД и ДАД по возрасту между средней и старшей группами у девочек ($p < 0,05$), в то время как у мальчиков таковых отличий не выявлялось.

Таблица 3. Изменения функциональных показателей системы кровообращения детей ханты Среднего Приобья в зависимости от возраста и пола ($M \pm m$)

Исследуемые показатели	Мальчики	Девочки	(P)
Младший школьный возраст (мальчики – n=27; девочки – n=29)			
ЧСС, уд/мин	88,71±2,76 *	91,95±3,6	<0,05
САД, мм рт ст	110,16±2,49	105,65±2,36	-
ДАД, мм рт ст	73,11±1,9 *	67,25±1,75	< 0,05
ПД, мм рт ст	34,47±0,29 *	35,32±0,31 *	<0,05
Средний школьный возраст (мальчики - n=26; девочки - n=27)			
ЧСС, уд/мин	80,95±2,27 [▲]	90,44±2,64 [▲]	<0,05
САД, мм рт ст	112,7±2,2	110,88±2,1 [▲]	<0,05
ДАД, мм рт ст	72,25±2,22	71,88±1,77 [▲]	<0,05
ПД, мм рт ст	39,87±0,37 [▲]	41,87±0,37 [▲]	<0,05

Старший школьный возраст (мальчики – n=26; девочки – n=28)			
ЧСС, уд/мин	72,5±2,16	78,76±3,13	-
САД, мм рт ст	115,66±2,47 *	122,35±2,16	< 0,05
ДАД, мм рт ст	70,44±1,9 *	76,94±1,5	< 0,05
ПД, мм рт ст	46,99±0,45	47,35±0,44	-

Таблица 4. Изменения функциональных показателей системы кровообращения детей некоренной национальности Среднего Приобья в зависимости от возраста и пола (M±m)

Исследуемые показатели	Мальчики	Девочки	(P)
Младший школьный возраст (мальчики - n=26; девочки - n=27)			
ЧСС, уд/мин	88,21±0,49 *•	86,35±0,48 •	<0,05
САД, мм рт ст	100,94±0,53 *•	98,99±0,52	<0,05
ДАД, мм рт ст	66,36±0,38 •	66,39±0,37 •	<0,05
ПД, мм рт ст	35,06±0,33 *•	32,97±0,31 •	<0,05
Средний школьный возраст (мальчики - n=29; девочки - n=28)			
ЧСС, уд/мин	79,95±0,56 *▲	83,64±0,54 ▲	<0,05
САД, мм рт ст	109,5±0,64 ▲	109,39±0,63	<0,05
ДАД, мм рт ст	70,6±0,44 ▲	71,25±0,43 ▲	<0,05
ПД, мм рт ст	39,18±0,42 ▲	38,66±0,42 ▲	<0,05
Старший школьный возраст (мальчики – n=29; девочки – n=26)			
ЧСС, уд/мин	78,01±0,64	77,98±0,61	-
САД, мм рт ст	121,23±0,76	120,6±0,75	-
ДАД, мм рт ст	77,38±0,53 *	75,56±0,51	<0,05
ПД, мм рт ст	44,32±0,52	45,4±0,52	-

Анализ динамики показателей САД школьников обеих половых групп позволил установить незначительное превышение возрастных норм как у мальчиков, так и у девочек. В проведенных нами исследованиях к началу пубертатного периода прирост САД у мальчиков ханты оказался минимальным – 2,54 мм рт. ст., в то время как у девочек он составил 2,96 мм рт. ст. Обращает на себя внимание, что все же нормальных значений САД взрослого человека у мальчиков этот показатель не достигает.

Диастолическое артериальное давление у мальчиков ханты с возрастом уменьшалось с 73,11±1,9 мм рт. ст. по 70,44±1,9 мм рт. ст. соответственно, в то время как у девочек ханты – наоборот увеличивалось с 67,25±1,75 мм рт. ст. по 76,94±1,5 мм рт. ст. Достоверные отличия ПД наблюдались в возрастном аспекте (табл.3.) (p<0,05).

В младшей группе у детей некоренной национальности обоих полов ЧСС характеризуется наибольшей величиной (табл.4.). С возрастом число сердечных сокращений замедляется и к 17 годам достигает 77-78 уд/мин.

Достоверные различия по частоте сердечных сокращений среди мальчиков и девочек наблюдались по полу только в младшей и средней группах, а по возрасту – практически во всех возрастных группах (p<0,05). Интегральным показателем деятельности сердечно-сосудистой системы является величина артериального давления. Нами установлено, что величина САД и ДАД в обеих группах детей младшего возраста соответствует низким значениям.

Заслуживает внимания тот факт, что с возрастом эти показатели достоверно отличались, а именно: в младшей группе мальчиков показатели АД составили 100,94/66,36 мм рт. ст., в средней – 109,5/70,6 мм рт. ст. и в старшей группе – 121,23/77,38 мм рт. ст. (p<0,05).

В группе девочек достоверные отличия наблюдаются только по показателям ДАД во всех возрастных группах. В старших группах величина АД достигала границ уровня физиологических колебаний, характерных для данной возрастной группы. Следует отметить, что самые высокие цифры АД определялись в группе мальчиков (от 100,94/66,36 мм рт. ст. в

младшей группе, до 121,23/77,38 мм рт. ст. – в старшей). Достоверные отличия ПД у детей некоренной национальности наблюдались и в возрастном аспекте в обеих группах, и в половом аспекте – в младшем возрасте ($p < 0,05$).

Принимая во внимание, что уровень адаптационных возможностей сердечно-сосудистой системы напрямую зависит от ряда антропометрических параметров, мы сочли необходимым его исследовать.

Так, средние значения показателя ИФИ у школьников ханты 7-17 лет во всех возрастно-половых группах (кроме мальчиков младшей и девочек старшей группы) укладывались в соответствующие параметры удовлетворительной адаптации. У мальчиков ханты величина адаптационного потенциала к 17 годам снижалась, что обусловлено, по-видимому, нормализацией функционального состояния сердечно-сосудистой системы. У девочек ханты средней и старшей школьных групп адаптационный потенциал имел более высокие значения, чем в соответствующих группах мальчиков ханты.

Величина ИФИ у детей некоренной национальности младшей группы находилась в зоне удовлетворительной адаптации. В период же ростовой активности, когда происходит перестройка физиологических систем, показатели ИФИ находились в зоне напряженных адаптивных реакций. Следует отметить, что в старшем возрасте величина исследуемого показателя продолжала оставаться на высоком уровне. Следовательно, процессы возрастного развития системы кровообращения и вегетативной регуляции у детей некоренной национальности характеризуются, по-видимому, появлением дезадаптационных реакций, которые имели тенденцию к увеличению с возрастом. Обращает на себя внимание тот факт, что наибольшая величина ИФИ определялась в группе девочек.

Биохимические показатели детей в зависимости от возраста и пола. В ходе исследования было выявлено, что практически у всех учащихся коренной национальности отмечался дефицит витамина А, степень выраженности которого зависела от возраста и пола. Как видно из данных таблицы 5, средние показатели содержания витамина А в крови у детей-ханты (младший школьный возраст) были существенно ниже минимального уровня обеспеченности организма.

Таблица 5. Показатели обеспеченности витаминами-антиоксидантами в крови у детей коренной национальности (ханты) ($M \pm m$)

Исследуемые показатели	Мальчики	Девочки	Биологически-допустимый уровень витаминов	
			Нижний	Верхний
Младший школьный возраст (мальчики - n=27; девочки - n=29)				
Вит. А, мкг/дл	17,47±1,67	16,60±1,56	30	80
Вит. Е, мг/дл	1,23±0,13	1,25±0,08	0,8	1,5
Вит. С, мг/дл	0,49±0,06	0,68±0,08	0,4	1,5
Средний школьный возраст (мальчики - n=26; девочки - n=27)				
Вит. А, мкг/дл	20,43±1,91	18,42±1,48	30	80
Вит. Е, мг/дл	1,24±0,07 ^{*▲}	1,05±0,07	0,8	1,5
Вит. С, мг/дл	0,35±0,04 [*]	0,64±0,07	0,4	1,5
Старший школьный возраст (мальчики - n=26; девочки - n=28)				
Вит. А, мкг/дл	22,47±2,08	20,72±3,01	30	80
Вит.Е, мг/дл	0,90±0,06	0,85±0,08	0,8	1,5
Вит. С, мг/дл	0,27±0,03	0,46±0,06	0,4	1,5

Так, среди девочек глубокий дефицит был зарегистрирован у 45%, в то время как у мальчиков только у 26% из всех обследованных лиц. У других детей данной возрастной группы наблюдали среднюю и легкую степень гиповитаминоза. Аналогичные результаты были получены и при обследовании следующей группы детей (средний школьный возраст), но уже наметилась тенденция к увеличению числа детей (особенно среди мальчиков),

имеющих легкую степень гиповитаминоза. Достоин внимания тот факт, что у детей старшей возрастной группы хотя средние показатели содержания витамина А и были ниже предельно допустимых величин, однако количество школьников с легкой степенью гиповитаминоза значительно возросло и составило уже более 50% от обследуемых лиц.

Концентрация витамина Е в крови учащихся двух возрастных групп (младшая и средняя) соответствовала таковой, присущей лицам наиболее оптимально обеспеченным данным микронутриентом. Так, у мальчиков (ханты) младшего и среднего возраста уровень витамина Е находился в диапазоне физиологических значений и составил $1,23 \pm 0,13$ мг/дл и $1,24 \pm 0,07$ мг/дл соответственно. У девочек данных возрастных групп средние показатели обеспеченности витамином Е существенно не отличались от таковых в группе мальчиков (табл. 5). У большей части школьников старшей возрастной группы концентрация витамина Е была достоверно ниже (у мальчиков), чем в двух других возрастных группах ($p < 0,05$), но не выходила за пределы минимально допустимой.

Содержание витамина С у детей младшего школьного возраста как у мальчиков, так и у девочек находилось в пределах допустимых физиологических границ ($0,49 \pm 0,06$ мг/дл и $0,68 \pm 0,08$ соответственно), однако адекватно обеспеченных аскорбиновой кислотой можно было считать только 42% у мальчиков и 60% – девочек. В следующей обследованной группе (средний школьный возраст) отмечали у мальчиков заметное снижение уровня витамина С ($0,35 \pm 0,04$ мг/дл), в то время как у девочек он существенно не претерпевал каких-либо изменений – $0,64 \pm 0,07$ мг/дл. У большей части мальчиков (62%) уровень дефицита аскорбиновой кислоты был наиболее выраженным и составлял в среднем $0,27 \pm 0,03$ мг/дл (табл. 5). У девочек содержание витамина С не представляло существенных изменений и соответствовало в среднем значению $0,46 \pm 0,06$ мг/дл, которое значимо отличалось от такового у мальчиков ($p < 0,05$).

Таблица 6. Показатели обеспеченности витаминами-антиоксидантами в крови у детей некоренной национальности ($M \pm m$)

Исследуемые показатели	Мальчики	Девочки	Биологически-допустимый уровень витаминов	
			Нижний	Верхний
Младший школьный возраст (мальчики - n=26; девочки - n=27)				
Вит. А, мкг/дл	$38,98 \pm 3,60$	$43,24 \pm 3,28$	30	80
Вит. Е, мг/дл	$0,69 \pm 0,05^{**}$	$0,53 \pm 0,04$	0,8	1,5
Вит. С, мг/дл	$0,43 \pm 0,06$	$0,37 \pm 0,04$	0,4	1,5
Средний школьный возраст (мальчики - n=29; девочки - n=28)				
Вит. А, мкг/дл	$47,26 \pm 3,85$	$42,13 \pm 3,59$	30	80
Вит. Е, мг/дл	$0,54 \pm 0,05$	$0,61 \pm 0,05$	0,8	1,5
Вит. С, мг/дл	$0,50 \pm 0,05^{\Delta}$	$0,46 \pm 0,06$	0,4	1,5
Старший школьный возраст (мальчики - n=29; девочки - n=26)				
Вит. А, мкг/дл	$37,56 \pm 3,37$	$43,74 \pm 4,33$	30	80
Вит. Е, мг/дл	$0,67 \pm 0,06$	$0,52 \pm 0,05$	0,8	1,5
Вит. С, мг/дл	$0,34 \pm 0,04$	$0,41 \pm 0,05$	0,4	1,5

В ходе исследования было выявлено, что у мальчиков некоренной национальности младшего и старшего школьного возраста уровень витамина А находился в диапазоне физиологических значений и составил $38,98 \pm 3,60$ мкг/дл и $37,56 \pm 3,37$ мкг/дл соответственно (табл.6). У большей части школьников средней возрастной группы концентрация витамина А была выше (у мальчиков), чем в двух других возрастных группах, но не выходила за пределы максимально допустимой.

Как видно из данных, представленных в таблице 6, средние показатели содержания витамина Е в крови у детей некоренной национальности (младший школьный возраст) были

ниже минимального уровня обеспеченности организма, а именно: у мальчиков $0,69 \pm 0,05$ мг/дл и у девочек – $0,53 \pm 0,04$ мг/дл.

Аналогичные результаты были получены и при обследовании следующей группы детей (средний школьный возраст), у которых концентрация витамина Е также не соответствовала физиологическому диапазону значений обеспеченности организма указанным микронутриентом. Содержание витамина Е у мальчиков и девочек некоренной национальности (старшая возрастная группа) составляет $0,67 \pm 0,06$ мг/дл и $0,52 \pm 0,05$ мг/дл соответственно и значимо не отличалась от показателей концентрации витамина Е у детей младшей возрастной группы.

Глубокий дефицит аскорбиновой кислоты был обнаружен у 30% учащихся. У оставшихся детей уровень витамина С был либо ниже (35%) минимально допустимой величины обеспеченности, либо в ее пределах (35%). Содержание витамина С у детей среднего школьного возраста как у мальчиков, так и у девочек находилось в пределах допустимых физиологических границ ($0,50 \pm 0,05$ мг/дл и $0,46 \pm 0,06$ мг/дл соответственно). В группе школьников старшей возрастной группы (15-17 лет) концентрация витамина С у мальчиков была значительно ниже физиологических норм и составила $0,34 \pm 0,04$ мг/дл. У девочек содержание витамина С находилось на нижней границы нормы и соответствовало в среднем значению $0,41 \pm 0,05$ мг/дл.

Поливитаминный дефицит сочетается с недостаточным поступлением в организм ряда макро- и микроэлементов.

Так, у детей и подростков коренной национальности в подавляющем большинстве содержание кальция находилось в пределах физиологических значений. Исключение составляли лишь учащиеся старшей возрастной группы (мальчики, девочки), у которых в единичных случаях встречался дефицит этого микронутриента, в то время как в других возрастных группах его концентрация находилась в пределах минимально допустимых величин. Также было установлено, что у школьников обоего пола (младший возраст) и у мальчиков среднего возраста имел место выраженный дефицит йода, который был присущ почти половине обследованных лиц. Концентрация селена во всех возрастных группах не выходила за пределы физиологических величин (табл.7).

Таблица 7. Концентрация макро- и микроэлементов в волосах детей коренной национальности (ханты) (M±m)

Исследуемые показатели	Мальчики	Девочки	Биологически-допустимый уровень макро- и микроэлементов (мкг/г)	
			Нижний	Верхний
Младший школьный возраст (мальчики - n=27; девочки - n=29)				
Ca	$419,31 \pm 14,01^{\bullet}$	$429,26 \pm 13,95^{\bullet}$	254,00	611,00
J	$0,61 \pm 0,04$	$0,63 \pm 0,04$	0,65	3,00
Se	$0,87 \pm 0,04^*$	$0,68 \pm 0,05^{\bullet}$	0,65	2,43
Средний школьный возраст (мальчики - n=26; девочки - n=27)				
Ca	$352,12 \pm 16,04^{\blacktriangle}$	$314,15 \pm 10,27$	254,00	611,00
J	$0,54 \pm 0,05^{\blacktriangle}$	$0,65 \pm 0,05$	0,65	3,00
Se	$0,84 \pm 0,04^{*\blacktriangle}$	$1,05 \pm 0,04$	0,65	2,43
Старший школьный возраст (мальчики - n=26; девочки - n=28)				
Ca	$300,37 \pm 15,86$	$322,62 \pm 14,83$	254,00	611,00
J	$0,73 \pm 0,06$	$0,76 \pm 0,07$	0,65	3,00
Se	$1,01 \pm 0,06$	$0,99 \pm 0,05$	0,65	2,43

Принимая во внимание полученные в ходе обследования учащихся некоренной национальности данные, можно сделать заключение, что в рационе питания учащихся присутствовало оптимальное количество микронутриентов (Ca и Se), за исключением йода (табл.8).

Таблица 8. Концентрация макро- и микроэлементов в волосах детей некоренной национальности (M±m)

Исследуемые показатели	Мальчики	Девочки	Биологически-допустимый уровень макро- и микроэлементов (мкг/г)	
			Нижний	Верхний
Младший школьный возраст (мальчики - n=26; девочки - n=27)				
Ca	274,92±18,82	299,61±18,85	254,00	611,00
J	0,72±0,06*	0,93±0,07 [•]	0,65	3,00
Se	0,62±0,03	0,69±0,05	0,65	2,43
Средний школьный возраст (мальчики - n=29; девочки - n=28)				
Ca	300,38±14,54	307,92±16,86	254,00	611,00
J	0,75±0,05	0,67±0,05	0,65	3,00
Se	0,59±0,04*	0,81±0,06 [▲]	0,65	2,43
Старший школьный возраст (мальчики - n=29; девочки - n=26)				
Ca	274,19±18,94	325,78±17,35	254,00	611,00
J	0,65±0,05	0,64±0,05	0,65	3,00
Se	0,68±0,05	0,65±0,05	0,65	2,43

Кроме того, исследование корреляционных связей позволило выявить у детей, проживающих в неблагоприятных климатоэкологических условиях урбанизированного Севера, разнонаправленные изменения в содержании микронутриентов и уровня индекса функциональных изменений.

Так, нами было выявлено, что у детей коренной национальности повышался уровень ИФИ при низком содержании витамина С в крови, особенно у мальчиков младшего и у девочек старшего школьного возраста. Заслуживает внимания и тот факт, что были обнаружены обратные корреляционные взаимосвязи между ИФИ и обеспеченностью организма витамином-антиоксидантом А в крови и селеном, йодом в волосах, что свидетельствует об удовлетворительной адаптации к окружающей среде. У детей некоренной национальности прямые взаимоотношения регистрировались между содержанием водорастворимого витамина С в крови и Se, Ca в волосах, что свидетельствует о наличии в ежедневном рационе питания всех вышеуказанных микронутриентов. Обратные же корреляционные связи были обнаружены между ИФИ и витаминами А, С. Это говорит о том, что чем выше содержание в организме детей и подростков витаминов – антиоксидантов и микроэлементов, тем лучше развиты у них адаптационные возможности организма.

Таким образом, результаты проведенного нами исследования выявили, что низкая обеспеченность витаминами, обладающими антиоксидантными свойствами, эссенциальными микроэлементами, по-видимому, является одной из основных причин напряжения механизмов адаптации детского организма к окружающей среде. В свою очередь, на популяционном уровне это свидетельствует о наличии еще одного из факторов ухудшения показателей состояния здоровья детского населения Югры. Представим сравнительные результаты обработки данных в рамках теории хаоса и синергетики, которые демонстрируют успешность последнего подхода. Исследования витаминов-антиоксидантов А, Е, С и микроэлементов Se, J, Ca проводились с помощью метода анализа динамики поведения ВСОЧ в m-мерном фазовом пространстве состояний (ФПС) с использованием зарегистрированной программы.

На рисунках 1-2 представлены трехмерные параллелепипеды, в которых располагаются некоторое количество точек. В нашем случае это координаты по трем измерениям (биохимические показатели). Графически можно показать только трехмерное фазовое пространство, но ЭВМ внутри себя строит m-мерный параллелепипед, который и располагается в многомерном ФПС.

Таблица 9. Результаты обработки в 3-хмерном фазовом пространстве параметров аттрактора для мальчиков среднего возраста (показатели: витамины А, Е, С)

Мальчики-ханты	Мальчики – некоренное население
Количество измерений N=26 Размерность фазового пространства m=3	Количество измерений N=29 Размерность фазового пространства m=3
IntervalX0=31.60 AsymmetryX0=0.11 IntervalX1=1.10 AsymmetryX1= 0.07 IntervalX2=0.43 AsymmetryX2=0.003	IntervalX0= 57.20 AsymmetryX0= 0.06 IntervalX1= 0.76 AsymmetryX1= 0.005 IntervalX2= 0.78 AsymmetryX2= 0.04
General asymmetry value rX = 3.29 General V value: 16.9	General asymmetry value rX = 3.55 General V value: 33.9

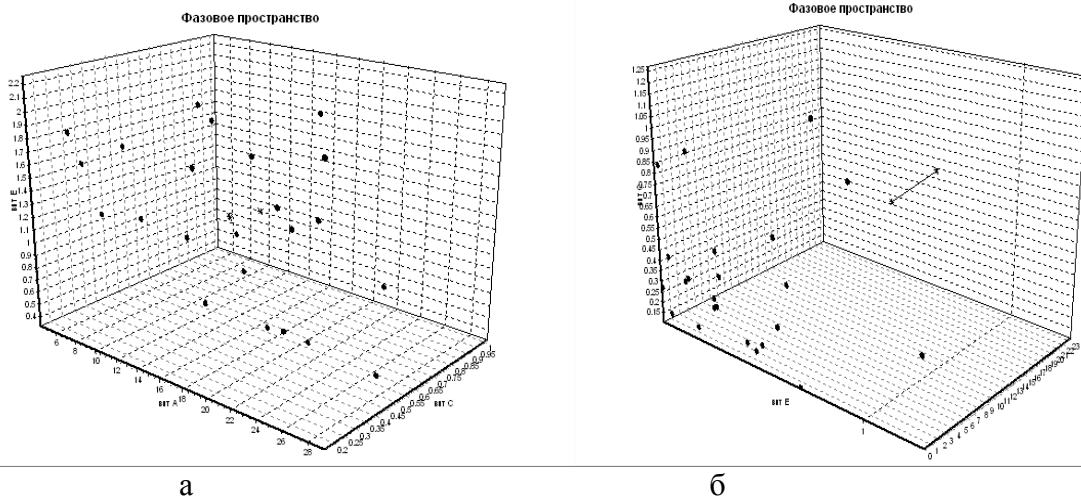

Рис. 1. Показатели параметров аттракторов ВСОЧ в 3-хмерном фазовом пространстве состояний (витаминов А Е, С) у детей (мальчики среднего возраста). Здесь: а – мальчики-ханты; б – мальчики некоренного населения

Выполненный анализ параметров аттракторов в многомерном фазовом пространстве показал, что объем аттракторов пришлого населения (General V value: 50.25) почти в полтора раза превышает таковой для показателей детей-ханты (General V value: 39.82). Также значения rX мальчиков некоренной национальности больше показателей rX детей-ханты (2.99 и 0.17 соответственно).

Таблица 10. Результаты обработки в 3-хмерном фазовом пространстве параметров аттрактора для девочек среднего возраста (показатели: микроэлементы Са, J, Se)

Девочки-ханты	Девочки некоренной национальности
Количество измерений N = 27 Размерность фазового пространства = 3	Количество измерений N = 28 Размерность фазового пространства = 3
IntervalX0=161.51 AsymmetryX0=0.024 IntervalX1= 0.70 AsymmetryX1= 0.03 IntervalX2= 0.86 AsymmetryX2= 0.03	IntervalX0=258 AsymmetryX0= 0.03 IntervalX1= 1.12 AsymmetryX1= 0.14 IntervalX2= 0.95 AsymmetryX2= 0.01
General asymmetry value rX = 3.97 General V value vX = 97.23	General asymmetry value rX = 6.47 General V value vX = 274.47

Из данных, представленных в таблице 10, можно сделать вывод о том, что параметры аттракторов детского населения (девочки) по показателям трех микроэлементов отличаются

существенно (274.47-некоренное население и 97.23-ханты). Имеются различия в значениях показателей асимметрии (6.46 и 3.96 соответственно).

Увеличение значения объемов аттракторов ВСОЧ для пришлого населения свидетельствует о том, что некоторые испытуемые находятся на грани нормы и патологии. Более того, возможны просто патологические режимы, которые по тем или иным причинам не были идентифицированы. Эти же данные говорят о дезадаптационных процессах.

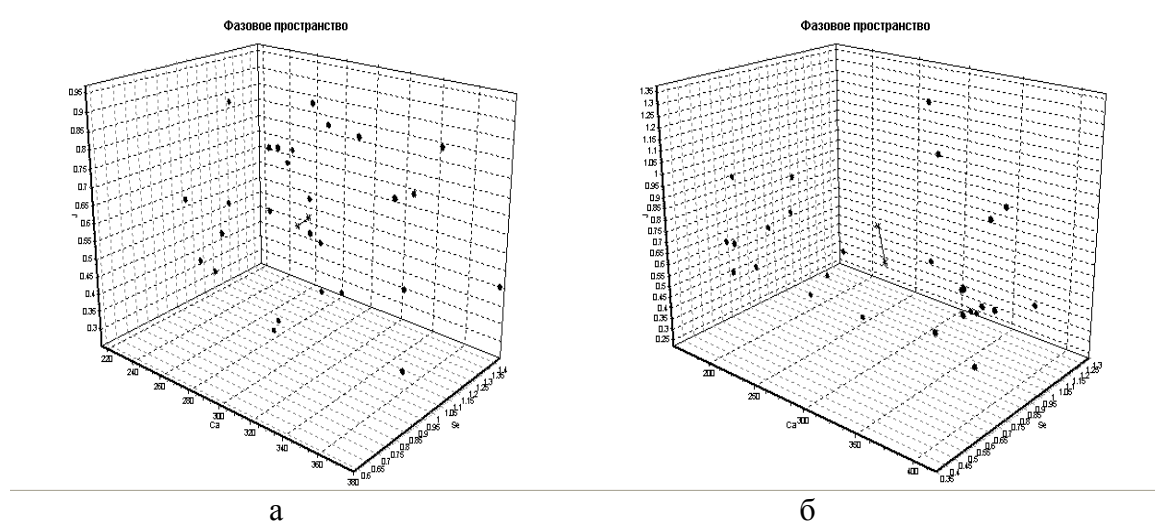

Рис. 2. Показатели параметров аттракторов ВСОЧ в 3-мерном фазовом пространстве состояний (микроэлементы Ca, J, Se) у детей (девочки среднего возраста). Здесь: а – девочки-ханты; б – девочки некоренной национальности

Основные результаты и выводы

1. Установлено, что максимальные значения величины тотальных размеров тела присуще детям некоренной национальности, в то время как минимальные – детям ханты.

2. Показатели функционального состояния системы кровообращения у детей некоренной национальности отличаются своей изменчивостью как в условиях возрастного развития, так и на воздействие североспецифических факторов, в отличие от детей ханты, у которых они были менее подвержены таковым.

3. Выявлено, что у детей ханты (мальчики младшего и девочки старшего возраста) значения показателей ИФИ свидетельствовали о напряжении механизмов адаптации, в то время как у остальных учащихся данной этнической группы они соответствовали параметрам удовлетворительной адаптации сердечно-сосудистой системы. У школьников некоренной национальности с возрастом удовлетворительный уровень адаптации неуклонно снижался за счет прироста числа детей с напряжением механизмов адаптации, что обусловлено, по-видимому, чрезмерным уровнем расходования их функциональных резервов.

4. Доказано, что экстремальные климатогеографические условия северного региона могут усугублять нарушения метаболических процессов, обусловленных нерациональным питанием. Так, отмечается выраженный дефицит витаминов-антиоксидантов А и С у детей коренной национальности, а Е и С – некоренной национальности, который указывает на снижение активности системы антиоксидантной защиты организма.

5. Отмечено, что в обеих этнических группах содержание йода в организме учащихся находилось на минимальном уровне, в то время как другие химические элементы, такие как Са и Se были в пределах оптимальных значений.

6. Обнаружена у мальчиков ханты старшего школьного возраста прямая значительная корреляционная связь между двумя жирорастворимыми витаминами А и Е, а у девочек младшего возраста – таковая была между микроэлементами йодом и селеном, что свидетельствует об удовлетворительной адаптации растущего организма к окружающей среде. Обратные значительные взаимосвязи были обнаружены у них между ИФИ и обеспеченностью ор-

ганизма витаминами-антиоксидантами А и С в крови и селеном, йодом в волосах. У детей некоренной национальности прямые умеренные и значительные взаимоотношения – между содержанием водорастворимого витамина С в крови и селеном, кальцием в волосах. Полученные данные свидетельствуют о наличии в рационе питания всех вышеуказанных микронутриентов, а также о дополнительном приеме учащимися поливитаминных комплексов.

7. Анализ параметров аттракторов вектора состояния (ВСОЧ) организма человека в 3-х мерном фазовом пространстве показал, что объем аттракторов у всех мальчиков по показателям витаминов-антиоксидантов (А, Е, С) уменьшался с возрастом (от 39.82 до 14.95 – дети-ханты и от 50.25 до 28.33-пришлое население). У девочек же объем Vx менялся с каждым возрастом. По показателям микроэлементов (Са, J, Se) у детей-ханты значения параметров с возрастом увеличиваются (от 86.45 до 277.84 – мальчики и от 64.36 до 168.98 - девочки), а у детей некоренной национальности объем Vx варьировал с возрастом.

Практические рекомендации

Полученные результаты исследования микронутриентного статуса могут быть использованы для разработки региональных значений обеспеченности витаминами и микроэлементами организма детского населения, проживающего в северном регионе. Выявленный дефицит ряда витаминов (А, Е, С), а также эссенциальных макро- и микроэлементов (Са, J, Se) дает основание для разработки комплекса профессиональных мероприятий, направленных на улучшение обеспечения организма детей и подростков данными микронутриентами с помощью оптимизации школьного питания и включения в рацион биологически активных добавок.

Литература

1. Эколого-биогеохимические факторы и здоровье человека / Н. А. Агаджанян [и др.] // Экология человека. 2000. № 1. С. 13-16.
2. Биохимия витаминов / Н. П. Баранов [и др.] // Учеб.-метод. пособие. Сургут, 2003. 74 с.
3. Васильева А. В., Хрущева Ю. В. Методические подходы к оценке пищевого статуса // Клиническая диетология. 2004. Т. 1. С. 4-13.
4. Гребнева Н. Н. Адаптация детей к условиям школьного обучения на Севере: материалы III Всероссийской конференции «Научно-методологические основы формирования физического и психического здоровья детей и молодежи». Екатеринбург, 2006. С. 57-58.
5. Гребнева Н. Н., Сазанова Т. В., Арефьева А. В. Здоровье детей в условиях адаптации к школьному обучению: материалы симпозиума «Стресс, экстремальные состояния и психосоматическая медицина». Бангкок; Патая, 2006. С. 24-25.
6. Индивидуально-типологическая характеристика развития организма детей Тюменской области / П. Г. Койносов [и др.] // Актуальные вопросы интегральной антропологии: материалы Всероссийской науч.-практич. конфер.(28-29 ноября 2001г.). Красноярск, 2001. № 2. С. 70-73.
7. Адаптивный экотип как условие сохранения здоровья человека в неблагоприятной среде: материалы междунар. научного симпозиума «ЮГРА-ГЕМО» / П. Г. Койносов [и др.]. Ханты-Мансийск. 2004. С. 77-80.
8. Корчин В. И., Нифонтова О. Л. Некоторые показатели состояния сердечно-сосудистой системы у детей коренной народности севера (ханты) // Экология человека. 2007. № 7. С. 34-38.
9. Современные технологии оздоровления детей и подростков в образовательных учреждениях / В. Р. Кучма [и др.]. М., 2002. 443 с.
10. Савчик С. А., Жукова Г. Ф., Хотимченко С. А. Йоддефицитные заболевания и их распространенность // Микроэлементы в медицине. 2004. Т. 5. Вып. 2. С. 1-9.
11. Сетко А. Г., Сетко Н. П. Дисбаланс микроэлементов, как критерий донозологической диагностики состояния здоровья детей // Вестник ЮГУ. 2006. № 12. С. 222-224.
12. Скальный А. В. Химические элементы в физиологии и экологии человека. М.: ОНИКС 21 век, 2004. 215 с.
13. Скальный А. В. Физиологические аспекты применения макро- и микроэлементов в спорте. Оренбург: ИПК ОГУ, 2005. 210 с.
14. Спиричев В. Б., Шатнюк Л. Н., Позняковский В. М. Обогащение пищевых продуктов микронутриентами: научные подходы и практические решения // Пищевая промышленность. 2003. № 3. С. 10-16.

15. Рекомендуемые уровни потребления пищевых и биологически активных веществ / В. А. Тутельян [и др.]. Оренбург: РИК ГОУ ОГУ, 2004. 35 с.
16. Адаптация человека на Севере и восстановительные процессы: материалы междунар. научного симпозиума «ЮГРА-ГЕМО» / В. И. Хаснулин [и др.]. Ханты-Мансийск. 2004. С. 81-83.
17. A randomized cross over trial of tolerability and compliance of a micronutrient supplement with low iron separateg from calcium vs high iron combined with calcium in pregnant women / E. Ahn [et al] // BMC Pregnancy and Childbirth. 2006. Vol. 6.
18. Bergmann K.E. and Mensink G.B. Anthropometric data and obesity. // Gesundheitwesen. 1999. V. 61. Spec No: S. 115-120.
19. Constans A. Making Medicine Persjnal // The Scientist. 2002. Vol. 2. № 19. P. 3 – 12.
20. Coroli S., Senofonte O., Violante N. Assessment of reference values for elements i hair of urban normal subjects // Microchem. Y. 1992. Vol.46. № 2. P. 174-183.
21. Sevilla. R., Seias E. et al. “CLAPSEN”, a global approach to the rehabilitation of severe childhood malnutrition in Bolivia // Sante. 2000. V. 10. № 2. P. 97-102.

Л. А. Семенов, Н. И. Синявский

Сургутский государственный педагогический университет, г. Сургут

Проблемы проведения мониторинга состояния физического здоровья учащихся ханты и манси

Monitoring's problems of the physical health of khanty and mansi students

УДК 796.011.1

Аннотация. В статье указывается, что в настоящее время мониторинг физического здоровья в школах для детей коренного населения Ханты-Мансийского автономного округа – ханты и манси – не проводится. Далее рассматриваются основные проблемы, решение которых позволит проводить мониторинг физического здоровья в этих школах. К числу этих проблем относятся: создание оценочных шкал с учетом этнических особенностей учащихся ханты и манси; внесение корректив в имеющуюся компьютерную программу для обработки результатов тестирования и создания базы данных об их физическом состоянии; разработка индивидуальных паспортов физического здоровья и содержания занятий физической культурой с коррекционной направленностью.

Annotation. In the article is pointed, that at present time the physical health in schools for indigenous children of Khanty-Mansiski Autonomous district – khanty and mansi – isn't monitored. Than are considered main problems. The solution of these problems lets to monitor of the physical health in these schools. To these problems relate: the creation of rating scales with taking into account of ethnic characteristics of khanty and mansi; making amendments in the existing computer program for processing test results and creating a database about their physical condition; development of individual passports of physical health and content of physical training with correctional orientation.

Ключевые слова: мониторинг, физическое здоровье, дети ханты и манси, оценочные шкалы, информационное обеспечение.

Keywords: monitoring, physical health, khanty and mansi, rating scales, information software.

В последнее десятилетие в России все большее внимание уделяется организации мониторинга как неременной части здоровьесбережения населения в целом и особенно подрастающего поколения. Свидетельством тому являются такие документы, рассматривающие необходимость внедрения мониторинга здоровья, как постановление Правительства РФ «Об общероссийской системе мониторинга состояния физического здоровья населения, физического развития детей, подростков и молодежи» [5], Закон о физической культуре и спорте РФ [2], Приказ Министерства образования и науки РФ «Об организации мониторинга здоровья обучающихся, воспитанников образовательных учреждений» [7], утвержденная Правительством РФ «Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации до 2020 года» [13], распоряжение Правительства РФ о реализации национальной образовательной инициативы «Наша новая школа» [8].

Анализ приведенных документов показывает, что основной составляющей мониторинга здоровья на сегодняшний день является физическое здоровье. Общероссийский мониторинг состояния физического здоровья населения представляет собой систему мероприятий по наблюдению, анализу, оценке и прогнозу показателей физического здоровья и проводится с целью получения информации, необходимой для принятия обоснованных решений по улучшению состояния здоровья [5].

Следует отметить, что, как показывают экспериментальные исследования, внедрение такого мониторинга в образовательные школы позволяет существенно улучшить физическое состояние учащихся [9, 10 и др.]. К сожалению, на сегодняшний день какой-либо работы по внедрению мониторинга физического здоровья в школах для детей коренного населения

Ханты-Мансийского автономного округа (ханты и манси) не проводится. Целью нашего исследования, результаты которого приводятся в данной статье, и явилось выделить и обосновать основные проблемы, решение которых позволит проводить мониторинг физического здоровья в школах для учащихся ханты и манси.

Как известно, для учащихся школ (в возрасте от 7 до 17 лет) при проведении мониторинга состояния физического здоровья Всероссийским научно-исследовательским институтом физической культуры определены, во-первых, показатели кондиционной физической подготовленности, получаемые при проведении тестовых методик: бег на 30 и 1000 м (оценка выносливости); прыжок в длину с места (оценка скоростной силы); подтягивание на высокой перекладине (оценка силы у мальчиков, юношей) и поднимание-опускание туловища из положения лежа за 30 сек. (оценка силы у девочек, девушек). Во-вторых, это соматометрические (длина тела, масса тела, окружность грудной клетки) и физиометрические (динамометрия правой и левой кистей рук, жизненная емкость легких) показатели [1].

Безусловно, что рекомендуемые показатели могут использоваться и при проведении мониторинга в школах для учащихся ханты и манси (данные показатели, особенно физическая подготовленность, могут лишь быть дополнены какими-то другими, отражающими особенности физического здоровья учащихся данных школ), т. е. в отношении определения содержания мониторинга состояния физического здоровья каких-либо затруднений нет. Другое дело – оценочные шкалы. Понятно, что мониторинг и осуществляемая на его основе оценка «будет настолько эффективны, насколько корректно заданы стандарты и нормы» [14, 135].

Оценочные шкалы, рекомендуемые для использования при проведении мониторинга в обычных школах России для детей и подростков, обучающихся в данных школах, не подходят. Причина этого заключается в этнических особенностях физического здоровья детей и подростков ханты и манси школьного возраста [6, 11 и др.]. Поэтому одной из проблем, требующей решения для проведения в школах мониторинга физического здоровья, является обоснование и разработка адекватных оценочных шкал. А для этого прежде всего необходимо проведение тестирования достаточно большого числа учащихся ханты и манси с последующей статистической обработкой полученных результатов. И лишь после этого станет возможным разработка оценочных шкал.

При этом важно учесть, чтобы эти шкалы носили не «сопоставительный», а «должный» характер [3,4,12 и др.]. «Сопоставительные нормы» оценки при разработке в полной мере основываются на действительных показателях (как средней арифметической величины «М», так и среднего квадратического отклонения «б») и позволяют лишь сравнивать состояние различных групп и отдельных учащихся. В должных же нормативных шкалах требования должны быть несколько ужесточены, чтобы у занимающихся появился стимул для выполнения этих норм. При разработке этих шкал в расчет должны браться «не просто усредненные данные тестирования, а нормативные вариации показателей» [4, 25]. Проблема, таким образом, и в том какие же нормированные вариации следует брать за основу при расчете должной шкалы для оценки состояния физического здоровья учащихся национальных школ.

Далее необходимо создание средств информационного обеспечения при проведении мониторинга для осуществления последующей коррекции выявленных отклонений в состоянии физического здоровья учащихся. Основное средство – это компьютерная программа, предназначенная для обработки результатов тестирования (обследования) и создания базы данных о физическом состоянии учащихся. Такая программа, рассчитанная на использование в обычной школе, разработана и достаточно широко апробирована [10] (существуют также другие программы). Здесь потребуются лишь некоторая корректировка с учетом особенностей оценочных шкал для учащихся школ ханты и манси.

Кроме того, как и при проведении мониторинга у учащихся обычных общеобразовательных школ, для самостоятельного систематического отслеживания занимающимися и учителями физической культуры (а также другими педагогами) результатов необходимо создать и паспорт физического здоровья. Содержание этого паспорта должно быть непосред-

венно «увязано» с содержанием мониторинга (и соответственно с тем, что заложено в компьютерной программе).

Такой паспорт обеспечит отслеживание результатов учащихся школ ханты и манси по установленным методикам и оценочным шкалам в начале и в конце учебного года. Аналог такого паспорта, используемого в обычных общеобразовательных школах, имеется [10], требуется лишь корректировка его содержания (относительно особенностей оценочных шкал). По-видимому, небезосновательной является целесообразность разработки и соответствующего вкладыша в дневник, в настоящее время достаточно широко внедряющегося в школы Свердловской области [10]. Если паспорт обеспечит отслеживание результатов по установленным методикам оценки в начале и в конце учебного года, то применение вкладыша позволит делать это ежемесячно.

Нельзя не предвидеть и проблему, связанную с коррекцией выявляемых у учащихся ханты и манси отклонений в состоянии физического здоровья. Прежде всего, это касается содержания. При внедрении мониторинга в эти школы станет необходимым включение в программу занятий физической культурой тех физических упражнений, которые бы обеспечили улучшение взятых за основу мониторинга показателей. Решение данной проблемы также требует научного обоснования и проведения опытно-экспериментальной работы.

Может иметь место также проблема (многие аспекты которой выходят за рамки практической и требуют научной проработки) связанная с необходимостью упорядочения совместной деятельности учителей по физической культуре и медицинских работников в школах для учащихся ханты и манси. На сегодняшний день эта проблема актуальна и при проведении мониторинга физического здоровья учащихся в обычной общеобразовательной школе (медицинские работники зачастую отказываются проводить соматометрические и физиометрические замеры).

Думается, при решении рассмотренных проблем уже в ближайшее время станет возможным внедрение мониторинга в процесс физического воспитания учащихся ханты и манси, что в свою очередь позволит существенно улучшить их физическое состояние.

Литература и нормативно-правовые документы

1. Изаак С. И., Кабачков В. А., Тяпин А. Н. Научное обеспечение системы мониторинга физического развития и физической подготовленности детей, подростков и молодежи // Опыт работы в субъектах Федерации по осуществлению мониторинга состояния физического здоровья детей, подростков и молодежи: Сб. н. тр. М.: Госкомспорт РФ, Всерос. НИИ физической культуры, 2002. С.10-37.
2. Закон о физической культуре и спорте в Российской Федерации от 04.12.2007 г. №332 – Ф3 // Рос. газета. 2007. 8 дек.
3. Коренберг В. Г. Спортивная метрология: Словарь-справочник. М.: Сов. спорт, 2004. 340 с.
4. Матвеев Л. П. Теория и методика физической культуры. М.: Физкультура и спорт, 1991. 543 с.
5. Постановление Правительства Российской Федерации «Об общероссийской системе мониторинга состояния физического здоровья населения, физического развития детей, подростков и молодежи» от 29.12.2001 г. №916 // Рос. газета. 2002. 12 янв.
6. Материалы возрастных уровней физического развития, двигательной подготовленности и физической работоспособности школьников-народов Севера (ханты, манси) / В. И. Прокопенко [и др.]. Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 1992. 77 с.
7. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации «О проведении мониторинга здоровья обучающихся, воспитанников образовательных учреждений» от 12.01.2007 г. №7 // Вестник образования. 2007. №8.
8. Распоряжение Правительства Российской Федерации «О реализации национальной образовательной инициативы «Наша новая школа» от 27 февраля 2010 г. №246.
9. Семенов Л. А. Об эффективности мониторинга // Физическая культура в школе. 2004. №7. С. 46-50.
10. Семенов Л. А. Мониторинг кондиционной физической подготовленности в образовательных учреждениях: состояние, проблемы, перспективы. М.: Советский спорт, 2007. 168 с.

11. Сиявский Н. И. Анализ физической подготовленности и морфофункционального состояния учащихся коренных народов севера Ханты и манси // Медицинские науки и образование Урала. 2008. №4. С. 64-66.
12. Смирнов Ю. И., Полевщиков М. М. Спортивная метрология. М.: Академия, 2001. 232 с.
13. Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2020 года от 7 авг. 2009 г. №1101.
14. Шишов С. Е., Кальней В. А. Мониторинг качества образования в школе. М.: Рос. пед. Агентство, 1997. 313 с.

НАШИ АВТОРЫ

Бутко Ирина Владимировна

Старший преподаватель кафедры журналистики и литературы
Югорский государственный университет
Ханты-Мансийск, Россия
irbutko@rambler.ru

Irina V. Butko

Senior Lecturer of Journalism and Literature chair
Ugra State University
Khanty-Mansiysk, Russia
irbutko@rambler.ru

Визель Татьяна Григорьевна

Доктор психологических наук, профессор, действительный член (академик) РАМТН
Ведущий научный сотрудник
ФГУ МНИИ психиатрии Росздрава
Москва, Россия
vizel@list.ru

Tatyana G. Vizel

Doctor of the Psychological Sciences, professor
Federal State Institution of Scientific Research Institute of Psychiatry of Roszdrav
Moscow, Russia
vizel@list.ru

Водясова Любовь Петровна

Доктор филологических наук, профессор
Зав. кафедрой мордовских языков
ГОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева» (МордГПИ)
Саранск, Россия
LVodjasova@yandex.ru

Lyubov P. Vodyasova

Doctor of Philology, Professor,
Head of the mordovian language Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evsev'eva
Institute (MordGPI)
Saransk, Russia
LVodjasova@yandex.ru

Елисеева Юлия Алексеевна

Логопед
Центр патологии речи и нейрореабилитации
Москва, Россия
vizel@list.ru

Julia A. Yeliseeva

The logopedist
The center of pathology of speech and neuro rehabilitations
Moscow, Russia
vizel@list.ru

Ершов Михаил Федорович

Кандидат исторических наук
Доцент кафедры истории
Югорский государственный университет,
Ханты-Мансийск, Россия
a_kiselev@ugrasu.ru

Michael F. Ershov

Candidate of historical sciences
Docent of Chair of History
Ugra State University
Khanty-Mansiysk, Russia
a_kiselev@ugrasu.ru

Ефимова Юлия Сергеевна

Кандидат медицинских наук
Доцент кафедры общей врачебной практики
Сургутский государственный университет,
Сургут, Россия
logsi@list.ru; logsi@surguttel.ru

Yulia S. Efimova

Surgut state university
Surgut, Russia
logsi@list.ru; logsi@surguttel.ru

Железнова Анна Кадышевна

Психолог
Комплексный центр социального обслужи-

Anna K. Zheleznova

The psychologist
Zelenogradsky Complex Centre of Social

вания «Зеленоградский», отделение социальной помощи семье и детям (ОСПСиД)
Москва, Россия
annazelgrad@rambler.ru

Заграй Лилия Рашильевна

Медицинский психолог
БУ ХМАО – Югра Сургутский клинический психоневрологический диспансер
Сургут, Россия
Shibaeva2003@inbox.ru

Кашлатова Любовь Васильевна

Руководитель Березовского филиала Обско-угорского института прикладных исследований и разработок
пгт. Березово, ХМАО – Югра, Россия
ouipiir@mail.ru

Козырева Татьяна Викторовна

Кандидат социологических наук
Доцент кафедры философии и социально-политических наук
Югорский государственный университет
Ханты-Мансийск, Россия
kozireva_t@mail.ru

Колесникова Татьяна Станиславовна

Логопед
Центр патологии речи и нейрореабилитации
Москва, Россия
vizel@list.ru

Корчин Владимир Иванович

Доктор медицинских наук,
профессор, действительный член РАЕН
Проректор по науке
Ханты-Мансийская государственная медицинская академия,
Ханты-Мансийск, Россия
ad_notam@mail.ru

Круц Ирина Владимировна

Аспирант
Сургутский государственный педагогический университет
Сургут, Россия
kisichka@bk.ru

Кудряшова Александра Артуровна

Кандидат филологических наук

Service,
Moscow, Russia
annazelgrad@rambler.ru

Liliya R. Zagray

The medical psychologist
BU HMAO – Yugra the Surgut clinical psychoneurological clinic
Surgut, Russia
Shibaeva2003@inbox.ru

Lubov V. Kashlatova

Head of Berezovsk branch of Obsko-Ugorsky Institute of the Applied Research and Studies
Berezovo, Russia
ouipiir@mail.ru

Tatiana V. Kozyreva

Candidate of sociology
Associate professor of philosophy and social and political sciences chair
Yugra State University
Khanty-Mansiysk, Russia
kozireva_t@mail.ru

Tatiana S. Kolesnikova

The logopedist
The center of pathology of speech and neuro rehabilitations
Moscow, Russia
vizel@list.ru

Vladimir I. Korchin

Doctor of medical sciences,
Professor
Khanty-Mansiysky the state medical institute
Khanty-Mansiysk, Russia
ad_notam@mail.ru

Irina V. Kruts

The post-graduate student
Surgutskiy state pedagogical university
Surgut, Russia
kisichka@bk.ru

Alexandra A. Kudrjashova

Candidate of Philology sciences

Доцент кафедры специальной педагогики и психологии
Московский государственный гуманитарный университет им. М. А. Шолохова
Москва, Россия
AleksHvan@yandex.ru

The associated professor of the Special psychology and pedagogics chair
Moscow university named after M. Sholokhov
Moscow, Russia
AleksHvan@yandex.ru

Лельхова Федосья Макаровна
Кандидат филологических наук
Старший научный сотрудник
Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок
Ханты-Мансийск, Россия
lelhovafm@yandex.ru

Fedosia M. Lelkhova
Candidate of Philology sciences
Obsko-Ugorsky Institute of the Applied Research and Studies
Khanty-Mansiysk, Russia
lelhovafm@yandex.ru

Лобова Вера Александровна
Кандидат психологических наук
Заведующая Лабораторией этнопсихологии
Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок
Ханты-Мансийск, Россия
va-lobova@yandex.ru

Vera A. Lobova
Candidate of the Psychological Sciences, Manager of Ethnopsychology Laboratory
Obsko-Ugorsky Institute of the Applied Research and Studies
Khanty-Mansiysk, Russia
va-lobova@yandex.ru

Логинов Сергей Иванович
Доктор биологических наук, профессор
профессор кафедры медико-биологических основ физической культуры,
Зав. научно-исследовательской лаборатории биомеханики и кинезиологии человека
Сургутский государственный университет
Сургут, Россия
logsi@list.ru; logsi@surguttel.ru

Sergey I. Loginov
Doctor of Biological sciences, Professor
Surgut state university
Surgut, Russia
logsi@list.ru; logsi@surguttel.ru

Михайловский Валерий Леонидович
Врач-психотерапевт высшей категории
ООО «КОД»
Нижевартовск, Россия
valerid@intramail.ru

Valery L. Mihailovsky
The doctor-psychotherapist
ООО «КОД»
Nizhnevartovsk, Russia
valerid@intramail.ru

Нахрacheва Галина Леонидовна
Научный сотрудник
БУ «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок»
Ханты-Мансийск, Россия
galina-nakhracheva@rambler.ru

Galina L. Nakhracheva
The research assistant
Obsko-Ugorsky Institute of the Applied Research and Studies
Khanty-Mansiysk, Russia
galina-nakhracheva@rambler.ru

Нифонтова Оксана Львовна
Доктор биологических наук, доцент
Заведующая кафедрой медикобиологических дисциплин и безопасности жизнедеятельности
Сургутский государственный педагогиче-

Oksana L.Nifontova
Doctor of Biological sciences, Docent
Faculty physical training and sports
Surgut state pedagogical university
Surgut, Russia
ad_notam@mail.ru

ский университет
Сургут, Россия
ad_notam@mail.ru

Носова Мария Викторовна
Младший научный сотрудник
научно-исследовательская лаборатория
биомеханики и кинезиологии
Сургутский государственный университет
Сургут, Россия
logsi@list.ru; logsi@surguttel.ru

Привалова Алена Геннадьевна
Кандидат биологических наук
Преподаватель
Сургутский государственный педагогиче-
ский университет
Сургут, Россия
Nalenag@mail.ru

Пурцхванидзе Ольга Петровна
Логопед
Федеральный медицинский
биофизический центр имени
А. И. Бурназяна
Москва, Россия
fmbc-fmba@bk.ru

Сафаралеева Юлия Уразмухаметовна
Кандидат исторических наук
Доцент кафедры философии
филиал ТюмГНГУ в Нефтеюганске
Нефтеюганск, Россия
safaraleewa@mail.ru;

Семенов Леонид Алексеевич
Доктор пед. наук, профессор
профессор кафедры ТиМФВ
Ведущий научный сотрудник лаборатории
исследований в сфере этнического образо-
вания
Сургутский государственный педагогиче-
ский университет
Сургут, Россия
ethno_labor@mail.ru

Семенова Валентина Владимировна
Доцент кафедры журналистики
и литературы
Югорский государственный университет
Ханты-Мансийск, Россия
alin52@fron.ru

Maria V. Nosova
The younger research assistant
Surgut state university
Surgut, Russia
logsi@list.ru; logsi@surguttel.ru

Alena G. Privalova
Candidate of Biological sciences,
Senior Lecturer
The Surgut state pedagogical university
Surgut, Russia
Nalenag@mail.ru

Olga P. Purtckhvanidze
The logopedist
Federal Medical Biophysical Centre Named
after Burnazyan A.I.
Moscow, Russia
fmbc-fmba@bk.ru

Julia U. Safaraleeva
Candidate of historical science
The senior lecturer of chair of philosophy
the branch of Tyumen state oil and gas university
Nefteyugansk, Russia
safaraleewa@mail.ru.

Leonid A. Semonov
Doctor of the pedagogical science,
Professor
Surgut State Teachers' Training University
Surgut, Russia
ethno_labor@mail.ru

Valentina V. Semenova
Docent of Journalism and Literature chair
Ugra State University
Khanty-Mansiysk, Russia
alin52@fron.ru

Синявский Николай Иванович

Доктор педагогических наук
Профессор кафедры теории и методики физического воспитания
Сургутский государственный педагогический университет
physical_science@surgpu.ru

Nikolay I. Sinavski

Doctor of the pedagogical science,
Professor
Surgut State Teachers' Training University
Surgut, Russia
physical_science@surgpu.ru

Соловар Валентина Николаевна

Кандидат филологических наук
Доцент
Заведующая лабораторией по созданию учебно-методических комплексов
Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок
Ханты-Мансийск, Россия
solovarv@rambler.ru

Valentina N. Solovar

Candidat of the philology sciences
Docent
Manager of Laboratory UMK
Obsko-Ugorsky Institute of the Applied Research and Studies
Khanty-Mansiysk, Russia
solovarv@rambler.ru

Сподина Виктория Ивановна

Кандидат исторических наук
Директор
Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок
Ханты-Мансийск, Россия
ouipiir@mail.ru

Victoriya I. Spodina

Candidate of historical sciences
Director
Obsko-Ugorsky Institute of the Applied Research and Studies
Khanty-Mansiysk, Russia
ouipiir@mail.ru

Ткачева Татьяна Владимировна

Кандидат исторических наук
Доцент, кафедра истории
Югорский государственный университет
Ханты-Мансийск, Россия
tattkacheva@mail.ru

Tatiana Vl. Tkacheva

Candidate of History
Associate professor, chair of History
Yugra State University
Khanty-Mansiysk, Russia
tattkacheva@mail.ru

Ходосова Диана Алексеевна

Преподаватель кафедры физической культуры
Сургутский государственный университет
Сургут, Россия
logsi@list.ru; logsi@surguttel.ru

Diana A. Hodosova

Senior Lecturer of chair of physical training
Surgut state university
Surgut, Russia
logsi@list.ru; logsi@surguttel.ru

Хакназаров Саидмурод Хамдамович

Кандидат геолого-минералогических наук
Руководитель отдела социально-экономического развития и мониторинга
Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок
Ханты-Мансийск, Россия
S_haknaz@rambler.ru

Saidmurod Kh. Khaknazarov

Candidate of geological and mineralogical sciences
Head of Socioeconomic Development and Monitoring Department
Obsko-Ugorsky Institute of the Applied Research and Studies
Khanty-Mansiysk, Russia
S_haknaz@rambler.ru

Харамзин Терентий Герасимович

Доктор социологических наук, профессор

Terenty G. Kharamzin

Kharamzin Terenty Gerasimovich, doctor of

Главный научный сотрудник отдела социально-экономического развития и мониторинга
Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок
Ханты-Мансийск, Россия
kharamzin@mail.ru

Харамзин Владимир Терентьевич
Научный сотрудник отдела социально-экономического развития и мониторинга
Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок
Ханты-Мансийск, Россия
v_kharamzin@mail.ru

Шевченко Илья Станиславович
Старший преподаватель кафедры журналистики и литературы
Югорский государственный университет
Ханты-Мансийск, Россия
ilya84hm@mail.ru

Шибеева Людмила Васильевна
Доктор психологических наук, профессор
Зав. кафедрой общей и социальной психологии Сургутского государственного университета
Сургут, Россия
shibaeva2003@inbox.ru

Юхлымова Виктория Дмитриевна
Научный сотрудник
Березовский филиал БУ «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок»
пос. Березово, ХМАО - Югры Тюменская обл., Россия
amemas@mail.ru

sociological sciences, the main scientific employee of department of social and economic development and monitoring
Obsko-Ugorsky Institute of the Applied Research and Studies
Khanty-Mansiysk, Russia
kharamzin@mail.ru

Vladimir T. Kharamzin
the scientific employee of department of social and economic development and monitoring
Obsko-Ugorsky Institute of the Applied Research and Studies
Khanty-Mansiysk, Russia
v_kharamzin@mail.ru

Ilya S. Shevtchenko
Senior Lecturer of Journalism and Literature chair
Ugra State University
Khanty-Mansiysk, Russia
ilya84hm@mail.ru

Lyudmila V. Shibaeva
The doctor of psychological sciences, Professor
The Surgut State University
Surgut, Russia
shibaeva2003@inbox.ru

Victoria D. Yukhlymova
Scientific employee,
Berezovsky of branch BU « Obsko-Ugorsky Institute of the Applied Research and Studies»
Berezovo, Hanty-Mansijsky autonomous region-Jugra, Russia
amemas@mail.ru

ПОРЯДОК ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ В РЕДАКЦИЮ МАТЕРИАЛОВ

Уважаемые коллеги!

Приглашаем вас принять участие в научном журнале «Вестник угроведения»

Журнал принимает материалы по следующим направлениям:

- педагогика и психология;
- филология (финно-угроведение, языкознание, литературоведение);
- философия и науки об обществе;
- социология и политология;
- история, этнография и археология.

Подготовленные с учетом всех требований материалы научной статьи (рукопись статьи и сопроводительные документы к ней) должны быть запечатаны в конверт формата А4, на котором указывается адрес редакции: Россия, 628011, Тюменская область, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, д. 14 А, каб. 305.

Электронная версия рукописи и сопроводительные документа к ней представляются по электронной почте издателя: ouipiir@mail.ru (с пометкой «В «Вестник угроведения»»).

К статье должны обязательно прилагаться:

1. сведения об авторе (отдельный файл)
2. рецензия на статью (отдельный файл)
3. отзыв научного руководителя (для аспирантов, соискателей)

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

Оформление текста статьи:

- объем рукописи не менее 0,5 п.л (20 тысяч печатных знаков), не более 1 п.л. (40 тысяч печатных знаков).
- Поля: слева и справа – по 2 см., снизу и сверху – по 2 см.
- основной текст статьи набирается в редакторе Word.
- Шрифт основного текста – Times New Roman.
- текст набирается 14 кеглем, междустрочный интервал – 1,5 (полуторный).
- для однородности стиля не используйте шрифтовые выделения (курсив, подчеркивание и проч.).
- Отступ первой строки абзаца – 1 см.
- Сложные формулы выполняются при помощи встроенного редактора WinWord редактора формул MS Equation 3.0.
- Формулы располагаются по центру колонки без отступа, их порядковый номер указывается в круглых скобках и размещается в колонке (странице) с выключкой вправо. Единственная в статье формула не нумеруется. Сверху и снизу формулы не отделяются от текста дополнительным интервалом.
- Для ссылок на формулы в тексте используются круглые скобки – (1), на литературные источники – квадратные скобки [1].
- Библиографический список приводится 12 кеглем в конце статьи строго по порядку упоминания в тексте после слова «Литература».
- Ссылка на библиографический источник состоит из двух цифр, заключенный в квадратные скобки, первая из которых – это порядковый номер в библиографическом списке статьи, вторая – это номер страницы в источнике. Цифры разделяются между собой запятой. Например, [1, 48].
- Иллюстрации выполняются в векторном формате в графическом редакторе Corel Draw 11.0.
- Графики, рисунки и фотографии вставляются в текст после первого упоминания о них в удобном для автора виде.
- Подрисуночные подписи (12 кегль, обычный) даются под иллюстрациями по центру после слова «Рис.», с порядковым номером; Заголовок таблицы дается сверху таблицы 12 кеглем жирно по центру с порядковым номером. Единственный рисунок, таблица в тексте не нумеруется.
- Для набора текстов на финно-угорских языках используется шрифт PT Serif .
- статья должна содержать:
 - код УДК,
 - название статьи на русском и английском языках;

- ФИО автора (полностью), ученую степень, ученое звание, должность, название организации, где выполнена работа, на русском и английском языках и электронный адрес;
 - аннотацию статьи (не менее 500 печатных знаков, но не более 800 печатных знаков) на русском и английском языках;
 - ключевые слова (не более 12 слов) на русском и английском языках.
- В конце статья подписывается автором после слов «Публикуется впервые».

Пример оформления статьи

Заглавие (на русском языке)
Заглавие (на английском языке)

УДК

Автор: Фамилия, имя, отчество полностью, ученая степень, ученое звание, должность, название организации, где выполнена работа – в именительном падеже, город, страна (на русском языке); электронный адрес;

Фамилия, имя, отчество полностью, ученая степень, ученое звание, должность, название организации, где выполнена работа – в именительном падеже, город, страна (на английском языке); электронный адрес;

Аннотация (на русском языке)

Summary (аннотация на английском языке)

Ключевые слова (на русском языке)

Key words (ключевые слова на английском языке)

Текст статьи, текст статьи, текст статьи, текст статьи, текст статьи, текст статьи, текст статьи, текст статьи, текст статьи, текст статьи, текст статьи...

Литература

1. (12 кегль)

2. (12 кегль) ...

Публикуется впервые _____ (подпись автора)

Дата

Пример оформления библиографических ссылок

1. Описание книги одного автора.

Для книг необходимо указать следующие данные: автор (авторы), название, город и название издательства, год издания, количество страниц. Описание книги начинается с фамилии автора, если книга имеет не более 3-х авторов. Перед заглавием пишется только первый автор. *Например*, Зверев В.П. Федор Глинка – русский духовный писатель. М.: Пашков дом, 2002. 544 с.

2. Описание книги 4 и более авторов.

Описание книги начинается с заглавия, если она написана четырьмя и более авторами. Все авторы пишутся только в сведениях об ответственности. При необходимости их количество сокращается. Так же дается описание коллективных монографий, сборников статей. *Например*, Обские Угры: научные исследования и практические разработки: матер. Всерос. НПК. Ханты-Мансийск, 29.11-2.12.2006 г. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008. 512 с.

3. Описание статьи из журнала

Для статьи из журнала нужно указать авторов статьи, название статьи, название журнала, год, номер выпуска и страницы начала и окончания статьи. *Например*, Лагунова О.К. Истинная цена воли (О романе Е.Д. Айпина «Божья Матерь в кровавых снегах») / О.К. Лагунова // Врата Сибири. – 2006. – № 1(18). – С. 202-215.

4. Описание статьи из многотомного издания

Например, Асмус В. Метафизика Аристотеля // Аристотель: соч. в 4-х т. М., 1975. – Т. 1. – С. 5-50.

5. Описание диссертаций

Например, Лагутов В.Б. Жанр исторической баллады в русской поэзии 1790-1830 гг.: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 1971. 179 с.

6. Описание авторефератов диссертаций

Например, Абашева Д.В. Братья Языковы в истории русской литературы и фольклористики: автореф. дисс... докт. филол. наук. Чебоксары, 2000. 52 с.

7. Описание электронных научных изданий

Для электронных источников нужно указать практически те же данные, что и для журналов: автор, название статьи, название сайта (или раздела сайта) и адрес URL. В записи обязательно должен присутствовать текст [Электронный ресурс]. Например, Логинова Л.Г. Сущность результата дополнительного образования детей // Образование: исследовано в мире: междунар. научн. пед. интернет-журн. 21.10.03. URL: <http://www.oim.ru/reader.asp?nomer=366> (дата обращения: 17.04.07).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

На русском языке

ФИО автора 1 (полностью)	
Ученая степень, звание	
Должность	
Организация	
Страна	
Город	
E-mail:	
Почтовый адрес и тел.	
Код научной специальности	
Наименование статьи	
Код УДК	
Аннотация	
Ключевые слова	
Список библиографических ссылок	

На английском языке:

Author 1 (полностью)	
Organization	
Country	
City	
E-mail:	
Title of article	
Abstract	
Keywords	

Научно-теоретический и методический журнал

ВЕСТНИК УГРОВЕДЕНИЯ

Выпуск 1 (4),

2011 год

Журнал "Вестник угроведения" зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-45532 от 16 июня 2011 г.

Оригинал-макет подготовлен ООО «Доминус»

Подписано в печать 25.08.2011
Формат 60x84 1/8. Гарнитура Times New Roman
Усл. печ. л. 28,8. Тираж 1000 экз.
Заказ № 15.

Отпечатано в ООО «Даблтэк»
628012, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра,
г. Ханты-Мансийск, ул. Студенческая, 27